

АРХАНГЕЛЬСКОЕ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ВЫПУСК 6

ДВОРЕЦ КНЯЗЕЙ ЮСУПОВЫХ
В МОСКВЕ

АРХАНГЕЛЬСКОЕ
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ВЫПУСК 6

ДВОРЕЦ КНЯЗЕЙ ЮСУПОВЫХ
В МОСКВЕ

Москва
2023

УДК 7
ББК 85.1
А87

А87 Архангельское. Материалы и исследования. Вып. 6: Дворец Юсуповых в Москве – М.: Государственный музей-заповедник «Архангельское», 2023 – 324 с.

В сборник вошли материалы конференции, проходившей в Музее-заповеднике «Архангельское» в сентябре 2022 г. В подготовленных по итогам научного форума статьях его участников – докторов и кандидатов наук, сотрудников крупнейших музеев и архивов страны, а также научных организаций – рассматриваются актуальные проблемы истории, архитектуры, художественного убранства и реставрации дворца Юсуповых в Москве у Красных Ворот.

Опубликованные материалы будут интересны и полезны не только специалистам-исследователям, но и студентам и преподавателям специализированных ВУЗов, а также всем, интересующимся историческим прошлым России и его художественным наследием.

ISBN 978-5-905968-35-8
ББК 85.1

© Государственный музей-заповедник «Архангельское», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Постников А. В.* Вопрос о первоначальных
владельцах московского юсуповского дворца 6
- Постников А. В.* Страницы ранней истории
московского юсуповского дворца: дворец при П. П. Шафирове 26
- Шахова А. Д.* Организация садовой зоны в усадьбе Н. Б. Юсупова
в Большом Харитоньевском переулке и ее трансформация
в музейно-парковый комплекс в первой четверти XIX века 40
- Дудина Т. А.* Обзор материалов бывшего архива Строительного
отделения Московской городской управы по владению
князей Юсуповых в Большом Харитоньевском переулке 56
- Сорокина Н. М.* Дом Юсуповых в Большом Харитоньевском
переулке: реконструкции и реставрации памятника
в XIX–XX веках и в начале 2000-х годов 72
- Гнутова С. В., Савельев Ю. Р.* Подносное блюдо Юсуповых
к 300-летию дома Романовых 90
- Исаева Е. В.* К истории клада, найденного в 1925 году
во дворце князей Юсуповых в Большом Харитоньевском
переулке в Москве 102
- Постников А. В.* Организации, размещавшиеся в московском
юсуповском дворце в ранний советский период: 1917–1936 годы
(историческая справка) 114
- Орлов Э. Д.* Первые музеи А. П. Чехова в Москве: в поисках
своего места на карте столицы и в системе музеев России 136

УБРАНСТВО

Савинская Л. Ю. Собрание живописи московского дома князей Юсуповых. 1800–1840 годы: галерея и/или хранилище 148

Алексеев С. Д. Об атрибуции некоторых портретов членов семьи Юсуповых и портретов из собрания Юсуповых 172

Савельев Ю. Р. Интерьеры московских палат князей Юсуповых. 1891–1899 годы (по дневнику архитектора Н. В. Султанова). 184

ДОКУМЕНТЫ

Постников А. В. (составитель). Документы, отражающие раннюю историю московского юсуповского дворца (конец XVII века – 1723 год) 212

Савельев Ю. Р. Московские палаты Юсуповых в переписке князя Ф. Ф. Юсупова-младшего и княгини З. Н. Юсуповой с архитектором Н. В. Султановым 270

Стрижова Н. Б. Из семейной переписки Юсуповых (письма Ф. Ф. Юсупова-младшего З. Н. Юсуповой, апрель – июль 1917 года) 292

БИБЛИОГРАФИЯ

Постников А. В. (составитель). Источники и литература, содержащие сведения о московском юсуповском дворце 314

ИСТОРИЯ

ВОПРОС О ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ ВЛАДЕЛЬЦАХ МОСКОВСКОГО ЮСУПОВСКОГО ДВОРЦА

Постников Андрей Владимирович,
Государственный музей-заповедник «Архангельское»,
Московская область, городской округ Красногорск

Аннотация. Первоначальные владельцы двух зданий, составляющих ныне московский дворец Юсуповых, неизвестны. С. К. Романюк предположил, что ими могли быть купцы Чирьевы, однако не обосновал свою гипотезу ссылками на источники. Лишь недавно, на основании архивных изысканий, нам удалось прояснить этот вопрос. Заказчиками постройки обоих зданий действительно оказались Чирьевы, однако теперь мы можем это утверждать, опираясь на конкретные документы. Западный дом юсуповского комплекса построил в 1670–1680-е гг. гость Афанасий Федорович Чирьев, а восточный – его сын Максим Афанасьевич (во 2-й половине 1690-х гг.).

Ключевые слова. Московский дворец Юсуповых. Купцы Чирьевы. А. Ф. Чирьев. М. А. Чирьев. Нарышкинское барокко.

ABOUT ORIGINAL OWNERS OF MOSCOW YUSUPOV PALACE

Andrew V. Postnikov,
Arkhangelskoye State reserve and museum,
Moscow Oblast, District as the town of Krasnogorsk

Annotation. The original owners of the two buildings, that for the time being make up Moscow Yusupov Palace, are unknown. S. K. Romanyuk assumed that it could be merchants Chiryevs, however, his hypothesis was not supported with any references to the documents. Only Recently, on the basis of archive research, we managed to clarify this issue. The Chiriev indeed were the ordering customers for the construction of both buildings, though now we can state this more precisely and firm. The Western house of Yusupov Palace complex was built in the 1670s – 1680s by the trade “guest” Afanasy Fedorovich Chiriev, and the eastern – by his son Maxim Afanasevich (in the 2nd half of the 1690s).

Key words. Moscow Yusupov Palace. Merchants Chiryevs. A. F. Chiriev. M. A. Chiriev. Naryshkin baroque.

Московский юсуповский дворец (Б. Харитоньевский пер., д. 21 стр. 4), являясь уникальным памятником истории и культуры, изучен явно недостаточно, причем самым большим белым пятном является ранняя история комплекса. Неясно даже, кто и когда построил здания, составляющие дворцовый ансамбль, и кто был их первоначальным владельцем. Именно этот вопрос мы и постараемся выяснить в нашем исследовании.

Нынешнее здание дворца состоит из двух каменных домов, сооруженных, как предполагается, в конце XVII в.¹, причем на разных дворах, и лишь в 1891 г. соединенных в единый комплекс каменным переходом. По своему взаимному расположению эти дома условно могут быть названы западным и восточным. Этих названий мы и будем придерживаться в дальнейшем.

Западное здание было построено, видимо, в 1670-е или 1680-е гг., поскольку на втором этаже его восточного фасада (на стене, обращенной ныне внутрь Зимнего сада) сохранились следы трех сбитых наличников с килевидным завершением, характерных для этого времени. Юго-восточная палата подклетного этажа, судя по своду, еще более старая и может быть отнесена к середине или началу 2-й половины XVII в. Вероятно, западное здание сперва было построено как деревянный дом с каменным погребом и лишь позже выстроено полностью в камне.

---

¹ Памятники архитектуры Москвы. Земляной город / Ю.И. Аренкова, М.И. Домшлак, Г.И. Мехова и др. М., 1989. С. 234–235. На конец XVII в. как на время постройки восточного здания (или всего дворца в целом) указывают и другие источники: Московские святые и памятники. Краткие исторические сведения о московских соборах, монастырях, древних церквях, памятниках и замечательных зданиях. М., 1903. С. 100; Москва. Памятники архитектуры XIV–XVII веков / М.А. Ильин, ред. Т.В. Юрова. М., 1973. С. 83; *Ильин М., Моисеева Т.* Москва и Подмосковье. Справочник-путеводитель. М., 1979. С. 456. Реже встречается утверждение, что в конце XVII в. дворец был лишь перестроен, а построен раньше: *Тиц А.А.* Русское каменное жилое зодчество XVII века. М., 1966. С. 144; *Романюк С.К.* О семье Пушкиных в Москве в 1801–1803 гг. // Временник пушкинской комиссии. 1981. Сбор. науч. тр. Л., 1985. С. 132. *Его же.* Из истории московских переулков: Путеводитель. М., 1988. С. 239; *Его же.* Переулки старой Москвы. История. Памятники архитектуры. Маршруты. М., 2021. С. 689. Некоторые источники датируют дворец (или его перестройку) более расплывчатой датой – концом XVII или началом XVIII в. (*Потанов А.А.* Очерк древней русской гражданской архитектуры. Вып. 2. М., 1903. С. 160; Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества / сост. А. Мартынов, текст И.М. Снегирева. Изд. 2, с доп. Год 2. М., 1850. С. 90), а некоторые – началом XVIII в. (Архитектурные памятники Москвы / ред. и текст И.Е. Бондаренко. Вып. 2 и 3. М., б.д. [1906]. С. 23.).

Восточное здание, судя по сохранившемуся первоначальному черчению, было сооружено во 2-й половине 1690-х гг. При этом, как предполагают исследователи, парадный объем с Большой (Столовой) палатой на втором этаже был пристроен к восточному дому позднее – на рубеже XVII и XVIII вв.¹

Оба здания, несомненно, были построены как жилые палаты, но для кого – неизвестно. Документально проследить владельческую историю обоих домов до начала нынешнего столетия можно было только с 1716 г.

Восточное здание с 1727 г. принадлежало князьям Юсуповым, а до них, как утверждалось в литературе вплоть до конца XX в., его владельцем был некий Алексей Волков², в связи с чем памятник получил распространенные до сих пор, но совершенно неверные названия: палаты Волкова³, палаты боярина Волкова⁴, палаты бояр Волковых⁵ и палаты Волковых – Юсуповых⁶. Встречаются в литературе и более корректные названия (дом Юсупова⁷, палаты Юсуповых⁸), однако они указывают лишь на поздних владельцев здания.

¹ Памятники архитектуры Москвы. Земляной город... С. 235.

² См., напр.: Русская старина... Изд. 2. Год 2. М., 1850. С. 90; *Потанов А. А.* Указ соч. С. 160; *Пыляев М. И.* Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. СПб., 1891. С. 286; *Кондратьев И. К.* Седая старина Москвы. Исторический обзор и полный указатель ее достопримечательностей. М., 1893. С. 587; Московские святыни и памятники... С. 100; По Москве. Прогулки по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям / под ред. Н. А. Гейнике, Е. А. Ефимовой, И. И. Шитца. М., 1917. С. 288; *Сытин П. В.* Из истории московских улиц (очерки). М., 1948. С. 200.

³ История русского искусства. Изд. 2. Т. 1. / под ред. М. М. Раковой и И. В. Рязанцева. М., 1978. С. 96.

⁴ Москва. Памятники архитектуры XIV–XVII веков... Ил. 203–204; *Ильин М., Моисеева Т.* Указ. соч. С. 455; *Романюк С. К.* В поисках пушкинской Москвы. М., 2000. С. 80; *Его же.* Переулки старой Москвы... С. 689.

⁵ Памятники архитектуры Москвы, состоящие под государственной охраной. М., 1980. С. 11; Архитектурные ансамбли Москвы XV – начала XX веков: Принципы художественного единства / под ред. Т. В. Саваренской. М., 1997. С. 161.

⁶ Москва: Архитектурный путеводитель / И. Л. Бусева-Давыдова, М. В. Нащокина, М. И. Астафьева-Длугач. М., 1977. С. 451.

⁷ Русская старина... Изд. 2. Год 2. М., 1850. С. 90; *Потанов А. А.* Указ соч. С. 159; Московские святыни и памятники... С. 100; Архитектурные памятники Москвы... С. 23.

⁸ Памятники архитектуры Москвы. Земляной город... С. 234; История русской архитектуры: Учеб. для вузов / под общ. ред. Ю. С. Ушакова, Т. А. Славиной. СПб., 1994. С. 241.

Только в конце XX в. раннюю владельческую историю восточных палат удалось уточнить. Было выяснено, что до Алексея Яковлевича Волкова (никакого, кстати, не боярина) восточным зданием владел граф Петр Андреевич Толстой, а до него (до 1723 г.) – вице-канцлер, барон Петр Павлович Шафиров¹. От кого, когда и при каких обстоятельствах восточные палаты перешли к вице-канцлеру, выяснить тогда не удалось.

Как владелец двора на Хомутовке (так до начала XIX в. называли Б. Харитоньевский переулочек) П. П. Шафиров упоминается уже в переписи московских дворов 1716 г.² Из этой же переписи мы узнаём, что двор, граничивший с шафировским с запада (т. е. двор, главным домом которого было здание, составляющее теперь западную часть юсуповского дворца), принадлежал «Гостю Григорью Чирьеву». Двор, расположенный еще западнее (на месте, где стоит сейчас дом Прокофьева, Б. Харитоньевский пер., д. 19), принадлежал «Гостину сыну Василью Гаврилову с. Чирьева». Неподалеку, в переулке, «идущи к Трем Святым» (видимо, речь идет о нынешнем Хоромном тупике), располагался двор отца П. П. Шафирова – «Дворянина Павла Филиппова с. Шафирова»³. Самому вице-канцлеру принадлежал, согласно переписи 1716 г., еще один двор в Огородной слободе – «У лесного ряду»⁴ (видимо, речь идет о переулке, называемомся ныне Гусятниковым).

Самым ранним опубликованным источником, отражающим факт принадлежности восточных палат П. П. Шафирову, является, однако, не перепись 1716 г., а два письма Петру Павловичу из Москвы – от 8 июля 1709 г. и 9 сентября 1710 г.⁵ Из них мы узнаём, что объем с Большой палатой был пристроен в восточному

¹ Романюк С. К. О семье Пушкиных в Москве... С. 132–133. *Его же*. Из истории московских переулков... С. 239. *Его же*. В поисках пушкинской Москвы. С. 80–81; Памятники архитектуры Москвы. Земляной город... С. 235.

² Переписи московских дворов XVIII столетия. М., 1896. С. 100.

³ Там же. С. 100.

⁴ Там же. С. 102.

⁵ Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: Новые источники по истории России эпохи Петра Великого / изд. подгот. Т. А. Базарова, Ю. Б. Фомина. Ч. 1. СПб., 2011. С. 174, 204.

дому именно в эти годы, однако вопрос о первоначальных владельцах здания указанные документы не проясняют.

Есть ли у исследователей хоть какие-то предположения на этот счет?

Бытующую до сих пор в популярной литературе версию о постройке юсуповского дома царем Иваном Грозным (в качестве охотничьего или сокольничьего дворца) мы рассматривать не будем ввиду явно легендарного ее характера¹.

Старая версия о боярине Волкове или боярах Волковых как о первых владельцах здания² была опровергнута наукой еще в конце прошлого века. Р. Э. Рахматуллин и С. Н. Таценко допускают, что строителем будущего юсуповского дома мог быть сам П. П. Шафиров³, однако большинство исследователей данную гипотезу не разделяют.

Оригинальную точку зрения высказал в 1922 г. М. И. Александровский. 30 ноября на заседании Комиссии Московского археологического общества по изучению старой Москвы (при обсуждении доклада Н. А. Пустаханова «Юсуповский дом в Огородниках») Михаил Иванович предположил, что дворец был построен по распоряжению Петра I для его любовницы Анны Монс. Обосновывал свою версию Александровский лишь тем, что «на Хомутовке был дом одного из членов фамилии Монс»⁴, и никакого влияния на науку его гипотеза не оказала.

О возможном заказчике будущего юсуповского дома писал в свое время и С. К. Романюк. В своих ранних работах,

¹ В печати данная легенда впервые была упомянута в указанной выше книге А. А. Потапова (С. 159), а полностью описана в статье А. Дунина «Сокольничий дворец Грозного в Москве» (Столица и усадьба. № 16–17. 1 сентября 1914 г. С. 17–20).

² Самое курьезное утверждение о мифических боярах Волковых как о заказчиках постройки и первоначальных владельцах будущего юсуповского дворца находим в выступлении профессора архитектуры С. А. Торопова на заседании Художественного совета при ВАСХНИЛ 5 февраля 1946 г. С. А. Торопов утверждал, что бояре Волковы «вымерли в чуму», после чего их палаты отошли в казну (РГАЭ. Ф. 8390. Оп. 1. Д. 1882. Л. 47–48).

³ Рахматуллин Р. Э., Таценко С. Н. Палаты барона П. П. Шафирова – графа П. А. Толстого – князя Г. Д. Юсупова (Москва) [Электронный ресурс] // Институт Петра Великого. Свод петровских памятников России и Европы. URL: <https://petersmonuments.ru/russia/memorials/palaty-barona-p-p-shafirova-grafa-p-a-tolstogo-knyazy-g-d-yusupova-moskva/> (дата обращения: 01.02.2022).

⁴ НИОР РГБ. Ф. 177. К. 1. Д. 9. Л. 76.

вышедших в 1980-х гг., исследователь утверждал, что первым документально известным владельцем дворца был П. П. Шафиров¹. В более поздней книге «В поисках пушкинской Москвы» Сергей Константинович писал уже другое: «Первым известным нам по документам владельцем старинных палат – их... правой, если смотреть с переулка части – был богатый купец из торопецкой семьи Чирьевых»² (данное утверждение почти дословно воспроизвел позднее в своей книге и А. А. Васькин³, не дав при этом ссылку на источник информации). О каких документах идет речь, С. К. Романюк не уточнил, а в последних изданиях своей книги о московских переулках о постройке восточного дома Чирьевым писал уже не как о достоверном факте, а лишь как о вероятности: «Возможно, что первым хозяином этих палат был богатый купец Чирьев»⁴.

Трудно избавиться от ощущения, что выдвинутое краеведом предположение опирается лишь на факт принадлежности Чирьевым к 1716 г. двух домов к западу от палат Шафинова, а не на какую-либо другую точную информацию (источник которой был бы в противном случае указан). Неудивительно поэтому, что гипотеза С. К. Романюка о Чирьеве полного признания в науке не получила, в то время как обнародованная им информация о принадлежности здания П. П. Шафинову была безоговорочно принята.

Большинство исследователей до сих пор отказываются называть имя заказчика постройки юсуповского дома. Как утверждает, например, в многотомном издании «Памятники архитектуры Москвы», «первоначальные владельцы и точная дата возведения палат (Юсуповых. – А. П.) неизвестны»⁵. Мы, однако, не можем оставить данный вопрос без разрешения и за недостатком фактов обратимся сперва к логике.

И восточный, и западный дома, составляющие ныне юсуповский дворец, построены строго в одну линию, причем расстояние

¹ Романюк С. К. О семье Пушкиных в Москве... С. 132; *Его же*. Из истории московских переулков... С. 239.

² Романюк С. К. В поисках пушкинской Москвы. С. 80.

³ Васькин А. А. Путешествие по пушкинской Москве. М., 2021. С. 22.

⁴ Романюк С. К. Переулки старой Москвы... С. 689.

⁵ Памятники архитектуры Москвы. Земляной город... С. 234.

между их торцами крайне невелико (около трех метров). И это при том, что возведенные в то же время соседние каменные дома на Хомутовке (дом Прокофьева и палаты Ратманова), в целом составляя с двумя юсуповскими зданиями одну линию, несколько сдвинуты по отношению к ним к югу. Трудно поэтому предположить, что западный и восточный дома нынешнего юсуповского комплекса построены разными лицами в разных владениях.

Более вероятно другое: первоначально на месте обоих домов было единое длинное здание, принадлежавшее одному владельцу. Это здание было либо деревянным, либо деревянно-каменным (с одним-двумя каменными погребам). Со временем отдельные части дома могли перестраиваться уже полностью в камне – сперва западная часть, а затем и восточная. Ко времени же второй перестройки двор вообще мог быть разделен, а единое прежде здание разрезано на две части.

Кто же был владельцем этого первоначального длинного здания?

В фонде Юсуповых в РГАДА сохранился любопытный документ – купчая крепость от 22 июля 1675 г. на двор в Москве, в Огородной слободе, на улице Хомутовке, в приходе церкви Трех Святителей, проданный тяглецом Огородной слободы Павлом Ивановым сыном Михалева тяглецу этой же слободы Афанасию Федорову сыну Чирьева. Главный дом указанного двора был деревянным, но с каменным погребом¹.

Согласно документу, купленный двор Афанасий Чирьев сразу же завещал своему сыну Гавриле. Следовательно, речь идет о дворе, на котором позже был построен дом Прокофьева, поскольку в переписи московских дворов 1716 г. зафиксировано, что данным двором владел к тому времени Василий Гаврилович Чирьев – сын Гаврилы Афанасьевича.

Согласно купчей, двор Михалева находился между двором Афанасия Чирьева (покупателя) и двором некоего Наума Иванова. Из переписи 1716 г. мы узнаём, что к востоку от двора Василия Гавриловича Чирьева находился двор Григория Чирьева, а к западу – двор дьяка Андриана Ратманова. К востоку же от двора Григория

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 154. Л. 1–2 об.; Д. 169. Л. 8–8 об.

Чирьева находился в 1716 г. двор П. П. Шафирова (т. е. восточные палаты юсуповского комплекса). Стало быть, двор А. Ф. Чирьева, упоминаемый в купчей, соседствовал с двором Михалева (с местом нынешнего дома Прокофьева) с востока и достался после смерти Афанасия Федоровича его сыну Григорию. Двор же Наума Иванова – это будущий двор А. Ратманова. Но двор Григория Чирьева, как мы уже знаем, – это дом, составляющий ныне западную часть юсуповского дворца (западные палаты). Получается, что к 1675 г. данный двор уже принадлежал Чирьевым.

Вспомним, что примерно в это же время (в 1670-е или 1680-е гг.) западные палаты были полностью отстроены в камне. Заказчиком этой каменной перестройки и был, видимо, тогдашний владелец двора купец А. Ф. Чирьев (выходец из г. Торопца, тяглец Огородной слободы в Москве к 1672 г.¹, в 1683 г. получивший чин гостя² и умерший в 1694 г.³). Он же построил, видимо, и прежний, единый длинный деревянно-каменный дом.

Но почему же тогда и двор, и дом Чирьевых были разделены со временем на два двора и два дома? Может быть, Афанасий Федорович выделил восточную половину своего владения одному из своих сыновей (по достижении им совершеннолетия и после женитьбы)? Речь в таком случае должна идти не о Гавриле, которому отец купил соседний с запада двор, и не о Григории, которому достались основные чирьевские (западные) палаты, а о ком-то другом.

Источники упоминают следующих сыновей Афанасия Федоровича: Гаврилу, Максима, Григория и Василия. Самым старшим был, видимо, Гаврила – его имя встречается в источниках раньше имен братьев (с 1672 г.), а в качестве гостя Гаврила упоминается уже под 1687 г.⁴ Умер он между, видимо, в 1717 г.⁵

¹ Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998. С. 164–165.

² Там же. С. 165.

³ Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы / собр. под рук. И. Е. Забелина. Ч. 1. М., 1884. С. 681.

⁴ Голикова Н. Б. Указ. соч. С. 165.

⁵ Материалы для истории московского купечества. Т. 1. Прил. 3. М., 1891. С. 16-17; Переписи московских дворов XVIII столетия... С. 100.

Вторым по старшинству следует признать Максима, поскольку уже в 1689 г. он получил важную должность (главы пушного отделения Купеческой палаты Сибирского приказа), в связи с чем упоминают как гость¹. Умер Максим Афанасьевич в 1702 г.²

Третьим из братьев был, видимо, Григорий. Младше Гаврилы он был точно, поскольку родился около 1665 г. (всего на 18 лет раньше рождения у Гаврилы его старшего сына Василия)³, а гостем впервые назван лишь под 1696 г.⁴ Умер Григорий между 1725 и 1747 гг.

Самым младшим был, скорее всего, Василий, поскольку впервые упоминается лишь под 1702 г.⁵ Чин гостя Василий, возможно, не получил (был записан лишь в «гостиную сотню»⁶), а торговлю вел, согласно окладным спискам 1713 и 1717 гг., совместно с братом Григорием⁷ (в списке домовладельцев он тоже не значился). Умер Василий, как и брат Гаврила, между 1717 и 1725 гг.⁸

Из кандидатов на роль первоначального владельца восточных палат остаются, таким образом, двое – Максим и Василий Афанасьевичи.

Здесь мы подходим к интереснейшему документу, который был опубликован еще в 2002 г., но никем до сих пор не отождествлялся с московским юсуповским дворцом. Речь идет о копии завещания гостя Максима Афанасьевича Чирьева своей жене Татьяне Захарьевне от 11 марта 1702 г.⁹ Согласно документу, М. А. Чирьев завещал свои «каменные палаты» жене потому, что строил их на деньги ее отца Захария Кузьмича (причем в тексте особо подчеркивается, что строил свои палаты сам Максим, а не кто-либо другой).

¹ Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / сост. Н. Н. Оглоблин. Ч. IV. М., 1901. С. 83.

² Материалы для истории московского купечества. Т. 1. Прил. 3. ... С. 24.

³ Там же. Прил. 1. М., 1884. Ч. 1. С. 2; Ч. 2. С. 2.

⁴ *Богословский М. М.* Петр Великий: материалы для биографии: в 6 т. Т. 1. М., 2005. С. 361.

⁵ РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 11. Л. 266 об.

⁶ *Голикова Н. Б.* Указ. соч. С. 426.

⁷ Материалы для истории московского купечества. С. 24.

⁸ *Аксенов А. И.* Генеалогия московского купечества XVIII в. (Из истории формирования русской буржуазии). М., 1988. С. 43.

⁹ *Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы* / сост. Н. В. Козлова. М., 2002. С. 67–69.

Из документа мы также узнаём, что тесть Максима завещал весь свой капитал дочери и зятю. Это, возможно, ухудшило отношения Максима с отцом: после смерти последнего Максим не получил доли отцовского наследства – двор А. Ф. Чирьева (т. е. западные палаты) достался по долям всем Афанасьевым сыновьям, кроме Максима, – Гавриле, Григорию и Василию¹ (хотя, как мы уже знаем, владельцем западного дома числился впоследствии Григорий). Максим, в свою очередь, завещал весь свой двор жене (ибо детей у супругов не было).

Согласно опубликованным окладным спискам 1713 и 1717 гг., после смерти Максима Чирьева его вдова Татьяна Захарьева дочь «платила в разные приказы многия доимки и многие долги», но не сумела расплатиться, в результате чего двор ее мужа был «взят в Ижерскую канцелярию». В конечном счете, как указывает источник, вдова «в той скудости ради пострижения сошла в монастырь»². Дата конфискации двора при этом не указывается.

Может быть, построенные М. А. Чирьевым каменные палаты и есть восточное здание нынешнего юсуповского комплекса? Текст опубликованных документов делает такое предположение вероятным, но не бесспорным. Дело в том, что в завещании Максима Афанасьевича нет четких топографических привязок его двора.

Для прояснения ситуации нам потребовалось изучить все архивные документы, сопутствующие опубликованному завещанию. Речь идет о материалах «спорного дела» братьев Гаврилы, Григория и Василия Афанасьевичей Чирьевых с их невесткой Татьяной Захарьевной за наследство умершего гостя Максима Афанасьевича Чирьева³.

Из дела мы узнаём, что сразу после смерти М. А. Чирьева (14 марта 1702 г.) братья последнего явились на двор к его вдове и, пользуясь ее состоянием (как писала сама Татьяна Захарьевна: «А я...

¹ Городская семья XVIII века... С. 68.

² Материалы для истории московского купечества. Прил. 3. С. 24.

³ РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Л. 109–112 об., 368–368 об., 441–441 об.; Д. 8. Л. 391–392; Д. 11. Л. 245–273 об.

в то число была в беспаметстве»), присвоили самое ценное движимое имущество умершего¹. Затем Чирьевы затеяли какую-то перестройку Максимова дома: слуга Григория Чирьева Петр Колоднин, как гласит документ, «у той вдовы Татьяны, на полатах воровски (т. е. незаконно. – А. П) своды ломал»². Именно данное самоуправство вывело, видимо, вдову из терпения, и она, похоже, подняла скандал.

Тогда братья решили действовать юридическим путем. 28 мая 1703 г. они подали челобитную в Приказ земских дел, требуя раздела большей части имущества умершего брата между ними (Гаврилой, Григорием и Василием) и выделения вдове лишь «четвертого жребия»³. Сперва братья имели успех. Глава Земского приказа, боярин князь И. Б. Троекуров, решил дело по их челобитью и опечатав двор умершего⁴. Вдова вынуждена была съехать с него, после чего долго скиталась «по чужим дворам»⁵. 21 июня 1703 г. Татьяна Захарьевна подала на своих деверьев встречную челобитную (в Московскую ратушу⁶), приложив к ней завещание своего мужа⁷.

Противопоставить что-либо завещанию братья Чирьевы не смогли и в конечном счете вынуждены были пойти с невесткой на мировую (13 марта 1704 г.). Однако условия сделки оказались для вдовы кабальными. Татьяне Захарьевне оставили и двор умершего мужа, и все его имущество, однако в случае смерти, пострижения или вторичного замужества вдовы наследство М. А. Чирьева полностью переходило к его братьям. При этом все судебные расходы, затраченные на тяжбу, должна была оплатить вдова⁸. Именно данный пункт ее и погубил.

¹ Там же. Д. 11. Л. 249 об.

² Там же. Л. 268 об.

³ Там же. Л. 249 об., 261 об.

⁴ Там же. Д. 1. Л. 441; Д. 11. Л. 249 об., 261–262 об.

⁵ Там же. Д. 11. Л. 250, 252, 253 об.

⁶ Там же. Л. 249 об. – 250, 262.

⁷ Там же. Л. 262, 266–267.

⁸ Там же. Д. 1. Л. 110–11, 441.

Как мы уже знаем, Татьяна Захарьевна не сумела расплатиться с многочисленными налогами и судебными пошлинами и ее двор был конфискован Ижорской (Ингерманландской) канцелярией за долги.

О том, что произошло дальше, повествует «выпись» Ижорской канцелярии, приложенная к челобитной Т. З. Чирьевой от 21 апреля 1709 г.: «И в платеж вышепомянутых пошлин, и в приказы доимок продан ее, вдовы Татьяны, двор с каменным и деревянным строением из Ижерской канцелярии тайному секретарю Петру Шафирову за 1520 рублей, для того, что с торгу той цены никто больше не давал»¹.

Вот мы и нашли связующее звено между документами, повествующими о споре за наследство М. А. Чирьева, и документами, отражающими историю московского юсуповского дома. О последнем (т. е. о восточных палатах) мы знали, что до 1723 г. здание принадлежало П. П. Шафирову, а теперь нам известно, что Петр Павлович купил каменные палаты на торгах после конфискации их у Т. З. Чирьевой.

Правда, как мы знаем, к 1716 г. у Шафирова было два двора – на улице Хомутовке (будущий дом Юсуповых) и «у лесного ряда». Какой же из этих двух дворов ранее принадлежал М. А. и Т. З. Чирьевым?

В челобитной братьев Чирьевых от 22 июля 1706 г. особо отмечено, что право на двор умершего брата Максима они получили в 1703 г. «по ротству и по близости»². Будущий дом Юсуповых (восточные палаты) действительно располагался «поблизости» от двух дворов братьев (соседствовал с двором Григория Чирьева с востока), чего не скажешь о дворе Шафирова «у лесного ряда», находящемся гораздо дальше.

Из документов «спорного дела» мы также узнаём, что священник церкви Трех Святителей в Огородниках был духовным отцом как Максима Чирьева, так и его жены Татьяны и значительную часть своих денег Максим Афанасьевич завещал на строительные

¹ РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 8. Л. 443 об.

² Там же. Д. 1. Л. 441.

работы в данной церкви¹. Более чем вероятно поэтому, что двор М. А. Чирьева находился в приходе церкви Трех Святителей (как и дворы его братьев).

Данное предположение подтверждает и «Ружная розметная книга» 1699 г., в которой говорится, что в приходе церкви Трех Святителей в Огородниках находятся три «гостина» двора². В свете известной нам информации можно смело предположить, что речь идет о дворах трех братьев Чирьевых – Гаврилы, Максима и Григория Афанасьевичей, которые все были к тому времени гостями. Фамилии других гостей среди домовладельцев – прихожан церкви Трех Святителей в переписи московских дворов 1716 г. не упоминаются.

Двор П. П. Шафирова «у лесного ряда» не относился к приходу церкви Трех Святителей. Это еще одна причина, по которой мы не можем считать его бывшим двором М. А. Чирьева. И наконец, мы не имеем никаких сведений о том, что на дворе Шафирова «у лесного ряда» были каменные палаты. Нет поэтому оснований сомневаться, что купленный Петром Павловичем дом Максима Чирьева – то же самое здание, которое позже перешло к Юсуповым.

Итак, можно считать установленным, что восточный дом нынешнего юсуповского комплекса (без объема Большой палаты) впервые был построен в камне как жилые палаты гостя Максима Афанасьевича Чирьева. После смерти Максима в 1702 г. дом перешел к его жене Татьяне Захарьевне, был конфискован у нее государством за долги, продан с торгов и куплен П. П. Шафировым.

Высказанное в свое время С. К. Романюком предположение о купце Чирьеве как о первоначальном владельце восточных палат оказывается, таким образом, верным. Однако нет никаких свидетельств того, что известный краевед опирался в своей гипотезе на материалы «спорного дела» Чирьевых (видимо, ему неизвестного). Догадка С. К. Романюка была скорее интуитивной,

¹ Городская семья XVIII века... С. 67, 68; РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Л. 110 об.; Д. 11. Л. 249.

² Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 2. М., 1891. С. 519.

однако в результате проведенного нами исследования получила и документальное подтверждение, и значительную фактологическую конкретизацию.

Остаются, правда, невыясненными два важных вопроса: когда именно палаты М. А. Чирьева были построены в камне и когда были куплены П. П. Шафировым? (Процитированная выше «выпись» Ижорской канцелярии от апреля 1709 г. дату торгов, к сожалению, не указывает.)

Начнем со второго вопроса.

Покупка чирьевского двора П. П. Шафировым состоялась не позднее 21 апреля 1709 г., так как этим числом датирована челобитная Т. З. Чирьевой с просьбой быстрее перечислить вырученные за проданный двор деньги в приказы, требующие с нее недоимки¹. В то же время торги не могли состояться ранее 1707 г., ибо за 1706 г. Татьяне были еще начислены платежи². Следовательно, только в 1707 г. могла выясниться полная несостоятельность вдовы как плательщика, что потребовало продажи ее имущества за долги. В результате мы получаем довольно расплывчатую дату торгов (1707 – начало 1709 г.), которую постараемся сузить в следующей нашей статье.

Другой вопрос: когда М. А. Чирьев построил свои палаты в камне?

Как мы уже отмечали, к 1689 г. Максим Афанасьевич был уже зрелым, состоятельным человеком и наверняка женатым. Женился М. А. Чирьев, таким образом, во 2-й половине 1670-х или в 1-й половине 1680-х гг. Вероятно, после женитьбы отец и выделил Максиму в качестве отдельного двора восточную часть чирьевского владения (с деревянной восточной половиной прежде единого дома Чирьевых).

Мог ли М. А. Чирьев построить для себя каменный дом именно тогда? Вряд ли.

Как мы уже говорили, из-за наследства тестя отношения Максима Афанасьевича с отцом, видимо, ухудшились. Строить в таких условиях каменный дом по соседству с отцовским было бы для Максима

¹ РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 8. Л. 443.

² Там же. Л. 443 об.

явным вызовом отцу. Более вероятно поэтому, что на постройку каменных палат (точнее, на перестройку в камне деревянной восточной половины единого дома Чирьевых) он решился только после смерти отца в 1694 г., т. е. в середине или во 2-й половине 1690-х гг. Сохранившийся первоначальный декор восточного здания как раз соответствует именно этому времени – периоду расцвета нарышкинского барокко.

В этом же стиле была перестроена и стоявшая неподалеку церковь Трех Святителей в Огородниках: над уже существовавшим и построенным, видимо, в 1681 г. каменным ее четвериком был сооружен восьмерик, увенчанный маленькой главкой. Указанная связь М. А. Чирьева с клиром данной церкви делает вероятным предположение о том, что Максим Афанасьевич был главным донатором перестроечных работ. Точное время перестройки церкви неизвестно. Известно лишь, что 11 января 1700 г. был выдан антиминс в придел Иоанна Богослова «новопостроенной» церкви Трех Святителей¹. Следовательно, перестройка церкви происходила незадолго до этого – ориентировочно в 1699 г. Не в это ли время М. А. Чирьев построил и свои жилые каменные палаты? Их могли строить даже те самые мастера, которые перестраивали церковь Трех Святителей.

С другой стороны, наличники окон второго этажа палат М. А. Чирьева наиболее близки по своим формам наличникам второго яруса церкви Троицы в Хохловке в Москве (построенной в 1696 г.²), а также наличникам второго яруса церкви Знамения на Шереметевом дворе в Москве (точный год постройки которой неизвестен³). Вопрос, как видим, требует дополнительного изучения.

Постройка палат М. А. Чирьева в самом начале XVIII в. менее вероятна: в «Книгах записных подлинных писем подрядных крепостей» за 1701 г. (прежде они не велись) договоры на постройку каких-либо чирьевских объектов отсутствуют, а в начале следующего, 1702 г. Максим Афанасьевич уже умер.

¹ Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 1. М., 1884. С. 681.

² Памятники архитектуры Москвы. Белый город / ред. Т. В. Моисеева. М., 1989. С. 332.

³ Там же. С. 76.

Как видим, наиболее вероятным временем постройки восточных палат является 2-я половина 1690-х гг.

Время первой архитектурной перестройки будущего юсуповского дома указывается документами более определенно. Это упомянутое нами свидетельство о том, что слуга Григория Чирьева в палатах Т.З. Чирьевой «воровски своды ломал», что, скорее всего, происходило весной 1703 г. Самоуверенно считая палаты умершего брата уже присвоенными, Григорий Чирьев, видимо, решил соединить их со своим домом (западными палатами) в одно здание, но получил неожиданный отпор от вдовы.

Следы этой незавершенной перестройки сохранились, по-видимому, до сих пор. На втором этаже восточного дома, в его юго-западном углу, кладка конца XVII в. отсутствует, образуя в данном месте странный прямоугольный уступ (как будто была полностью разобрана одна угловая комната). Кроме того, на изображениях восточных палат середины XIX в. на месте нынешнего крайнего левого наличника второго этажа южного фасада видна глухая стена (как будто окно было заложено, а наличник стесан)¹. Возникает ощущение какой-то испорченности всей угловой части здания. Скорее всего, именно в этом углу и происходила в 1703 г. «воровская ломка сводов». Если это так, то устранить последствия неоконченных работ разорившаяся вдова вряд ли могла. Приводить испорченный юго-западный угол в приемлемый вид пришлось, видимо, уже П. П. Шафирову.

В завершение отметим то немногое, что еще известно о палатах М. А. Чирьева, – об их внешнем убранстве, составе помещений, наполнении вещами и т. п.

Из документов «спорного дела» видно, что на окнах «верхних палат» (т. е. второго этажа) были «оконницы стеклянные», железные решетки и затворы; в «нижних палатах» (на первом этаже) были кладовая и «питейная палата», а на дворе находился деревянный «питейный погреб» с «погребницей» наверху². О наличии в палатах

¹ Русская старина... Тетр. 5. М., 1848. Лист «Дом князя Юсупова»; Фасад дома князя Н. Б. Юсупова у Красных ворот в Москве. 1856 год // ГМУА. КП-1899/274. ГФ-2258.

² РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 11. Л. 251–252 об., 253 об.

М. А. Чирьева деревянного третьего (жилого) этажа прямых свидетелств нет, однако общий контекст описаний говорит о том, что, скорее всего, этот этаж был. Документы свидетельствуют также о наличии в доме серебряной посуды и ценных бумаг – «заемных крепостей» на сумму 3300 руб.¹

Любопытен также состав слуг в доме М. А. Чирьева. Большой процент среди них составляли «калмыки» обоих полов (крещенные, судя по именам)². Вряд ли это были собственно калмыки, скорее представители самых различных коренных народностей Сибири.

В завещании Максима Афанасьевича одним из его душеприказчиков назван видный деятель начала Петровской эпохи дьяк Андрей Андреевич Винуис³. Вполне вероятно поэтому, что последний был не только начальником М. А. Чирьева (как глава Сибирского приказа), но в какой-то степени и другом. В этом случае не исключено, что Андрей Андреевич мог посещать Максима в его доме, причем не раз, и эти предполагаемые визиты можно считать первыми посещениями будущего юсуповского дворца известным человеком.

Подведем итог.

Проведенное исследование, установившее первоначальных владельцев как западного, так и восточного зданий нынешнего юсуповского комплекса, позволяет нам предложить более корректное, чем прежде, название памятника. Если уж и использовать для дворца в Б. Харитоньевском переулке двойное наименование (по имени первых и последних его владельцев), то правильнее было бы называть памятник не палатами Волковых – Юсуповых (и тем более не палатами Волкова), а палатами Чирьевых – Юсуповых. Остается только надеяться, что предложенное название утвердится со временем в отечественной науке.

---

¹ Там же. Л. 249 об.

² Там же. Л. 251 об. – 252, 253 об.

³ Городская семья XVIII века... С. 67–68.

Литература

- Аксенов А. И.* Генеалогия московского купечества XVIII в. (Из истории формирования русской буржуазии). М.: Наука, 1988. С. 43.
- Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. Т. I / отв. ред. Л. А. Тимошина. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 164–165.
- Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / сост., вводная ст. и коммент. Н. В. Козловой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. (Тр. ист. ф-та МГУ: Вып. 23. Сер. I. Исторические источники: 4). С. 67–69.
- Памятники архитектуры Москвы. Земляной город / Ю. И. Аренкова, М. И. Домшлак, Г. И. Мехова и др. – М.: Искусство, 1989. С. 234–238.
- Материалы для истории московского купечества. Т. I. Прил. 1. М.: Типо-Литография И. Н. Кушнерева и К°, 1884. Ч. I. С. 2; Ч. II. С. 2–3.
- Материалы для истории московского купечества. Т. I. Прил. 3. М.: Типо-Литография Н. И. Куманина, 1891. С. 24.
- Московские святые и памятники. Краткие исторические сведения о московских соборах, монастырях, древних церквях, памятниках и замечательных зданиях. М., 1903.
- Переписи московских дворов XVIII столетия. М.: Городская типография, 1896. С. 92–104.
- Романюк С. К.* В поисках пушкинской Москвы. М.: Профиздат, 2000. С. 80–82.
- Романюк С. К.* О семье Пушкиных в Москве в 1801–1803 гг. // Временник пушкинской комиссии. 1981. Сб. науч. тр. Л.: Наука, 1985. С. 130–134.
- Романюк С. К.* Переулки старой Москвы. История. Памятники архитектуры. Маршруты. М.: Центрполиграф, 2021. С. 688–691.

Архивные материалы

РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Л. 109–112 об., 368–368 об., 441–441 об.;
Д. 8. Л. 391–392; Д. 11. Л. 245–273 об.; Ф. 1290. Оп. 1. Д. 54. Л. 1–2 об.;
Д. 169. Л. 8–8 об.

СТРАНИЦЫ РАННЕЙ ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО ЮСУПОВСКОГО ДВОРЦА: ДВОРЕЦ ПРИ П. П. ШАФИРОВЕ

Постников Андрей Владимирович,
Государственный музей-заповедник «Архангельское»,
Московская область, городской округ Красногорск

Аннотация. В ранней истории московского юсуповского дворца особое место принадлежит периоду, когда владельцем здания был барон П. П. Шафиров. Известно об этом времени, правда, немного. В нашем исследовании мы прояснили все спорные вопросы, связанные с «шафировской» эпохой: установили время приобретения бароном будущего юсуповского дома, проследили историю проведенных им перестроечных работ, очертили круг лиц, посещавших вельможу в его московском доме. На основании выявленных фактов смело можем теперь утверждать, что именно при Шафирове купеческие палаты превратились в аристократический дворец.

Ключевые слова. Московский дворец Юсуповых. П. П. Шафиров. Петр I. Купцы Чирьевы.

PAGES OF THE EARLY HISTORY OF MOSCOW YUSUPOV
PALACE: PALACE AT P. P. SHAFIROV

Andrew V. Postnikov,
Arkhangelskoye State reserve and museum,
Moscow Oblast, District as the town of Krasnogorsk

Annotation. In the early history of Moscow Yusupov Palace, a special space belongs to the period when the building was owned by Baron P. P. Shafirov. Though not much is known about this time. In our research, we tried to clarify all the controversial issues related to the “Shafirov” epoch – established the time the baron purchased the future Yusupov house, traced the history of the rebuilding works arranged by him, outlined the circle of people who visited the nobleman in his Moscow house. Based on the revealed facts, we can now firmly state that it was under Shafirov the merchants’ chambers were turned into an aristocratic palace.

Key words. Moscow Yusupov Palace. P. P. Shafirov. Peter I. Merchants Chiryevs.

Период принадлежности будущего юсуповского дворца вице-канцлеру барону П. П. Шафирову – яркая, но совершенно неизученная страница в истории памятника. Именно ее мы и постараемся раскрыть в данной статье¹.

Факт указанной принадлежности впервые был обнаружен лишь в конце XX в.², однако ссылок на подтверждающие источники при этом не приводилось (кроме ссылок на данные переписи 1716 г.). Поэтому мы вынуждены восполнить указанный пробел.

Прежде всего, отметим указ императора Петра II Сенату от 1727 г.: «Пожаловали мы 20 ноября... князь Григорья Юсупова Княжево... отдать ему отписной у Алексея Волкова двор в Москве, в Земляном городе, который ему дан был по отписке у Петра Толстого»³. От кого получил будущий юсуповский дворец Петр Толстой, в указе не сообщается.

Сохранился также указ Сенату Петра I от 24 февраля 1723 г.: «Двор Петра Шафирова, которой на Мясницкой улице, в Земляном городе, в приходе у церкви Трех Святителей, с каменным и деревянным строением, велите отдать тайному действительному советнику Петру Толстому со внутренними уборами, то есть столами, стульями и абоями»⁴. О том, что московский дом Шафирова был в феврале 1723 г. подарен «графу Толстому», пишет в своем дневнике и Ф. В. Берхгольц⁵.

Оба процитированных указа хорошо согласуются друг с другом, воссоздавая последовательность владельцев здания до Юсуповых. Из первого указа мы узнаём, что Г. Д. Юсупов получил дом после конфискации его у А. Я. Волкова, а тот – после конфискации

¹ Статья является продолжением предшествующей нашей статьи в данном сборнике («Вопрос о первоначальных владельцах московского юсуповского дворца») и основывается на ее выводах.

² Романюк С. К. О семье Пушкиных в Москве в 1801–1803 гг. // Временник пушкинской комиссии. 1981. Сб. науч. тр. Л., 1985. С. 132–133; *Его же*. Из истории московских переулков: Путеводитель. М., 1988. С. 239; Памятники архитектуры Москвы. Земляной город / Ю. И. Аренкова, М. И. Домшляк, Г. И. Мехова и др. М., 1989. С. 235.

³ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 265. Л. 1–2.

⁴ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 16. Л. 23–23 об.

⁵ Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1726. М., 2018. С. 511.

здания у П. А. Толстого (в мае 1727 г.). Толстой, в свою очередь (согласно второму указу), получил дворец после конфискации его у П. П. Шафирова. Топографические привязки как первого, так и второго указа свидетельствуют о том, что оба документа говорят об одном и том же здании – о восточном доме будущего юсуповского комплекса.

Как видим, будущий дворец Юсуповых принадлежал Шафирову до февраля 1723 г. Приобрел же он его, как мы выяснили в прошлой статье, в 1707 или 1708 г., купив конфискованные за долги палаты Т. З. Чирьевой.

Можно ли уточнить время данного приобретения?

Для этого нам придется сперва разобраться с историей строительных работ в будущем юсуповском доме при П. П. Шафирове.

Повествующие о данных работах документы были опубликованы только в начале нынешнего века. В 2004 г. вышел сборник «Частное строительство в Москве и Подмосковье. Первая четверть XVIII века. Подрядные записи»¹. Среди опубликованных в нем подрядных имеются две, прямо относящиеся к юсуповскому дворцу.

18 марта 1713 г. крепостной крестьянин князя И. И. Борятинского, житель с. Петровского Ярославского уезда Илья Григорьев сын Быков «с товарищи» подрядился построить П. П. Шафирову подле его «старых палат» другую палату (или «палатку»), с «подклетом» наверху, а между старым зданием и новой «палаткой» – узкие сени². Вскоре после начала строительства указанная пристройка рухнула, и 29 июня того же года Илья Быков заключает с Шафировым новую подрядную – на восстановление «упалых палат» и укрепление их быками³.

Р. Э. Рахматуллин и С. Н. Таценко предположили, что речь идет о пристройке к «старым» (восточным) палатам нового объема

¹ Частное строительство в Москве и Подмосковье. Первая четверть XVIII в. Подрядные записи / сост. М. В. Николаева. В 2 т. М., 2004.

² Там же. Т. 1. С. 270–271. В тексте документа так и написано: «а нат тою новою палаткой подклет сделать...»

³ Там же. С. 285.

с Большой (Столовой) палатой на втором этаже. Но они же указали и на серьезный довод против данного предположения: в подрядной указываются размеры пристройки – 3 на 4 сажени (6,4 на 8,5 м), что явно не соответствует более значительным размерам Большой палаты¹. К тому же, как мы увидим ниже, существует документ, говорящий о том, что внутренняя отделка Большой палаты проводилась еще в 1711 г. Следовательно, сооруженная в 1713 г. пристройка никак не могла быть Большой палатой.

О времени постройки настоящей Большой (Столовой) палаты говорят два других документа, опубликованные в 2011 г. в сборнике «Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова»². Первый из них – письмо Шафирову из Москвы некой Арины (видимо, сестры его жены) от 8 июля 1709 г., в котором та сообщает: «Возвещаю милости вашей... о каменном вашем строении, что в болшей полате в верхней затворы навесили и приближаютца к сводам... когда де полаты совершатца, тогда плотников призовем и подрядим чердачек на полатах зделать и покрыть, також и на старых полатах которое худое в кровле перебрать же, а на крышку гонты из деревни велим привести»³.

О завершении строительства Большой палаты говорит еще одно письмо П. П. Шафирову из Москвы, опубликованное в этом же сборнике, – дьяка Посольского приказа М. И. Родостамова от 9 сентября 1710 г., в котором тот пишет, что «задние новые полаты накрыты тесом в равенстве со старыми, а болшую полату новую ж и при ней малую накроем черепицею по самому своду без дерева»⁴.

¹ *Рахматуллин Р.Э., Таценко С.Н.* Палаты барона П.П. Шафирова – графа П.А. Толстого – князя Г.Д. Юсупова (Москва) [Электронный ресурс] // Институт Петра Великого. Свод петровских памятников России и Европы. URL: <https://petersmonuments.ru/russia/memogials/palaty-barona-p-p-shafirova-grafa-p-a-tolstogo-knyazy-a-g-d-yusupova-moskva/> (дата обращения: 01.02.2022).

² Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: Новые источники по истории России эпохи Петра Великого: в 3 ч. / изд. подгот. Т.А. Базарова, Ю.Б. Фомина. СПб., 2011.

³ Там же. Ч. 1. С. 174.

⁴ Там же. С. 204.

Как видим, опубликованные документы позволяют точно проследить историю строительных работ, произведенных вице-канцлером в будущем юсуповском доме.

Первоначально, в 1709–1710 гг., к «старым» (восточным) палатам, сооруженным еще М. А. Чирьевым, был пристроен с северо-востока каменный объем с Большой (Столовой) палатой на втором этаже и «малой палатой» (называемой позже «светелкой») на третьем. Примерно тогда же, в 1710 г., были сооружены и «задние новые палаты» – каменная пристройка-тамбур к «заднему», т. е. к северному, фасаду, перед дверью на первом этаже.

Следует отметить, что в литературе вопрос о времени пристройки к восточному зданию Большой (Столовой) палаты освещается противоречиво. Первые исследователи юсуповского дома не отделяли по времени постройку Большой палаты от сооружения основной части восточного здания¹. А. А. Тиц, указывая на разновременность постройки отдельных частей дворца, время возведения Столовой палаты не называл, однако построенной ее позже XVII в. также не считал².

Высказывались и другие мнения. В докладе Н. А. Пустаханова «Юсуповский дом в Огородниках», прочитанном 30 ноября 1922 г. на заседании Комиссии Московского археологического общества по изучению старой Москвы, впервые было высказано предположение о том, что объем с Большой палатой был построен позже восточного юсуповского дома – в первой половине XVIII в. Н. А. Пустаханов допускал, что его мог построить князь Борис Григорьевич Юсупов в период между 1735 и 1744 гг.³

Натурные обследования 2-й половины XX в. подтвердили позднее происхождение Большой палаты. Результаты этих обследований были отражены в статье «Палаты Юсуповых» в многотомном издании «Памятники архитектуры Москвы», однако указанный в статье

¹ Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества / сост. А. Мартыновым, текст И. М. Снегирева. Изд. 2, с доп. Год 2. М., 1850. С. 90; *Потанов А. А.* Очерк древней русской гражданской архитектуры. Вып. 2. М., 1903. С. 159–160.

² *Тиц А. А.* Русское каменное жилое зодчество XVII века. М., 1966. С. 150, 181–182, 292.

³ НИОР РГБ. Ф. 177. К. 1. Д. 9. Л. 75 об.

отрезок времени, когда к восточному дому была пристроена Столовая палата, обозначен слишком широко – как «рубеж XVII–XVIII вв.» (строительство самих восточных палат отнесено при этом к концу XVII в.¹).

Только теперь, сравнивая процитированные выше документы, мы можем точно назвать годы постройки Большой палаты – 1709–1710-й, что указывает на их вторичность по отношению к первоначальному восточному зданию – палатам Максима Чирьева.

Три года спустя после постройки Большой палаты, в 1713 г., была сооружена новая пристройка – упомянутая выше «палатка» с «подклетом» наверху (видимо, хозяйственное помещение с деревянным верхним этажом). Текст подрядной четко указывает на местоположение этой пристройки: «подле старых полат от двора Григорья Чирьева к улице»². Речь, таким образом, идет о пристройке к юго-западному углу восточного дома.

Объем Большой палаты хорошо сохранился до сих пор, а пристройки Шафирова к юго-западному углу и северному фасаду, хоть и не сохранились (они были разобраны во 2-й половине XIX в.), отображены на ряде старых планов и чертежей. Речь идет о чертеже южного фасада юсуповского дома, сделанном в 1856 г.³, литографии (общий вид и план) из первого издания (1848 г.) «Русской старины» А. А. Мартынова и И. М. Снегирева⁴, а также о целом ряде других изображений. На указанных выше чертеже и рисунке юго-западная пристройка изображена одноэтажной, что косвенно подтверждает первоначальный верхний ее этаж, скорее всего, был деревянным, поскольку рано исчез (возможно, сгорел в одном из пожаров). Судя по чертежу и рисунку, каменная часть пристройки завершалась поребриком, что было вполне типично для XVII и начала XVIII в.

Одной из целей постройки П. П. Шафировым угловой хозяйственной «палатки» было, возможно, желание исправить испорченный юго-западный угол дворца. Испорчен же он был,

¹ Памятники архитектуры Москвы. Земляной город... С. 234–235.

² Частное строительство... Т. 1. С. 270.

³ Фасад дома князя Н. Б. Юсупова у Красных ворот в Москве. 1856 год // ГМУА. КП-1899/274. ГФ-2258.

⁴ Русская старина... Тетр. 5. М., 1848. Лист «Дом князя Юсупова».

как мы говорили в первой нашей статье, начатыми в 1703 г., но не законченными строительными работами (когда слуга Григория Чирьева на дворе Татьяны Чирьевой «воровски своды ломал»). Можно было, конечно, восстановить первоначальный угол здания, но П. П. Шафиров, видимо, предпочел просто закрыть его новой постройкой: второй, деревянный этаж «палатки» заслонил собой все образовавшиеся в 1703 г. дефекты. Утрата деревянного этажа вновь обнажила их, поэтому они хорошо видны как на рисунке из «Русской старины», так и на чертеже южного фасада юсуповского дома 1756 г.

Разобравшись с последовательностью и содержанием перестроенных работ в будущем юсуповском доме при Шафирове, мы можем вернуться к вопросу о времени покупки Петром Павловичем палат Максима Чирьева. Именно установленная дата постройки Большой палаты (1709–1710 гг.) дает нам возможность уточнить это время.

Более чем вероятно, что масштабную перестройку своего дома П. П. Шафиров задумал сразу после его приобретения. Причина поспешности понятна: купеческие палаты не соответствовали по своему плану сложившемуся к тому времени типу аристократического дворца с обязательным большим залом для ассамблей. Большую палату, как мы уже знаем, начали строить на шафировском дворе в середине 1709 г. (видимо, в мае, поскольку именно тогда начинался в те времена строительный сезон). Логично поэтому предположить, что приобрел Петр Павлович новый двор незадолго до этого, когда строительный сезон либо уже закончился (т. е. в конце предшествующего, 1708 г.), либо подходил к завершению.

Отметим также, что со времени торгов до момента подачи Т. З. Чирьевой челобитной о перечислении вырученных денег в финансовые инстанции (21 апреля 1709 г.)¹ не могло пройти много времени: ситуация, при которой двор вдовы был уже продан, а недоимки с нее продолжали требовать, была для Татьяны Захарьевны невыносимой. Данное соображение опять-таки приводит к выводу о том, что торги происходили в конце 1708 г.

¹ РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 8. Л. 443.

Косвенным подтверждением данной даты может служить еще один выявленный нами источник – «память» из Московской ратуши в Посольский приказ от 28 декабря 1708 г. об отведении двора гостя Григория Чирьева в Огородной слободе в Москве для венгерского резидента М. Талобы¹. Документ отражает скандальную историю: в связи с решением Посольского приказа разместить дипломата в доме Г. А. Чирьева, на дворе купца, в отсутствие хозяина, был поставлен караул из драгун. Приехав домой, Григорий Афанасьевич возмутился, велел своим слугам бить и гнать солдат, и венгерский посланник был в конечном счете размещен в другом доме.

Исходя из контекста документа, можно предположить, что к моменту его составления двор, соседний с двором Григория Чирьева с востока, уже принадлежал П. П. Шафирову. Именно последний как заместитель главы Посольского приказа и организовал, видимо, отведение соседского двора для постоя «резидента». Возможно, тем самым Петр Павлович пытался поставить неговорчивого соседа на место, ибо, зная скандальный характер Григория, легко допустить, что тот каким-то образом протестовал против перехода восточного чирьевского двора к «чужаку». Если же скандал декабря 1708 г. с размещением венгерского посланника произошел вследствие покупки дома М. А. Чирьева Шафировым, вероятнее всего, он произошел вскоре после данной покупки. Саму покупку, таким образом, логичнее всего отнести на конец указанного года.

Все, как мы видим, указывает на то, что бывший двор Максима Афанасьевича и Татьяны Захарьевны Чирьевых Шафиров приобрел в конце 1708 г.

Позволим себе коснуться еще одного любопытного момента: возможной роли А. С. Меншикова в переходе бывших чирьевских палат к П. П. Шафирову.

Конфискованный двор Татьяны Чирьевой Петр Павлович купил по «бросовой» цене – за 1520 рублей (что в то время было довольно мало за благоустроенные каменные палаты). Неслучайно дьяк Ижорской канцелярии, указав данную сумму, вынужден был

¹ РГАДА. Ф. 158. 1708 г. Д. 173. Л. 1–5.

написать следом оправдывающуюся фразу: «...для того, что с торгу той цены никто больше не давал»¹.

Главой Ижорской (Ингерманландской) канцелярии был в те годы всесильный А. Д. Меншиков. Исход любого мероприятия, организуемого его конторой, всецело зависел от самого «светлейшего». П. П. Шафиров старался тогда поддерживать с Александром Даниловичем почтительно-дружеские отношения (поссорился с ним он гораздо позднее). Вполне возможно, что сам А. Д. Меншиков и организовал торги таким образом, чтобы победу на них одержал близкий тогда к «светлейшему» П. П. Шафиров. Мало того: благодаря действию «административного ресурса» Петр Павлович не только обошел на торгах потенциальных конкурентов, но и купил при этом дорогостоящую недвижимость по заниженной цене.

Трудно, однако, предположить, чтобы оформлением сделки занимался сам А. С. Меншиков. Всю «бумажную» работу он наверняка поручил своему секретарю – Алексею Яковлевичу Волкову. Про последнего мы, однако, знаем, что со временем (в мае 1727 г.) тот сам получил бывший чирьевский дом во владение. Получается, что с этим зданием секретарь «светлейшего» впервые столкнулся еще в 1708 г. Не исключено, что А. Я. Волков выпрашивал тогда палаты Чирьева у своего патрона для себя, но получил отказ. А. С. Меншиков предпочел в то время уступить престижную недвижимость «нужному» руководителю Посольского приказа, а не своему слуге.

Итак, мы рассмотрели архитектурную историю будущего юсуповского дома при П. П. Шафирове, выяснили спорные вопросы, связанные с приобретением им данного здания. Рассмотрим теперь то немногое, что известно о внутренней отделке шафировских палат.

Согласно челобитной Петра Павловича от 22 июня 1714 г., «штукатурных гипсовых дел мастер» Ижорской каменной канцелярии Ян Романов сын Саевич в 1711 г. украсил Большую палату шафировского дома гипсовыми барельефами по образцу таковых же в доме С. Л. Рагузинского-Владиславича на Маросейке² –

¹ Там же. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 8. Л. 443 об.

² Данное здание сохранилось в перестроенном виде до сих пор (г. Москва, ул. Маросейка, д. 11), но без первоначальных интерьеров.

«золотыми литерами в клеймах». Через три года барельефы осыпались, и Саевич восстановил их¹. Из другой челобитной (мастера серебряных дел, иноземца Матвея Вилмута от 21 сентября 1714 г.) мы узнаём, что последний собирался установить в доме П. П. Шафирова «лахань», т. е. ванну (видимо, серебряную), с изразцовой отделкой².

Сохранились фрагментарные сведения и о внутреннем заполнении дома вещами.

Так, например, опубликована опись предметов от 18 ноября 1714 г., привезенных вице-канцлером в свой московский дом из константинопольского плена³. В ней перечислено множество вещей, преимущественно восточного происхождения (элементы убранства, одежда и прочее).

Славился московский дом Шафирова и запасами прекрасных заморских вин, в особенности венгерских, каких не было у других вельмож. Об этом несколько раз пишет в своем дневнике Ф. В. Берхгольц⁴. После конфискации московского дома Шафирова царь передал указом от 14 марта 1723 г. по бочке вина из шафировских запасов обер-гофмейстеру М. Д. Олсуфьеву и царскому денщику В. П. Поспелову⁵ – вероятно, по просьбе последних, ибо о шафировских винах среди вельмож, похоже, ходили легенды.

Пищу телесную (питье и яства) дополняла пища духовная. Как и в петербургском, в московском доме П. П. Шафирова имела богатая библиотека, также конфискованная в феврале 1723 г. в пользу государства. В мае 1725 г. возвращенный из ссылки Петр Павлович просил вернуть ему эти книги, поскольку они были нужны вельможе для написания истории Петра Великого.⁶

Своеобразен был и состав *слуг* в московском шафировском доме. Если при Чирьевых таковыми были в основном крещеные калмыки,

¹ РГАДА. Ф. 158. 1714 г. Д. 93. Л. 1–2.

² Там же. 1714 г. Д. 10. Л. 60 об. – 61.

³ Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова... Ч. 2. С. 392–396.

⁴ Дневник камер-юнкера... С. 338, 396, 466, 469.

⁵ РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 16. Л. 26 об.

⁶ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. IX. История России с древнейших времен. Т. 17–18. М., 1993. С. 578; РГАДА. Ф. 248. Оп. 106. Д. 598. Л. 1 об.

то вице-канцлер предпочитал иметь служителями пленных шведов (поскольку их содержание обходилось сравнительно дешево)¹.

Кто же был свидетелем описанного великолепия? Кто посещал московский дом Шафирова из известных людей?

Самое раннее упоминание посещения будущего юсуповского дома русским монархом относится к 6 января 1723 г. Согласно походному журналу Петра I, царь приехал в этот день к П. П. Шафирову «славить»². Истинная цель визита была, видимо, в том, чтобы лично узнать от вице-канцлера обстоятельства его недавней ссоры с обер-прокурором Г. Г. Скорняковым-Писаревым в Сенате (расследование данного инцидента привело к осуждению 13 февраля 1723 г. Шафирова к ссылке с конфискацией всего его имущества)³. Правда, принимая во внимание свидетельство датского посланника Юста Юля о петровских «славлениях» в Москве зимой 1709–1710 гг. (после празднования Полтавской победы)⁴, можно с большой вероятностью предположить, что впервые Петр посетил дом Петра Павловича именно тогда, и, возможно, не раз.

Ф. В. Берхгольц в своих дневниках пишет о шести посещениях им Шафирова в его московском доме в 1722 г.: пять раз – вместе с голштейн-готторпским герцогом Карлом-Фридрихом и два раза – с первым министром герцога, графом Геннингом-Фридрихом Басевичем)⁵. Карла-Фридриха можно, кстати, считать первым иноземным монархом, побывавшим в будущем юсуповском дворце.

Особенно ярко описал Берхгольц ассамблею 4 марта 1722 г., проходившую в Большом зале в присутствии многих представителей знати: герцога Карла-Фридриха, генерал-прокурора Павла Ивановича Ягужинского, князя Сергея Григорьевича Долгорукова, графа Петра Павла Сапеги, «госпожи Лопухиной» (видимо, Евдокии Матвеевны, урожденной Головиной, жены Александра Петровича Лопухина), 11-летней княжны Варвары Алексеевны Черкасской

¹ Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII вв. М., 1997. С. 58, 151.

² Kamer-fur'erskii походный журнал 1723 года. СПб., 1855. С. 2.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 300. Л. 263–285 об.

⁴ Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711). М., 1900. С. 114–183.

⁵ Дневник камер-юнкера... С. 258, 329–331, 396, 424, 466, 468–469.

(будущей жены графа Петра Борисовича Шереметева) и ряда других, не указанных по именам лиц¹.

10 июня у П. П. Шафирова обедали голштинский герцог со своими наиболее знатными придворными, а также «здешними и иностранными министрами» (дипломатическими представителями)². 28 ноября вице-канцлера снова посетили герцог со своими придворными, «все иностранные министры и еще кое-кто из иностранцев», а из русских – князь Григорий Федорович Долгоруков. 30 ноября 1722 г. у П. П. Шафирова обедали находящиеся тогда в Москве кавалеры ордена Андрея Первозванного: граф Яков Вилимович Брюс, барон Людвиг Николай Алларт, князь Григорий Федорович Долгоруков и герцог Карл-Фридрих. Кавалеры данного ордена князь Александр Данилович Меншиков и граф Гаврило Иванович Головкин к вице-канцлеру принципиально не явились, поскольку были с ним тогда в ссоре³, однако, скорее всего, не раз бывали в его доме прежде.

Сам П. П. Шафиров постоянно жил в бывших чирьевских палатах, по крайней мере, два периода – зимой 1709/1710 гг. и с конца 1721 по январь 1723 г., когда двор находился в Москве. Именно из этого дома его забрали в Преображенский приказ, а оттуда отправили в ссылку. Восточные палаты нынешнего юсуповского комплекса Петр Павлович потерял при этом навсегда. Западные палаты оставались собственностью гостя Григория Афанасьевича Чирьева, последний раз упомянутого в источниках под 1725 г.⁴ Позже зданием владела его вдова Матрена Леонтьевна (до середины XVIII в.⁵), после чего западный дом перешел к другим лицам. Но этот период выходит уже за рамки нашего исследования.

Мы ограничили изучение истории восточного и западного юсуповских домов лишь чирьевским и шафировским периодами, поскольку именно в это время оба здания сформировали свой архитектурный облик, принципиально не менявшийся до 2-й половины

¹ Дневник камер-юнкера... С. 329–331.

² Там же. С. 396.

³ Там же. С. 468–469.

⁴ Материалы для истории московского купечества. Т. 1. Прил. 1. М., 1884. Ч. 1. С. 2.

⁵ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 182. Л. 1–2; Переписные книги города Москвы (1739–1745 гг.). Т. V. М., 1881. Стб. 22.

XIX в. Построены были оба дома, как мы выяснили, в конце XVII в. купцами Чирьевыми, а П. П. Шафиров, третий по счету владелец восточного здания, в 1709–1710 гг. пристроил к нему объем с Большой палатой. Именно эта перестройка (а также другие, произведенные вице-канцлером) и превратила обычные купеческие палаты в шикарный аристократический дворец.

Литература

- Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1726 / вступ. ст. И. В. Курукина; коммент. К. А. Залесского, В. Е. Климанова, И. В. Курукина. М.: Кучково поле; Ретроспектива, 2018. С. 258, 329–331, 396, 424, 466, 468–469, 511.
- Памятники архитектуры Москвы. Земляной город / Ю. И. Аренкова, М. И. Домшлак, Г. И. Мехова и др. М.: Искусство, 1989. С. 234–238.
- Переписи московских дворов XVIII столетия. М.: Городская типография, 1896. С. 92–104.
- Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: Новые источники по истории России эпохи Петра Великого: в 3 ч. / изд. подгот. Т. А. Базарова, Ю. Б. Фомина; сост., вступ. ст., коммент. Т. А. Базаровой. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2011. Ч. I. 1706–1713. С. 174–176, 204–206; Ч. II. 1714. С. 392–396.
- Романюк С. К.* В поисках пушкинской Москвы. М.: Профиздат, 2000. С. 80–82.
- Романюк С. К.* Из истории московских переулков: Путеводитель. М.: Московский рабочий, 1988. С. 239.
- Романюк С. К.* О семье Пушкиных в Москве в 1801–1803 гг. // Временник пушкинской комиссии. 1981. Сб. науч. тр. Л.: Наука, 1985. С. 130–134.
- Частное строительство в Москве и Подмосковье. Первая четверть XVIII в. Подрядные записи / сост., вступ. ст., очерки и коммент. М. В. Николаевой. В 2 т. М.: Едиториал УРСС, 2004. (История русской архитектуры: новые материалы). Т. 1. С. 270–271, 285.

Архивные материалы

- НИОР РГБ. Ф. 177. Карт. 1. Д. 9. Л. 74–76 об.
- РГАДА. Ф 9. Оп. 1. Д. 16. Л. 23–23 об., 26 об.; Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 8. Л. 443–444; Ф. 158. 1708 г. Д. 173 Л. 1–5; 1714 г. Д. 10. Л. 60 об. – 61; Д. 93. Л. 1–2; Ф. 248. Оп. 1. Д. 300. Л. 263–285; Ф. 1290. Оп. 1. Д. 182. Л. 1–2; Оп. 5. Д. 265. Л. 1–2.

ОРГАНИЗАЦИЯ САДОВОЙ ЗОНЫ В УСАДЬБЕ
Н. Б. ЮСУПОВА В БОЛЬШОМ ХАРИТОНЬЕВСКОМ
ПЕРЕУЛКЕ И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ
В МУЗЕЙНО-ПАРКОВЫЙ КОМПЛЕКС
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Шахова Азар Джавадовна,
Российский государственный архив древних актов

Аннотация. В статье на основе обширного комплекса архивных документов рассматривается организация одного из обязательных элементов планировочной структуры любой московской усадьбы – садовой зоны в усадьбе одного из известнейших и богатейших вельмож XVIII в. князя Н. Б. Юсупова в Харитоньевском переулке, в которой отразились как общие принципы, характерные для садово-паркового искусства периода классицизма, так и индивидуальные вкусы хозяина.

Ключевые слова. Москва. Н. Б. Юсупов. Усадьба. Садовая зона. Музейно-парковый комплекс.

ORGANIZATION OF THE GARDEN AREA IN THE ESTATE
OF N. B. YUSUPOV IN KHARITONEVSKY LANE
AND ITS TRANSFORMATION INTO A MUSEUM
AND PARK COMPLEX IN THE FIRST QUARTER
OF THE 19TH CENTURY

Shakhova Azar Javadovna,
Russian State Archives of Ancient Acts

Annotation. The history of the formation of urban estates in Moscow is of strong interest to specialists in various fields. An extensive estate in Kharitonevsky lane of one of the famous and richest nobles 18th century Prince N. B. Yusupov to this day provides interesting topics for research. The article, based on extensive archival documents, examines the organization of one of the essential elements of the planning structure of any Moscow estate – the garden zone, which reflected both the general principles characteristic of the landscape gardening art of the classicism period and the individual tastes of the owner.

Keywords. Moscow. N. B. Yusupov. Urban estate. Garden area. Museum and park complex.

В городском историческом пространстве Москвы усадьба князя Н. Б. Юсупова является одной из самых известных. Несмотря на это, нельзя говорить о достаточной изученности данного владения. До настоящего времени у специалистов нет ответов на многие вопросы об истории формирования его территории, о времени возведения каменных объемов сложного комплекса домовладения, а также о датировке основных этапов реконструкций и изменений в его планировочной структуре в XVIII–XX вв.

Из последних работ, посвященных московской усадьбе Юсуповых, можно назвать статью Т. А. Дудиной 2010–2011 гг.¹, в которой автор подробно рассматривает историю формирования и застройки владения под № 21 на северной стороне Большого Харитоньевского переулка. Соответственно на основании плана 1799 г. в статье дается описание только одного сада около так называемого желтого дома, занимавшего центральное положение на территории обширной усадьбы.

В 2012 г. вышла небольшая книга В. И. Ивановой², где она среди прочего останавливается на краткой истории владения Юсуповых на той же стороне переулка. Автор вскользь упоминает о развитии усадьбы с большим садом на его южной стороне, но при этом не дает подробной характеристики развития указанной территории и тем более садовой зоны.

Сады были одним из обязательных элементов объемно-планировочной структуры практически каждой московской городской усадьбы. И чем крупнее было такое домовладение, тем значительнее увеселительная часть его зеленой парковой зоны.

В XVII в. эти земли в приходе церкви Св. Харитония Исповедника в Огородниках (по четной, южной стороне улицы) и в приходе церкви Трех Святителей у Красных ворот (по ее нечетной, северной стороне) принадлежали дворцовой Огородной слободе. В XVIII в. организация садового хозяйства в усадьбе Юсуповых складывалась постепенно по мере формирования ее

¹ Дудина Т. А. История дома князей Юсуповых в Большом Харитоньевском переулке // ГМУА 1250-НА.

² Иванова В. И. Другой Юсупов. М., 2012.

территории в Земляном городе по обеим сторонам Большого Харитоньевского переулка (ныне дома № 21–23 и 22–24), который до 1830-х гг. назывался улицей Хомутовкой. Стоит обратить внимание, что градостроительная ситуация, при которой пространство одной усадьбы разделялось проезжим переулком, была достаточно частым явлением для Москвы.

Юсуповым территория из нескольких самостоятельных участков на северной стороне улицы перешла в 1728–1729 гг., когда подполковник лейб-гвардии Преображенского полка князь Г. Д. Юсупов¹ получил здесь большой двор с каменными палатами и прикупил дворы, примыкавшие к нему с востока².

Практически одновременно в те же годы Юсупов получил из Московской ратуши пять пустопорожних участков бывших тяглых дворов Огородной слободы на южной стороне Хомутовки, к тому времени несколько лет стоявших без какой-либо застройки³. Кроме этого, он скупил у мелких чиновников и купцов шесть узких слободских дворов, ориентированных на улицу Борышенку (ныне Фурманский переулок), с огородами, деревянной жилой и хозяйственной застройкой⁴. Таким образом, в конце 1720-х гг. вдоль южной стороны Хомутовки Юсуповым принадлежала обширная территория, занимавшая всю ширину квартала между современными Большим Харитоньевским и Фурманским⁵ переулками.

В 1730 г. после смерти Г. Д. Юсупова усадьба была разделена между его сыновьями: Г. Г. Юсуповым⁶, которому досталась южная часть владения, и Б. Г. Юсуповым – ему отошла его северная

¹ Юсупов Григорий Дмитриевич (1676–1730), князь, генерал-аншеф, подполковник лейб-гвардии Преображенского полка, участник Азовских походов Петра I, во время Северной войны участвовал в битве при Лесной и Полтавской битве, а также в Померанском и Голштинском походах.

² РГАДА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 169. Л. 1 об. – 2; 5–5 об., 8 об.; Д. 171. Л. 1; Д. 175. Л. 1.

³ Там же. Л. 9–10.

⁴ Там же.

⁵ Название переулка произошло от названия Фурманного (пожарного) казенного двора, где в 1820-х гг. был выстроен комплекс Яузской полицейско-пожарной части, ориентированный на Садовое кольцо.

⁶ Юсупов Григорий Григорьевич (ум. 1737), князь, полковник, старший сын Г. Д. Юсупова.

часть с каменными старыми палатами конца XVII – начала XVIII в.¹ После смерти в 1737 г. Г. Г. Юсупова вся южная часть перешла к его младшему брату², ставшему в итоге единоличным владельцем всей наследной усадьбы отца по обеим сторонам улицы.

В 1740 г. небольшая часть земли в соответствии с тогдашним законодательством была выделена вдове Г. Г. Юсупова княгине М. П. Юсуповой³. Ее участок располагался на южной стороне Хомутовки по соседству с садом Б. Г. Юсупова и представлял собой незастроенное владение размером 14 сажень в «поперечнике» и 54 сажени в «длиннике». Во время пожара 1737 г. на этом участке деревянные постройки сгорели, и в 1740-е гг. здесь оставались «старые засохлые яблонные и грушковые деревья»⁴. В 1753 г. этот участок, по определению Московского магистрата как не застроенный в течение нескольких лет⁵, был возвращен князю Б. Г. Юсупову и присоединен к его саду, занимавшему пространство по всей ширине квартала.

Развитие садового хозяйства Юсуповых в усадьбе по улице Хомутовке можно разделить на два основных этапа: с 1730-х гг. по 1812 г. и с 1813 по 1835 г. К 1753 г. обширный сад существовал в южной части владения⁶. Трудно сказать, была ли здесь садовая зона между 1730 и 1740 гг., если не считать остатков старых усадебных плодовых садов. По-видимому, организация сада была осуществлена в 1740-е гг. Во время пожара 1737 г. обе части усадьбы сгорели вместе с каменными жилыми палатами и деревянными строениями, «с пожитками и вещами»⁷. Эти события серьезно повлияли на создание нового пространства зеленых насаждений.

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 169. Л. 11.

² Юсупов Борис Григорьевич (1695–1759), князь, действительный тайный советник, московский вице-губернатор (1738–1740), московский губернатор (с 1740).

³ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 181. Л. 1 об.; Юсупова Мария Петровна (1715–1779), урожд. княжна Коркодинова, жена Г. Г. Юсупова.

⁴ Там же. Л. 2 об.

⁵ Там же. Л. 1 об. – 2.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Ф. 248. Кн. 1148. Л. 680 об. – 681.

Актовые документы 1728–1729 гг.¹ зафиксировали наличие садов и в северной части усадьбы, но представить их расположение в планировочной структуре того времени не представляется возможным из-за отсутствия каких-либо планов. В 1773 и 1779 гг. вдова князя Б. Г. Юсупова Ирина Михайловна купила дворы к западу от старых палат². В каждом из двух приобретенных дворов стояли каменные дома с деревянными жилыми и хозяйственными постройками, а также садовыми зонами.

На плане 1777 г. (ил.1) показаны два небольших сада позади каждого дома³. Дом, купленный у Ф. И. Сукина⁴, занимал центральное местоположение во всей сформированной в результате приобретения земельных участков планировочной структуре усадьбы к северу от Хомутовки. Каменный дом Сукина у Юсуповых называли желтым домом, по-видимому по цвету штукатурки.

Первое известное графическое изображение всей усадьбы князей Юсуповых относится к 1791 г.⁵ В это время усадьба принадлежала Н. Б. Юсупову⁶, унаследовавшему ее после смерти отца в 1759 г. На плане показаны две садовые зоны по обеим сторонам улицы, но их изображение весьма условно, они обозначены только цветом (ил. 2). Видно, что два небольших сада, показанных на плане 1777 г. на северной стороне усадьбы, к 1791 г. были объединены в один сад, получивший в дальнейшем название Малый. Сад на противоположной стороне улицы назывался Большим.

Детальная планировка каждого из них зафиксирована на планах 1799 г. План Большого сада хранится в фонде Юсуповых в РГАДА

¹ Там же. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 169. Д. 1–21.

² Там же. Д. 183. Л. 1; Д. 184. Л. 1. В 1773 г. И. М. Юсупова купила дворы у статского советника Ф. И. Сукина, в 1779 г. – у купца К. И. Чирьева.

³ Там же. Ф. 931. Оп. 2. Д. 4910. Л. 2.

⁴ Сукин Федор Иванович (1722 – после 1775), статский советник, президент Мануфактур-коллегии, в 1772 г. осужден за то, что не сообщил о фальшивомонетчиках, и сослан в Оренбург.

⁵ ЦГА Москвы, ОХД до 1917 г. Ф. 105. Оп. 1. Д. 1713. Л. 2 об. – 3.

⁶ Юсупов Николай Борисович (1751–1831), князь, действительный тайный советник, президент Мануфактур-коллегии, начальник Экспедиции Кремлевского строения и мастерской Оружейной палаты, владелец шелковой и суконной фабрик в с. Купавна, в Курской и Полтавской губерниях, одновременно директор императорских стеклянного и фарфорового заводов и шпалерной мануфактуры в Петербурге.

(ил. 3). План Малого сада, хранящийся в отделе ИЗО ГИМа (ил. 4) – «план среднего дому, называемого желтого с садом и принадлежащего ко оному службами» – конкретизирует местоположение Малого сада, расположенного позади желтого дома.

Оба сада имели регулярную планировку с фигурными, возможно, стриженными боскетами, геометрически правильным рисунком дорожек и восьмигранными беседками. В северной части Малого сада располагались также теплицы и оранжереи.

В Большом саду также имелась оранжерея, построенная в глубине территории, прилегавшей к современному Фурманному переулку. В Большом саду показан диагональный навес в виде туннеля, недалеко от него располагался круглый пруд с четырьмя симметричными каменными сходами к зеркалу воды. Особенностью сада было устройство по угловым аллеям, выходящим в Фурманский переулок, щитов с изображением «разных видов»¹, т. е. с модными в то время обманками, зрительно увеличивавшими перспективу.

Опись московских садов Н. Б. Юсупова 1807–1808 гг.² позволяет установить состав растений в садах. В Малом саду было 646 деревьев.

Фруктовые деревья росли в горшках и кадках. Южные сорта – лимоны, апельсины, цитроны, померанцы, гранаты, персики – содержались в оранжереях, а сорта средней полосы России – груши, яблони, вишни, сливы – на открытом воздухе в кадках и рабатках. По-видимому, деревья были стриженными.

Кроме фруктовых деревьев в горшках и кадках здесь выращивались также хвойные и цветущие деревья: кедры, каштаны, акация. Содержание кедров и каштанов в кадках и горшках связано с особенностями их культивирования. В России кедром называли кедровые сосны, саженец которой в 15 см высотой за год вырастал до 30 см. Кроме того, дерево в горшке весной прищипывали, удаляя молодые побеги. Саженец каштана в однолетнем возрасте имеет высоту 20–40 см, и только через три года его высота достигает 135 см

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 9. Д. 621. Л. 2.

² Там же. Оп. 3. Д. 128.

с толщиной ствола около 5 см. Таким образом, и кедры, и каштаны росли очень медленно и вполне могли быть стриженными.

В Малом саду содержались также цветущие декоративные кустарники (сирень, калина, шиповник, жасмин) и цветы (розы различных сортов и цветов, лилии, гвоздики, левкой, гортензии, пионы, ландыши). Часть роз были так называемые штамбовые, т. е. в виде небольших деревьев с шаровидными кронами, они высаживались, как правило, в кадках вдоль дорожек.

Всего в Малом саду росло 1410 штук цветов и кустарников. Кроме того, в нем высаживались некоторые сорта лекарственных трав: резеда, полынь, бальзамин, шалфей. На плане 1799 г. показаны также газоны, обсаженные по периметру небольшими деревьями.

В Большом саду в открытом грунте росли различные сорта фруктовых деревьев: груши, вишни, виноград. Кроме фруктовых деревьев здесь были посажены серебристые тополя, небольшие кедры в горшках, а также жасмин, розы, астры и гвоздики. Всего в Большом саду росло 95 деревьев и 158 цветов в горшках. Большинство деревьев и цветов пересаживались из Малого сада.

В начале XIX в. в обоих садах произошли некоторые изменения. В 1801 г. Н. Б. Юсупов купил небольшое домовладение жены коллежского советника М. Ф. Христиани¹, примыкавшее с запада к Большому саду². Протяженный двор размером 22 сажени в ширину и 60 саженей в длину занимал участок на всю ширину квартала между Хомутовкой и Фурманным переулком и был ориентирован на улицу Хомутовку (ил. 6).

На территории вновь купленного владения по красной линии улицы стоял каменный двухэтажный П-образный в плане дом, за которым располагались деревянные хозяйственные постройки. Примерно половину «длинника» занимал сад, который

¹ Христиани Мария Францевна (1771–1837), урожд. Гарднер (дочь известного содержателя фарфоровой фабрики в с. Вербилки Ф. Я. Гарднера). Ее муж, коллежский советник Христиани Христиан Христианович (1747–1817), происходил из семьи купцов г. Фридрихштадта в Голштинии, служил экономом в московском Воспитательном доме.

² РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 45. Л. 1.

был включен в зону Большого сада Юсуповых¹. Небольшой особняк по красной линии улицы сдавался новым хозяином внаем под жильё². Так, в 1806 г. здесь поселилась М. И. Римская-Корсакова³.

На северной стороне усадьбы около Малого сада в 1806 г. были проведены строительные работы, поменявшие его значение в системе пространства рекреационной зоны рядом с главным домом – старыми палатами (ил. 5). Со стороны двора торцом к этим палатам с юга на север по границе Малого сада был возведен деревянный двухэтажный корпус библиотеки и художественной галереи, где выставались картины и скульптура из коллекции владельца.

По северной границе сада на месте старой, показанной на плане 1799 г. оранжереи для содержания южных растений была выстроена новая, деревянная оранжерея, прямоугольная в плане, с полуротондой по центральной оси. Новая оранжерея под прямым углом примыкала к зданию галереи и соединялась с ней переходом⁴. Таким образом, в результате появилась возможность, не выходя из главного здания, пройти в галерею для осмотра библиотеки и экспонатов художественной коллекции и через нее – в оранжерею с южными растениями. Обе постройки своей постановкой и функциональным назначением вместе с территорией Малого сада формировали единый комплекс «парадиза», который демонстрировался гостям Юсупова.

Таковыми гостями были Марта Вильмот⁵ и княгиня Е. Р. Дашкова⁶. Они посетили дом Н. Б. Юсупова в январе 1808 г. Вильмот в своем

¹ ЦГА Москвы, ОХД до 1917 г. Ф. 105. Оп. 1. Д. 2722. Л. 4.

² Там же.

³ Римская-Корсакова Мария Ивановна (1764–1832), урожд. Наумова, богатая московская барыня, известная хлебосольством, балами, маскарадами в своем доме на Страстном бульваре. По-видимому, этот дом в 1806 г. еще не был до конца отделан, что заставило ее нанимать у Юсупова небольшой особняк на Хомутовской улице, незадолго до этого построенный.

⁴ ЦГА Москвы, ОХНТД. Ф. Т-1. Оп. 18. Д. 33. Ед. хр. 1.

⁵ Вильмот (Уилмот) Марта (1775–1873), ирландская путешественница, автор дневников. Подруга княгини Е. Р. Дашковой. Приехала в Россию в 1803 г., где посетила имение Е. Р. Дашковой и московский дом кн. Н. Б. Юсупова. Уехала в 1808 г. Ее дневник и письма из России опубликованы вместе с записками Е. Р. Дашковой.

⁶ Дашкова Екатерина Романовна, урожд. Воронцова (1743–1810), княгиня, президент Императорской академии наук и художеств, писательница, инициатор создания первого толкового словаря русского языка – «Словаря Академии Российской».

дневнике приводит некоторые интересные детали осмотра галереи и оранжереи: «В субботу мы обедали с князем Юсуповым в его татарском дворце, который, на мой взгляд, ничем не отличается от любого дома подобных размеров. Он пристроил красивую просторную галерею, чтобы попасть в нее, надо спуститься по извилистой лестнице через библиотеку. В галерее выставлены замечательные картины, среди которых мне больше всего понравились две работы Анжелики Кауфман. Для развлечения гостей есть там и самые разнообразнейшие птицы, так как галерея огромна, их трескотня и гвалт производят впечатление шумной ругани. Гости ходят от клеток с попугаями к клеткам с какаду и далее к сладкоголосым жаворонкам, которых у Юсупова очень много... Из галереи вы попадаете в Зеленый зал, на дальней стене которого сделана роспись, производящая волшебное впечатление, а в центре – ротонда для увеселения гостей, окруженная апельсиновыми и лимонными деревьями огромной высоты. В тот день в зале было слишком холодно, и мы вернулись в прекрасную галерею. Я еще не рассказала о печах, бильярде, статуях, альбомах с гравюрами, лежащих на столах, и других вещицах, создающих удобства и показывающих утонченный вкус хозяина дома»¹.

Судя по описанию, предметы художественной коллекции демонстрировались на первом этаже, а на втором располагалась библиотека. Зеленый зал с центральной ротондой находился в оранжерее с цитрусовыми деревьями.

М. Вильмот называет татарскими Большие палаты князя: иностранке дом богатого вельможи показался достаточно экзотическим. Однако в хозяйственных документах так называемый татарский дом обозначен как деревянный и упоминается вместе со старым каменным строением². Поэтому отождествление «татарского дома» с деревянной пристройкой для галереи и библиотеки представляется вполне оправданным.

Большая усадьба Юсупова была разграблена и сгорела во время пожара 1812 г. Из донесений управляющего Московской домовой

¹ Дашкова Е. Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М., 1987. С. 369.

² РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 183. Л. 47 об.

конторы И. Щедрина за 1812 г. видно, что все жилые и хозяйственные постройки были уничтожены огнем, в том числе и деревянный «татарский дом», а «статуи мраморные, что в галерее стояли, все переломаны»¹. Сады с оранжереями также выгорели². Малый сад с оранжереей и галереей не восстанавливались.

После войны начался качественно новый этап развития усадьбы Юсуповых, и в частности ее садово-паркового хозяйства. В 1813–1814 гг. в южной части усадьбы были проведены работы по восстановлению Большого сада и одновременно расширена его территория. В 1814 г. у княгини Е. А. Одоевской³ было приобретено старое торцевое домовладение на пересечении трех трасс – Хомутовки, Малого Козловского и Фурманного переулков. В результате границы южной части усадьбы были расширены до Малого Козловского переулка на западе и до Фурманного двора на востоке (ил. 6).

На плане 1814 г., подписанном архитектором О. Бове, показана вся южная территория усадьбы Н. Б. Юсупова (ил. 7). Основное ядро старого Большого сада с круглым прудом, регулярными аллеями и беседками была сохранена. По линии Хомутовки построена ограда с каменными пилонами и металлическими решетками. По центральной оси территории сада был оформлен парадный въезд в сад с двумя симметрично поставленными пилонами, по-видимому для скульптуры. Территория сада была существенно сокращена и отдана под деревянную застройку людскими избами, расположенными по линии Фурманного переулка и хозяйственного кухонного флигеля на бывшем дворе М. Ф. Христиани, что, по-видимому, стало следствием утраты в результате пожара жилых помещений для челяди, ранее, до 1812 г., находившихся в северной части усадьбы – на противоположной стороне улицы Хомутовки.

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 183. Л. 47 об., 54.

² Там же.

³ Одоевская Екатерина Алексеевна, урожд. Филиппова (1780–?), княгиня, жена князя Одоевского Федора Сергеевича (1771–1808), статского советника, директора московского отделения Государственного ассигнационного банка. Их сын – князь Одоевский Владимир Федорович, известный писатель, публицист, музыкальный критик. Семья Одоевских жила в данном владении в 1804–1814 гг.

Таким образом, к 1814 г. планировка всей южной части усадьбы была существенно изменена и зона сада сократилась. Тогда же князь Н. Б. Юсупов продал часть своей земли к востоку от Большого сада Софии (Жозефине) Степановне Ларше¹.

Для себя по южной стороне улицы Хомутовки хозяин усадьбы выстроил новый особняк. Старые палаты на другой стороне улицы после пожара стали практически непригодными для проживания и требовали серьезных и длительных восстановительных работ, что не устраивало Н. Б. Юсупова, назначенного в 1814 г. начальником Экспедиции Кремлевского строения и Оружейной палаты. Эта должность требовала обязательного проживания в Москве. Архитектор О. Бове разработал проект каменного трехэтажного дома, при строительстве которого предполагалось использовать фундамент и объем обгоревшего особняка 1801–1802 гг.

Новое здание в приходно-расходных книгах московской конторы называлось Красным домом. Такое определение, возможно, было связано с цветом штукатурки фасада. Постановка и общая конфигурация объема Красного дома повторяли абрис допожарного здания. П-образный в плане корпус главным фасадом, исполненным в стиле ампир, был выведен на красную линию Хомутовки² (ил. 8). При этом архитектор спроектировал планировочную структуру, характерную для Нового времени.

В фонде Юсуповых сохранились три варианта плана второго этажа дома.

В первом варианте плана, на котором обозначено назначение помещений (ил. 9), есть карандашные наброски, отражающие предполагаемые изменения. В его втором варианте (ил. 10) эти изменения показаны уже тушью. Кроме того, на планах видно, что менялось местоположение отдельных проемов во внутренних капитальных стенах, круглой лестницы, некоторых деревянных перегородок, а также печей и каминов. Отличительной особенностью второго варианта стало наличие на восточном торцевом фасаде здания лестницы с двумя симметричными полуциркульными маршами.

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 218. Л. 3.

² ЦГА Москвы, ОХД до 1917 г. Ф. 54. Оп. 182. Д. 720. Л. 4.

Эта лестница должна была вести в сад с балкона второго этажа. Третий, окончательный вариант показан на плане 1814 г. (ил. 11).

Сравнительный анализ второго и третьего вариантов планов второго этажа позволяет сделать следующие выводы: основная планировка здания в капитальных стенах была сохранена. Парадная полукруглая лестница была помещена со стороны двора в одной из двух симметричных деревянных пристроек к каменным ризалитам. Круглая лестница со второго на третий этаж перенесена в центральную часть дома.

Приходно-расходные книги и отчеты управляющего московским домом за 1814 г. позволяют представить детали планировки и отделки дома. В окончательном варианте плана второго этажа лестница в сад, о которой говорилось выше, не показана, при этом обозначен проем для выхода в том месте, где она обозначена во втором варианте. Можно предположить, что решение сделать там лестницу не было отменено, так как управляющий А. Агеев пишет о лестнице в сад и балконе, рисунки решеток которых было поручено выполнить архитектору О. Бове¹. Упоминание о решетках позволяет сделать вывод, что балкон и ограждение лестницы были металлическими.

Отделка дома проводилась в течение 1814 г. В бельэтаже стены и потолки были «раскрыты» красками разных цветов. Эти работы выполнили два живописца, присланные из Архангельского². В зале откосы окон, выходящих на улицу, и окна, обращенные в сторону двора, в комнате с круглой лестницей были отделаны искусственным мрамором мастером Савелием Козловым³. В так называемой узкой комнате (помещение с двумя окнами, выходящими на улицу) известный итальянский скульптор С. Кампиони «фигуры поставил»⁴. Он же занимался установкой и отделкой четырех мраморных каминов⁵.

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 231. Л. 125 об.

² Там же. Л. 131–131 об.

³ Там же. Д. 232. Л. 85.

⁴ Там же. Д. 231. Л. 150 об.

⁵ Там же. Л. 150 об., 151 об.

Парадная и круглая лестницы, а также балкон в сад были отделаны латунной медью (перила и поручни, ножки для баляс круглой лестницы)¹. В конце сентября 1814 г. все работы были выполнены, дом окончательно просушен. В интерьере парадного второго этажа нашлось место для давних пристрастий владельца: были куплены четыре клетки для новых попугаев. Из письма А. Агеева князю видно, что его ждали в новом московском доме к этому времени².

В 1825–1828 гг. проводились крупные строительные работы на южной стороне усадьбы Юсуповых. По проекту архитектора В. Г. Дрегалова был возведен каменный трехэтажный корпус, выведенный торцевым фасадом на красную линию Хомутовки. Это здание предназначалось для размещения библиотеки, художественной галереи и театра. Для отделки интерьеров привлекались «лепной мастер» Иван Емельянов, мраморщик Савелий Меркулов и живописец Антонио Лонжинотти³.

Одновременно проводились работы в садовой зоне, которые зафиксированы в хозяйственных документах московской конторы. Однако отсутствие планов 1820–1830-х гг. не позволяет составить о них точное представление.

Тем не менее ясно, что по сравнению с началом XIX в. ситуация качественно изменилась как с точки зрения количества, так и с точки зрения разнообразия растений. В 1825–1828 гг. были высажены 490 деревьев: тополя, липы, рябины, березы, яблони, акации, ясени, а также 230 цветущих кустов: сирень, шиповник и черная смородина, кроме того – 10 пионов⁴. Новое тепличное хозяйство пополнилось арбузами, цикорием, салатом и латуком⁵. О количестве цветов,

¹ РГАДА. Ф. 1290. Д. 231. Л. 35 об., 151 об; Д. 232. Л. 50.

² Там же. Д. 231. Л. 175–175 об.

³ Там же. Д. 606. Л. 33, 34, 37. Емельянов Иван Емельянович (ум. 1831), московский купец, лепщик, выполнял лепное убранство в течение 40 лет во многих московских домах, в частности в доме С. С. Гагарина на Поварской, Н. С. Гагарина на Новинском бульваре, В. Г. Орлова на Большой Никитской, а также в интерьерах Экзерциргауза.

⁴ Там же. Д. 487, 510, 548, 596.

⁵ Там же. Д. 596. Л. 42.

содержавшихся в это время в теплицах и на клумбах, можно судить по сообщению А. Агеева о покупке 800 горшков для их пересадки¹.

Улучшился уход за садом. Прежде всего, починена скульптура. Сведений о ее составе и количестве документы не дают, но известно, что скульптор И. П. Витали реставрировал в саду три скульптуры из алебаstra². Документы сообщают, что для чистки скульптуры использовали спирт и мыло³.

Каждую весну покупали куски дерна и тщательно укладывали между рабатками и клумбами⁴. Дорожки в саду каждый месяц посыпали так называемым красным песком (кварцевым песком коричневого цвета)⁵. Вдоль дорожек устраивали бордюры⁶. В 1826 г. был засыпан старый круглый пруд⁷. Документы приходно-расходных книг содержат сведения о ремонте двух фонтанов⁸.

Приведенные факты (расширение ассортимента растений, наличие скульптуры, фонтанов, устройство газонов в виде специальных кусков дерна и дорожек из красного песка между ними) наглядно демонстрируют качественные изменения функционального использования сада, превращенного в парковое увеселительное пространство. Эта тенденция была поддержана строительством каменного корпуса специально для театра, художественной галереи и библиотеки, открытых для гостей. Таким образом, в первой трети XIX в. произошла трансформация садового хозяйства усадьбы Н. Б. Юсупова в музейно-парковый комплекс в качестве рекреационной зоны для публики.

В 1835 г. вся южная сторона усадьбы была продана наследниками Н. Б. Юсупова за 150 000 рублей в казну для строительства Работного дома⁹. Два корпуса, выстроенные в 1814–1828 гг., после

¹ РГАДА. Ф. 1290. Д. 596. Л. 110; Д. 638. Л. 31 об.

² Там же. Д. 638. Л. 59.

³ Там же. Д. 596. Л. 97.

⁴ Там же. Д. 548. Л. 47.

⁵ Там же. Д. 596. Л. 43 об., 53, 77 об., 90; Д. 638. Л. 57–57 об., 69 об., 78 об., 91.

⁶ Там же. Д. 548. Л. 47.

⁷ Там же. Д. 510. Л. 158 об.

⁸ Там же. Д. 548. Л. 73 об.

⁹ Там же. Д. 891. Л. 25.

частичной внутренней перепланировки были включены в ансамбль этого учреждения и сохранились до настоящего времени (ил. 12).

Литература

- Сытин П. В.* История планировки и застройки Москвы. Т. 1–2. М., 1950–1954.
- Дашкова Е. Р.* Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М., 1987.
- Памятники архитектуры Москвы. Земляной город. М., 1989.
- Покровская З. К.* Осип Бове. М., 1999.
- Иванова В. И.* Другой Юсупов. М., 2012.

Архивные источники

- ГМУА 1250-НА (*Дудина Т. А.* История дома князей Юсуповых в Большом Харитоньевском переулке).
- РГАДА. Ф. 248. Кн. 1148.
- РГАДА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 169, 171, 175, 181, 183, 184; Оп. 3. Д. 45, 128, 183, 218, 231, 232, 510, 548, 596, 606, 638, 891; Оп. 7. Д. 1375, 1376; Оп. 9. Д. 621, 622.
- ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 54. Оп. 182. Д. 720, 781.
- ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 105. Оп. 1. Д. 1713, 2722.
- ЦГА Москвы. ОХ НТД. Ф. Т-1. Оп. 18. Д. 33. Ед. хр. 1.
- ГИМ ИЗО. Р-5787.

ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ БЫВШЕГО АРХИВА СТРОИТЕЛЬНОГО
ОТДЕЛЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ УПРАВЫ
ПО ВЛАДЕНИЮ КНЯЗЕЙ ЮСУПОВЫХ
В БОЛЬШОМ ХАРИТОНЬЕВСКОМ ПЕРЕУЛКЕ

Дудина Татьяна Александровна,
Государственный научно-исследовательский музей архитектуры
имени А. В. Щусева, Москва

Аннотация. Хронологические рамки материалов архива Московской городской управы по этой теме – 1803–1926 гг. Внутри этих рамок складывается картина изменений границ владения князей Юсуповых, перемен в планировке парадного и хозяйственного дворов городской усадьбы в Большом Харитоньевском, зримо выявляются утраты, произошедшие во время московского пожара 1812 г. Впервые в истории дома появляется фамилия архитектора А. Е. Эверта. Представлены проектные чертежи В. Д. Померанцева 1891 г. и Н. В. Султанова 1892 г., по которым осуществлялась реконструкция старых палат. На примере архивных документов второй половины XIX в. рассматривается тесное сотрудничество Московской городской управы с Московским археологическим и Московским архитектурным обществами, благодаря которому дом князей Юсуповых уже в то время обрел статус памятника национальной культуры.

Ключевые слова. Юсуповы. Большой Харитоньевский переулок. Строительное отделение Московской городской управы. В. Д. Померанцев. Н. В. Султанов. А. Е. Эверт. М. Н. Геппенер.

REVIEW OF MATERIALS FROM THE FORMER ARCHIVE
OF THE CONSTRUCTION DEPARTMENT OF THE MOSCOW
CITY COUCIL ON THE POSSESSION OF THE PRINCES
YUOSUPOVS IN BOLSOY KHARITONYEVSKY LANE

Dudina Tatiana Alexandrovna,
State Research Museum of Architecture
named after A. V. Shchusev, Moscow

Annotation. The chronological framework of the materials of the archive of the Moscow city government is 1803–1926. Within this framework, a picture of changes in the boundaries of the ownership of the Yusupov princes, changes in the layout of the front and utility courtyards of the city estate in Bolshoi Kharitonevsky is formed, losses that occurred during the Moscow fire of 1812 are visibly revealed. For the first time in the history of the house, the name of the architect A. E. Evert. Design drawings by V. D. Pomerantsev 1891 and N. V. Sultanov in 1892, according to which the reconstruction of the old chambers was carried out. On the example of archival documents of the second half of the XIX century. the close cooperation of the Moscow city government with the Moscow Archaeological and Moscow Architectural Societies is considered, thanks to which the house of the Yusupov princes already at that time acquired the status of a monument of national culture.

Keywords. Yusupovs. Bolshoy Kharitonevsky Lane. Construction Department of the Moscow City Council. V. D. Pomerantsev. N. V. Sultanov. A. E. Evert. M. N. Geppener.

Для изучения любого московского здания на исторической территории города (не только памятника архитектуры, но и рядовой постройки) необычайно ценны материалы Центрального государственного архива Москвы, в первую очередь – Отдела хранения научно-технической документации. В нем собраны документы по каждому домовладению за период почти 120 лет – с начала XIX в. до 1917 г.

Хранящиеся в архиве планы владений первого десятилетия XIX в. выполнялись «для уравнивания городских повинностей», т. е. касались в основном учета облагаемой налогом земли, а также каменных и деревянных строений. После нашествия французов для ликвидации последствий пожара 1812 г. была учреждена Комиссия для строений в Москве. Она выдавала разрешения на постройку и осуществляла контроль за строительством.

После окончания работы Комиссии высшим государственным органом, осуществлявшим казенное строительство и надзор за частными стройками, стало Главное управление путей сообщения и публичных зданий. Московская губерния относилась к его IV округу.

Характерно, что на всех планах первой половины XIX в. из рассматриваемого архива имеются приписки и резолюции разного времени, иногда густо покрывающие поверхность листов и с лицевой, и с оборотной стороны. Это облегчало делопроизводство и позволяло архитекторам быстро составить себе объемную картину изменений в жизни каждого здания за несколько десятилетий.

В 1860-х гг. архитектурно-строительные функции, а также архитектурный надзор перешли к Строительному отделению Московского губернского правления. Последние изменения в работе государственных органов, ведавших строительными работами и контролем за их выполнением, произошли в 1870 г.

По Городовому положению 1870 г. Московская городская управа была одним из трех учреждений городского общественного управления (два других учреждения – городские избирательные собрания и Городская дума), которая ведала вопросами внешнего благоустройства города, народного образования, здравоохранения, устройством благотворительных заведений и больниц, театров,

библиотек и музеев. Надзор за строительной деятельностью возлагался на Городскую думу, которая издавала постановления по строительной деятельности, выдавала разрешения на работы и наблюдала за их исполнением на основании определений Думы, собирала нужные ей сведения и регулярно подавала туда отчеты о своей деятельности по улучшению городского хозяйства¹.

Московскую городскую управу возглавлял городской голова, число его подчиненных определялось Думой. Среди служащих управы были инженеры, смотрители городских зданий и заведений и архитекторы, которые пользовались правами государственных служащих. Они рассматривали и утверждали планы и фасады частных зданий, выдавали разрешения на перестройку и наблюдали за исполнением вынесенных решений.

Желающие построить новый дом или перестроить существующий подавали в управу прошение, прилагали к нему чертежи фасада, поэтажных планов и разреза здания. Участковый архитектор обследовал владение, составлял заключение по проекту и возвращал его в канцелярию Строительного отдела. Здесь заключение дополняли необходимыми справками и старыми планами и передавали прошение в Строительный совет. Если с его стороны не было возражений, проект направлялся на утверждение управы. Все прошения, проекты и решения хранились в архиве ее Строительного отдела.

Самый ранний документ из бывшего архива Строительного отделения Московской городской управы по юсуповскому домовладению датируется 1803 г. Княжеское домовладение сложилось из трех самостоятельных дворов: исконных юсуповских палат справа и двух других, слева, купленных княгиней И. М. Юсуповой в 1770-х гг. (ил. 1).

На главном – восточном – дворе стояли хоромы сложной формы. По красной линии переулка располагались каменные одноэтажные флигели, между которыми проходила ограда с воротами. Вдоль правой границы участка шли в ряд

¹ Спутник зодчего по Москве. Издание Московского Архитектурного Общества для членов 2-го Съезда русских зодчих в Москве / под ред. И. П. Машкова. М., 1895. С. 256–257.

деревянные и каменные строения, частью жилые, частью нежилые, в глубине двора стояли служебные постройки и людские избы. Хозяйственный двор имел выход в переулок, ведущий к церкви Трех Святителей у Красных ворот.

Вплотную к хоромам Юсуповых располагались палаты статского советника, президента Мануфактур-коллегии Ф. И. Сукина, и, возможно, именно такое их расположение побудило И. М. Юсупову прикупить соседний участок. Эта часть княжеского владения имела вид самостоятельной городской усадьбы, что хорошо видно на чертеже 1799 г. из ГИМа, который называется «План среднего дому называемого желтаго...»¹. За домом был устроен большой сад с регулярной планировкой, перспективу его главной аллеи замыкали оранжереи с полукруглым центральным выступом. В 1806 г. взамен ветхой оранжереи была построена новая². Здесь же была и небольшая фабричка по производству каразеи – дешевой шерстяной ткани, скорее всего, использовавшейся для домашних нужд, что чрезвычайно типично для юсуповского хозяйства (ил. 2)³.

Таким образом, «средний желтый дом» представлял собой независимую планировочную единицу и потому был удобен для сдачи внаем. Известно, что он сдавался княгине Тюфякиной, кригсцалмейстеру М. Ф. Булыгину⁴. В 1801–1803 гг. этот дом снимало семейство Пушкиных⁵.

Левая часть владения Юсуповых долгое время сохраняла имя прежних владельцев. На старых планах она проходила как «маленький домик называемый Чирьева» – по имени наследников купца Г. А. Чирьева, у которых его купила княгиня И. М. Юсупова. Бывший дом Чирьевых также сдавался внаем⁶.

¹ ГИМ ИЗО Р-3787.

² ЦГА Москвы. ОХ НТД. Ф. Т-1. Оп. 18. Д. 33. Ед. хр. 1. Л. 2.

³ Памятники архитектуры Москвы. Земляной город. М., 1989. С. 228; РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Ед. хр. 30 Л. 25.

⁴ Романюк С. К. О семье Пушкиных в Москве в 1891–1803 гг. // Временник Пушкинской комиссии, 1981. Л., 1985. С. 133–134.

⁵ ЦГА Москвы. ОХ ОТДМ до 1917 г. Ф. 53. Оп. 4. Ед. хр. 885. Л. 102–102 об. См. также: Романюк С. К. Указ. соч. С. 130–134.

⁶ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Ед. хр. 28. Л. 1.

На следующем плане видно, что в 1806 г. в главной (восточной) части владения появилось новое здание (ил. 3)¹. На хозяйственном дворе по границе с участком «среднего желтого дома» вместо трех небольших разномастных строений возвели один огромный корпус, который соединялся переходами с палатами и оранжереей.

В 1808 г. Юсуповы продали юго-западную часть владения (бывшие дворы Сукина и Чирьева, за исключением их садов) князю А. И. Вяземскому². После продажи участок Юсуповых получил Г-образную форму, что видно на следующем чертеже³. В дальнейшем эта усадьба часто меняла владельцев и в 1835 г. была разделена на две части.

Материалы архива Московской городской управы позволяют представить себе масштаб бедствия после пожара 1812 г. На чертеже поверх всех деревянных построек хозяйственного двора карандашом написано «сгорело», «сгорело»⁴. В числе сгоревших были и большая оранжерея, и каразейная фабрика. Впоследствии их не восстановили.

Стоит обратить внимание на маленький красный двор усадьбы, выходящий в переулок. Он был обстроен по периметру, буквально зажат внушительными служебными постройками – сараями, кухнями, людскими, некоторые из них выходили в переулок глухими стенами. Владельцы старались и им уделять внимание. Например, в 1833 г. они озаботились тем, что угловое правое строение имеет «неприличную наружность», и получили разрешение жилую и нежилую части здания «отделать под одну фасаду»⁵.

Въезд во двор располагался точно напротив крыльца, ведущего в Столовую палату второго этажа. Непрезентабельный вид двора восходил к неумирающей старомосковской традиции жить закрыто, отгородив жилье от улицы. Как ни удивительно, таким он оставался вплоть до середины XIX в. И только в «Атласе

¹ ЦГА Москвы. ОХ НТД. Ф. Т-1. Оп. 18. Д. 33. Ед. хр. 1. Л. 1.

² Там же. ОХ ОТД до 1917 г. Ф. 14. Оп. 6. Ед. хр. 18.

³ Там же. ОХ НТДМ. Ф. Т-1. Оп. 18. Д. 33. Ед. хр. 2. Л. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Ед. хр. 3. Л. 1.

столичного города Москвы» топографа А. Хотева 1852–1853 гг. мы видим благоустроенный маленьким садиком двор распахнутым в переулок¹. Новый «решетчатый с каменными столбами забор» появился в 1862 г.²

Как выглядели в это время палаты князей Юсуповых, известно по рисунку из увража «Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества», изданного историком и археологом А. А. Мартыновым в 1848 г.³ Это самое раннее известное на настоящий день изображение дома.

В 1856 г. князь Н. Б. Юсупов-младший выкупил часть соседнего владения (бывший двор Ф. И. Сукина), проданного его дедом в 1808 г. князю А. И. Вяземскому (сейчас это левая, западная часть дома Юсуповых). По фамилии своих последних владельцев участок в быту московской княжеской канцелярии стали называть «бывшим господ Племянниковых». На чертежах видно, что к этому времени планировка маленькой усадьбы почти не изменилась с начала XIX в.⁴ Ее сразу же предполагалось сдавать в аренду, ради чего сделали дополнительные входы в здание. В 1859 г. Юсуповы обратились за разрешением пристроить к дому второе крыльцо «для симметрии»⁵, автором его проекта был архитекторский помощник Еремеев⁶.

Следующий комплект архивных документов датируется уже 1877 г. и относится к оформлению красного крыльца. Лестница на второй этаж уже давно находилась в плачевном состоянии – дала осадку, имела подпорки⁷. Проект перестройки выполнил гражданский инженер А. Е. Эверт, который работал и в других московских домах Юсуповых⁸ (ил. 4). Княгиня Т. А. Юсупова

¹ ГНИМА. Р XII 92/16.

² ЦГА Москвы. ОХ НТД. Ф. Т-1. Оп. 18. Д. 33. Ед. хр. 3. Л 1 об.

³ Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества / А. А. Мартынов (сост.), И. М. Снегирев (текст). Тетр. 5. М., 1848.

⁴ ЦГА Москвы. ОХ НТД. Ф. Т-1. Оп. 18. Д. 33. Ед. р. 4. Л. 1.

⁵ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Ед. хр. 2057. Л. 26.

⁶ ЦГА Москвы. ОХ НТД. Ф. Т-1. Оп. 18. Д. 33. Ед. хр. 4. Л. 1.

⁷ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 6. Ед. хр. 296. Л. 6 об.

⁸ ЦГА Москвы. ОХ НТД. Ф. Т-1. Оп. 18. Д. 33. Ед. хр. 6. Л. 9.

не сомневалась, что быстро получит разрешение управы на переделку крыльца, а потому к моменту подачи проекта старая лестница была уже сломана. Однако ее надежды на скорое решение проблемы не оправдались.

Здесь необходимо сделать отступление и сказать, что в это время в работе Строительного отделения Московской городской управы происходили важные перемены. В 1870-х гг. оно стало тесно сотрудничать с Московским археологическим и Московским архитектурным обществами.

Императорское Московское археологическое общество возникло в 1864 г. Инициаторами его создания были граф А. С. Уваров, возглавлявший общество на протяжении 20 лет, и крупнейший историк И. Е. Забелин. Общество ставило своей целью изучение и пропаганду исторических знаний, охрану и реставрацию памятников археологии и архитектуры.

В системе Археологического общества работало несколько комиссий, в основном занимавшихся историко-археологическим изучением отдельных территорий и местностей. В 1870 г. была создана особая «Комиссия сохранения древних памятников», в сферу интересов которой первоначально входили старые церковные здания. Однако со временем комиссия расширила сферу своей деятельности, ее тематику и хронологию. Выявление, изучение, охрана и реставрация памятников культовой архитектуры вышли за рамки допетровского зодчества и распространились на гражданские постройки, а в конце XIX в. в круг внимания попали уже сооружения барокко и классицизма.

Вслед за Археологическим обществом по инициативе архитектора М. Д. Быковского в 1867 г. было основано Московское архитектурное общество (МАО). Его члены проводили архитектурные конкурсы, организовывали съезды зодчих, изучали памятники зодчества, выпускали специальные и периодические издания. Подобно Археологическому обществу, МАО поначалу вело исследования и курировало реставрацию только памятников древнерусской архитектуры, но постепенно, «после “открытия” художественной ценности искусства XVIII и начала XIX столетия и осознания

его фактом национальной культуры, – и памятников архитектуры Нового времени»¹.

По словам историка архитектуры Е. И. Кириченко, «все московские зодчие, так или иначе работавшие в области архитектурной археологии, состояли в Исторической Комиссии Московского архитектурного общества и одновременно входили в Комиссию по изучению и сохранению древних памятников Московского Археологического общества. Более того, почти все они состояли членами Московского Археологического общества. Это были одни и те же люди»². Среди них были и архитекторы, служившие в Строительном отделе Московской городской управы. Именно они, фактически скромные государственные чиновники, руководствуясь высокими идеями сохранения памятников зодчества древней столицы, не на страх, а на совесть стояли за их «бережение».

По документам, относящимся к дому князей Юсуповых, можно представить, как управа пыталась справиться с этим вызовом времени практически. Рассмотрев проект перестройки крыльца А. Е. Эверта, члены Строительного совета управы посчитали, что «представленный фасад по детальной обработке не отвечает фасаду существующего строения», и чертежи вернули без одобрения³. Члены совета составили заключение, в котором обосновывали свое мнение ссылкой на изображение дома 1848 г. (о нем говорилось выше) и сравнение старого рисунка с современным проектом не пошло на пользу последнему: «...пока вновь представленный проект означенного крыльца недостаточно был согласован со стилем дома к. Юсуповой»⁴.

Вследствие этого был «составлен взамен оногo новый фасад, копия с которого и выдана владелице»⁵ (ил. 5). Его автором был

¹ Кириченко Е. И. Московское Архитектурное общество в истории русской культуры. 1867–1932. М., 2007. С. 120.

² Там же. С. 123.

³ ЦГА Москвы. ОХ НТД. Ф. Т-1. Оп. 18. Д. 33. Ед. хр. 6. Л. 3 об.

⁴ Там же. Л. 5–5 об.

⁵ Там же. Л. 5 об., 8.

архитектор М. Н. Геппнер, который только что поступил в управу на должность младшего члена Строительного совета. В том же, 1877 г. он стал старшим членом совета и служил в этой должности более 35 лет, до 1913 г.¹

В проекте Геппнера крыльцо решено в «русском» стиле: с колоннами-кубышками, арками с висячей гирькой, килевидным кокошником и завершалось тремя гранеными шатриками. Возможно, этот вариант не устроил уже княгиню Т. А. Юсупову, и она, пользуясь широкими связями и ореолом своего имени, настояла на первоначальном проекте А. Е. Эверта, более скромном и простом.

В процессе строительных работ его проект был все же немного приукрашен: аттик декорировали мерлонами. Крыльцо получилось оригинальным, но нельзя сказать, что оно было «согласовано со стилем дома княгини Юсуповой», как того хотели члены Строительного совета управы. Хотя документы этого времени в архиве Строительного отделения управы не отложились, все же очевидно, что облик нового красного крыльца продолжил стилизацию дома в формах псевдорусской архитектуры, начатую при перестройке палат в 1860–1862 гг.

А. Е. Эверт и позже работал здесь у Юсуповых – делал проекты новых надворных построек. Даже такие незначительные перемены в старом княжеском владении внимательно рассматривались управой благодаря усилиям Строительного совета, сделавшего на плане такую приписку: «Пожалован Императором Петром II в 1727 году»².

В 1886 г. Н. Б. Юсупов-младший просил управу выдать ему разрешение на «окраску и починку крыши и всего фасада». Бдительный участковый архитектор сходил в Большой Харитоньевский переулок и донес до членов Строительного совета свое мнение, на основании которого был вынесен такой вердикт: «По объяснению дворника дело идет об историческом доме, подаренном Князю Юсупову Императором Петром II. Исправлен быть может и должен

¹ Московский архитектор Максим Карлович Геппнер. Известный и неизвестный. М., 2010. С. 15.

² ЦГА Москвы. ОХ НТД. Ф. Т-1. Оп. 18. Д. 33. Ед. хр. 7. Л. 6а.

как исторический памятник дом каменный». Дозволялось лишь исправить штукатурку, а вопрос о «починке» фасада остался открытым¹. Однако вскоре он был решен, причем самым кардинальным образом. Строительное отделение оказалось бессильно перед напором столь могущественных домовладельцев.

После смерти князя в 1891 г. его дочь княгиня З. Н. Юсупова, графиня Сумарокова-Эльстон предприняла реконструкцию усадьбы. Сначала архитектор В. Д. Померанцев надстроил третьим этажом западный корпус (бывший дом Племянникова) и объединил его с главными палатами. Затем в 1892–1895 гг. гражданский инженер Н. В. Султанов произвел реконструкцию восточных палат и спроектировал ансамбль заднего двора усадьбы, превратив его в парадный. История этой реконструкции подробно изложена в книге Ю. Р. Савельева «Николай Владимирович Султанов. Портрет архитектора эпохи историзма»². В архиве Строительного отделения управы сохранились оба комплекта чертежей³.

Подступы к реконструкции обоих палатных строений начались еще при жизни Н. Б. Юсупова-младшего, о чем свидетельствует «Общий план владения», выполненный В. Д. Померанцевым в 1887 г. и положенный в основу будущего проекта⁴. Стоит отметить, что архитектор с семьей снимал тогда квартиру в доме своего заказчика⁵.

В августе – сентябре 1891 г. одно за другим были поданы два прошения о «приспособлении удобств» и разрешении на производство ремонтных, а по существу – строительных работ в западной части дома⁶. Причем первое прошение подавалось через две недели после смерти князя Н. Б. Юсупова и формально от его имени, а фактически – его зятем графом Ф. Ф. Сумароковым-Эльстоном.

¹ ЦГА Москвы. ОХ НТД. Ф. Т-1. Оп. 18. Д. 33. Ед. хр. 9. Л. 1–1 об., 2.

² Савельев Ю. Р. Николай Владимирович Султанов. Портрет архитектора эпохи историзма. СПб., 2009. С. 147–157, 170–171.

³ ЦГА Москвы. ОХ НТД. Ф. Т-1. Оп. 18. Д. 33. Ед. хр. 14. Л. 6а – 13; Ед. хр. 15. Л. 7а – 15.

⁴ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 7. Ед. хр. 2049.

⁵ Там же. Оп. 6. Ед. хр. 463. Л. 7 об.; Ед. хр. 474. Л. 1.

⁶ ЦГА Москвы. ОХ НТД. Ф. Т-1. Оп. 18. Д. 33. Ед. хр. 12. Л. 1–1 об.; Ед. хр. 13. Л. 1–1 об.

К прошениям прилагались «детальные чертежи» – проекты, выполненные В. Д. Померанцевым¹. При всем их обилии ничто не ускользнуло от пристального внимания участкового архитектора Г. П. Воронина. На одном из проектных чертежей он обнаружил несоответствие: «Фасад как показано на чертежах, причем окна имеют сандрики, как набросано карандашом»² (ил. 6). Имелись в виду окна второго этажа главных, восточных палат слева от красного крыльца. На чертеже действительно есть карандашный набросок пышных наличников³.

В 1891–1892 гг. В. Д. Померанцев осуществил проект реконструкции западного корпуса. Над зданием вместо деревянного мезонина надстроили третий каменный этаж (при этом были изменены перекрытия второго этажа⁴). Главный фасад западного корпуса был стилизован «под XVII век»⁵, что являлось условием управы: «Фасад строения № 2 обделать по образцу существующего в строении № 1»⁶ (имелись в виду восточные, основные палаты).

В. Д. Померанцев объединил западный корпус с основными палатами новой встройкой с верандой, выходящей на переулок, там расположился зимний сад⁷. Прозрачные поверхности фасада и высокого покатога перекрытия новой остекленной веранды контрастировали с соседними каменными объемами, декорированными в стиле древнерусской архитектуры.

Следующие материалы в архиве управы относятся к 1892 г. Тогда Н. В. Султанов произвел реставрацию фасадов и всего внешнего облика главных, восточных палат⁸ и создал заново, в стиле XVII – начала XVIII в., интерьеры большой Столовой палаты, кабинета князя, столовой и приемной. Главный вход был перенесен на задний

¹ ЦГА Москвы. ОХ НТД. Ф. Т-1. Оп. 18. Д. 33. Ед. хр. 12. Л. 7а – 9; Ед. хр. 13. Л. 6а – 7.

² Там же. Л. 4.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 9; Памятники архитектуры Москвы. Земляной город. М., 1989. С. 237.

⁵ ЦГА Москвы. ОХ НТД. Ф. Т-1. Оп. 18. Д. 33. Ед. хр. 12. Л. 7а – 9.

⁶ Там же. Л. 7а.

⁷ Там же. Ед. хр. 13. Л. 6а – 7.

⁸ Там же. Ед. хр. 14. Л. 1–5.

фасад здания и оформлен в виде пышного крыльца. Заложенный проезд под Столовой палатой решили открыть, причем оказалось, что его свод и стены покрыты трещинами и потому «потребовали исправления»¹.

В прошении З. Н. Юсупова писала, что хочет сделать в доме центральное отопление, и на поданных в Московскую городскую управу чертежах было представлено его устройство² (ил. 7). Н. В. Султанов разместил калориферы на первом этаже под Столовой палатой и в угловом помещении, выходявшем в переулок. На чертежах показаны калориферные печи, цепи батарей, внутрстенные каналы для подачи горячего воздуха, места забора холодного уличного и комнатного воздуха.

В 1895 г. задний двор усадьбы, превращенный в парадный, по проекту Н. В. Султанова был окружен полукольцом низких жилых и служебных корпусов с въездом со стороны Красных ворот³ (ил. 8). Эти строения сохранились до наших дней, однако доступ к ним сегодня невозможен – бóльшая часть двора находится во владении режимного предприятия (Роскосмос) и отделена от палат глухим забором.

Составить представление об этом выразительном ансамбле, восхищающем мастерством Султанова-стилизатора, можно по проектным чертежам и старым фотографиям⁴. Облик нарядных полукруглых флигелей и высоких ворот, отделяющих парадный двор усадьбы от хозяйственного, имитирует памятники древнего зодчества, в них архитектор с неисчерпаемой фантазией обыгрывает хорошо знакомые детали из арсенала художественных средств рубежа XVIII и XVIII вв.

Среди них выделяется служебная постройка по левой границе парадного двора, разделенная на две функционально разные части. Фасад одной из них, выходящий, как написано на чертеже, на «чистый двор», поражает круглыми окнами в замысловатых рамах,

¹ ЦГА Москвы. ОХ НТД. Ф. Т-1. Оп. 18. Д. 33. Ед. хр. 14. Л. 2 об.

² Там же. Л. 10–11.

³ Там же. Ед. хр. 15. Л. 1–5.

⁴ Там же. Л. 7а – 12.

декоративными деталями в виде вытянутых фигурных консолей на плоских лопатках и пинаклями над ними¹. Невозможно догадаться, что за таким необычным фасадом скрывалось сооружение исключительно утилитарного назначения: в нем помещались котельная и динамо-машина. Вторая часть здания выходила на хозяйственный двор и предназначалась для каретного сарая. Рядом с ним Н. В. Султанов спроектировал конюшню, украшением которой стали резные спаренные консоли, поддерживавшие далеко вынесенную кровлю².

Один из проектов Султанова остался нереализованным – это ворота со стороны переулка³. В дневнике за 1895 г. архитектор писал, что предложил княгине Юсуповой разобрать существовавшие ворота, «а вместо них выстроить новые, в стиле дома, в правом углу, с теремком наподобие Крутицкого»⁴. В проекте ворота повторяли облик Крутицкого теремка, построенного в 1694 г. под руководством каменных дел подмастерья Осипа Старцева на Крутицком подворье в Москве.

Еще одно архивное дело относится к 1912 г. Тогда княгиня З. Н. Юсупова пожелала возвести по левой границе владения бетонный забор по проекту архитектора П. В. Харко⁵, который в 1910-х гг. постоянно работал у Юсуповых в московских домах и Архангельском. В скромном глухом заборе с широкими проездными воротами и калиткой чувствуется увлечение Харко стилистикой модерна.

Обычно в архиве Строительного отделения управы нижняя временная граница документов относится к середине 1910-х гг. Но иногда встречаются и чертежи раннего советского периода. К ним относится генеральный план владения 1926 г., когда бывшая усадьба князей Юсуповых принадлежала Военно-историческому музею. План был выполнен в связи с переустройством дворницкой,

¹ ЦГА Москвы. ОХ НТД. Ф. Т-1. Оп. 18. Д. 33. Ед. хр. 15. Л. 14.

² Там же. Л. 13.

³ Там же. Л. 15.

⁴ Цит. по: *Савельев Ю. П.* Указ. соч. С. 156.

⁵ ЦГА Москвы. ОХ НТД. Ф. Т-1. Оп. 18. Д. 33. Ед. хр. 17. Л. 1–6.

которая еще с юсуповских времен располагалась в левом полукруглом корпусе¹.

Сегодня без освоения материалов бывшего архива Строительного отделения Московской городской управы невозможно ни одно обследование памятников архитектуры Москвы. Это остов строительной биографии каждого здания, которая в процессе научных исследовательских работ обрастает уточнениями и новыми сведениями, добытыми в других архивах и музейных собраниях.

Литература

- Кириченко Е. И.* Московское Архитектурное общество в истории русской культуры. 1867–1932. М., 2007. С. 120, 123.
- Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества / А. А. Мартынов (сост.), Снегирев И. М. (текст). Тетр. 5. М., 1848.
- Московский архитектор Максим Карлович Геппенер. Известный и неизвестный. М., 2010. С. 15.
- Памятники архитектуры Москвы. Земляной город. М., 1989. С. 228, 237.
- Романюк С. К.* О семье Пушкиных в Москве в 1891–1803 гг. // *Временник Пушкинской комиссии*, 1981. Л., 1985. С. 133–134.
- Савельев Ю. Р.* Николай Владимирович Султанов. Портрет архитектора эпохи историзма. СПб., 2009. С. 147–157, 170–171.
- Спутник зодчего по Москве. Издание Московского Архитектурного Общества для членов 2-го Съезда русских зодчих в Москве / под ред. И. П. Машкова. М., 1895. С. 256–257.

¹ ЦГА Москвы. ОХ НТД. Ф. Т-1. Оп. 18. Д. 33. . Ед. хр. 18. Л. 1–12.

Архивные материалы

РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Ед. хр. 28. Л. 1; Ед. хр. 30 Л. 25; Ед. хр. 2057. Л. 26;
Оп. 6. Ед. хр. 296. Л. 6 об.; Ед. хр. 463. Л. 7 об.; Ед. хр. 474. Л. 1; Оп. 7.
Ед. хр. 2049;

ЦГА Москвы. ОХ НТД. Ф. Т-1. Оп. 18. Д. 33. Ед. хр. 1. Л. 1–2; Ед. хр. 2.
Л. 1; Ед. хр. 3. Л. 1–1 об.; Ед. хр. 4. Л. 1; Ед. хр. 6. Л. 3 об., 5–5 об., 8,
9; Ед. хр. 7. Л. 6а; Ед. хр. 9. Л. 1–1 об., 2; Ед. хр. 12. Л. 1–1 об., 4, 6а–9;
Ед. хр. 13. Л. 1–1 об., 6а–7; Ед. хр. 14. Л. 1–13; Ед. хр. 15. Л. 1–15;
Ед. хр. 17. Л. 1–6; Ед. хр. 18. Л. 1–12;

ЦИАМ. Ф. 53. Оп. 4. Ед. хр. 885. Л. 102–102 об.; Ф. 14. Оп. 6. Ед. хр. 18.

Музейные предметы

ГИМ ИЗО Р-3787

ГНИМА. Р XII 92/16

ДОМ ЮСУПОВЫХ В БОЛЬШОМ ХАРИТОНЬЕВСКОМ
ПЕРЕУЛКЕ: РЕКОНСТРУКЦИИ И РЕСТАВРАЦИИ
ПАМЯТНИКА В XIX–XX ВЕКАХ И В НАЧАЛЕ 2000-х ГОДОВ

Сорокина Наталья Михайловна,
Межобластное научно-реставрационное художественное управление,
Москва

Аннотация. Статья посвящена позднейшим перестройкам, реставрации и исследованиям одного из самых известных московских памятников гражданской архитектуры XVII в. – дому Юсуповых в Большом Харитоньевском переулке. Раскрывается строительная история, выявленная на основании тщательного изучения архивных источников. Приводятся подробные сведения по проводившимся на памятнике реставрационным работам в XIX–XX вв. и в начале 2000-х гг.

Ключевые слова. Реставрация. Памятник архитектуры. Юсуповы. Исследования.

THE YUSUPOVS' HOUSE IN BOLSHOY KHARITONYEVSKY
LANE: RECONSTRUCTION AND RESTORATION OF THE
MONUMENT 19TH–20TH CENTURIES AND EARLY 2000S

Sorokina Natalia Mikhailovna,
Interregional Scientific and Restoration Art Department,
Moscow

Annotation. The article is devoted to the latest reconstruction, restoration and researches one of the most famous Moscow monuments of civil architecture of the 18th century – the Yusupov house in Bolshoy Kharitonevsky Lane. The construction history is revealed on the basis of carefully studied archival sources. Detailed information is provided on the restoration work carried out on the architectural monument in the 19th–20th centuries and the early 2000s.

Keywords. Restoration. An architectural monument. The Yusupovs. Researches.

Дом Юсуповых в Большом Харитоньевском переулке – один из самых известных московских памятников архитектуры XVII–XIX вв. и одна из самых старых гражданских построек, сохранившихся в историческом центре города. Здание состоит из двух палат XVII–XVIII вв. (восточных и западных), выстроенных как главные дома в двух смежных владениях и объединенных в одно строение в конце XIX в.

За время своего существования памятник пережил не одну реконструкцию и реставрацию. В 1860 г. архитектором П. М. Медведевым был выполнен проект перестройки восточных палат, утвержденный князем Николаем Борисовичем Юсуповым-младшим (1828–1891). Согласно проекту терем получил новое оформление в традициях древнерусской архитектуры и был покрыт крутой четырехскатной крышей с ажурным гребнем и прапорами в завершении. Такими же крышами с гребнями покрыли восточный объем палат, центральная часть западного объема получила завершение в виде бочки (ил. 1). Проектом предполагалось также оформить наличниками с полуколонками и разорванными фронтонами окна второго света Большой палаты, однако эта его часть осталась неосуществленной.

В последующие два года значительные строительные и отделочные работы проводились в интерьерах восточных палат. «Условия и счета... на произведенные по дому московскому столярные и малярные работы», выполненные мастерами П. И. Новиковым и В. С. Полкановым в 1861 г., свидетельствуют о том, что богатое лепное убранство части интерьеров восточных палат появилось именно в это время¹. В 1862 г. в интерьерах дома, включая терем, большую работу выполнил резчик по дереву И. А. Колпаков². Строительные работы в доме курировал архитектор Карл Карлович Руска.

В это же время в доме князей Юсуповых появилась Портретная комната. Ее создание князь Юсупов поручил художнику Герасиму Игнатьевичу Кадунову (1824–1871)³. 24 мая 1862 г. Г. И. Кадунов объявил, что «фамильные портреты предков Его Сиятельства он окончил

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 2205. Л. 1, 3, 3 об., 5–12, 13, 13 об.

² Там же. Д. 2219. Л. 29, 29 об.

³ *Краснобаева М. Д.* Галерея предков князей Юсуповых // Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства. Материалы XV и XVI науч. конференций (25–7 нояб. 2009 г., 17–19 нояб. 2010 г., Москва). М., 2014. С. 74.

совершенно...»¹. В описи московского дома за ноябрь 1862 г. портреты уже значились вставленными в потолок комнаты, получившей название Портретной: «В Гостиной... Присланных из Петербургского дома, портретов, вставленных в потолок»². Выполненная Г. И. Кадуновым портретная галерея князей Юсуповых состояла из 10 погрудных и поясных изображений, каждое – овальной формы³.

Выделив 20 тыс. рублей, князь Николай Борисович Юсупов разрешил вторую масштабную реконструкцию Большого дома (восточных палат) и двухэтажного, так называемого Среднего или Желтого, дома, стоявшего к западу от Большого, «для постоянного пребывания в оном» дочери князя Зинаиды Николаевны с мужем графом Феликсом Феликсовичем Сумароковым-Эльстоном⁴.

Реконструкция началась в июне 1891 г. Для составления проекта и сметы на «соединение двух домов», наблюдения за ходом работ по проекту и качеством используемых строительных материалов управляющий московскими домами князя Н. Б. Юсупова Павел Николаевич Чекалов заключил договорные условия с молодым архитектором Виктором Дмитриевичем Померанцевым⁵.

В августе 1891 г. управляющий домами князя Юсупова Чекалов подал в Строительное отделение Московской городской управы прошение «произвести соединение двух каменных жилых строений» – восточных и западных палат – «с полным внутренним и наружным ремонтом в них». К прошению были приложены план части владения и чертежи реконструируемых построек за подписью В. Д. Померанцева.

Западные палаты были надстроены третьим каменным жилым этажом. Вместо двухэтажной деревянной пристройки у восточного торца палат появился каменный объем, соединивший их с восточными палатами. В верхнем двусветном объеме встройки между зданиями устроили зимний сад «с... положением металлических балок над пролетом и постановкою металлических со стеклами

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 2211. Л. 56 об.

² Там же. Д. 2217. Л. 3 об., 4.

³ Краснобаева М. Д. Указ. соч. С. 74.

⁴ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 6. Д. 518. Л. 36.

⁵ Там же. Д. 513. Л. 66–67.

рам». Деревянное крыльцо у главного фасада западных палат разобрали и отделали его «по образцу существующего» фасада восточных палат¹. Двухэтажную смешанную пристройку к дворовому фасаду палат заменили также двухэтажной каменной пристройкой для кухни и буфета².

В результате перестройки западные палаты получили стилизованное под XVII в. оформление: лопатки, декорированные ширинками, наличники с полуколонками и трехлопастными завершениями по фасадам. Свесы крыши были декорированы металлическими резными подзорами, над печными трубами установили фигурные флюгарки. Прозрачные поверхности остекленного фасада и высокого покатога перекрытия Зимнего сада резко контрастировали с соседними каменными объемами, декорированными в формах древнерусской архитектуры. Планировка второго и третьего этажей палат стала коридорной. На первом этаже поставили несколько деревянных перегородок. В северо-западном углу была устроена лестница, соединяющая все три этажа.

Вид палат после реконструкции В. Д. Померанцева зафиксирован на фото 1890-х гг. (ил. 2), где представлен северный фасад со стороны хозяйственного двора с двухэтажной пристройкой для кухни и буфета. Первый этаж на фотографии скрыт сплошной каменной оградой двора, и рассмотреть его декор, к сожалению, невозможно.

Составленные подрядчиками сметы подробно описывают работы, произведенные в интерьерах западных палат летом 1891 г. На первом и втором этажах пробили новые оконные и дверные проемы – девять для однопольных дверей и шесть для двупольных. На первом этаже заложили два оконных проема и один дверной. Для прохода в палаты из новых кухни и буфета на двух этажах прорубили арочные проемы. Над частью служебной лестницы, в ванной и под зимним садом устроили кирпичные своды на рельсах – по типу Монье³.

Все стены, перегородки, дверные и оконные откосы новых помещений оштукатурили, также оштукатурили потолки и «вытянули»

¹ ЦГА Москвы. ОХ НТД. Ф. Т-1. Оп. 18. Д. 33. Ед. хр. 12. Л. 7а.

² Там же. Л. 1–1 об.

³ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 6. Д. 508. Л. 43–46 об.

новые карнизы¹. В двух помещениях потолки украсили лепными розетками². Стены помещений первого и второго этажей покрасили клеевой краской светлых тонов³.

На первом и втором этажах заменили 34 двери с коробками и 22 оконные рамы. На первом этаже полы сделали дощатыми, в новой пристройке в помещениях двух буфетов выложили щитами из сухих сосновых досок, посаженных на клей, выкрасили желтой масляной краской и покрыли лаком⁴. В помещениях второго этажа положили дубовый паркет. Для служебных лестниц изготовили дубовые поручни⁵.

Печник Е. Качурин выложил новую изразцовую печь в кухне и изращатую «со шкапом при ней, обложенным израсцами (так в документе. – Н. С.), для согревания посуды» при буфете. В Зимнем саду была устроена большая голландская с «петербургскими израсцами» печь «с постановкой всех приборов и устройством дымовой вентиляционной трубы». Для отопления этой части здания поставили кирпичную духовую печь «для обогривания пространства в количестве 300 куб. саж. с проводкой всех необходимых в каменных стенах каналов, постановкой всех необходимых приборов и устройством при ней большой, дымовой вентиляционной трубы»⁶.

Мастер мраморных работ Г. Е. Типаев сделал в Зимнем саду бетонный пол в два слоя с «разбивкой в шашку», три новых подоконника из подольского мрамора и лестницу в четыре ступени при переходе из сада в западные палаты. Типаев отремонтировал два камин из белого мрамора, и, вероятно, он же установил мраморный камин, купленный графом Сумароковым-Эльстоном в Париже и присланный в Москву осенью 1891 г.⁷ Полы в помещении кухни в новой пристройке выстлали подольской плитой с подбуткой⁸.

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 6. Д. 508. Л. 27.

² Там же. Л. 57.

³ Там же. Л. 54.

⁴ Там же. Л. 47.

⁵ Там же. Л. 16–24.

⁶ Там же. Л. 38–40.

⁷ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 6. Д. 518. Л. 87.

⁸ Там же. Д. 508. Л. 56.

Также из подольского мрамора были заново сделаны две лестницы с площадками и 30 новых подоконников¹. Ограждение лестниц было выполнено из ряда фигурных чугунных столбиков – «балясника и колонок»².

С наружных стен планировалось счистить старую краску и «окрасить вновь колером на извести». Какого цвета должны были стать фасады здания, в сметах не указано³.

Ремонт не коснулся фасадов восточных палат, при этом в их помещениях, согласно сметам, провели те же работы, что и в западных: оштукатурили и покрасили откосы, стены, потолки, привели в порядок полы, заменили двери с коробками и оконные рамы.

В июле 1891 г. князь Н. Б. Юсупов-младший скончался. Усадьбу в Большом Харитоньевском переулке унаследовала его дочь княгиня Зинаида Николаевна Юсупова, а ее муж граф Ф. Ф. Сумароков-Эльстон – титул и фамилию тестя.

В сентябре 1891 г. Юсуповы поручили Н. В. Султанову реставрацию внешнего облика восточных палат и создание интерьеров парадных помещений их второго этажа. К тому времени реконструкция западных палат по проекту В. Д. Померанцева была уже завершена.

Подробно рассказывать об этой реставрации/реконструкции мы не будем, поскольку она наилучшим образом изучена Ю. Р. Савельевым⁴, и сосредоточимся на более поздних работах. Стоит только упомянуть, что в это время вокруг здания была сделана отмостка из плит, изготовленных из натурального камня⁵, фасады оштукатурены и окрашены светло-бирюзовым цветом, а белокаменный и кирпичный декор – в три цвета (светло-охристый, синий (кобальт) и бордо). В качестве аналога покраски фасадов палат Н. В. Султанов использовал фасады Потешного дворца XVII в. в Кремле, отреставрированного в 1874–1875 гг. архитектором Н. А. Шохиним.

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 6. Д. 508. Л. 32.

² Там же. Л. 82.

³ Там же. Л. 47–47 об.

⁴ Савельев Ю. Р. Николай Владимирович Султанов. Портрет архитектора эпохи историзма. СПб., 2009.

⁵ Научно-технический архив Проектного института по реставрации памятников истории и культуры «Спецпроектреставрация». Инв. № 10381. 1994.

Участник съезда зодчих, осматривавших дом князя Юсупова в феврале 1895 г., заметил, что «по арнаментовке (так в документе. – Н. С.), по окраске, по своим башенкам – это здание имеет много сходного с находящимся в Кремле “комендантским домиком”, фасад которого так резко выделяется своею оригинальностью среди других кремлевских зданий»¹. В таком виде палаты изображены неизвестными художниками на рисунках в меню ужина в доме Юсуповых в феврале 1897 г. и завтрака, данного князем Ф. Ф. Юсуповым по случаю его вступления в должность главноначальствующего города Москвы в 1915 г.²

Натурными и технологическими лабораторными исследованиями, проведенными специалистами института «Спецпроектреставрация» в 2005 г., цветовая гамма покраски фасадов палат, выполненная по проекту Н. В. Султанова, полностью подтвердилась³. Производство работ на фасадах и крыше здания запечатлено на фотографиях неизвестного автора, хранящихся в фотофонде Музея-заповедника «Архангельское» (ил. 3).

Архитектурными исследованиями, проведенными специалистами института «Спецпроектреставрация» в 1994 г., установлено, что работы, выполненные на фасадах в 1890-х гг., серьезно исказили первоначальный вид палат: цоколь здания был переложен кирпичом на цементном растворе, на первом этаже северного фасада устроены новые оконные и дверные проемы, часть декора фасадов – колонки и наличники первого и второго этажей – выполнена заново или переложена⁴.

Помещениям палат была возвращена планировка конца XVII – начала XVIII в.: разобраны перегородки между небольшими комнатами второго этажа, которые стали обширными палатами, перекрытыми сводами, а также разобрано перекрытие Большой палаты,

¹ Осмотр членами съезда зодчих дома кн. Юсупова // Русский листок. 1895. № 37. 7 февр. (РГАЛИ. Ф. 2428. Оп. 1. Д. 189. Тетр. 2. № 279–283). С 1806 г. Потешный дворец использовали для жилья и канцелярии коменданта Москвы, отсюда его название – комендантский дом.

² РГБ. НИОР. Ф. 350. Папка XVIII. Ед. хр. 2. Л. 20; ГИМ. ОПИ. Ф. 180. Д. 337. Л. 11.

³ Научно-технический архив Проектного института по реставрации памятников истории и культуры «Спецпроектреставрация». Инв. № 13206. 2005.

⁴ Там же. Инв. № 10381. 1994.

делившее ее на два этажа с несколькими жилыми помещениями внизу и наверху¹.

Фасады и интерьеры отреставрированного по проекту Н. В. Султанова дома князя Юсупова представлены на многочисленных фотографиях 1890–1900-х гг., сохранившихся в фотофондах Государственного музея-заповедника «Архангельское», Государственного исторического музея, ГМИИ им. А. С. Пушкина и Государственного музея истории Санкт-Петербурга.

В фонде научно-исследовательского музея Академии художеств в Санкт-Петербурге хранится серия акварелей, представляющая интерьеры, созданные Н. В. Султановым. Рисунки выполнены в 1898 г. по заказу владельцев дома архитектором и художником, преподавателем архитектуры Московского училища живописи, ваяния и зодчества Леонидом Михайловичем Браиловским.

На перилах площадок парадной лестницы установили скульптурные фигуры львов-щитодержателей из герба Юсуповых. Золоченые, пустотелые фигуры львов отлиты из металла. Изначально на их щитах было помещено изображение княжеской короны (ил. 4), но после утверждения в мае 1894 г. соединенного герба князей Юсуповых графов Сумароковых-Эльстон² короны заменили на шестипольный герб, в котором два нижних поля заняты фигурами герба Сумароковых – императорским орлом и скрещенными мечами, сопровождаемыми пятилепестковыми розами (ил. 5).

К 1900–1901 гг. к дому были подведены водопровод, от которого работал фонтан в Зимнем саду (ил. 6), и канализация³. В 1912 г. по проекту архитектора П. В. Харко главную (восточную) часть усадьбы отделили от остальной территории владения «бетонным забором с железными стенками»⁴. А в следующем году по линии

¹ Реставрация дворца князей Юсуповых в Москве // Русский листок. 1893. № 134. 16 мая (РГАЛИ. Ф. 2428. Оп. 1. Д. 189. Тетр. 2. № 277); *Сфинкс*. Дом князей Юсуповых // Московский Вестник. 1897. № 218. 10 авг. (РГАЛИ. Ф. 2428. Оп. 1. Д. 189. Тетр. 2. № 290–301).

² Жалованная грамота Александра III Феликсу Феликсовичу князю Юсупову графу Сумарокову Эльстон на княжеский титул с правом передачи его только старшему в роде. 1894 // ГИМ. ОПИ. Ф. 388. Оп. 1. Д. 300; РГИА. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 105. Ч. XV. 1895.

³ ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 179. Оп. 62. Д. 18667. Л. 2.

⁴ Там же. ОХ НТД. Ф. Т-1. Оп. 18. Д. 33. Ед. хр. 21.

Большого Харитоньевского переулка поставили ограду, выполненную в мастерских Строгановского училища по образцу решетки церкви Николая Мокрого XVII в. в Ярославле¹. В 1914 г. был произведен ремонт комнат первого и третьего этажей «в доме рядом с дворцом» (западных палатах) под наблюдением архитектора Р. Клейна². В последующие годы, вплоть до конца 1920-х, строительные работы в усадьбе не проводились.

После революционных событий непродолжительное время – с декабря 1917 по август 1918 г. – дворец Юсуповых у Красных Ворот занимало Генеральное консульство Великобритании. Кроме канцелярии и жилья генерального консула Великобритании в доме были размещены и чиновники консульства³.

Затем в 1923 г. в здании, признанном художественно-археологическим памятником⁴, разместили Военно-исторический музей – отделение Государственного исторического музея⁵. Музейная экспозиция, библиотека и архив заняли и западную, и восточную его части с парадными помещениями (ил. 7)⁶.

Почти одновременно, в январе 1924 г., «5 комнат в третьем этаже флигельной пристройки б. Юсуповского дворца» (западные палаты) выделили Музею имени А. П. Чехова⁷. К открытию музея в июне того же года был сделан косметический ремонт: демонтированы ванны и умывальник, снята тканевая обивка стен, а сами они окрашены в светлые тона⁸. Но в целом интерьеры, выполненные в конце XIX в., сохранились: тянутые карнизы потолков, деревянные панели дверных и оконных откосов, однопольные и двухпольные филенчатые двери, дощатые полы, камин и кафельная печь.

В 1928 г., когда был ликвидирован Военно-исторический музей, а его коллекции перешли Государственному историческому музею, фасады

¹ Памятники архитектуры Москвы. Земляной город. М.: Искусство, 1989. С. 238.

² РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 977. Л. 52.

³ Там же. Д. 1172. Л. 202, 203 об.

⁴ ЦГА Москвы. ОХ НТД. Ф. Т-1. Оп. 18. Д. 33. Ед. хр. 18. Л. 4.

⁵ Там же. ОХД после 1917 г. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 358. Л. 1.

⁶ ГИМ. ОПИ. Ф. 137. Оп. 1, Д. 47. Л. 32.

⁷ Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 808. Л. 13а.

⁸ Там же. Л. 37; РГБ. НИОР. Ф. 331. Карт. 92. Ед. хр. 67. Л. 34.

здания отреставрировали и передали его Научно-исследовательскому институту сельскохозяйственной экономики и политики (НИИСХЭиП) под руководством А. В. Чайнова, затем президиуму Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина¹.

Обследование бывшего дома Юсуповых в Большом Харитоньевском переулке, проведенное в начале 1930-х гг., выявило «бесхозяйственное состояние» здания, занятого совхозным Институтом: «окраска здания (выполненная крайне небрежно) произведена в один серый тон вместо необходимого красного с белыми деталями, одно из древних окон сев. фасада растесано в дверь. Крыша не ремонтируется, из-за чего от протеканий плесневет и осыпается оригинальная роспись стен и сводов в “русском” стиле. Комнаты нижнего этажа находятся в весьма несанитарном состоянии, – загрязнены, закопчены». Проезд под Большой палатой был закрыт и переделан в квартиру.

При этом парадные комнаты второго этажа полностью сохранили интерьеры – росписи сводов и стен, изразцовые печи, резные двери, зеркала, люстры, картины, драпировки, – выполненные по эскизам Н. В. Султанова².

Сырость в помещениях первого этажа и под южным крыльцом, а также связанные с этим небольшие разрушения отмечаются и в паспорте «памятника материальной культуры», составленном в 1931 г. специалистами Центральных государственных реставрационных мастерских Наркомпроса, которые рекомендовали также восстановить почву вокруг здания и окрасить стены. Вероятно, фасады здания вскоре были окрашены в терракотово-кирпичный тон с выделением элементов декора белым цветом. Именно таким здание изображено на акварелях 1940-х гг.³

Большие реставрационные работы на фасадах и в интерьерах бывшего дома князей Юсуповых, для которых были привлечены архитекторы С. А. Торопов и Д. В. Разов, провел реставрационный отдел Госохраны комитета по делам архитектуры г. Москвы в 1946–1952 гг.

¹ ЦГА Москвы. ОХД после 1917 г. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 358. Л. 4.

² Там же. Л. 3.

³ ГНИМА. № ММ ОФ-1743; № ММ ОФ-1875.

Обмерные и проектные чертежи этих работ хранятся в отделе графики ГНИМА им. А. В. Щусева.

К тому времени живопись стен в помещениях подверглась разрушению и имела ряд серьезных повреждений и утрат. Особенно пострадали Большая палата и Гербовая комната. Главной причиной разрушения живописи стен и сводов реставраторы назвали «отсыревание». Из-за постоянных протечек крыши стены здания не просыхали. Кроме того, живопись в большой степени пострадала от «небрежного реставрационного вмешательства» и устаревшей системы отопления и вентиляции. Постоянное присутствие копоти и пыли сильно загрязнило красочные слои¹.

В результате проведенных работ были полностью отреставрированы крыши здания, включая металлические ажурные решетки на гребнях, бронзовый флюгер с изображением льва, металлические резные подзоры, живопись стен и сводов в интерьере. Ветхую шелковую обивку стен в Гербовой и Портретной заменили покраской, а вместо старой бархатной обивки, покрывавшей стены в Большой палате, поставили новую, несколько отличающуюся цветом от первоначальной².

Тогда же провели комплекс работ по благоустройству здания: все наружные проводки были скрыты, устроена вентиляция. Заложенную проездную арку под Большой палатой с двух сторон оформили нишами с архивольтами³ и двумя небольшими оконными проемами с полуциркульным завершением. Фасады дома отреставрировали и покрасили в зеленый цвет, выделив архитектурные детали белым цветом⁴.

Проведение работ по реставрации фасадов в 1952 г. зафиксировано в «Альбоме фотофиксации памятника архитектуры XVII–XVIII вв. (б. палат Волковых – Юсуповых), находящегося в пользовании Всесоюзной академии сель.-хоз. наук имени Ленина (Б. Харитоньевский пер. д. 21)», выполненном специалистами

¹ РГАЭ. Ф. 8390. Оп. 1. Д. 1882. Л. 47–53.

² Там же. Л. 19–43.

³ Там же. Л. 17

⁴ ГНИМА. Ф. 30. Оп. 1. Д. 125. Л. 4.

Научно-исследовательского сектора Московского архитектурного института¹.

Реставрационные работы продолжились и в 1957 г. Они проводились Академией сельскохозяйственных наук хозяйственным способом под надзором архитектора Республиканской специальной научно-реставрационной производственной мастерской Госстроя РСФСР Е. В. Торжкова и старшего архитектора Государственной инспекции по охране памятников архитектуры г. Москвы М. В. Фахнера. На этом этапе была отреставрирована белокаменная лестница крыльца южного фасада, продолжилась реставрация лепного декора и живописи парадных помещений первого и второго этажей, парадной лестницы в восточной части здания, а также элементов интерьера: наличников и откосов оконных и дверных проемов, деревянных полотен дверей, резных порталов, деревянной лестницы с ограждением, ведущей в помещение домашней церкви, осветительных приборов² (ил. 8–11).

В 1961–1968 гг. реставрацию памятника архитектуры проводили специалисты Всесоюзного производственного научно-реставрационного комбината (ВПНРК) (в настоящее время – Центральные научно-реставрационные проектные мастерские, ЦНРПМ) и снова отметили его неудовлетворительное состояние. Крыши требовали капитального ремонта и смены всего покрытия, крыльцо южного фасада с белокаменной лестницей и парапетом обветшало, гранитные колонны-кубышки имели известковую покраску, каменные плиты площадки галереи за колоннами требовали замены, цоколь почти полностью был скрыт культурным слоем. Состояние росписей в интерьерах было оценено как угрожающее: имелись многочисленные утраты и осыпи, участки, пострадавшие от протечек крыши. Изменена планировка помещений: сводчатые палаты разделены перегородками, выгорожены коридоры³.

¹ Альбом фотофиксации памятника архитектуры XVII–XVIII вв. (б. палат Волковых – Юсуповых), находящегося в пользовании Всесоюзной академии сель.-хоз. наук имени Ленина (Б. Харитоньевский пер., д. 21). Автор выражает благодарность начальнику Отдела научно-исследовательской и просветительной работы Государственного музея-заповедника «Архангельское» К. Г. Боленко за содействие в поиске архивных материалов в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ).

² РГАЭ. Ф. 8390. Оп. 1. Д. 4547. Л. 1–9.

³ Научный архив ФГУП ЦНРПМ. Палаты Волкова – Юсуповых, XVII–XIX вв. Предварительная документация. Шифр 136. Инв. № 37. 1962.

В результате проведенных работ крыши и белокаменный декор фасадов здания были отреставрированы, гранитные колонны-кубышки галереи южного фасада освобождены от известковой покраски и оставлены в естественном виде. Стены фасадов после очистки от поздней цементной штукатурки были покрыты известковой обмазкой и окрашены в два цвета – кирпично-красный фон и белый цвет архитектурных деталей.

В состав проведенных работ не вошли восстановление парадной лестницы и покрытия площадки галереи южного фасада, снятие культурного слоя вокруг здания с восстановлением частей стен, скрытых в земле, реставрацией цоколя и устройством отмосток¹.

К началу 1990-х гг. здание снова нуждалось в реставрационных работах. Проект реставрации был разработан специалистами Проектного института по реставрации памятников истории и культуры «Спецпроектреставрация» (ГАП В. Д. Шмыков)², но из-за отсутствия финансирования длительное время работы не начинались, и памятник продолжал разрушаться.

В 1999 г. к 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина на средства, выделенные правительством Москвы, были проведены реставрация фасадов здания и частичный ремонт кровли³. В том же году специалистами Мастерской № 17 Моспроекта-2 было выполнено историко-архитектурное обследование владения по адресу Большой Харитоньевский переулок, 21 и проведена фотофиксация фасадов и интерьеров палат. В это время проезд под Большой палатой все еще был заложен, а все парадные помещения второго этажа сохраняли витражные окна с разнообразными рисунками переплетов, выполненными по эскизам Н. В. Султанова (ил. 12–13).

В 2004–2008 гг. очередные ремонтно-реставрационные работы провел арендатор здания ООО «МежрегионНИИпроект»,

¹ Там же.

² Архив Департамента культурного наследия г. Москвы. Историко-архитектурное обследование центра г. Москвы. Микрорайон 31. Квартал 291. Б. Харитоньевский пер., 21. Моспроект-2. Мастерская № 17. Альбом 7. Т. 1. М., 1999.

³ Группа БАМО представляет: история Юсуповского имения в Большом Харитоньевском переулке от Ивана Грозного до наших дней. Книга-альбом / Н. Смирнов, Д. Пархоменко. М.: БАМО, 2009. С. 30, 31.

являющийся структурным подразделением многопрофильного производственно-строительного холдинга «БАМО» (с 2005 г. собственник объекта культурного наследия). Планово-реставрационное задание, разработанное Главным управлением по охране памятников Москвы (Департамент культурного наследия г. Москвы), было согласовано с Росохранкультурой.

В процессе реставрации была раскрыта проездная арка под Большой палатой с дальнейшим остеклением проемов витражами. Отреставрирована крыша, заменено ее покрытие «в шашку», отремонтированы оба крыльца, каменные и паркетные полы на первом и втором этажах, отреставрированы все печи и в полном объеме росписи парадных помещений¹.

Однако в марте 2006 г. комиссией Росохранкультуры в ходе проверки аварийных и восстановительных работ дома № 21 по Большому Харитоньевскому переулку (юсуповский дворец) были выявлены следующие нарушения:

1. В результате несанкционированных работ произошло обрушение стен пристройки XIX в. на северном фасаде.

2. Несанкционированно счищена штукатурка с полихромной окраской XIX в. с парадного крыльца и каменной ограды с воротами во дворе здания.

3. В процессе произвольного оштукатуривания и окраски вышеозначенных объемов значительно усложнилось их воссоздание.

4. В результате несанкционированных отделочных работ на фасадной части крыльца и ограды внутреннего двора утрачены многочисленные объемные элементы декора, а некачественное выполнение работ по восстановлению карнизов приводит к их обрушению.

5. Со стороны главного фасада устроена стеклопакетная конструкция, разрушающая эстетическое восприятие памятника в его историческом облике. В том же помещении сделана бетонная заливка перекрытия первого и второго этажей с врубкой металлических конструкций в историческую кладку.

---

¹ Группа БАМО представляет: история Юсуповского имения в Большом Харитоньевском переулке от Ивана Грозного до наших дней. Книга-альбом / Н. Смирнов, Д. Пархоменко. М.: БАМО, 2009. С. 41–45.

6. В восточной части дворца произвольно снесена постройка XIX в. хозяйственного назначения (часть памятника). На ее месте соорудили двухэтажную мансардную постройку.

7. Причиной разрушения штукатурки и живописи послужила стихийная установка электроточек с проведением кабеля в парадных помещениях дворца.

8. Несанкционированно расширен внутренний дверной проем охотничьей комнаты первого этажа, в результате чего утрачена часть подлинного орнамента.

9. Демонтированы витражи наружного остекления окон дворца. Результат: деформация и разрушение декоративных переплетов из свинца. Уникальные витражные окна не представлены.

10. Нанесен толстый слой шпаклевки в коридоре второго этажа. В итоге часть подлинных изображений медальонов разрушена.

11. Несанкционированно удалено историческое напольное покрытие по всему первому этажу и сделана бетонная стяжка. В результате создаются неблагоприятные температурно-влажностные условия, что может привести к интенсивному разрушению кладки несущих стен дворца и утрате живописи.

12. Чердачное помещение сильно захламлено. В итоге отсутствуют продухи, скапливается конденсатная влага, развивается плесневой грибок.

13. Работы по восстановлению кровли парадного крыльца выполнены непрофессионально.

14. Наружные стены дворца после некачественной реставрации уже обнаруживают шелушения, отслоения, частичные утраты (парадное крыльцо).

15. Несанкционированно ведутся отделочные работы в местах расположения настенной живописи по первому этажу дворца и домово́й церкви князей Юсуповых на третьем этаже.

16. Отсутствуют отреставрированные уникальные медные решетки отопительной и вентиляционной систем.

17. Контроль и регулирование температурно-влажностного режима не ведется, что недопустимо на данном памятнике¹.

---

¹ Дудина Т. А. История дома князей Юсуповых в Большом Харитоньевском переулке. ГМУА 1250-НА (на правах рукописи). С. 98, 99.

В 2007 г. Арбитражный суд признал сделку купли-продажи недействительной. Памятник вернулся в собственность Сельскохозяйственной академии, которая в 2015 г. была объединена с Российской академией наук (РАН). С того же года памятник физически пустует и отключен от всех коммуникаций. Росписи первого этажа страдают от повышенной влажности. Разрушается наружное крыльцо дворового (северного) фасада.

Решением Арбитражного суда города Москвы 17 декабря 2019 г. объект вернули в собственность Российской Федерации. В свою очередь, 28 апреля 2020 г. Министерство культуры РФ согласовало закрепление за Государственным музеем-усадьбой «Архангельское» права оперативного управления этим объектом культурного наследия.

В настоящее время здание находится в неудовлетворительном состоянии и нуждается в срочном проведении реставрационных работ.

Литература

- Арендт В. В.* Военно-исторический музей в Москве. М.: Военный вестник. 1926.
- Группа БАМО представляет: история Юсуповского имения в Большом Харитоньевском переулке от Ивана Грозного до наших дней. Книга-альбом / Н. Смирнов, Д. Пархоменко. М.: БАМО, 2009.
- Краснобаева М. Д.* Галерея предков князей Юсуповых // Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства. Материалы XV и XVI науч. конференций (25–27 нояб. 2009 г., 17–19 нояб. 2010 г., Москва). М., 2014. С. 74.
- Локкарт Р. Б.* История изнутри: Мемуары британского агента. М.: Новости, 1991.
- Москва. Виды некоторых городских местностей, храмов, примечательных зданий и других сооружений: [альбом] Ч. V / предисл.: Н. А. Найденов. М.: Типо-лит. И. Н. Кушнерева, 1884.
- Памятники архитектуры Москвы. Земляной город. М.: Искусство, 1989.
- Савельев Ю. Р.* Николай Владимирович Султанов. Портрет архитектора эпохи историзма. СПб.: Спас; Лики России, 2009.
- Шелаева Е. П.* Москва в старых фотографиях: конец XIX – начало XX века. СПб.: Лики России, 2009.

Архивные источники

- Архив Департамента культурного наследия г. Москвы. Историко-архитектурное обследование центра г. Москвы. Микрорайон 31. Квартал 291. Б. Харитоньевский пер., 21. Моспроект-2. Мастерская № 17. Альбом 7. Т. 1. М., 1999.
- ГИМ. ОПИ. Ф. 137. Оп. 1. Д. 47; 808; Ф. 180. Д. 337.
- ГМУА. Ф. 30. Оп. 1. Д. 125.
- Дудина Т. А.* История дома князей Юсуповых в Большом Харитоньевском переулке. 2010–2011. ГМУА 1250-НА.
- Жалованная грамота Александра III Феликсу Феликсовичу князю Юсупову графу Сумарокову Эльстон на княжеский титул с правом передачи его только старшему в роде. 1894 // ГИМ. ОПИ. Ф. 388. Оп. 1. Д. 300.
- МО ММ. № ММ ОФ-1743; ММ ОФ-1875.
- Научно-технический архив Проектного института по реставрации памятников истории и культуры «Спецпроектреставрация». Инв. № 10381. 1994.
- Научно-технический архив Проектного института по реставрации памятников истории и культуры «Спецпроектреставрация». Инв. № 13206. 2005.
- Научный архив ФГУП ЦНРПМ. Палаты Волкова – Юсуповых, XVII–XIX вв. Предварительная документация. Шифр 136. Инв. 37. 1962.
- Осмотр членами съезда зодчих дома кн. Юсупова // Русский листок. 1895. № 37. 7 февр. (РГАЛИ. Ф. 2428. Оп. 1. Д. 189. Тетр. 2. № 279–283).
- РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 2205; 2211; 2217; 2219; Оп. 6. Д. 508; 513; 518; Оп. 5. Д. 977; 1172.
- РГАЭ. Ф. 8390. Оп. 1. Д. 1882; 4547. Л. 1–9.
- РГБ. НИОРФ. 331. Карт. 92. Ед. хр. 67; Ф. 350. Папка XVIII. Ед. хр. 2.
- РГИА. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 105. Ч. XV. 1895.
- Реставрация дворца князей Юсуповых в Москве // Русский листок. 1893. № 134. 16 мая (РГАЛИ. Ф. 2428. Оп. 1. Д. 189. Тетр. 2. № 277).
- Сфинкс.* Дом князей Юсуповых // Московский Вестник. 1897. № 218. 10 авг. (РГАЛИ. Ф. 2428. Оп. 1. Д. 189. Тетр. 2. № 290–301).
- ЦГА Москвы. ОХ НТД. Ф. Т-1. Оп. 18. Д. 33. Ед. хр. 12; 18; 21; ОХД до 1917 г. Ф. 179. Оп. 62. Д. 18667; Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 358.

ПОДНОСНОЕ БЛЮДО ЮСУПОВЫХ К 300-ЛЕТИЮ ДОМА РОМАНОВЫХ

Гнутова Светлана Витальевна,
Центральный музей древнерусской культуры и искусства
имени Андрея Рублева, Москва
Савельев Юрий Ростиславович,
МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва

Аннотация. Подносное деревянное блюдо с костяными вставками, созданное в московской мастерской выпускника Строгановского училища Леонида Адамовича Пяновского (1885–1976), было выполнено к 300-летию дома Романовых в 1913 г. Л. А. Пяновскому принадлежит важнейшая роль в становлении искусства 1910-х гг. Блюдо заказали жители крымской деревни Коккоз для поднесения императору Николаю II в связи с его посещением имения Юсуповых в Крыму. Стиль произведения отражает традиции московской школы Строгановского училища, эстетические принципы которого сформировались под воздействием лучших образцов русской культуры XVII столетия в сочетании с элементами стиля модерн.

Ключевые слова. Декоративно-прикладное искусство начала XX в. Художник Л. А. Пяновский. Подносное блюдо. 300-летие дома Романовых. Имение Юсуповых. Деревня Коккоз в Крыму. Московская художественная школа. Строгановское училище.

THE YUSUPOVS' TRAY DISH FOR
THE 300TH ANNIVERSARY OF THE HOUSE OF ROMANOV

Gnutova Svetlana Vitalievna,
Andrey Rublev Central Museum of Ancient Russian Culture and Art,
Moscow
Savelyev Yuri Rostislavovich,
Lomonosov Moscow State University, Moscow

Annotation. A wooden tray with bone inserts, created in the Moscow workshop of Leonid Adamovich Pyanovsky (1885–1976), a graduate of the Stroganov School, was made for the 300th anniversary of the Romanov House in 1913. L. A. Pyanovsky played an important role in the development of art in the 1910s. The dish was ordered by residents of the Crimean village of Kokkoz to be presented to Emperor Nicholas II in connection with his visit to the Yusupov estate in the Crimea. The style of the work reflects the traditions of the Moscow school of the Stroganov School, the aesthetic principles of which were formed under the influence of the best examples of Russian culture of the 17th century, combined with elements of Art Nouveau.

Keywords. Decorative and applied art of the early 20th century. Artist L. A. Pyanovsky. A tray dish. 300th anniversary of the House of Romanov. The Yusupov estate. The village of Kokkoz in the Crimea. Moscow Art School. Stroganov School.

Среди художественных произведений, созданных в московской мастерской выпускника Строгановского училища Леонида Адамовича Пяновского (1885–1976), выделяется подносное блюдо, выполненное к 300-летию дома Романовых в 1913 г. Изучение творчества художника только начинается, и никогда прежде продукция его мастерской не становилась предметом научного поиска и целенаправленного исследования. Поэтому каждый новый обнаруженный предмет с клеймом мастера становится необыкновенно важным для определения его творческого почерка, характеризует круг заказчиков и значение в обширном и многообразном мире декоративно-го искусства Москвы начала XX в.

Блюдо выполнено из дерева. Широкие борта украшены пышной растительно-цветочной росписью и с четырех сторон декорированы резьбой и вставками из белого перламутра. Орнаментальные мотивы блюда выполнены в характерном для Л. А. Пяновского размашистом стиле крупными формами, отвечающими размерам деревянного канта, разделенного четырьмя орнаментальными вставками с геометрически стилизованными лозами винограда (белый перламутр в кустах). Четкая геометрия их рисунка контрастирует с орнаментальной росписью дерева, причудливой растительной плетенкой (по бокам) и большей по размеру композицией из разноцветных медальонов в форме вписанной лилии (сверху и внизу). Символически гроздья винограда могли обозначать изобилие крымской земли, однако виноградные гроздья часто встречаются в декоративных мотивах тех лет.

В середине вмонтировано серебряное чеканное блюдо меньшего диаметра, в центральной части которого помещены портреты царя Михаила Федоровича (над ним изображена шапка Мономаха) и императора Николая Александровича (над ним изображена большая императорская корона), выполненные в технике резьбы по кости. Над обоими портретами – двуглавый орел Палеологов, ниже портретов – герб Таврической губернии¹.

¹ «В золотом поле черный Византийский, увенчанный двумя золотыми коронами, орел, с золотыми клювами и когтями и червленными языками; на груди в лазуревом, с золотыми краями, щите золотой осьмиконечный крест. Щит увенчан Императорскою короною и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Андреевскою лентою» (Герб Таврической губернии // Геральдика. ру. URL: <https://geraldika.ru/s/3408#> (дата обращения: 02.03.2023)).

Изображение двуглавых орлов как символа царской власти часто встречается в русской декоративной геральдике. В 1913 г. сочетание герба с портретом царя Михаила Федоровича становится типичным иконографическим сюжетом.

Иконография царского венца Михаила Федоровича на резной костяной пластине восходит к двум иконографическим изводам, которые известны по изображениям московских царей XVII в. «Большой венец» царя Федора Иоанновича – уникальная трехъярусная металлическая корона с крестом, украшенная бриллиантами, жемчугом, изумрудами и турмалинами. Корона была изготовлена в Константинополе в конце XVI в. и в 1590 г. послана царю Федору Иоанновичу константинопольским патриархом Иеремией II. Цари надевали «Большой венец» только во время торжеств. Его изображение сохранилось на царских парсунах. Приблизительно в 1680 г. корона была разобрана для «бриллиантовых шапок» Петра I и Иоанна V.

Но более вероятно, что на костяной вставке изображен венец царя Михаила Федоровича по описи 1642 г. – «Шапка с перепелы», украшенная жемчугом, яхонтами, изумрудами и золотом. Она также не сохранилась, но известна по иконографии XVII и последующих столетий.

Выпуклая металлическая форма обрамления портретов следует их геометрии, находя близкие аналогии с выпуклыми нимбами святых в иконостасе храма в Ницце, а также с орнаментальными мотивами в центральной части этого иконостаса. В верхней части портретов обрамление повторяет форму царского венца (слева) и императорской короны (справа), а внизу окаймляет герб Таврической губернии, расположенный под портретами государей. Герб свидетельствует о происхождении дарителя – из деревни Коккоз (полуостров Крым входил в состав Таврической губернии): «В золотом поле черный византийский, увенчанный двумя золотыми коронами, орел, с золотыми клювами и когтями и червленными языками; на груди в лазуревом, с золотыми краями, щите золотой осьмиконечный крест. Щит увенчан Императорскою короною и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Андреевскою лентою»¹.

¹ Там же.

Свобода владения материалом и талантливая компоновка разных декоративных мотивов отличает творческий почерк художника.

По внутреннему ободку металлической вставки идет надпись: «От деревни Коккозь Богатырской волости». Каждое слово разграничено кабошонами природных камней красно-оранжевых оттенков. Такие же камни вмонтированы в орнаментальные вставки на полях деревянной основы блюда.

По центру доньшка закреплена металлическая прямоугольная табличка с названием мастерской и ее адресом: «МАСТЕРСКАЯ ХУДОЖН. Л. А. ПЯНОВСКАГО. МОСКВА. САДОВ. КУДРИНО. 32». На наружном борте серебряной вставки сверху имя художника: Л. А. Пяновский; а также «84» – проба серебра; женская головка, повернутая вправо, – клеймо пробирного управления после 1908 г. На внутреннем борте еще раз выбито: «Л. А. Пяновский». Несомненно, что блюдо было выполнено в мастерской Леонида Адамовича Пяновского.

Столь же своеобразным выглядит легко узнаваемый творческий почерк художника и его мастерской, о чем можно судить при сопоставлении подносного блюда с конструкцией иконы Св. Александра Невского Никольского храма в Ницце, созданной годом раньше. В обоих произведениях присутствует деревянная основа, покрытая растительным орнаментом красных оттенков, и выполненный из металла накладной центр композиции. Правда, в иконе металл обрамляет живописное изображение князя, а в блюде – редкий пример резьбы по кости весьма высокого качества.

Вообще, сочетание разных материалов – дерева и металла, и даже таких редких, как моржовая кость, – впоследствии стало отличительной характеристикой творчества Л. А. Пяновского. Таким же разнообразием материалов и орнаментальных мотивов отмечены другие его произведения, созданные в Ницце. Но все же основой блюда остается дерево – материал, особо любимый художником. Как увидим в дальнейшем, его мастерская в некоторых случаях называется столярной, в частности в переписке с академиком архитектуры А. В. Щусевым при изготовлении мебели для Русского павильона в Венеции. Экспонатами многочисленных выставок, в которых участвовал Л. А. Пяновский, были преимущественно изделия из дерева.

Можно также сделать предположение об образце, которым вдохновлялся автор блюда. В постоянной экспозиции Государственного исторического музея в Москве представлено удивительное по своим декоративным и художественным качествам деревянное блюдо второй половины XVII в., которое получило название «Времена года». Оно происходит из коллекции П. И. Шуккина, который, в отличие от своих знаменитых братьев, составил первоклассную коллекцию декоративного искусства и в 1905 г. передал ее Историческому музею. А. П. Бахрушин характеризует его как «серьезнейшего собирателя из всех мне известных, потому что он не собирает ничего, предварительно не собравши об этом предмете целую библиографию и не изучивши его по книгам»¹. Подобным отношением определялось качество предметов из его коллекции.

Иконография блюда представляет собой фрагмент популярной в XVII столетии (эпоха барокко) «космографии», которая в своем полном изводе является графическим изображением мироздания, согласно философским взглядам тех лет. Но относительно небольшие размеры блюда позволили разместить на нем лишь изображения времен года, которые персонифицированы в виде царственных фигур в венцах с атрибутами, символизировавшими состояние природы в тот или иной период времени². В центре блюда изображены лев и единорог.

При сравнении блюда Л. А. Пяновского с блюдом из Исторического музея можно заметить много общего. Совпадают материал, характер и колорит орнаментов, контраст между общим приглушенным фоном и светлыми клеймами с образами аллегорических царственных фигур на тронах. Этот же контраст между темноватым фоном и светлыми косяными рельефами с изображением царственных особ характеризует и произведение Л. А. Пяновского. В его орнаментальном обрамлении встречается и единорог, который также есть в музейном

¹ Бахрушин А. П. Из записной книжки А. П. Бахрушина. «Кто что собирает» / прим. М. Цявловского. М., 1916. С. 35.

² В русском искусстве барокко всеохватывающая картина мироздания представлена аллегориями четырех времен года, четырех сторон света, четырех стихий и т. д. Гораздо шире эта символика известна в западноевропейском искусстве.

прототипе. Следует вспомнить и о том, что художники эпохи историзма стремились изучать коллекции декоративного искусства, в которых находили мотивы для своего творчества.

Изображение основателя династии – царя Михаила Федоровича – и правившего в то время императора Николая Александровича – один из наиболее часто встречающихся сюжетов в год 300-летия дома Романовых. В посвяtitельной надписи – «От деревни Коккозь Богатырской волости» – упоминается одно из самых известных крымских имений князей Юсуповых.

Семья Юсуповых приобрела имение в предгорной татарской деревушке Коккоз (в переводе с татарского – «голубой глаз»; современное название – Соколиное), недалеко от своего дворца в Кореизе. Было принято решение построить здесь охотничий домик.

Юсуповы пригласили знаменитого ялтинского архитектора Николая Петровича Краснова (1864–1939), который здесь же, в Крыму, реставрировал Бахчисарайский ханский дворец. Вдохновленный местностью и татарскими традициями, Н. П. Краснов привнес в образ нового здания местные мотивы: перепады черепичных крыш, островерхие каминные трубы, белоснежные стены, витражи и стрельчатые окна. Интерьер дворца был создан под влиянием не только восточной экзотики, но и более конкретных образцов: Фруктовой беседки и Золотого зала Бахчисарайского дворца. В Коккозе Юсуповы принимали высоких гостей, в числе которых был король Мануэль Португальский и император Николай II.

Судя по надписи на блюде, оно, скорее всего, было поднесено от имени жителей села Коккоз императору Николаю II во время посещения им крымского имения Юсуповых. Впервые он побывал там еще в 1911 г. 9 ноября Николай II писал матери, императрице Марии Федоровне: «Неделю назад Юсуповы пригласили Ольгу, Татьяну и меня в их новое имение Коккоз... по ту сторону Ай-Петри. Дом только что выстроенный арх. Красновым в старом татарском стиле; очень красиво и оригинально»¹. Императору Николаю II так понравилась поездка в Коккоз, что он мечтал туда вернуться.

¹ Цит. по: Калинин Н., Кадиевич А., Земляниченко М. Архитектор Высочайшего Двора. Симферополь: Бизнес-Информ., 2003. С. 101.

В юбилейный 1913 г., 20 августа, он вновь посетил имение, о чем можно прочесть в дневнике императора: «20-го августа. Вторник. День простоял отличный. Утром сделали прогулку до конца виноградников к морю и выкупались – вода была очень теплая. Сегодня Алексей начал свои грязевые ванны. В 2¼ отправились компанией на четырех моторах на Ай-Петри и дальше в красивое имение Юсупова с чудным видом на “долину орлиного залета”. Наверху было прохладнее. Вернулись в 6 час. Занимался и окончил все бумаги»¹.

Так или иначе, создание блюда можно связать с заказом княжеской семьи Юсуповых. Их палаты в Большом Харитоньевском переулке в Москве, интерьеры которых пользовались всеобщей известностью, представляли собой один из лучших примеров как архитектуры XVII в., так и русского стиля конца XIX столетия. Автор интерьеров, известный мастер этого стиля Н. В. Султанов (1850–1908), будучи одним из лучших знатоков древнерусского искусства, широко использовал изысканные по рисунку и цветовому решению орнаментальные мотивы².

Всеобщая популярность русского стиля в конце XIX – начале XX в. отразилась на всех видах искусства, включая декоративно-прикладное, в том числе вышивку и текстиль. Уникальная мастерская, созданная Н. Л. Шабельской при своем музее, а затем унаследованная Н. П. и В. П. Шабельскими, могла привлекать и княгиню З. Н. Юсупову. Известны ее многочисленные фотографии, на которых княгиня в нарядах, сшитых по древнерусским образцам, включая туалет для знаменитого бала 1903 г. в Зимнем дворце. Можно предположить, что благодаря посещению музея и мастерских сестер Шабельских княгиня по достоинству оценила высокий художественный уровень произведений, создававшихся Л. А. Пяновским, и сделала ему заказ на изготовление декоративного блюда для императора Николая II к 300-летию дома Романовых.

¹ Дневник Императора Николая II за 1913 г. 2 сент. / 20 авг. [Электронный ресурс] // Прожито. URL: <https://prozhito.org/notes?date> (дата обращения: 02.03.2023).

² Савельев Ю. Р. Николай Владимирович Султанов. Портрет архитектора эпохи историзма. СПб.: Лики России, 2009. С.147–156, 218–245; *Его же*. Николай Султанов. Архитектурное наследие России. М.: Издательский дом Руденцовых, 2015. С. 205–245.

Еще одним подтверждением этого предположения может служить тот факт, что идея создания дворцового домика в Коккозе принадлежала именно княгине Зинаиде Николаевне. Об этом свидетельствует князь Феликс Феликсович Юсупов: «Коккозский дом – своеобразен: красив, уютен и оригинален. Это детище моей жены. Она в него вложила не роскошь, не богатство, а свой изящный вкус, и вышла целая веселая, волшебная сказка, интересная и радостная... Да, это не дом, а ласковая сказочка. Она так правдива, так радушно захватывает ваше воображение, что невольно думаешь: да это другой мир, чарующий, лучший мир»¹.

Ему вторит и князь Феликс Юсупов-младший: «Наше имение Коккоз, имя которого по-татарски означало “голубой глаз”, находилось в глубине долины возле маленькой татарской деревни с белыми домами и крышами-террасами. Это было феерическое место, особенно весной, когда цвели яблони и вишни. Чтобы восстановить старый дом, лежавший в руинах, мать велела построить новый в местном стиле. Задуманный сначала как простой охотничий павильон, он в итоге превратился в большой красивый дворец по образцу ханского дворца в Бахчисарае»².

Поскольку дом в Коккозе создавался попечением княгини Зинаиды Николаевны, то и подносное блюдо от жителей села Коккоз, скорее всего, было выполнено Л. А. Пяновским по ее заказу. В эти годы имя художника стало достаточно хорошо известно благодаря убранству Никольского храма в Ницце. Освящение храма состоялось 17 декабря 1912 г., накануне создания подносного блюда. Жертвователи храма составляли цвет русской аристократии, именно на их пожертвования Л. А. Пяновский проектировал и выполнял свои произведения, и поэтому заказ ему блюда к юбилейным торжествам вполне закономерен.

Благодаря несомненному влиянию модерна стиль блюда имеет специфику, которая проявляется главным образом в орнаментальном

¹ Цит. по: *Кашук Л. А.* Сумароковы-Эльстоны, Юсуповы и Крым. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. С. 105.

² Князь Феликс Юсупов. Перед изгнанием. 1887–1919. М.: Московский центр искусств, 1993. С. 81.

декоре изделия и более свободном обращении мастера с материалом. Блюдо выделяется необычным сочетанием трех компонентов – дерева, металла и моржовой кости. Полудрагоценные камни и белый перламутр служат акцентами композиции.

Подобное разнообразие материалов, как было отмечено выше, отличало продукцию мастерской Л. А. Пяновского. Ранее в московской мастерской художника к 300-летию дома Романовых была создана икона Св. Михаила Архангела для храма в Ницце¹.

Празднование 300-летия дома Романовых в 1913 г. стало удивительно плодотворным периодом в развитии декоративного искусства. На известных ювелирных фабриках – Хлебникова, Овчинникова, Оловянишникова, Немирова-Колодкина и многих других – во множестве создавались подносные предметы, преимущественно в русском стиле XVII в. – «времени первых Романовых».

Среди них едва ли не первое место принадлежало подносным блюдам. Обычай преподносить хлеб-соль на блюде получил распространение в русской культуре в XVI–XVII вв. Подносные блюда, выполненные из различных материалов, широко использовались в царском обиходе, во время церковных праздников, приема именитых гостей и других торжеств.

Традиция изготовления подобных блюд приобретает особое значение во второй половине XIX столетия в связи с возрождением в обществе особого интереса к исконным русским культурным традициям, а господствующим направлением в искусстве становится русский стиль². Подносные блюда изготавливались по заказам различных обществ и лиц для подарков императору, государственным чиновникам, почетным гостям в дни юбилеев, именин, свадебных церемоний.

В последней четверти XIX в. в их изготовлении преобладал один материал – либо металл (часто с эмалевыми вставками), либо

¹ Русские церкви в Ницце / А. Оболенский, Л. Свечин, П. Гатье. Арль: Honore Claire, 2010. С. 143.

² Русский стиль становится излюбленным стилем ювелирных фабрик, а в создании декоративных произведений в этом стиле участвуют ведущие мастера тех лет, причем не только художники, но и зодчие: А. И. Резанов, А. Л. Гун, Н. В. Султанов, А. И. фон Гоген, Р. А. Гедике и др.

дерево. Наибольшее распространение получили деревянные блюда, богато украшенные резным декором и памяtnыми надписями, так как дерево считалось исконно народным материалом, наиболее полно отражающим специфику русского искусства.

В начале XX в. под влиянием эстетики модерна круг использованных материалов значительно расширился, и едва ли не самым популярным стало сочетание разных материалов: дерева, декоративного металла, драгоценных и полудрагоценных камней, эмали и т. д., что значительно обогащало композицию произведений. Часто на резную или гладкую основу монтировались композиции из металла, которые украшались эмалью и полудрагоценными камнями.

На рубеже XIX и XX вв. подносные блюда производились почти всеми крупными ювелирными фабриками. Особенно многочисленные заказы на изготовление блюд были связаны с коронационными торжествами 1883 и 1896 гг., в связи с 300-летием дома Романовых, а также при путешествиях по России высочайших особ.

Судя по инвентарным номерам на обороте блюда, оно, скорее всего, поступило в императорские коллекции Ливадийского дворца в Крыму или Александровского дворца в Царском Селе. После революции предмет был продан в Америку и, вероятно, находился в коллекции А. Хаммера, на что указывает наклейка с надписью «RUSSIAN IMPERIAL».

Подносное блюдо к 300-летию дома Романовых представляет собой интереснейший образец русского декоративного искусства начала XX в. Благодаря своим художественным достоинствам, оригинальности композиции, использованным материалам и техникам блюдо занимает важнейшее место в истории отечественного искусства и является редким примером творчества выдающегося художника Леонида Адамовича Пяновского и одним из немногих известных образцов, вышедших из его московской мастерской.

Для творчества Л. А. Пяновского характерен особый узнаваемый стиль. В относительно небольшом художественном произведении – подносном блюде – эти особенности выражены достаточно полно,

что позволяет отнести его к ценнейшим произведениям русской школы декоративного искусства предреволюционного десятилетия. Стиль произведения отражает традиции московской школы Строгановского училища, эстетические принципы которого сформировались под воздействием лучших образцов русской культуры XVII столетия в сочетании с элементами стиля модерн. Уже сегодня благодаря новым открытиям в связи с исследованием блюда данным становится ясно, что Л. А. Пяновскому принадлежит важнейшая роль в становлении искусства 1910-х гг.

Литература

- Бахрушин А. П.* Из записной книжки А. П. Бахрушина: Кто что собирает / прим. М. Цявловского. М., 1916.
- Кашук Л. А.* Сумароковы-Эльстоны, Юсуповы и Крым. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014.
- Князь Феликс Юсупов. Перед изгнанием. 1887–1919. М.: Московский центр искусств, 1993.
- Калинин Н., Кадиевич А., Земляниченко М.* Архитектор Высочайшего Двора. Симферополь: Бизнес-Информ, 2003.
- Савельев Ю. Р.* Николай Владимирович Султанов. Портрет архитектора эпохи историзма. СПб.: Лики России, 2009.
- Савельев Ю. Р.* Николай Султанов. Архитектурное наследие России. М.: Издательский дом Руденцовых, 2015.
- Русские церкви в Ницце / А. Оболенский, Л. Свечин, П. Гатье. Арль: Nonogre Claire, 2010.

Электронные ресурсы

- Герб Таврической губернии // Геральдика.ру. URL: <https://geraldika.ru/s/3408#> (дата обращения: 02.03.2023).
- Дневник Императора Николая II за 1913 г. 2 сент. / 20 авг. // Прожито. URL: <https://prozhito.org/notes?date> (дата обращения: 02.03.2023).

К ИСТОРИИ КЛАДА, НАЙДЕННОГО В 1925 ГОДУ ВО ДВОРЦЕ КНЯЗЕЙ ЮСУПОВЫХ В БОЛЬШОМ ХАРИТОНЬЕВСКОМ ПЕРЕУЛКЕ В МОСКВЕ¹

Исаева Елена Викторовна,
Музеи Московского Кремля, Москва

Аннотация. Статья посвящена кладу драгоценных предметов, найденному в апреле 1925 г. в московском дворце князей Юсуповых в Большом Харитоньевском переулке. Клад обнаружили в тайнике под главной лестницей, куда он был помещен в 1917 г. Ф. Ф. Юсуповым. Клад состоял из огромного количества драгоценных фамильных украшений и старинных предметов утвари XVI–XIX вв. Эта находка считается одним из крупнейших московских кладов XX в. Обнаруженные предметы были описаны экспертами, а затем переданы в Гохран. Из Гохрана небольшая их часть (46 предметов) поступила в том же году в Оружейную палату Московского Кремля по настоянию директора музея Д. Д. Иванова и таким образом была сохранена и спасена от распродаж. История остальной части клада неизвестна.

Ключевые слова. Московский дворец Юсуповых. Ф. Ф. Юсупов. Клад. Оружейная палата Московского Кремля. Д. Д. Иванов. Гохран.

---

¹ Исследование проведено в рамках гранта РФФИ № 20-012-00350 «Московский Кремль в XX столетии. Древние святыни и исторические памятники».

HISTORY OF THE TREASURE-TROVE FOUND IN 1925
IN THE YUSUPOV PALACE IN MOSCOW,
IN BOLSHOY KHARITONYEVSKY LANE

Isaeva Elena Viktorovna,
Moscow Kremlin Museums

Annotation. The article is devoted to a treasure-trove of precious objects found in April 1925 in the Princes Yusupov Palace in Bolshoy Kharitonyevsky Lane, Moscow. It was discovered in a hiding place under the main staircase of the palace, where it was placed in 1917 by F. F. Yusupov. The trove consisted of a large number of precious family jewels and antique utensils of the 16th–19th centuries. This find is considered to be one of the largest Moscow treasure-troves of the 20th century. The discovered items were described by experts, and then transferred to Gokhran. The same year a small part of them (46 items) came from Gokhran to the Armory of the Moscow Kremlin on the insistence of D. D. Ivanov, the Director of the museum, and thus it was preserved and saved from the sales. The history of the rest of the treasure is unknown.

Keywords. The Yusupov Palace in Moscow. F.F.Yusupov. Treasure-trove. Armory of the Moscow Kremlin. D. D. Ivanov. Gokhran.

В апреле 1925 г. предметом бурного обсуждения общественности Москвы стала находка клада в бывшем дворце князей Юсуповых в Большом Харитоньевском переулке. 10 апреля (22 марта) в своем дневнике хранитель Исторического музея Алексей Васильевич Орешников сделал запись: «В доме князя Юсупова на днях найдены в замурованной комнате вещи: столовое серебро, бриллианты, последние, говорят, на 6 миллионов рублей»¹. Эта находка сегодня считается крупнейшим московским кладом XX в.

Вскоре после большевистского переворота 1917 г. князь Феликс Феликсович Юсупов и его супруга Ирина Александровна спешно переехали в Крым, а вскоре навсегда покинули Родину. Не имея возможности увезти с собой семейные сокровища и, видимо, надеясь на скорое возвращение в Россию, Феликс Юсупов втайне перевез фамильные украшения и некоторые предметы искусства из Петербурга в московский особняк, где и спрятал их.

В своих воспоминаниях он описал эти события так: «Осенью (1917 г. – *Е.И.*) я решил съездить в Петербург – припрятать драгоценности и самые ценные предметы коллекции. Слуги, из самых преданных, помогали... Покончив дела в Петербурге, я собрал все фамильные брильянты и с верным слугой Григорием (Бужинским. – *Е.И.*)² поехали мы в Москву спрятать их. Схоронили под лестницей»³.

Но тайник оказался не слишком надежным, хотя найден он был нескоро. Ф. Юсупов, будучи в эмиграции, узнал об этом из газет. Он был в отчаянии. «Беда, как известно, не приходит одна, – записал он в дневнике, – в Москве большевики нашли наши драгоценности, которые я так хитроумно спрятал в тайнике под лестницей. Даром бедняга Бужинский молчал под пытками и принял смерть, ничего не сказав!»⁴

¹ Орешников А. В. Дневник. 1915–1933. Кн. 2. 1925–1933. М., 2011. С. 27.

² Слуга Ф. Юсупова Григорий Бужинский через несколько лет был «замучен пытками, но тайны большевикам не выдал» (Князь Феликс Юсупов. Мемуары. В 2 кн. До изгнания. 1887–1919. В изгнании. М., 2022. С. 235.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 320.

Однако тайник был найден довольно случайно. И возможно, что еще долгие годы оставался бы нетронутым, если бы домом по-прежнему управлял преданный семье Юсуповых М. И. Перов¹. М. И. Перов был управляющим московскими домами Юсуповых с 1900 г. После революции он стал комендантом Военно-исторического музея, расположившегося в юсуповском дворце, но по-прежнему присматривал за хозяйским имуществом. Это и дает ответ на вопрос, почему тайник на протяжении многих лет так и не был обнаружен, хотя его искали и он находился на самом виду, под парадной лестницей дворца. «Не потому ли, что тайник кто-то охранял – тот, у кого были для этого и стимулы и ресурсы? Таким человеком в первые годы советской власти был на юсуповском дворе только М. И. Перов», – пишет А. В. Постников².

Автор биографии М. И. Перова справедливо предполагает, что тайник был устроен при непосредственном участии управляющего, под контролем которого продолжала оставаться в те годы вся хозяйственная жизнь юсуповского двора³. В 1923 г. М. И. Перов был арестован и выслан из Москвы⁴. Оберечь тайник больше было некому, и вскоре его нашли. По одним сведениям – в процессе ремонта, по другим – он был обнаружен бдительным сторожем, обратившим внимание на то, что кладка кирпича под главной лестницей необычна, за ней угадывалось замурованное пространство.

Стену разобрали, за ней оказалось большое помещение, заполненное сундуками и отдельно лежавшими старинными предметами. Директор Военно-исторического музея, располагавшегося в то время в особняке, понял значимость находки и немедленно сообщил в соответствующие инстанции. В тайнике оказалось

¹ О судьбе М. И. Перова см.: *Постников А. В. Юсуповский управляющий в Москве М. И. Перов // Архангельское. Материалы и исследования. Вып. 5. Русская усадьба: история, музеефикация и изучение художественных коллекций. М., 2022. С. 206–225.* Благодарю К. Г. Боленко за сведения об этой статье.

² Там же. С. 218.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 119.

несколько запертых сундучков, один полуразвалившийся от пребывания в сыром помещении большой сундук и отдельно сложенные на полу серебряные старинные предметы: кубки, блюда, чаши и многое другое.

Поздно вечером 7 апреля все содержимое тайника с описью «незапертых» вещей было доставлено в ОГПУ по ордеру № 227. Вскоре об этой находке в политбюро ЦК РКП(б) докладывал Ф. Э. Дзержинский, который просил выделить 25% суммы, вырученной от продажи юсуповских драгоценностей, на постройку опытно-образцовых домов для рабочих¹.

К записке Дзержинский приложил опись найденных предметов, составленную комиссией, образованной зампредом ОГПУ Г. Г. Ягодой для разбора и описания ценностей и старинных вещей, «обнаруженных замурованными в стене под главной лестницей вестибюля Военно-исторического музея в Москве по Большому Харитоньевскому № 15 (бывший дворец князей Юсуповых)»². В комиссию входили: секретарь секретного отдела ОГПУ Буланов, делопроизводитель того же отдела Малкова, «заместитель заведующего учета и охраны» Музейного отдела Главнауки Наркомпроса Л. Я. Вайнер, комиссар Оперода тов. Храмов, казначей Финчасти ОГПУ тов. Кадыков, эксперт по ценностям т. Винклер. Также для описания вещей были приглашены эксперты Музейного отдела Главнауки директор Оружейной палаты Д. Д. Иванов, эксперт Наркомпроса Ф. Ф. Вишневский и фотограф. Часть предметов была сфотографирована (выполнено 11 фотографических снимков, на которых представлены группы предметов и два снимка общего вида ценностей при обнаружении)³.

Клад состоял из ювелирных украшений и предметов утвари XVI–XIX вв. Комиссией были составлены описи найденного. Из них следует, что ценности были осмотрены, описаны, часть из них (ювелирные

¹ Документ опубликован: 25% из Юсуповских ценностей мне крайне нужны // Источник. Приложение к журналу «Родина». 2000. № 5. С. 89–95. Благодарю К. Г. Боленко, сообщившего мне о данной публикации.

² Там же. С. 90.

³ Упомянутые фотографии к публикуемому документу не прилагались. См.: Там же. С. 95. Их местонахождение в настоящее время неизвестно.

украшения) сфотографированы. Надо отметить, что работа по описанию клада была проделана невероятная: огромное количество разноплановых предметов осмотрели и описали в кратчайшие сроки, уже к 16 апреля был составлен и подписан акт.

Драгоценности описаны группами: назван предмет или группа однотипных предметов, указаны количество крупных драгоценных камней и способ огранки, вес в золотниках и долях золотников. Благодаря присутствию в комиссии специалистов – экспертов по драгоценным материалам и искусствоведов вещи были описаны, предметы XVI–XIX вв. атрибутированы.

Остановимся на последних. Эта группа предметов была огромной – здесь присутствовали европейские, восточные и русские изделия XVI–XIX вв.: блюда, кубки и братины, кружки, ковши, стаканы и стопы, шкатулки и подсвечники, настольные украшения и многое другое. Великое разнообразие. Всего около 500 произведений.

Все предметы (а это четыре сундука, одна корзина, пять железных ящичков, один сверток и отдельно несколько вещей большого размера, не упакованных) были опечатаны печатями ОГПУ и Отдела по делам музея Главнауки и переданы на хранение в Финотделение ОГПУ¹. Затем оттуда их отправили в Хогран.

Даже беглый взгляд на опись позволяет понять, что эта находка представляла собой невероятную ценность. И не только в материальном плане (хотя важности этого для данного времени тоже нельзя исключить), но также в художественном и историко-культурном. Комиссия в своем заключении не давала вещам материальной оценки – указывался только вес произведения, – но она была очевидна; как писал Дзержинский: «...по грубому определению экспертов стоимость выражается приблизительно в несколько миллионов рублей»².

Некоторая часть украшений вполне могла оказаться свадебными подарками, заказанными из фамильных драгоценностей Феликсом Юсуповым невесте Ирине Александровне Романовой,

---

¹ Там же. С. 95.

² Там же. С. 90.

а также поднесенными ей ко дню свадьбы венценосными родственниками, в том числе императором Николаем II¹. Конечно, судьба этих ювелирных украшений была предопределена. Вероятнее всего, их распродали. Молодое Советское государство отчаянно нуждалось в деньгах. Остается вопрос, были ли они проданы в целости или обезличены и затем погибли в аффинажных цехах. Как известно, извлечение драгоценных камней из ювелирных изделий для последующей их продажи активно практиковалось в Гохране².

В литературе встречается информация, что была устроена некая выставка юсуповских драгоценностей³, но документального подтверждения этому пока не найдено. В 1928 г. на одном из европейских аукционов Феликс Юсупов узнал фамильные ценности: «В Берлине, в галерее Лемке, Советы организовали продажу произведений искусства. В иллюстрированном каталоге я узнал некоторые наши вещи. Обратился я к адвокату мэтру Вангеманну и просил его предупредить судебные власти и приостановить продажу до разбирательства дела в суде... Мы не сомневались, что собственность нашу нам возвратят. Но, со своей стороны, большевики заявляли, что декретом от 22 ноября 1919 года советское правительство силой своих полномочий конфисковало все имущество эмигрировавших и немецкие власти не вправе вмешиваться. Увы, большевики выиграли дело»⁴.

Что же касалось исторических предметов – серебряных произведений XVI–XIX вв., то за них можно было побороться. Что вскоре и произошло.

Из дневника Алексея Васильевича Орешникова: «Пономарев (директор Исторического музея. – *Е.И.*) попросил меня написать в Главнауку

¹ Столица и усадьба. 1914. № 5. С. 9. В журнале опубликован фотографический снимок этих подарков, к которому прилагаются список произведений и сведения о дарителях.

² См., напр.: Проданные сокровища России. История распродажи национальных художественных сокровищ / авт.-сост. Н. Семенова, Н. Ильин. М., 2021. С. 80–81.

³ Кончин Е. Московские тайники // Московский журнал. 2000. № 2. Неизвестно, какую именно выставку имел в виду автор. Можно допустить, что под словом «выставка» Е. В. Кончин подразумевал представленные в экспозиции Оружейной палаты в витринах предметы из юсуповскогоклада.

⁴ Князь Феликс Юсупов. Указ. соч. С. 356.

о предоставлении вещей Историческому музею; но на них уже заявили претензии Эрмитаж и Оружейная палата. Я написал и вручил Пономареву»¹.

Директор Оружейной палаты Д. Д. Иванов, со своей стороны, тоже написал письмо в Главнауку. Выдался удобный случай. Осенью 1925 г. в Ленинграде и Москве планировались торжества по случаю 200-летия Академии наук (в юбилейный 1924 г. торжества отменили из-за наводнения в Ленинграде). Торжественные мероприятия были запланированы на 6–14 сентября, в Москве они проходили с 11 по 14 сентября. 13 сентября утром делегация участников этих мероприятий осматривала памятники Кремля (в том числе и Оружейную палату), затем следовал обед в Кремлевском дворце².

Дмитрий Дмитриевич Иванов не упустил возможности получить финансирование для подготовки музея к приему делегации. Надо отметить, что подобная необходимость была. К тому времени залы палаты были загромождены церковными ценностями, поступившими из упраздненных кремлевских монастырей и соборов, предметами из апартаментов Большого Кремлевского дворца, экспонатами самой Оружейной палаты, перенесенными из отнятых для нужд ВЦИК СССР комнат музея. Этим вещам необходимо было найти новое помещение и разместить их.

Из-за «загроможденности» экспозиции несколько лет не было возможности вымыть окна и привести в порядок парадную лестницу. Также планировалось устроить новые экспозиции: гобеленов, ранее не выставлявшихся коронационных платьев, конюшенной казны. Это и многое другое необходимо было сделать³. В числе прочего – пополнить экспозицию.

Дмитрий Дмитриевич обратился в Отдел по делам музеев Главнауки с просьбой о передаче из Гохрана в Оружейную палату ряда предметов из собрания Юсуповых: «Для экспозиции к посещению Оружейной палаты участниками празднества юбилея

¹ Орешников А. В. Указ. соч. С. 27.

² ОРПФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1925 г. Д. 10. Л. 19.

³ Там же. Л. 14.

академии наук СССР крайне нужны музейные предметы из собрания б. Юсуповых»¹.

Напомним, что Дмитрий Дмитриевич был членом комиссии по описанию юсуповскогоклада. Можно предположить, что древние предметы описывал именно он как специалист по европейскому серебру и хранитель музея, в собрании которого находилась уникальная по своему составу коллекция посольских даров европейских монархов российским правителям. Последнее обстоятельство также давало преимущество Оружейной палате перед другими музеями.

И неслучайно Дмитрием Дмитриевичем были отобраны по большей части произведения европейских мастеров. Памятники такого рода могли дополнить коллекцию Оружейной палаты, это было очевидно. Но главная цель Д. Д. Иванова – мы сейчас это прекрасно понимаем – спасение уникальных произведений искусства от распродаж или переплавки для нужд Помгола. Это было предметом постоянной личной заботы Дмитрия Дмитриевича. И борьба за сохранение музейных памятников в итоге стоила ему жизни².

Наконец, 1 сентября 1925 г. запрашиваемые предметы поступили из Гохрана в Оружейную палату. В своем отчете за 1925 г. Д. Д. Иванов отметил, что они были размещены в витринах в срок, уже к 10 сентября, накануне юбилея³.

Всего Оружейная палата получила 46 предметов из юсуповского собрания⁴. Предметы были вновь описаны Дмитрием Дмитриевичем, на этот раз он составил чрезвычайно подробные описания, были воспроизведены надписи, прочитаны или зарисованы клейма, указаны мастера, даны размеры и вес предметов, а также необходимые атрибуции. Когда это было важно, Д. Д. Иванов указывал сведения о сохранности.

¹ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1925 г. Д. 14. Л. 22.

² О Д. Д. Иванове см.: *Тутова Т. А.* Директор Оружейной палаты Д. Д. Иванов и борьба за сохранение музейных ценностей в 1922–1929 годах // *Сокровищница России. Страницы исторической биографии Музеев Московского Кремля. Материалы и исследования.* Вып. XIV. М., 2002. С. 95–111.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 802. Л. 112.

⁴ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1925 г. Д. 13. Л. 28.

Вот запись о блюде с изображением сцены Троянской войны: «После многолетнего пребывания в замурованной кладовой безо всякой вентиляции вместе с сгнившими от сырости деревянными шкатулками и разрушавшимися от ржавчины железными крюками блюдо найдено сильно пострадавшим»¹. Все предметы Дмитрий Дмитриевич собственноручно записал в музейный инвентарь – так называемую Филимоновскую опись, указав их происхождение и источник поступления.

И опять обратимся к дневнику Орешникова. Запись от 3 октября (20 сентября) 1925 г.: «Зашел в Оружейную палату, где Дм. Дм. показал мне великолепное серебро, найденное замурованным в доме князя Юсупова; объяснения Дм. Дм. к вещам, которые он мне дал, очень интересны; 2 ковша времени Елизаветы Петровны поступят в Исторический музей»².

Действительно, вскоре согласно постановлению Ученого совета Оружейной палаты от 10 октября 1925 г. два ковша, пожалованные в 1755 и 1777 гг. Гусятникову и Зубкову, были переданы в Исторический музей «в виду того, что данный тип ковша в Оружейной палате уже представлен, а в Историческом же музее подобных ковшей не имеется»³.

Вскоре, в октябре 1925 г., из Гохрана в Оружейную палату было передано несколько предметов из собрания Юсуповых, выполненных из олова и меди: две чернильницы с эмалью XVII в., две чернильницы без эмали того же времени, два кокосовых кубка в медных оправках XVIII в., медные складень и футляр с эмалью (всего восемь предметов)⁴.

Изделия из недрагоценных материалов Гохрану не были нужны. Но они не сохранились и в Оружейной палате. Вскоре 11 предметов были переданы в Исторический музей⁵. Затем две чернильницы XVII в., поясная и настольная, поступили для экспонирования в Дом

¹ Там же.

² Орешников А. В. Указ. соч. С. 68.

³ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1925 г. Д. 3. Л. 76.

⁴ Там же. Д. 14. Л. 20.

⁵ Там же. Д. 3. Л. 81.

бояр Романовых, который был с момента основания и до 1932 г. филиалом Оружейной палаты¹. Еще одна чернильница поступила в терема Большого Кремлевского дворца².

Часть вещей, как не «соответствующая помещению в Оружейной палате, но могущая быть использована в провинциальных музеях», в октябре 1925 г. была передана в хранилище Музейного фонда для дальнейшего распределения³. Это 75 предметов, происшедшие из дворцового имущества, поступившие из Гохрана и юсуповского собрания.

Сегодня в собрании Музеев Кремля хранится около 40 предметов из юсуповскогоклада. В основном это произведения европейских, преимущественно немецких, мастеров-серебряников: блюда, кубки, кувшины, кружки, стопы. Предметы не сохранились единым комплексом, некоторые из них представлены в экспозициях музея. Очевидно, что это лишь небольшая часть юсуповских ценностей, но все же благодаря подвижнической деятельности Д. Д. Иванова она была сохранена.

Какова судьба остальной части юсуповского серебра, оставшегося в Гохране, мы можем только предполагать. И искать.

¹ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1925 г. Д. 3. . Л. 85.

² Там же. Л. 84.

³ Там же. Д. 14. Л. 23.

Литература

- Князь Феликс Юсупов. Мемуары. В 2 кн. До изгнания. 1887–1919. В изгнании. М., 2022.
- Кончин Е. Московские тайники // Московский журнал. 2000. № 2. С. 40–41.
- Орешиников А. В. Дневник. 1915–1933. Кн. 2. 1925–1933. М., 2011.
- Постников А. В. Юсуповский управляющий в Москве М. И. Перов // Архангельское. Материалы и исследования. Вып. 5. Русская усадьба: история, музеефикация и изучение художественных коллекций. М., 2022. С. 206–225.
- Проданные сокровища России. История распродажи национальных художественных сокровищ / авт.-сост. Н. Семенова, Н. Ильин. М., 2021.
- Столица и усадьба. 1914. № 5. С. 9.
- Тугова Т. А. Директор Оружейной палаты Д. Д. Иванов и борьба за сохранение музейных ценностей в 1922–1929 годах // Сокровищница России. Страницы исторической биографии Музеев Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. XIV. М., 2002. С. 95–111.
- 25% из Юсуповских ценностей мне крайне нужны // Источник. Приложение к журналу «Родина». 2000. № 5. С. 89–95.

Архивные материалы

- ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 802. Л. 112.
- ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1925 г. Д. 3. Л. 76, 81, 84, 85; Д. 10. Л. 14, 19; Д. 13. Л. 22, 28; Д. 14. Л. 20, 22, 23.

ОРГАНИЗАЦИИ, РАЗМЕЩАВШИЕСЯ
В МОСКОВСКОМ ЮСУПОВСКОМ ДВОРЦЕ В РАННИЙ
СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: 1917–1936 ГОДЫ
(ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА)

Постников Андрей Владимирович,
Государственный музей-заповедник «Архангельское»,
Московская область, городской округ Красногорск

Аннотация. Справка содержит основные сведения об организациях, размещавшихся в московском дворце Юсуповых после революции 1917 г. и до передачи здания Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук (1936): об их названиях, статусе и подведомственности, общих функциях (кратко), времени размещения во дворце, директорах (заведующих), а также об изменениях адреса здания. Цель справки – помочь исследователям разобраться в запутанном и малоизвестном периоде истории памятника, характеризующемся быстрой сменой размещавшихся в нем организаций и их названий. Справка сопровождается ссылками на источники информации.

Ключевые слова. Московский дворец Юсуповых. Народный комиссариат просвещения. Военно-исторический музей. Музей имени А. П. Чехова. Музей старой Москвы. А. В. Чаянов. Научно-исследовательский институт сельскохозяйственной экономики.

THE ORGANIZATIONS LOCATED
IN THE MOSCOW YUSUPOV PALACE
IN THE EARLY SOVIET PERIOD: 1917–1936
(HISTORICAL REFERENCE)

Andrew V. Postnikov,
Arkhangelskoye State reserve and museum,
Moscow Oblast, District as the town of Krasnogorsk.

Annotation. The reference contains basic information about the organizations located in Moscow Yusupov Palace after the revolution of 1917 before the All-Union Academy of Agricultural Sciences (1936) – about their names, status and jurisdiction, general functions (briefly), the time of location in the palace, about the names of directors (heads), as well as about changes in the addresses of the building. The purpose of the reference is to help researchers understand a confused and little-known period in the history of the monument, characterized by a rapid change of organizations and their names. The reference is accompanied by links to the sources of information.

Keywords. Moscow Yusupov Palace. People's Commissariat of Education. Military History Museum. Museum named after A. P. Chekhov. Museum of old Moscow. A. V. Chayanov. Research Institute of Agricultural Economics.

Настоящая справка охватывает период от Октябрьской революции 1917 г. до передачи московского юсуповского дворца ВАСХНИЛу в конце 1936 г. Данный период характеризуется настоящей чехардой организаций, быстро сменявших во дворце одна другую, а также постоянно менявших свои названия и адреса (что создает путаницу и большие проблемы для исследователей). В справке мы постарались привести максимально точные сведения о наименованиях, статусе и подведомственности размещавшихся в юсуповском дворце организаций в 1917–1936 гг.; о точном времени их пребывания в здании; о смене заведующих (директоров), а также об изменении адресов московского юсуповского дворца в ранний советский период. Кратко характеризуются также функции размещавшихся в здании организаций.

В конце октября 1917 г. (не позднее 25-го числа) князь Феликс Феликсович Юсупов граф Сумароков-Эльстон-младший договорился с консульством Великобритании о сдаче в аренду московского дворца Юсуповых английскому правительству и размещении в здании консула¹. В самом конце декабря 1917 г. (скорее всего, 31-го числа или незадолго до этого дня) консул Великобритании переехал во дворец на постоянное жительство². Официальный договор об аренде к 3 января 1918 г. не был еще заключен³, и неизвестно, был ли он заключен вообще.

Советское правительство, формально национализировав все бывшие дворянские дворцы и усадьбы и взяв их под свою охрану (в том числе московский юсуповский дворец⁴), фактически не препятствовало функционированию в нем британского консульства. К концу весны 1918 г. консульство Великобритании в московском доме Юсуповых продолжало благополучно существовать⁵.

Ситуация изменилась лишь в начале августа 1918 г., когда Великобритания совместно с другими странами Антанты начала прямую военную интервенцию в Советскую Россию. В связи с данными событиями английское консульство в московском юсуповском

¹ Архив Феликса и Ирины Юсуповых. Переписка / авт.-сост. Н. Ганина. М., 2018. С. 74, 76.

² РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 1172. Л. 202–203.

³ Там же. Д. 3093. Л. 83 об.

⁴ Там же. Л. 84–85.

⁵ Там же. Д. 1224. Л. 80 об.

дворце упоминается в последний раз (когда сотрудники ВЧК совершили налет на здание, произведя в нем обыски и выборочные аресты¹).

16 ноября 1918 г. дворец в Б. Харитоньевском переулке был реквизирован у Юсуповых Московским советом рабочих и красноармейских депутатов (далее – Моссовет) на основании ордера Земельно-жилищного отдела Моссовета № 78539/3 от того же числа². В ордере говорилось о передаче дворца в пользование Отделу по делам музеев и охраны памятников искусства и старины (далее – Музейный отдел) Народного комиссариата просвещения (НКП, или Наркомпрос) РСФСР. Британское консульство, соответственно, лишалось прав на аренду здания.

Первые полгода Музейный отдел Наркомпроса был лишь формальным пользователем бывшего юсуповского двора, фактически занимая лишь одну из квартир в восточном флигеле (№ 8) и размещая в ней своих служащих³. Другие помещения занимали самые различные организации: Комитет Красного Креста Великобритании⁴ (явно дочерняя организация английского консульства), Отдел лечебных учреждений Народного комиссариата здравоохранения РСФСР⁵ и Областное управление Подмоскownого Кам-угольного бассейна Главного угольного комитета ВСНХ РСФСР (Главуголь)⁶. В квартирах во флигелях проживали частные квартирoсьемщики, некоторые еще с дореволюционных времен⁷.

После революции 1917 г. московский юсуповский дворец имел два адреса – по Большому Харитоньевскому переулку (владение № 17) и по Трехсвятительскому тушику (владение № 9). Вначале употреблялся только первый адрес (Б. Харитоньевский пер., д. 17). Первое его упоминание в выявленных нами документах советского периода относится к 16 ноября 1918 г.⁸ Начиная с середины

¹ Локкарт Р. Б. История изнутри. Мемуары британского агента / пер. с англ. М., 1991. С. 283–284.

² ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 109. Л. 5, 6; Д. 94. Л. 48.

³ Там же. Д. 94. Л. 55; ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 10. Л. 66.

⁴ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 94. Л. 1–1 об., 4–5 об., 7 об.

⁵ Там же. Л. 3, 7 об., 30–30 об., 20, 25, 38.

⁶ Там же. Л. 7 об., 38.

⁷ Там же. Л. 3, 5, 25, 43–44 об.

⁸ Там же. Д. 109. Л. 5–6. Д. 94. Л. 48.

мая 1919 г. одновременно с первым употреблялся и второй адрес (первое его упоминание относится к 16 мая 1919 г.¹). В дальнейшем мы встречаем в документах оба адреса: иногда вместе (через знак /), но чаще порознь – либо один, либо другой. При этом второй адрес (Трехсвятительский туп., д. 9) постепенно вытеснял первый и с начала 1920-х гг. использовался гораздо чаще.

Официальный договор об аренде московского юсуповского дворца Музейный отдел Наркомпроса заключил только 27 июня 1919 г. (с Подотделом муниципализированных зданий Жилищно-земельного отдела Моссовета по Городскому району)² и именно тогда вступил в реальное управление двором.

Западную половину здания Музейный отдел почти сразу же сдал в субаренду Комитету английской колонии в Москве (видимо, новое название бывшего Комитета Красного Креста Великобритании) по договору от 1 июля 1919 г. сроком на один год³. Однако по истечении срока договор, видимо, не продлил.

В восточной («исторической») части дворца в начале июня 1919 г. Музейный отдел НКП создал Хранилище Военно-исторического музея⁴. Заведующий хранилищем, или «хранитель» (историк, сотрудник ГИМ и Музейного отдела НКП Петр Александрович Незнамов), был назначен в самых первых числах июня (не позже 3-го числа)⁵. Главной задачей созданного учреждения было собирать и хранить материалы, относящиеся к дореволюционному периоду истории русской армии, не показывая их временно публике. Речь, таким образом, шла о создании экспозиционной основы будущего музея, а не самого музея⁶.

¹ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 94. Л. 3–5 об.

² Там же. Л. 29–29 об.

³ Там же. Л. 28–28 об.

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 10. Л. 66, 76, 87; ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 94. Л. 53. Д. 196. Л. 196.

⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 10. Л. 66; ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 94. Л. 53.

⁶ О Военно-историческом музее см.: *Петров Ф. А., Афанасьев А. К.* Военно-исторический музей в Москве и его документальная коллекция (ОПИ ГИМ. Ф. 137) // Письменные источники в собрании ГИМ. Ч. 3. Материалы по военной истории России. Тр. Государственного исторического музея. Вып. 92. М., 1997. С. 7–83; *Постников А. В.* Военно-исторический музей в Москве (1919–1927 гг.): Первый опыт общероссийского музея истории отечественной армии // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XXV Междунар. науч. конференции, 6–7 сент. 2021 г. Бородино, 2022. С. 278–293.

Вскоре (в июле 1919 г.) Наркомпрос начал борьбу за выселение с территории бывшего юсуповского двора (из конюшенно-гаражного комплекса) структур Наркомздрава¹ и Главугля². К началу 1920 г. указанные организации территорию двора, видимо, освободили, однако многочисленные частные жильцы во флигелях остались³.

Постановление «Комиссии Президиума ВЦИК по разгрузке г. Москвы» от 27 января 1921 г. рекомендовало Наркомпросу преобразовать Хранилище Военно-исторического музея «из складочного места в Музей»⁴. Когда эта «рекомендация» была реализована на практике – неизвестно (документы о преобразовании Хранилища ВИМ в Военно-исторический музей пока не выявлены). В одной из двух справок о ВИМе, составленных в 1925 г., временем преобразования указывается 1921 г.⁵, а в другой – начало 1923 г.⁶ В выявленных нами документах название «Военно-исторический музей» впервые встречается (наряду с названием «Хранилище Военно-исторического музея») в начале сентября 1921 г.⁷, причем название без слова «хранилище» фигурирует чаще. С начала 1922 г. наименование «Хранилище ВИМ» перестали употреблять. Вопрос, как видим, требует дополнительного уточнения.

Скорее всего, Хранилище Военно-исторического музея было окончательно преобразовано в Военно-исторический музей в начале 1922 г. в результате реорганизации музейной системы страны в связи с созданием в январе в составе Наркомпроса новой структуры – Главнауки (Главного управления научными, музейными и научно-художественными учреждениями) и вхождением в нее Музейного отдела. Для пубрики, однако, залы нового музея не открывались еще полтора года.

¹ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 94. Л. 14, 20, 30–34, 36, 38–39, 41, 45–45 об.

² ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 10. Л. 89–90; ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 94. Л. 24, 40, 46.

³ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 109. Л. 33, 51–52 об., 64–64 об.

⁴ Там же. Д. 94. Л. 107; Д. 109. Л. 10, 11.

⁵ Научно-ведомственный архив (далее – НВА) ГИМ. Оп. 2. Д. 61. Л. 1.

⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 38. Л. 142.

⁷ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 94. Л. 125–132, 135–136; Д. 109. Л. 20–23; Д. 196. Л. 22–23, 26.

Одновременно со статусом изменился и адрес музея. 7 июня 1922 г. в целях устранения параллельных наименований Моссовет утвердил переименование 477 улиц, переулков и тупиков Москвы. Трехсвятительский тупик при этом был переименован в Хоромный тупик («по находившимся в конце его барским хоромам»¹). Под «хоромами» подразумевался именно юсуповский дворец, сам давший, таким образом, название своему новому адресу.

Чтобы не запутать жителей, пять лет в качестве адресов использовали двойное название переименованных трасс (новое и старое, последнее из них в скобках) или одно из них. В отношении юсуповского дворца старый адрес (Трехсвятительский туп., д. 9) использовался в документах до 1927 г. чаще, чем новый (Хоромный туп., д. 9). Продолжал использоваться в это время (хотя значительно реже) и адрес дворца по Большому Харитоньевскому переулку – Б. Харитоньевский пер., 17.

В связи с реорганизацией музейной системы бывший заведующий ВИМом П. А. Незнамов стал заведующим всех военных музеев Наркомпроса (окончательно вступил в эту должность 7 сентября 1922 г.²). Новым заведующим Военно-историческим музеем был назначен в июле 1922 г. военный инженер, член Генштаба РККА Владимир Ефимович Стасевич³. Однако из-за вскрывшихся вскоре «упущений при приеме хозяйственных вещей»⁴ ему пришлось уволиться (заявление об увольнении он подал 25 января⁵, а уволен был 15 февраля 1923 г.⁶). После него заведующим ВИМом стал другой «военспец» – артиллерист, член Генштаба РККА Борис Иванович Пересвет (заявление с просьбой о назначении подал 10 мая⁷, а назначен 15 мая 1923 г.⁸). Именно при нем ВИМ впервые был открыт для посещения публикой – 29 сентября 1923 г.⁹

¹ Сьтин П. В. Откуда произошли названия улиц Москвы. М., 1959. С. 318.

² ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 196. Л. 5, 101, 160.

³ Там же. Л. 142, 161, 164–165, 167; НВА ГИМ. Оп. 1. Д. 186. Л. 1–7.

⁴ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 196. Л. 95.

⁵ Там же. Оп. 22. Д. 1140. Л. 5.

⁶ Там же. Оп. 3. Д. 196. Л. 93.

⁷ Там же. Оп. 22. Д. 900. Л. 2.

⁸ Там же. Оп. 3. Д. 196. Л. 55, 60.

⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 38. Л. 142, 23; Д. 47. Л. 1; ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 196. Л. 16.

В конце октября 1923 г. в бывшем московском юсуповском дворце Музейный отдел Наркомпроса решил разместить также Московский государственный музей имени А. П. Чехова¹. Теоретически тот призван был хранить и показывать все материалы, связанные с великим писателем, однако на практике содержал в основном его переписку и лично-мемориальные вещи (рукописей произведений А. П. Чехова в музее было мало), а также материалы, связанные с творчеством литераторов – современников Антона Павловича². Заведующим музеем с 1922 до 1932 г. был литературовед Евгений Эмильевич Лейтнеккер.

Первые экспонаты Чеховского музея прибыли в здание 4 января 1924 г. и заняли три комнаты на третьем этаже западной половины дворца³, а к 15 февраля ВИМ освободил для Музея им. Чехова еще две комнаты там же⁴. Всего Чеховский музей получил во дворце пять комнат на третьем этаже западной части здания, не считая лестничной клетки, прихожей, коридора и санитарного отсека⁵ (см. план помещений музея, хранящийся в ОПИ ГИМ⁶). Остальные комнаты дворца по-прежнему принадлежали ВИМу. 20 июня 1924 г. музей им. А. П. Чехова открылся для посетителей в бывших юсуповских покоях⁷.

Весной 1924 г. произошла новая смена заведующих ВИМом. Б. И. Пересвет, к которому было много претензий, уволился, а на его место был назначен Константин Владимирович Марков – артиллерист, преподаватель военных вузов. Ему суждено было

¹ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 235. Л. 15, 16, 20.

² О ранней истории Музея им. А. П. Чехова (до переселения его в юсуповский дворец) см.: *Виноградова К. М.* Из истории Дома-музея А. П. Чехова в Москве // Чеховиана. Мелиховские труды и дни. М., 1995. С. 334–356; *Иванова Н. Ф.* Несколько страниц из истории чеховских музеев // Мелихово. Альманах. Мелихово, 2008. С. 9–41; *Постников А. В.* Музей имени А. П. Чехова в Москве (1921–1925 гг.) // Пятые Воскресенские чтения «Библиотеки и краеведение: опыт и традиции. Чеховские памятные места, музеи и библиотеки». 8 дек. 2021 г. Истра, 2022. С. 97–107.

³ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 196. Л. 18, 198.

⁴ Там же. Д. 189. Л. 89, 90.

⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 808. Л. 5 об., 29 об.; Ф. 402. Д. 3. Л. 6.

⁶ Там же. Ф. 54. Д. 808. Л. 41а.

⁷ Там же. Л. 31, 52.

стать последним руководителем Военно-исторического музея. Процесс передачи заведования длился с апреля по май 1924 г.¹ 16 апреля 1924 г. ВИМ был временно закрыт для посещения из-за приемки его имущества новым заведующим² и оставался закрытым почти год.

Статус музея при этом понизился: в мае 1924 г. из отдельного, самостоятельного учреждения он стал филиалом Российского исторического музея (РИМ, ныне ГИМ)³. Вскоре решено было вообще вывезти Военно-исторический музей из юсуповского дворца.

Постановлением Музейного отдела Наркомпроса 2 июня 1924 г. «по вопросу об условиях передачи Военно-исторического Музея в ведение Российского Исторического музея» предписывалось вывезти экспонаты ВИМ в основное здание РИМ на Красной площади, но только после того, как будут освобождены «помещения б. Губ. правления»⁴. Поскольку указанное здание РИМу передано не было, вывоз на Красную площадь экспонатов ВИМа к 1925 г. приостановился. Военно-историческому музею даже вновь позволили открыться для посещения публикой, что и произошло 7 марта (по другим сведениям – 23 февраля) 1925 г.⁵

У Музея им. А. П. Чехова Наркомпрос, наоборот, изъясил в конце 1924 г. часть помещений, в связи с чем музей был временно закрыт с 28 декабря 1924 по 20 января 1925 г.⁶ Что это были за помещения и что в них разместили – неизвестно.

Предписанием Главнауки Наркомпроса РСФСР от 7 марта 1925 г. «О перегруппировке музейных учреждений»⁷ Московский государственный музей им. А. П. Чехова решено было вывезти из юсуповского дворца в комплекс зданий Российской публичной библиотеки им. В. И. Ульянова (Ленина). Этим же предписанием решено

¹ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 196. Л. 1; ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 22. Л. 1–72; Д. 38. Л. 142.

² ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 38. Л. 142.

³ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 87. Л. 5, 23 об., 28 об., 31; ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 38. Л. 142; НВА ГИМ. Оп. 2. Д. 61. Л. 1.

⁴ НВА ГИМ. Оп. 1. Д. 228. Л. 1–1 об.; ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 94. Л. 86–86 об.

⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 38. Л. 23, 142.

⁶ Там же. Ф. 54. Д. 808. Л. 90 об., 91 об.

⁷ Там же. Ф. 402. Д. 4. Л. 239, 240.

было перевезти во дворец из главного здания РИМ на Красной площади экспонаты Музея старой Москвы (филиала РИМ), где они хранились в «свернутом» виде. При этом помещения бывшего Музея им. А. П. Чехова (комнаты третьего этажа западной половины дворца) Наркомпрос изъясил в марте 1925 г. из музейного фонда, разместив в них жилые квартиры (в основном сотрудников ведомства)¹.

Следуя предписанию, Музей им. А. П. Чехова 20 марта 1925 г. закрылся² и вскоре начал паковать свои экспонаты для переезда. Окончательно их перевоз в комплекс зданий Ленинской библиотеки завершился лишь весной 1926 г.³ Где хранились целый год (с весны 1925 до весны 1926 г.) коробки с чеховскими материалами – неизвестно. На новом месте бывший Музей им. А. П. Чехова был преобразован в Литературный музей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, изменив тем самым свою тематику.

Музей старой Москвы был первым краеведческим музеем столицы – собирал и хранил материалы, связанные с ее дореволюционной историей и культурой. Для посетителей, однако, за все время своего существования данный музей так и не открылся. Заведующим Музея старой Москвы со времени его основания в июне 1919 г. и вплоть до ликвидации был краевед Петр Николаевич Миллер⁴.

Экспонаты Музея старой Москвы начали перевозить во дворец в марте 1925 г., завершив перемещение лишь в первой половине июля⁵. В новом здании музей занял четыре комнаты на втором этаже западной части – Зимний сад и три комнаты южной половины западного крыла, расположенные западнее сада⁶ (угловая юго-западная комната западного крыла стала жилой квартирой

¹ Там же. Л. 220 об., 219 об., 221 об.; Ф. 137. Д. 38. Л. 39 об.

² ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 808. Л. 90 об., 91 об.

³ *Виноградова К. М.* Указ соч. С. 354.

⁴ О ранней истории Музея старой Москвы (до его переезда в московский юсуповский дворец) см.: ОПИ ГИМ. Ф. 134. Д. 184, 186, 187; Ф. 402. Д. 3, 4; Ф. 465. Д. 80; ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 100, 219.

⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 402. Д. 3. Л. 390.

⁶ Там же. Ф. 137. Д. 43. Л. 144; Ф. 402. Д. 3. Л. 390.

заведующего музеем П. Н. Миллера¹). Планировалось, что со временем Музей старой Москвы займет весь юсуповский дворец², в связи с чем Военно-исторический музей в апреле – июне начал паковать свои экспонаты для перевозки в основное здание РИМ на Красной площади³.

Развернуть полноценную экспозицию Музей старой Москвы так и не смог, оставшись в «свернутом виде» (в виде коробок и связок бумаги)⁴. Понизился вскоре и его статус. 4 декабря 1925 г. на заседании Правления ГИМ (бывшего РИМ) было постановлено: «Сообщить отделу ГИМ “Старая Москва”, что в установленном от 3.IV 1925 г. ст. 95 списке музеев СССР музей “Старая Москва” не числится...»⁵ Постановление означало, что из самостоятельного музея (филиала ГИМ) «Старая Москва» превращалась в обычный отдел (отделение) Исторического музея.

29 марта 1926 г. Правление ГИМ постановило: «...перевезти в ГИМ Отдел “Старой Москвы” и распределить его материалы по соответствующим отделам»⁶. 21 апреля 1926 г. «Старая Москва» начала вывозить свои экспонаты из юсуповского дворца⁷. К 24 апреля отдел освободил три из четырех своих комнат во дворце, а к 10 июля – четвертую⁸. Вывезенные на Красную площадь, его экспонаты были распределены к концу 1920-х гг. между другими отделами ГИМ, и бывший музей прекратил на этом свое существование.

ВИМ снова развернул в полном объеме и даже расширил экспозицию⁹. Однако во второй половине 1926 г. вновь возник во-

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 38. Л. 33 об.; НВА ГИМ. Оп. 2. Д. 72. Л. 10.

² Там же. Д. 4. Л. 220–224 об., 226–227, 235–237; Д. 3. Л. 5–6, 7–8, 9–10.

³ НВА ГИМ. Оп. 1. Д. 267. Л. 1–9. Оп. 2. Д. 61. Л. 1–1 об.; ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 38. Л. 11, 16–17 об., 142.

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 402. Д. 3. Л. 390–390 об.; Д. 4. Л. 219–224 об., 226–228, 235–340; Ф. 134. Д. 184. Л. 175; Ф. 137. Д. 38. Л. 142.

⁵ НИОР РГБ. Ф. 177. Карг. 2. Д. 28. Л. 5, 9 об.

⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 38. Л. 20.

⁷ Там же. Ф. 134. Д. 184. Л. 127; Д. 187. Л. 20 об.; Ф. 137. Д. 38. Л. 40.

⁸ Там же. Ф. 137. Д. 38. Л. 40.

⁹ Там же. Л. 20, 40, 84, 87 об. – 88, 116 об. – 120 об., 143–147 об.; *Арендт В.* Военно-исторический музей в Москве. М., 1926. С. 1–7.

прос о вывозе Военно-исторического музея в основное здание ГИМ на Красной площади¹. 20 декабря 1926 г. Коллегия Главнауки Наркомпроса приняла постановление, признающее «необходимым слияние Военно-Историч. Музея с Историческим»². 29 декабря 1926 г. Главнаука предписала руководству ГИМ «приступить к свертыванию коллекций названного музея с тем, чтобы помещения Военно-исторического Музея были освобождены в месячный срок»³. Какой организации должен быть передан освобождаемый юсуповский дворец – не сообщалось.

ВИМ снова стал паковаться для переезда⁴, однако в конце января 1927 г. Малый Совнарком отменил решение о его ликвидации⁵.

Окончательно судьба ВИМа была решена летом 1927 г. Постановлением Совета народных комиссаров РСФСР от 17 июня 1927 г. Военно-исторический музей подлежал ликвидации и вхождению в качестве отделения в ГИМ⁶. В тот же самый день Главнаука Наркомпроса издала распоряжение о свертывании музея и освобождении юсуповского дворца в двухнедельный срок⁷.

К концу июля стало известно, что дворец передается Научно-исследовательскому институту сельско-хозяйственной экономики (НИИСХЭ)⁸, созданному и возглавляемому известным экономистом-аграрием, профессором Александром Васильевичем Чайновым. Первоначальным полным названием института было «Научно-исследовательский институт сельско-хозяйственной экономики и политики», но к концу 1920-х гг. окончание «и политики» чаще всего не употреблялось – даже в официальных документах (хотя по-прежнему фигурировало на штампе-«шапке» организации). О функциях научно-исследовательского института говорит его название: он изучал все, что было связано с экономикой сельского

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 38. Л. 35–36, 84, 100, 108.

² Там же. Л. 112.

³ Там же. Л. 115.

⁴ Там же. Д. 40. Л. 46–58.

⁵ НИОР РГБ. Ф. 177. Карт. 2. Д. 1. Л. 17.

⁶ НВА ГИМ. Оп. 1. Д. 301. Л. 1; ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 47. Л. 69.

⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 40. Л. 23.

⁸ НВА ГИМ. Оп. 2. Д. 72. Л. 1–2; ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 43. Л. 1.

хозяйства в целом и был, таким образом, учреждением не прикладного, а общегуманитарного профиля¹. НИИСХЭ был подведомствен Главнауке Наркомата просвещения РСФСР (как и все музеи, размещавшиеся в юсуповском дворце ранее) и входил в Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). Смена арендаторов юсуповского дома не означала поэтому изменения подведомственности здания – дворец как был, так и остался в ведении Главнауки Наркомпроса.

Официально в пользование московским юсуповским дворцом (на правах арендатора) НИИСХЭ вступил 30 ноября 1927 г., когда были подписаны и переданы прежнему и новому арендаторам (ГИМу и институту) акты приема-передачи здания². Экспонаты бывшего Военно-исторического музея перевезли в период с конца сентября по начало декабря 1927 г. в главное здание ГИМ на Красную площадь³. Там они были распределены по различным отделам ГИМ, и как автономное учреждение ВИМ прекратил на этом свое существование.

Первое имущество нового арендатора начало завозиться в отдельные комнаты юсуповского дворца еще в сентябре 1927 г.⁴ (когда не было еще вывезено имущество ВИМа). Реально же Научно-исследовательский институт сельско-хозяйственной экономики переехал во дворец только в феврале – марте 1928 г. (по крайней мере, секретариат института и его руководящие структуры).

Такой вывод можно сделать из сравнения двух опубликованных писем А. В. Чайнова профессору С. Бауэру в Берн, написанных на официальных бланках института. Если в шапке письма от 31 января 1928 г. указан еще старый адрес НИИСХЭ⁵, то в письме

¹ О ранней истории НИИСХЭ с момента его образования (1919–1923 гг.) и до переезда в московский юсуповский дворец см.: *Овчинцева Л. А.* К истории Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики // Школа Чайнова: между прошлым и будущим. Сб. материалов Междунар. науч. конференции Чайновского исследовательского центра, 22–23 окт. 2020 г. М., 2021. С. 91–100.

² ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 43. Л. 28. Текст самого акта см.: НВА ГИМ. Оп 2. Д. 72. Л. 3–20.

³ НВА ГИМ. Оп. 1. Д. 324. Л. 2–34; Д. 37. Л. 57; ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 40. Л. 35, 41, 92, 95, 96; Д. 41. Л. 60; Д. 43. Л. 29–30.

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 40. Л. 31.

⁵ *Чайнов В. А.* А. В. Чайнов – человек, ученый гражданин. М., 2000. С. 241.

от 30 марта 1928 г. – адрес юсуповского дворца¹. Завершилась перевозка вещей, возможно, еще позже (но в пределах 1928 г.). Частные квартиры в самом дворце и его флигелях при этом остались (25 квартир² и 124 жильца³).

Итак, с рубежа 1927–1928 гг. до 1936 г. в московском юсуповском дворце размещался научно-исследовательский институт, созданный А. В. Чайновым, постоянно менявший впоследствии свои названия, подведомственность, директоров и адреса.

Одновременно со сменой арендаторов московский юсуповский дворец снова сменил свой адрес. Во-первых, с 1927 г. вместо двойного названия тупика – Хоромный (Трехсвятительский) – стало употребляться одинарное – Хоромный тупик. Если в справочнике «Вся Москва» за 1927 г. (сведения на конец 1926 г.) употребляется еще двойной адрес – Хоромный (Трехсвятительский) туп., д. 9⁴, то в одноименном справочнике за 1928 г. (сведения на конец 1926 г.) – одинарный (Хоромный туп., д. 9⁵).

Вскоре – в начале 1928 г. – в адресе сменился и номер дома. Если в акте приемки-передачи дворца от 30 ноября 1927 г. адресами здания указаны Б. Харитоньевский пер., д. 17 и Хоромный тупик, д. 9⁶ (это последнее упоминание данных двух адресов дворца в выявленных нами документах), то в письмах А. В. Чайнова С. Бауэру от 30 марта и 11 апреля 1928 г. адресом НИИСХЭ в шапке указан «Хоромный тупик, 6»⁷. Именно этот адрес дворца по Хоромному тупику (с номером 6 вместо прежнего номера 9) мы встречаем с этого времени во всех документах вплоть до середины 1930-х гг.

Вскоре после переезда НИИСХЭ в бывший юсуповский дом, в 1928 г., А. В. Чайнов был снят с поста директора института. Когда

¹ Там же.

² ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 203. Л. 125.

³ НВА ГИМ. Оп. 2. Д. 72. Л. 4 об.

⁴ Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1927 год с приложением нового плана г. Москвы. Издание Московского Совета Р. К. и К. Д. М., 1926. С. 264.

⁵ Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1928 год с приложением нового плана г. Москвы. Издание Московского Совета Р. К. и К. Д. М., 1927. С. 266.

⁶ НВА ГИМ. Оп. 2. Д. 72. Л. 3.

⁷ Чайнов В. А. Указ. соч. С. 241–242.

именно – не совсем ясно, но, скорее всего, в середине года (не ранее конца мая). Последний раз А. В. Чайанов как директор НИИСХЭ упоминается в выявленных нами документах 13 марта¹ и 11 апреля 1928 г.², а как председатель плановой комиссии НИИСХЭ (что, скорее всего, подразумевало и обладание директорской должностью) – 19 мая³. В более поздних документах упоминания А. В. Чайанова как директора НИИСХЭ отсутствуют.

В справочнике «Вся Москва» за 1929 г. (сведения на конец 1928 г.) директором Научно-исследовательского института сельско-хозяйственной экономии назван уже Лев Натанович Крицман (экономист-аграрий, профессор), а Чайанов там же упомянут как заведующий Кабинетом организации сельского хозяйства⁴. Впоследствии директора НИИСХЭ (как бы он ни назывался) менялись достаточно часто, однако основатель организации А. В. Чайанов продолжал работать в институте в качестве заведующего кабинетом или отделом вплоть до своего ареста в 1930 г.

В 1929 г., с образованием ВАСХНИЛ, в истории института, созданного А. В. Чайановым (а значит, и в истории московского юсуповского дворца), началась новая эпоха.

25 июня 1929 г. Совет народных комиссаров СССР принял постановление об образовании Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина (ВАСХНИЛ)⁵, представлявшей собой ассоциацию автономных научно-исследовательских институтов сельскохозяйственного профиля, дополненную центральным аппаратом (Президиумом ВАСХНИЛ). Постановление требовало развернуть к 1 января 1930 г. в составе ВАСХНИЛ (он находился в ведомстве Народного комиссариата земледелия СССР) 11 институтов. В их числе постановление указывает Институт

¹ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 210. Л. 106–107.

² Чайанов В. А. Указ. соч. С. 242; *Его же*. Избранное: статьи о Москве, письма (1909–1936). М., 2008. С. 225.

³ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 210. Л. 103.

⁴ Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1929 год с приложением нового плана г. Москвы. Издание Московского Совета Р. К. и К. Д. М., 1928. С. 208.

⁵ Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1929. Отдел первый, № 42. Ст. 375.

экономики сельского хозяйства (который требовалось создать на основе Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, т. е. бывшего чаяновского института), а также Институт организации крупного сельского хозяйства (создаваемый заново)¹.

Последний формально был создан в первой половине июля 1929 г., получив к тому времени директора (Якова Анисимовича Анисимова, экономиста-агрия, бывшего сотрудника НИИСХЭ, преподавателя ряда сельскохозяйственных вузов) и коллегия², однако к практической работе так и не приступил. Разместить новый Институт организации крупного сельского хозяйства планировалось в том же здании, где располагался НИИСХЭ (т. е. в бывшем юсуповском дворце)³. Что же касается самого бывшего чаяновского института, то, вопреки требованию постановления от 25 июня 1929 г., своего названия (НИИСХЭ) он не менял вплоть до конца ноября. Директор его тоже оставался прежним – Л. Н. Крицман⁴.

К середине сентября 1929 г. вместо двух сельскохозяйственных институтов в одном здании решено было образовать один, слив их воедино и оставив во дворце⁵. Ни одного из директоров прежних двух отдельных институтов руководителем объединенного НИИ назначать не планировали. Л. Н. Крицман последний раз упоминается как директор НИИСХЭ 17 сентября 1929 г.⁶, а Я. А. Анисимов изначально рассматривался лишь как заместитель директора нового института⁷.

К концу ноября 1929 г. новый, объединенный институт формально уже существовал (постановлением Президиума ВАСХНИЛ 20 ноября был утвержден состав коллегии и исполнительного бюро⁸,

¹ Там же.

² РГАЭ. Ф. 8390. Оп. 2. Д. 14. Л. 20, 33.

³ Там же. Л. 77–78.

⁴ Там же. Л. 21.

⁵ Там же. Л. 32, 55–56, 59, 60–61.

⁶ Там же. Л. 32.

⁷ Там же. Л. 32.

⁸ Там же. Л. 43.

хотя должность директора долго оставалась вакантной¹). К 7 декабря 1929 г. институт уже пользовался своим штемпелем².

Полным официальным названием объединенного института (согласно штемпелю-«шапке») было «Научно-исследовательский институт организации крупного социалистического сельского хозяйства и сельско-хозяйственной экономии» (НИОКСХЭ). Это громоздкое название часто путали, и даже в официальных документах 1929–1930 гг. институт называли по-разному: «Научно-исследовательский институт организации крупного социалистического сельского хозяйства и сельско-хозяйственной экономии» (полное название); «Научно-исследовательский институт крупного социалистического сельского хозяйства и сельско-хозяйственной экономии»; «Институт организации крупного хозяйства и сельско-хозяйственной экономии» и т.п. (т.е. произвольно изымались от одного до четырех слов из первой части полного названия, а выражение «сельско-хозяйственной» часто заменялось в названии на аббревиатуру «с.-х.»). Изменение функций института заключалось в том, что теперь он изучал не столько общеэкономические процессы и явления в сельском хозяйстве, сколько роль в экономике крупных аграрных хозяйств (колхозов и совхозов, а начиная с 1930 г. – только совхозов).

Одновременно с реорганизацией с конца июля 1929 г. НИИСХЭ (а затем и его преемник НИОКСХЭ) вел борьбу за отселение из юсуповского дворца и его флигелей частных жильцов³. К началу 1930 г. удалось расселить только две квартиры⁴, но через какое-то время (видимо, в течении 1930 г.) расселили и остальные. Возможно, тогда же лишился квартиры в юсуповском доме и П. Н. Миллер. В 1930 г. северо-западнее дворца, торцом к Б. Харитоньевскому переулку, было построено здание общежития для аспирантов НИОКСХЭ⁵ – нынешний дом № 21 стр. 1

¹ РГАЭ. Ф. 8390. Оп. 2. Д. 14. Л. 43–46.

² Там же. Л. 69.

³ Там же. Л. 14–65 об., 68–70, 79–81.

⁴ Там же. Л. 60–60 об.

⁵ Там же. Д. 132. Л. 50.

по Б. Харитоньевскому переулку. В наши дни в нем размещается Всероссийский институт аграрных проблем и информатики им. А. А. Никонова (ВИАПИ).

Официальная передача Научно-исследовательского института организации крупного социалистического сельского хозяйства и сельско-хозяйственной экономии (НИОКСХЭ) из ведомства Народного комиссариата просвещения РСФСР в ведомство Народного комиссариата земледелия СССР в лице ВАСХНИЛ состоялась в этом же, 1930 г. (по акту приема-передачи от 12 февраля)¹.

Только 18 февраля 1930 г. была наконец заполнена вакансия на должность директора НИОКСХЭ. Им был назначен Давид Григорьевич (Герцевич) Лурье² (ученый-аграрий, бывший заместитель директора института). 15 марта 1930 г. бюро коллегии НИОКСХЭ постановило переименовать институт в Научно-исследовательский институт экономики и организации социалистического земледелия (НИОСЗ)³. 8 апреля Президиум ВАСХНИЛ утвердил на своем заседании это название⁴, однако 21 мая 1930 г. сообщил институту, что официальная смена наименования может произойти только после его согласования с союзными наркоматами земледелия, финансов, рабоче-крестьянской инспекции и с Госпланом⁵. Произошло ли это согласование и обрело ли тем самым новое название официальный статус – не совсем ясно.

Известно лишь то, что в официальных документах второй половины 1930 и в 1931 г. институт чаще всего назывался прежним своим названием (аббревиатурой НИОКСХЭ)⁶, хотя и новое название тоже встречалось⁷. И не только в документах, исходящих от самого

¹ Там же. Д. 38. Л. 42–49, 56.

² Там же. Д. 14. Л. 5.

³ Там же. Д. 39. Л. 12; Д. 38. Л. 59, 66.

⁴ Там же. Д. 38. Л. 69.

⁵ Там же. Л. 100, 101 об.

⁶ Там же. Д. 14. Л. 16; Д. 38. Л. 118, 91; Д. 39. Л. 52; Д. 132. Л. 2, 7, 9, 19, 38, 50, 52–54, 57, 68, 103–104, 106–107.

⁷ *Балязин В. Н.* Профессор Александр Чайанов. М., 1990. С. 244–245; РГАЭ. Ф. 8390. Оп. 2. Д. 132. Л. 6, 17, 94, 98.

института. Например, в паспорте на памятник архитектуры (дом Юсупова), составленном Центральными государственными реставрационными мастерскими Наркомпроса 4 мая 1931 г., занимающая здание организация названа (Научно-исследовательским институтом планирования, экономики и организации /сельского хозяйства/)¹, что, несмотря на искажение, ближе к новому варианту названия. Возможно, новое наименование было все-таки официально утверждено, но в документах для краткости при этом использовались прежняя, привычная аббревиатура и прежний штампель НИОКСХЭ (присутствующий на многих документах 1930 и 1931 гг.).

Директора НИОКСХЭ/НИОСЗ сменились в 1930 г. два или четыре раза. 20 ноября постановлением Президиума ВАСХНИЛ от обязанностей директора НИОКСХЭ был освобожден Я. А. Анисимов, а новым директором института был назначен М. И. Ронжин². В то же время документов о смещении с директорского поста Д. Г. Лурье и замене его Я. А. Анисимовым не выявлено. Возможно, это произошло в середине мая 1930 г. Председателем заседания бюро коллегии НИОКСХЭ (на коллегии обычно председательствовал директор, если не был в отъезде) Д. Г. Лурье последний раз был 10 мая 1930 г.³ 20 мая и позже на заседаниях бюро коллегии председательствовал уже Я. А. Анисимов⁴. Следовательно, смена директоров института произошла между 10 и 20 мая.

Несколько запутывает ситуацию то, что в документах с начала августа по начало сентября 1930 г. «врид» директора НИОКСХЭ назван О. И. Пальги⁵. Возможно, что в это время Я. А. Анисимов был временно отстранен от исполнения обязанностей директора, а в октябре или ноябре назначен вновь (пока окончательно не был заменен 20 ноября М. И. Ронжиным). Ронжин же оставался на посту директора НИОКСХЭ, видимо, до преобразования

¹ ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 358. Л. 4.

² РГАЭ. Ф. 8390. Оп. 2. Д. 14. Л. 16.

³ Там же. Д. 39. Л. 38.

⁴ Там же. Л. 40.

⁵ Там же. Д. 38. Л. 118–119, 136.

института в НИСИ (последний раз он упоминается как директор НИОКСХЭ 1 сентября 1931 г.¹).

В разгар указанных переименований и перестановок, 19 июня 1930 г., в здании НИОКСХЭ/НИОСЗ (т.е. в юсуповском дворце) сотрудниками ОГПУ был арестован создатель и бывший директор института профессор А. В. Чайнов², работавший в то время заведующим отделом.

В декабре 1931 г. НИОКСХЭ (или уже НИОСЗ) снова был преобразован, получив при этом новое название – Всесоюзный научно-исследовательский совхозный институт (НИСИ)³. Данное (третье или четвертое по счету) название бывший чайновский институт сохранял вплоть до своей ликвидации. Из документов 1934–1936 гг. видно, что полное название института употреблялось в двух вариантах – Всесоюзный научно-исследовательский совхозный институт (чаще) и Научно-исследовательский совхозный институт (реже). Аббревиатура названия при этом всегда употреблялась одна – НИСИ (и никогда ВНИСИ). Смена названия означала еще большее сужение функций организации: новый институт исследовал теперь не экономику сельского хозяйства в целом (как было при А. В. Чайнове), а исключительно роль совхозов в развитии аграрного сектора.

Постановлением Совета народных комиссаров СССР от 16 июля 1934 г. № 1675 «О работе Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина» Всесоюзный научно-исследовательский совхозный институт (НИСИ) был передан из ведомства Народного комиссариата земледелия СССР в ведомство Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов СССР (НКСХ)⁴. В состав ВАСХНИЛ новый институт отныне больше

¹ Там же. Д. 132. Л. 57.

² *Баутин В. М., Виноградова И. Н., Глазко В. И.* Очерк научной, практической и организаторской деятельности профессора А. В. Чайнова // Александр Васильевич Чайнов / В. М. Баутин, И. Н. Виноградова, В. И. Глазко; сост. Н. В. Дунаева, М. С. Корзинская, Г. А. Макаренко. М., 2008. С. 50, 86; *Балязин В.* Возвращение // Возвращенные имена. Сборник публицистических статей: в 2 кн. Кн. II. М., 1989. С. 296.

³ РГАЭ. Ф. 8390. Оп. 2. Д. 136. Л. 2.

⁴ Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1934. № 37. Ст. 7.

не входил. Сменило подведомственность, стало быть, и здание института – бывший дворец Юсуповых.

Адресом Совхозного института в большинстве документов 1934–1935 гг. указан «Хоромный тупик, д. 6»¹. Лишь на документе, датированном 20 октября 1835 г., указан (на бланке-«шапке») иной адрес: «Б. Харитоньевский пер., д. № 21»². Тот же самый адрес указан и на пригласительном билете на доклад в НИСИ 22 марта 1935 г.³ Это все тот же бывший дворец Юсуповых в Москве, только с другим адресом – по Б. Харитоньевскому переулку, а не по Хоромному тупику и с номером дома 21 (а не 17, который значился в документах конца 1910–1920-х гг.). С этого времени новый адрес дворца (Б. Харитоньевский, 21) постепенно начал вытеснять прежний (Хоромный туп., 6) и к середине XX в. вытеснил его окончательно. Адрес по Большому Харитоньевскому переулку (дом 21 строение 4) московский юсуповский дворец имеет и сейчас.

Директором Всесоюзного научно-исследовательского совхозного института (НИСИ) в документах декабря 1934 – января 1936 г. указан Яков Анисимович Анисимов⁴.

Преобразование бывшего чаяновского института в «совхозный» фактически предопределило его судьбу: функции организации (изучение совхозов) стали слишком узкими для полноценного НИИ, а здание институт занимал шикарное – аристократический дворец в центре Москвы. Чем дальше, тем больше росло понимание, что НИСИ никому, по сути, не нужен, и все больше находилось претендентов на занимаемые им помещения.

26 октября 1936 г. приказом № 411 по Народному комиссариату зерновых и животноводческих совхозов СССР Всесоюзный научно-исследовательский совхозный институт (НИСИ) был ликвидирован (на основании разрешения СНК СССР от 23 октября 1936 г. № 223), а его «помещение» передавалось Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина (ВАСХНИЛ)⁵.

¹ РГАЭ. Ф. 7803. Оп. 1. Д. 183. Л. 8, 16, 21, 24, 65, 66, 84, 91а.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 67.

⁴ Там же. Л. 5, 8, 11–13, 16, 21 об., 24, 25, 60, 62, 65, 67, 68, 83, 84 об., 91, 91а.

⁵ Там же. Д. 201. Л. 28–29.

Врид директора НИСИ был к тому времени С. В. Перов¹. Возможно, Я. А. Анисимов, узнав о готовившейся ликвидации института, заблаговременно подал в отставку. Руководить НИСИ во время его ликвидации (и, следовательно, возглавлять «ликвидационную комиссию») пришлось уже бывшему заместителю Анисимова. 5 ноября 1936 г. распоряжением № 337 по Народному комиссариату зерновых и животноводческих совхозов СССР «жилое здание НИСИ со всем инвентарем и имуществом, находящееся по Бол. Харитоньевскому пер. д. № 21», временно передавалось в ведение АХО Наркомата совхозов (АХО, в свою очередь, должно было передать дворец ВАСХНИЛу)².

Видимо, тогда же от бывшего юсуповского двора была отторгнута его северная половина с двумя одноэтажными флигелями, «четвертьокружными» в плане, переданная Наркомату обороны. Сейчас на этой территории размещается АО «Корпорация ВНИИЭМ», входящая в структуру Роскосмоса.

С конца 1936 г. и до конца 1990-х гг. (свыше 60 лет) здание московского юсуповского дворца принадлежало Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина (с 30 января 1992 г. – Российская академия сельскохозяйственных наук, сокращенно РАСХН или Россельхозакадемия). В нем располагался Президиум академии, а также различные другие ее структуры (в разное время разные).

Изложение истории данного периода (как и последующего – с конца 1990-х гг. до начала XXI в.) не входит в нашу задачу. Состав размещавшихся в это время во дворце организаций выглядит сравнительно однородным и серьезных затруднений для исследования не представляет.

¹ Там же. Л. 28–30; Д. 213. Л. 30, 32; Д. 214. Л. 32.

² Там же. Д. 213. Л. 33.

ПЕРВЫЕ МУЗЕИ А. П. ЧЕХОВА В МОСКВЕ:
В ПОИСКАХ СВОЕГО МЕСТА НА КАРТЕ СТОЛИЦЫ
И В СИСТЕМЕ МУЗЕЕВ РОССИИ

Орлов Эрнест Дмитриевич,
Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля,
Москва

Аннотация. В статье приводится краткая история первых московских музеев А. П. Чехова: Чеховской комнаты при Румянцевском и Публичном музеях, а также Московского государственного музея имени А. П. Чехова, коллекции которых стали основой собрания нынешнего Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля.

Ключевые слова. А. П. Чехов. История музеев. Литературный музей. Музейная коллекция.

THE FIRST CHEKHOV MUSEUMS IN MOSCOW:
IN SEARCH OF YOUR PLACE ON THE MAP OF THE CAPITAL
AND IN THE SYSTEM OF MUSEUMS IN RUSSIA

Orlov Ernest Dmitrievich,
State Museum of the History of Russian Literature named after V.I. Dahl,
Moscow

Annotation. The article provides a brief history of the first Chekhov museums in Moscow: the Chekhov Room at the Rumyantsev and Public Museums and the Chekhov Moscow State Museum, whose collections became the basis of the collection of the V.I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature.

Keywords. Anton Chekhov. History of museums. Literary museum. Museum collection.

В основе любого музея всегда лежит его коллекция. Начало собиранию и изучению внушительной коллекции, которой обладает ныне Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля (а это свыше 600 000 единиц хранения), было положено более столетия тому назад. Одним из краеугольных камней в основании музея является комплекс материалов, связанных с А. П. Чеховым и его эпохой. А в поиске своего места на карте Москвы чеховский музей оказался почти на два года гостем юсуповского дворца у Красных ворот.

Еще весной 1912 г. в Москве по инициативе сотрудника редакции журнала «Русская мысль» В. В. Каллаша появился чеховский протомузей – Чеховская комната при библиотеке Румянцевского и Публичного музеев, – куда он сам и родственники А. П. Чехова передали материалы, положившие начало московской чеховской коллекции.

Но помимо коллекции необходимо и помещение, где можно было бы эту коллекцию предъявить *in urbi et orbi*. За неимением помещений материалы Чеховской комнаты сначала разместили вместе с материалами Комнаты людей 40-х гг., т. е. А. И. Герцена и Н. П. Огарёва, в Доме Пашкова и лишь к 1914 г. перевели в отдельное помещение, где они (в основном своем составе), вероятно, и находились до 1935 г.

«Это совпадало с началом осуществления мысли, которая явилась у инициаторов Чеховского музея и администрации Румянцевского музея с первых дней существования нового учреждения: расширить его рамки и организовать “Музей Чехова и его эпохи”. Война помешала широкому осуществлению задуманного, но простые основы для этого все же были заложены»¹, – отмечала в подготовленном в 1924 г., но не вышедшем в свет очерке главный библиотекарь Государственной публичной библиотеки СССР имени В. И. Ленина Е. Н. Коншина. В любом случае это была лишь одна из «Литературных комнат», служившая в большей степени хранилищем, нежели экспозиционным пространством.

¹ ОР РГБ. Ф. 619. К. 11. Ед. хр. 1. Л. 29 об.

Однако уже летом 1921 г. сестра писателя М. П. Чехова, лишившаяся своей московской кооперативной квартиры на Долгоруковской, 29, где помимо принадлежавшей ей мебели хранились и чеховские раритеты, решила, надо думать, для спасения в первую очередь семейного имущества организовать обособленный чеховский музей в Москве. Если верить ее воспоминаниям, тогда же вместе с Наркомом просвещения А. В. Луначарским она подыскивала подходящее помещение, но безуспешно¹.

А в сентябре 1921 г. из Ялты в Москву вслед за первой женой переехал юрист по образованию Е. Э. Лейтнеккер, который встречался с И. П. и М. П. Чеховыми в Ялте. Именно ему, увлеченному благодаря этим встречам на чеховской Белой даче личностью писателя и идеей создания его музея в Москве, и предстояло сыграть существенную роль в становлении музея, собирании его коллекции и определении принципов его развития.

Именно он 17 октября 1921 г. подал в Главное управление по делам музеев и охране памятников искусств, старины, народного быта и природы (Главмузей, в дальнейшем – Музейный отдел Наркопроса) докладную записку об организации Московского государственного музея имени А. П. Чехова², именно он – вначале хранитель музея и заместитель заведующего³ – менее чем через год стал его полноправным руководителем. Именно его имя будут тщательно вымарывать из истории чеховских музеев наследники писателя, для которых он на самом деле сделал немало.

Е. Э. Лейтнеккер, как и другие создатели первых литературных музеев в России, в числе которых основатель Центрального музея

¹ Чехова М. П. Из далекого прошлого. М., 1960. С. 259.

² От этого события, т. е. от 17 октября 1921 г., нужно вести отсчет не только деятельности Московского государственного музея имени А. П. Чехова, но и нынешнего Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля, унаследовавшего большую часть собранной этим музеем коллекции. Неслучайно первые сотрудники Гослитмузея (как, например, К. М. Виноградова) в своих трудах по истории музея называли именно 1921-й годом начала существования этого музея, музея истории литературы. В отличие от Чеховской комнаты, это был первый юридически обособленный музей, фонды которого непростым путем, но все-таки попали в нынешний ГМИРЛИ имени В. И. Даля.

³ Заведующей Московским государственным музеем имени А. П. Чехова до 1 июня 1922 г. формально считалась М. П. Чехова.

художественной литературы, критики и публицистики, а затем директор Государственного литературного музея В. Д. Бонч-Бруевич, в первую очередь рассматривал музей не как собрание вещей в мемориальном здании, а как хранилище архива человека пишущего с целью дальнейшего его изучения и публикации, как научный институт, как библиотеку.

Лейтнеккер ставил целью «только *научно* (курсив Лейтнеккера. – Э. О.) устраивать музей и только *научно* печатать его труды»¹, о чем он писал М. П. Чеховой в 1923 г.² «Мощность этого архива, сконцентрированность (вместе с библиотекой) всех материалов об А. П. в *одном* (курсив Лейтнеккера. – Э. О.) месте, несомненно, повлияет на интенсивность и характер исследовательской работы о Чехове, а также поможет придать максимальную художественную правду всему тому, что будет целостно собрано в музее, – отмечал Лейтнеккер в 1922 г. – ...Музей должен выявить во всей цельности самые незаметные лабораторные условия творчества писателя, исследовать ход его в целом, вскрывая при этом частности...»³

Московский государственный музей имени А. П. Чехова, несмотря на собранную уникальную коллекцию меморий и обладание внушительной частью чеховского архива, долгое время не имел даже отдельного помещения. В 1922 г. музею выделили три комнаты в здании на Пречистенке, 21, в Музее новой западной живописи (при этом рукописи хранились в архиве дружественного Толстовского музея, структура и план работы которого были приняты за образец).

В докладе о работе и нуждах Музея А. П. Чехова и его эпохи от 25 декабря 1922 г. Е. Э. Лейтнеккер отмечал: «Музею предоставлены три большие комнаты площадью около 400 квадр. арш. Две из них отведены для экспозиции, одна ($\frac{1}{4}$ часть всей площади) занята библиотекой, архивом и канцелярией. Иконографическая

¹ ОР РГБ. Ф. 331. К. 92. Ед. хр. 67.

² К этому времени в музей были переданы многие фотографии, письма Чехова и его адресатов, рукописи, документы. В последующие годы коллекция пополнилась многими материалами из архивов и личных библиотек не только родственников писателя, но и современников Чехова: Н. Д. Телешова, В. В. Вересаева, Г. И. Россоломо, Ф. О. Шехтеля и др.

³ Лейтнеккер Е. Музей А. П. Чехова в Москве // Вестник Просвещения. 1922. № 1. С. 22–24.

коллекция... насчитывает свыше 600 объектов. Библиотека, специально по Чехову... насчитывает до 250 томов. Архив газетных вырезов и разной библиографии помещается в нескольких коробках и требует детального разбора. Этот материал получен от М. П. Чеховой, О. Л. Книппер-Чеховой, Ю. В. Соболева, Н. Д. Телешова.

Ядром музея является личный архив А. П. Чехова и материалы, собранные М. П. Чеховой и О. Л. Книппер-Чеховой...»¹

Здесь же была представлена первая экспозиция, о которой вспоминала легендарная сотрудница музея К. М. Виноградова: «Первая экспозиция Чеховского музея... была по существу показом уникальных материалов архива писателя, ставших собственностью советского государства.

В Музее Чехова были представлены портреты писателя и его семьи, оригинальные фотографии, подлинные рукописи и документы из личного архива писателя, редкие издания произведений А. П. Чехова. Материал был расположен по хронологическому принципу, соответственно основным этапам жизни Чехова.

Эта экспозиция, несмотря на всю ее методическую примитивность, привлекла большое внимание советских читателей и советской общественности, которые горячо поддерживали первые шаги музея»².

Но, несмотря на уже сложившуюся экспозицию, в октябре 1923 г. Музейный отдел Накромпроса принял решение о переводе Музея имени А. П. Чехова в бывший юсуповский дворец, где к тому времени уже располагались Военно-исторический музей и хранилище Наркомпроса. 25 октября в Военно-исторический музей была направлена записка о командировании К. М. Виноградовой «для осмотра 6 комнат, предназначенных для размещения музея Чехова (ныне занятая часть т. Пересветом и часть Военно-исторического музея)»³. В это время заведующий музеем Е. Э. Лейтнеккер находился в отпуске в Крыму и просил о продлении отпуска

¹ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Ед. хр. 235. Л. 49–49 об.

² Виноградова К. М. Государственный литературный музей (1921–1960) [1961] // ОРФ ГЛМ. Ф. 536. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 5.

³ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Ед. хр. 235. Л. 20.

по болезни и приостановке переезда Чеховского музея до его возвращения¹.

24 ноября 1923 г. после личного осмотра предложенных музеею помещений Лейтнеккер писал в Музейный отдел Наркомпроса: «Предоставляемые во дворце б. Юсупова три (3) комнаты для размещения Государственного музея имени А. П. Чехова в Москве... не могут быть использованы, т.к. совершенно не соответствуют указанному назначению:

1) помещение по площади равняется половине того, какое занималось Музеем Чехова в здании Музея Западной живописи. Между тем, как не трудно было убедиться, и последнее было далеко не достаточно, в виду того, что громадная часть материалов, очень существенных, не была экспонирована. Музей, н[а]пр[имер], еще не выставлял исключительно ценной коллекции автографов современников А. П. Чехова.

2) Само помещение, стены которого обиты английским ситцем и пр., требует специального приспособления для нужд историко-литературного музея и неизбежного ремонта (после снятия ситца), каковое обстоятельство должно было бы быть детально обследовано.

3) Чеховский музей, размещенный в 3-м этаже, за вторыми воротами в усадьбе б. Юсуповых, в районе и в условиях совершенно не соответствующих его характеру, будет обречен на вымирание и лишится той живой среды, в которой он, в течение года, успел вырасти и в смысле количества научно-художественного инвентаря, и в смысле проработки последнего.

Не имея права принимать на себя юридической и моральной ответственности за явное искажение творческой линии Музея, какое произойдет, если бы музей известного русского писателя был водворен в будuarные помещения, принадлежавшие кн. Юсуповой, ходатайствую о назначении комиссии, которая обследовала бы этот вопрос на месте.

Вместе с тем довожу до сведения Музейного отдела, что имею возбужденное ходатайство пред Всероссийским Союзом писателей

¹ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Ед. хр. 235. Л. 16.

о предоставлении помещения в доме б. Герцена (Тверской б, 25), принадлежащем Союзу. Это ходатайство должно было рассматриваться в заседании, состоявшемся 22 с[его] ноября, или будет рассмотрено в ближайшем заседании Совета Союза.

Есть надежда, что музей встретит сочувствие в писательской организации, как это показали переговоры с председателем Союза и с некоторыми членами Совета.

Нахождение музея в фактической и непосредственной близости к писательскому центру будет естественно способствовать его росту и процветанию. Последнему обстоятельству будет еще содействовать и возможная работа самого союза в направлении создания вслед за Чеховским отделом во временной последовательности отделов послечеховского периода русской литературы»¹. Но надежды Е. Э. Лейтнекера не оправдались.

9 января 1924 г., благодаря за присланные музеем деньги, которые в основном были израсходованы на оформление экспонатов и витрин, Е. Э. Лейтнекер делился с О. Л. Книппер-Чеховой планами развития музея и некоторыми итогами его работы: «Вас не должен пугать наш переход в новое помещение. Мне не впервые приходится испытывать эти тернии, и некоторые странствования, при организации учреждений, подобных нашему Музею, неизбежны. Будем иметь 5 комнат, а в будущем году, может быть, судьба пошлет нам все 10. Но и того помещения, которое нам дают, нам недостаточно. Так или иначе дело растет, материалы прибывают и нас не только не упразднили... а принципиально признали необходимым увеличить штат Музея вдвое... Музей им. Чехова с течением времени будет писательским музеем целой эпохи»².

А 6 февраля 1924 г. Е. Э. Лейтнекер сообщал М. П. Чеховой: «Музей переехал в Трехсвятительский тупик, у Красных ворот, в крыло бывш. Юсуповского дворца (теперь там Военно-Истор[ический] музей). Быть может, удастся устроить выставку, посв[ященную] А. П. Чехову, его современникам и позднему времени.

¹ Там же. Л. 14–14 об.

² Музей МХАТ. К.-Ч. № 3347/1. Л. 2–2 об., 5 об.

Хлопочем. Музей пока закрыт, т. к. помещение требует кое-какого ремонта и приспособления»¹.

18 февраля М. П. Чехова отвечала: «Спасибо Вам за письмо, за извещение о Чеховск[ом] музее. Однако, как далеко Вас перевели! На другой конец Москвы! Трудненько же Вам будет совершать ежедневно такие длинные концы! Как-то это не вяжется – Военно-Истор[ический] музей и Чехов. Все-таки поздравляю с новосельем и от души желаю всякого благополучия всем служащим и музею. Хорошее ли помещение? Больше прежнего?»²

Судя по письму Е. Э. Лейтнекера к Н. Д. Телешову от 21 февраля 1924 г., музею были в итоге предоставлены пять комнат, которые, однако, требовали ремонта и приспособления: «Помещение приводится (решительно) в порядок: содраны со стен ситцы, вынесены ванны... освобождены от чужих вещей все 5 комнат. Днем очень светло, т. к. 3 комнаты выходят на юг. Думаю, что со временем нам отдадут весь верхний этаж. Настроение стало более бодрим. Думаю, что музей может пока остаться и у Красных ворот, но очень существенно устроить чеховскую выставку, конечно, в другом помещении. В этом направлении мы чуточку работаем»³.

Уже на 11 мая членам Общества А. П. Чехова и его эпохи и дарителям был назначен показ новой экспозиции, которую нельзя было просто перенести с Пречистенки: слишком отличались выделенные помещения, да и фонд музея уже значительно пополнился бесценными материалами, полученными из Центраархива. «Музей имени А. П. Чехова кончает в новом помещении черновую развеску экспонатов, раскладку документов и пр. Работа осложняется тем обстоятельством, что в новом помещении совершенно иные масштабы экспозиции, тона стен и пр. Приходится зачастую производить перегруппировку материалов.

В воскресенье 11 мая Музей приглашает своих ближайших друзей – жертвователей, вкладчиков и сотрудников для отзыва о произведенной черновой развеске.

¹ ОР РГБ. Ф. 331. К. 92. Ед. хр. 67. Л. 30.

² ОР ИМЛИ РАН. Ф. 646 (фонд в обработке).

³ РГАЛИ. Ф. 499. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 5–5 об.

После 11 мая начнется окончательная фиксация материалов и этикетировка их. Этикетки, количеством не менее 500, разных форматов и разного содержания должны быть переписаны на цветной бумаге применительно к тонам стен. Эти обстоятельства говорят о том, что музей может быть открыт для обозрения в первой половине июня. К сожалению, ремонт помещения был относ[ительно] окончен в конце марта и только в апреле музей мог приступить к развеске.

В середине июля к исполняющемуся 20-летию смерти А. П. Чехова Музей совместно с Чеховским Обществом готовится к открытому торжественному собранию» – так 3 мая 1924 г. Е. Э. Лейтнеккер извещал Отдел по делам музеев¹.

«В новом помещении, из которого пришлось выносить юсуповские ванны, уборные, умывальники и пр., теперь приведенном в уютный и приемлемый для глаза вид, – мы обрели новый клад. Сосед наш – Военно-Истор. музей предоставил Чех. музею 14 прекрасных застекленных витрин-столов, к которым мы сейчас сделали ключи. Витрины имеют очень цельный и приятный вид, придали музею более серьезный и компактный вид, т. к. под стеклом размещены все документы А. П. и пр. Кроме этих 14, пока чужих, витрин, мы имеем 10 своих, разных размеров, из которых 4 купили осенью»², – общал Е. Э. Лейтнеккер М. П. Чеховой в мае – июне 1924 г.

Новая экспозиция в юсуповском дворце позволила представить в одном из залов поступившие в фонды музея материалы о писателях – современниках А. П. Чехова. Важно, что с самого начала этот музей мыслился как музей Чехова и его эпохи (Лейтнеккер в одной из статей отмечал, что «музей направил свою исследовательскую и экспозиционную энергию в сторону отражения целой литературной эпохи – эпохи сверстников и современников А. П. Чехова»³), и даже шире – как музей, в котором нашла бы отражение «литература послечеховского периода, новейшая литература»⁴.

«Музей меньше всего ставил и ставит своею целью культивирование в своих стенах личности кого бы то ни было. Масштаб

¹ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Ед. хр. 235. Л. 1.

² ОР РГБ. Ф. 331. К. 92. Ед. хр. 67. Л. 32.

³ Лейтнеккер Е. Э. Чеховский музей // Известия. 1923. 21 дек. (№ 292). С. 5.

⁴ Там же.

эпохи – та социологическая мера, с которой музей подойдет к личности самого Чехова и его современников, а также к анализу их творческих осуществлений»¹, – отмечал Е. Э. Лейтнеккер в статье, посвященной новой экспозиции, которая была опубликована в журнале «Красная нива». В качестве иллюстраций к ней были использованы фотографии залов, которые (вместе с негативами) отложились в итоге в фондах ГМИРЛИ имени В. И. Даля и дают представление не только о составе предметов и экспозиционных приемах, но и о пространстве выделенных музеем комнат (ил. 1–3).

Впрочем, самостоятельное существование музея длилось недолго. В октябре 1925 г. чеховский музей стал отделом Публичной библиотеки имени В. И. Ленина, а его фонды к началу 1926 г. были перевезены в помещения бывшей Картинной галереи Румянцевского музея в Староваганьковский переулок, 18² (но не объединены с Чеховской комнатой; немногим позднее произойдет размен – рукописные материалы из музея будут переданы в Чеховскую комнату как часть Отделения рукописей, а личные вещи писателя и часть иконографии из Чеховской комнаты отойдут музею).

8 ноября 1927 г. только в одной комнате была открыта новая экспозиция, которая со временем заняла уже три зала. В 1928 г. в помещениях чеховского музея была организована первая в СССР выставка-музей Максима Горького, которую писатель посетил в июне того же года. А в 1929 г. к этим экспозициям прибавилась и выставка, посвященная В. Г. Короленко.

Стало ясно, что музей и его собрание все дальше уходят от исключительно чеховской тематики. Поэтому 1 ноября 1929 г. при Публичной библиотеке СССР имени В. И. Ленина был создан Литературный музей, которым до 1 декабря 1932 г. руководил Е. Э. Лейтнеккер. А 16 июля 1934 г. собрание этого музея было объединено с коллекцией ликвидированного Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики,

¹ Лейтнеккер Е. Э. В музее имени А. П. Чехова // Красная нива. 1924. № 28. С. 680.

² Решение о перемещении предметов в библиотеку согласно постановлению Главнауки от 7 марта 1925 г. «О перегруппировке музеев» было принято в марте 1925 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 402. Д. 4. Л. 239–240).

дав начало новой институции – Государственному литературному музею.

Уже к концу 1930-х гг. этот музей стал хранителем обширной коллекции: 3 000 000 листов рукописей, 130 000 томов книг, 100 000 фотографий и произведений изобразительного искусства, позволяющих изучать, издавать и экспонировать как материалы по истории литературы прошлых столетий, так и анализировать современный литературный процесс.

Литература

Век служения литературе: альбом к 100-летию Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля / авт.-сост. Э. Д. Орлов. М.: ГМИРЛИ имени В. И. Даля, 2021. С. 10–20.

Иванова Н. Ф. Несколько страниц из истории чеховских музеев // Альманах «Мелихово». М.: Мелихово, 2008. С. 9–41.

Лейтнеккер Е. В музее имени А. П. Чехова // Красная нива. 1924. № 28. С. 680.

Лейтнеккер Е. Музей А. П. Чехова в Москве // Вестник Просвещения. 1922. № 1. С. 22–24.

Лейтнеккер Е. Чеховский музей // Известия. 1923. 21 дек. (№ 292). С. 5.

Орлов Э. Д. От Чеховской комнаты до Государственного литературного музея: страницы истории ГМИРЛИ имени В. И. Даля // «Учителя, ученики, коллеги...». Сб. статей к 60-летию Дмитрия Петровича Бака. М.: РГГУ, 2021. С. 642–650.

Соболев Ю. В. А. П. Чехов. Литературные экскурсии. М., 1924.

Чехова М. П. Из далекого прошлого. М., 1960.

Архивные источники

ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Ед. хр. 235.

Музей МХАТ. К.-Ч. № 3347/1.

ОПИ ГИМ. Ф. 402. Д. 4.

ОР ИМЛИ РАН. Ф. 646 (фонд в обработке).

ОР РГБ. Ф. 331. К. 92. Ед. хр. 67; Ф. 619. К. 11. Ед. хр. 1.

ОРФ ГЛИМ. Ф. 536. Оп. 1. Ед. хр. 3.

РГАЛИ. Ф. 499. Оп. 2. Ед. хр. 8.

УБРАНСТВО

СОБРАНИЕ ЖИВОПИСИ МОСКОВСКОГО ДОМА КНЯЗЕЙ ЮСУПОВЫХ. 1800–1840 ГОДЫ: ГАЛЕРЕЯ И/ИЛИ ХРАНИЛИЩЕ

Савинская Любовь Юрьевна,
Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина,
Москва

Аннотация. Исследуется состав коллекции живописи, находившейся в московском доме князей Юсуповых, рассматриваются различные практики ее функционирования на основе описей картин (РГАДА) и зарисовок картин в томе альбома-каталога «Дворец князя Юсупова в Москве» (1827. ГМЗ «Архангельское»).

Ключевые слова. Князья Юсуповы. Московский дом. Николай Борисович Юсупов (1750–1831). Коллекция живописи.

COLLECTION OF PAINTINGS OF THE MOSCOW HOUSE
OF PRINCES YUSUPOVS. 1800–1840:
GALLERY AND/OR DEPOSITORY

Savinskaia Liubov Yur'evna,
The Pushkin State Museum of Fine Arts,
Moscow

Annotation. The author research the composition of the painting collection, have been located in the Moscow house of princes Yusupovs, examines the various practices of its functioning based on the inventories of paintings (Russian Archives of Ancient Acts, RGADA) and sketches of paintings in the catalogue of drawings of the Palace of prince Yusupov in Moscow (1827. The State museum-reserve Arkhangelskoye).

Keywords. Prince Yusupov. Moscow house. Nikolai Borisovich Yusupov (1750–1831). Painting collection.

В 1802 г. князь Н. Б. Юсупов вышел в отставку и все более продолжительное время жил в своих московских и подмосковных владениях. В Москве князьям Юсуповым принадлежал старинный дом конца XVII в., пожалованный в 1727 г. Григорию Дмитриевичу Юсупову (1667–1730) Петром II. В 1773 г. И. М. Юсупова приобрела стоящее от него к западу второе строение и двор купца Ф. И. Сукина, в 1779 г. – третье здание и двор купца К. И. Чирьева. Таким образом, «в 1779 г. у Юсуповых во владении оказалось три смежных двора по Хомутовскому переулку, в каждом дворе был каменный дом»¹. Со временем дома были объединены в единый комплекс построек. Приобретенные в 1770-е гг. здания обычно сдавались внаем.

Москва в конце XVIII – начале XIX в., как отметила в письме к своей сестре ирландка Кэтрин Вильмот, – «это имперский политический Элизеум. Все те, кто был у власти в царствование Екатерины и Павла, ныне слишком старые или уволенные Александром, занимают *воображаемые* посты в этом ленивом, праздном и волшебном азиатском городе»².

В мемуарах и описаниях достопримечательностей Москвы начала XIX в. подробностей о московском доме князя Н. Б. Юсупова и находившихся в нем художественных коллекций не приводится. Описание дома, принадлежавшего в конце XIX в. князю Н. Б. Юсупову-младшему, дает М. И. Пыляев: «Князь жил в древнем своем барском доме, подаренном за службу прапрадеду его, князю Григорию Дмитриевичу, императором Петром II... Каменные двухэтажные палаты Юсуповых с пристройками в восточной стороне стояли на просторном дворе; к западной их стороне примыкало одноэтажное каменное здание, позади каменная кладовая, далее шел сад, который до 1812 года был гораздо обширнее, и в нем был пруд. По словам А. А. Мартынова, первая палата о двух ярусах, с крутою железною крышею на четыре ската, или епанчою,

¹ Дудина Т. А. История дома князей Юсуповых в Большом Харитоньевском переулке. 2010–2011. ГМУА 1250-НА. С. 17, 18.

² Из письма Кэтрин Вильмот сестре Алисии. Москва, 18 февраля 1806 года // Записки княгини Дашковой. Письма сестер Вильмот из России. Изд. 2-е. М.: Советская Россия, 1991. С. 354.

отличается толщиной стен... Здесь были боярская гостиная, столовая и спальня; в западной стороне – покой со сводами об одном окошке на север, по-видимому, служил моленной. В нижнем этаже под сводами то же разделение; под ним – подвалы... Пристроенная на восток двухэтажная палата, которая прежде составляла один покой, теперь разделена на несколько комнат»¹.

Основную часть коллекций князь оставил в своем петербургском дворце на Фонтанке. Документы, свидетельствующие о перемещении значительного числа картин юсуповского собрания из Петербурга в Москву, относятся к началу 1800-х гг. 1801 г. датирован «Реестр картинам, присланным из Санкт-Петербурга». В реестре «всех картин щётю – 120»², в нем перечислены как оригинальные произведения, так и многочисленные копии (записанные именно как копии).

Первый номер реестра – картина «Венера и Адонис» итальянского художника Стефано Торелли (1712–1784) (ил. 1), работавшего в России в 1762–1784 гг. Из картин, что в дальнейшем находились в собрании Юсуповых, опознаются также «Даная» итальянца Франческо Тревизани (1656–1746), «Ночной пейзаж» голландца Арта ван дер Нера (1603/04–1677), «Школа художеств (О превосходстве живописи над скульптурой)» фламандца Яна Миля (1599–1664), четыре пейзажа француза Пьера-Жака Волера (1729–1802) (все – Музей-заповедник «Архангельское»), два женских портрета Анжелики Кауфман (1741–1807), а также картины итальянца Пьетро Ротари (1710–1762) – 15 оригинальных и 4 копии.

Таким образом, уже в самом начале XIX в. в Москве оказалось немало художественно ценных произведений княжеского собрания. В том числе работы иностранных живописцев, работавших в России в царствование Елизаветы Петровны и Екатерины II, т. е. произведения, уже отошедшие к истории художественного стиля и вкуса.

¹ Пыляев М. И. Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. (1891) / сост. Ю. Н. Александров. М.: Московский рабочий, 1990. С. 191, 198.

² РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 53. Л. 14–15. В действительности список содержит 119 работ.

Более подробное описание произведений, перечисленных в реестре 1801 г., присутствует в «Описи картин в доме Юсуповых», не имеющей даты, однако в ней есть записи, относящиеся к периоду между 1801 и 1805 гг.¹

Как уже упоминалось, в начале 1800-х гг. бóльшая часть картин, привезенных князем из Европы и приобретенных в столице, находилась в петербургском дворце на Фонтанке. Однако из этой описи следует, что 257 картин разных школ из 344 номеров, имеющих в описи, размещались в московском доме. В опись также включены миниатюры, рисунки, эстампы и «тканые гарусом картины», т. е. после 1801 г. в московский дом поступила значительная часть художественного собрания Юсупова. (Для сравнения: в период расцвета усадьбы Архангельское, согласно альбому-каталогам 1827 г., во дворце и галерее находилось 255 картин, в павильонах – 127.)²

Картины в описи перечислены по топографии залов московского дома. В ней дано краткое описание сюжета каждого произведения, указаны техника исполнения и наличие рамы. Наибольшее число произведений находилось «В Зале» – 67 номеров, в том числе четыре картины Пьера-Жака Волера: «Прогулка в гроте» (ил. 2), «Пейзаж с рыбаками», «Морской порт», «Купание рыбаков» (все – Музей-заповедник «Архангельское»), легко опознаваемые по их описаниям³. Картины были привезены в Москву из Петербурга в 1801 г.⁴ Много картин размещалось в Столовой

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 105. Л. 1–33 об.

² Galerie d'Arkhangelski. 1827. Т. 1–2. ГМЗ «Архангельское». Инв. ГФ-1013, ГФ-1014.

³ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 105. Л. 2. № 1 («Изображена руина, представляющая гору, и сквозь оной протекает река, на реке шлюбка с людьми, и в дали корабль по горе гуляющие люди, писана из масла в вызолоченной резной раме. № 2. Изображен вид, палатка между дерев, подле моря, в коей горит огонь, и готовят кушанье, также подле оной за столом кушают, и рыбаки ловят рыбу, в дали виден корабль, и гальот, и прочие виды, писана из масла в вызолоченной раме. № 3. Руины представляющая вблизи... и фонтаны, лотку притянутую к берегу, люди выгружают с оной боченки, женщины торгующие фруктами, в дали город, ловящие рыбу, и плавающие по морю корабли, писана из масла в вызолоченной раме. № 4. Гора в коей вид два грота, и море, подле которого на берегу спящие люди, и некоторые купаются, писана из масла в вызолоченной раме»).

⁴ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 53. Л. 15 («Ландшафтов Ба Пр Ма-рь Волер – 4»).

(29 картин), Спальне (27) и в Верхней комнате (26). Картины разных жанров украшали Переднюю (11), Серебряную (15), Зеленую (2), Китайскую (13) и Оружейную (15) комнаты. В Гардеробной размещались гравюры (эстампы). В описи дополнительно указаны картины, не распределенные по комнатам, поступившие вновь и купленные (всего 68).

В Спальне находились преимущественно работы на религиозные сюжеты, пейзажи и жанровые картины. Среди них опознаются парные полотна француза Ватто де Лиля (Франсуа-Луи-Жозефа Ватто, 1758–1823) «Концерт в саду» и «Общество в саду»¹. В Оружейной комнате были представлены семейные портреты и копии с произведений европейских живописцев. Среди работ в списке «Картины, поступившие вновь» находятся произведения француза Карла (Шарля-Андре) ван Лоо (1705–1765) «Пневматический опыт» и «Электрический опыт» (обе – Музей-заповедник «Архангельское»)².

В Серебряной были представлены «головки» и поколенные женские «портреты» итальянского живописца Пьетро Ротари – всего 15 работ, также привезенных из Петербурга в 1801 г.³ Состав коллекции работ Ротари не рассматривается в данной статье, отметим лишь, что серии портретов кисти Ротари были частью интерьеров дворцов эпохи барокко и рококо в Европе и России. Возможно, что тогда же, в 1760-е гг., ансамбль портретов Ротари попал к Юсуповым, а позднее Николай Борисович продолжал пополнять собрание картин этого мастера, к концу 1820-х гг. доведя их число до 30. Картины были размещены в зале как отдельный ансамбль, и его вполне можно назвать первым «Залом Ротари», созданным Н. Б. Юсуповым.

Большая часть картин Ротари, представленных в Серебряной, – это поколенные изображения, являющиеся лучшей частью коллекции. 10 картин позднее были помещены в Салоне Ротари во дворце

¹ Там же. Д. 105. Л. 11об., № 148, 151.

² Там же. Л. 29, № 288, Л. 29 об. № 289.

³ Там же. Д. 53. Л.15 («Разных женских голов Ср Пр Ма-рь Ротария – 13 / Головок Ма Пр. Ма-рь Ротария – 3»).

Каприз в Архангельском и зарисованы в альбоме-каталоге 1827 г. В настоящее время они хранятся в Музее-заповеднике «Архангельское»¹ – это «Монахиня в белом», «Поселянка под деревом» (ил. 3), «Поселянка в красной кофте», «Поселянка с собакой», «Поселянка с корзинкой», «Поселянка в синей (темно-зеленой) кофте», «Девушка, опирающаяся на стол», «Девушка со сложенными руками», «Уснувшая», «Грустное известие».

Интерес к работам Ротари не пропал у Н. Б. Юсупова и в начале XIX в. В 1804 г. одна «головка» была куплена в Москве на аукционе «у живописца Тиореса февраля 12»². В следующем, 1805 г. он приобрел еще три картины, в том числе полотно «Женщина сидящая на стуле у коей на голове розон, которая читает письмо и за ней стоящая старуха в очках, писана из масла в вызолоченной резной раме»³. Это описание полностью соответствует композиции картины «Читальщицы» (ГТГ, инв. № 4586), в настоящее время она относится к работам мастерской Ротари⁴.

Поступавшие в разное время картины в юсуповской коллекции составили целостную группу, оформленную в однотипные посеребренные рамы. Не исключено, что первые 15 картин, появившиеся в московском доме, уже имели такие рамы, и они дали название залу – Серебряный, но нельзя исключать, что картины могли оформить в рамы и в Москве, создав тем самым Серебряный зал. Важно, что такое оформление живописных полотен и позднее определяло колористическое решение салонов Ротари, создававшихся Юсуповыми в разное время в Архангельском.

Если вернуться к описи, то следует отметить, что в 1804 г. из Петербурга поступила еще одна значительная партия картин – 18 работ. Большей частью это портреты: императорские, прошлых царствований, и семейные, а также две «головки» П. Ротари и написанные как парные картины французских

¹ Соответственно по РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 105. Л. 10 № 122, 125, 127, 129, 128, 126; Л. 10 об., № 131, 132, 134, 135.

² Там же. Д. 105. Л. 32 об. № 330.

³ Там же. Д. 53. Л. 33 № 340.

⁴ Пьетро Ротари: материалы исследования / сост. И. Е. Ломизе, М. Н. Никогосян. М.: ВХНРЦ имени акад. И. Э. Грабаря, 1999. С. 35, 36, № 28, 28-а-в. С. 65. № 13.

художников Луи-Леопольда Буальи (1761–1845) «Горестная разлука» и Анри-Николя ван Горпа (1756–1819) «Свидание с узником» (обе – ГМИИ)¹.

За сохранностью картин следили, их реставрировали. Об этом свидетельствуют пометы о выдаче работ московским реставраторам («№ 63–67 В починке у живописца Фавелия. Починены и принесены обратно»², «№ 119, 120 В починке у живописца Мальвазия. Получены обратно»³).

В то же время в описи отмечены многочисленные картины, отправленные в другие юсуповские имения: 26 августа 1803 г. – в слободу Ракитную (35 картин)⁴, 19 апреля, 26 мая и 1 сентября 1804 г. – в подмосковную Купавну (17 картин)⁵ и 23 апреля 1805 г. – в подмосковную усадьбу Спасское (8 картин)⁶. Юсупов освобождал свой московский дворец от малоценных, по его мнению, произведений и вывозил их в свои имения, прежде всего в Ракитную и Купавну, где они могли служить образцами при обучении крепостных художников.

За три года из 257 картин 60 (примерно четверть) были вывезены из Москвы. Их места занимали работы, присланные из петербургского дворца, среди которых кроме художественно ценных произведений было немало копий.

Для Юсупова картины, находящиеся в петербургском дворце на Фонтанке, являлись своего рода лицом коллекции, по ним судили о собрании Николая Борисовича приезжавшие в столицу иностранцы и близкие императорскому двору гости. Отправка картин в Москву – свидетельство выбора коллекционера, его желания

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 105. Л. 30–30 об. № 298, 299, 302, 303.

² Там же. Л. 5 об.

³ Там же. Л. 9 об. № 120; Л. 11 № 136.

⁴ Там же. Л. 2 № 5, Л. 2 об. № 7, Л. 3 № 23, Л. 3 об. № 30, 31, 34, 35, Л. 4 об. № 48, Л. 4 об. № 54, 55, Л. 5 об. № 63–67, Л. 6 № 71, Л. 7 № 84, Л. 12 № 155, Л. 13 № 168, Л. 14–16 об. № 171–213 (эстампы), Л. 17 № 214, 219, 220, 223, 224, Л. 20 об. № 264–267, 269–270, Л. 21 № 271.

⁵ Там же. Л. 2 № 6, Л. 6 № 68–70, Л. 6 об. – 7 № 73–83 (эстампы), Л. 8 об. № 95, Л. 9 № 114, 115, Л. 11 об. № 152, Л. 12 № 153, 154, 156–159 (эстампы), Л. 12 об. № 165, 166, Л. 13 об. № 170, Л. 14–16 об. № 171–213 (эстампы), Л. 17 об. – 18 № 227–233 (рисунки), Л. 18 об. № 237, Л. 19 № 243, 245, 247, 249, Л. 19 об. № 258, Л. 31 № 306.

⁶ Там же. Л. 29, № 296, Л. 31 № 304, 305, 308, 309, Л. 31 об. № 320.

показывать в Петербурге только те произведения, которые наиболее полно отражали его выбор и соответствовали современным тенденциям художественного вкуса. С этой точки зрения, отправка в Москву собрания картин Ротари, мастера, воплощавшего для русских любителей искусства традиции академизма в привлекательной рокайльной стилистике середины XVIII столетия, была закономерной, так же как и отправка преимущественно копийных произведений в разные вотчины князя.

К этому же периоду – 1800-м гг. – относится упоминание о картинной галерее в московском доме Юсуповых в дневнике Марты Вильмот, девушки из англо-ирландской семьи, познакомившейся с Е. Р. Дашковой во время путешествия княгини по Ирландии в 1779–1780 гг. По приглашению Е. Р. Дашковой Марта Вильмот приехала в Россию.

Вместе они посетили московский дом Юсупова 8 января 1808 г.: «В субботу мы обедали с князем Юсуповым в его татарском дворце, который, на мой взгляд, ничем не отличается от любого дома подобных размеров. Он пристроил к нему красивую просторную галерею, чтобы попасть в нее, надо спуститься по извилистой лестнице через библиотеку. В галерее выставлены замечательные картины, среди которых мне больше всего понравились две работы Анжелики Кауфман (говорят, что знаменитая художница умерла) [А. Кауфман скончалась в Риме в 1807 г. – Л. С.]... Из галереи вы попадаете в Зеленый зал, на дальней стене которого сделана роспись, производящая волшебное впечатление, а в центре – ротонда для увеселения гостей, окруженная апельсиновыми и лимонными деревьями огромной высоты. В тот день в зале было слишком холодно, и мы вернулись в прекрасную галерею. Я еще не рассказала о печках, бильярде, статуях, альбомах с гравюрами, лежащих на столах, и других вещицах, создающих удобства и показывающих утонченный вкус хозяина дома»¹.

В своем повествовании о картинной галерее Юсупова Вильмот называет только одно имя – Анжелика Кауфман. Для молодой дамы,

¹ Из Дневника Марты Вильмот. [Москва]. 10 [января 1808 г.] // Записки княгини Дашковой. Письма сестер Вильмот из России. Изд. 2-е. М., 1991. С. 432–433.

приехавшей в Россию с Британских островов, едва ли это случайность. У Юсупова гостя могла видеть два женских портрета работы этой художницы, привезенных из Петербурга в 1801 г.¹

Анжелика Кауфман с 1766 по 1781 г. жила и успешно работала в Англии. Она была одним из членов-основателей Королевской академии художеств в Лондоне и создательницей определенной моды в костюме и оформлении интерьеров. Работы Кауфман широко использовались в качестве живописных декоративных элементов в интерьерах английских домов, получили широкое распространение в гравюрах, служили образцами для массовой продукции (декоративные фарфоровые вставки для мебели, роспись ваз и фарфора)². Узнавание именно ее работ Мартой Вильмот можно рассматривать как свидетельство широкой популярности художницы.

Кроме того, в описании М. Вильмот содержится важное для нас сведение о том, что картинная галерея размещалась не в «татарском дворце», который, кстати, она во время визита так и не увидела, а в специально пристроенной галерее, т. е. в другом помещении. Вероятно, это та самая пристройка к дому, которая обозначена на плане 1806 г. как Галерея и позднее, в пожаре Москвы 1812 г., утраченная³.

После заграничного путешествия 1808–1810 гг., приобретения в 1810 г. подмосковной усадьбы Архангельское, окончания Отечественной войны и обустройства московского дома Н. Б. Юсупов перевез в Москву и подмосковную усадьбу Архангельское основную часть своего художественного собрания, возвращенного из эвакуации, и стал целенаправленно заниматься созданием пространств для систематического размещения и демонстрации своих коллекций. Коллекция картин, хотя и разделенная на московскую и подмосковную части, виделась владельцу как единое целое, он свободно

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 53. Л. 14 об.

² Verrückt nach Angelika. Porzellan und anderes Kunsthandwerk nach Angelika Kauffmann. [Ausst. Kat.] Düsseldorf, 1998.

³ Дудина Т. А. Указ. соч. С. 25. ЦАНТДМ. Ф. 1. Ед. хр. Яузская часть № 35–36/29–31. Д. 2. Благодарю Т. А. Дудину за сведения об этом плане.

перемещал картины по своему усмотрению, и, вероятно сознательно, демонстрируя их, делал особые художественные и эмоциональные акценты.

Московский житель и с 1814 г. директор Кремлевской экспедиции и Оружейной палаты, Н. Б. Юсупов был важным лицом среди высших государственных чиновников. «Князь Николай Борисович Юсупов был один из самых известных вельмож, когда-либо живших в Москве, один из последних старожилов екатерининского двора и вельможа в полном смысле, – отмечала его современница Е. П. Янькова (1768–1861). – ...Все его очень уважали; за обходительность он был любим, и если б он не был чересчур женолюбив, то можно было бы сказать, что он был истинно во всех отношениях примерный и добродетельный человек...»¹

Московский дом князь оформлял в соответствии со своим высоким статусом и просвещенным вкусом, служившим образцом для современников: после Отечественной войны владелец разместил здесь фактически новый состав произведений своей коллекции, который не повторял имевшийся там до 1812 г. Многие картины, до 1812 г. находившиеся в московском доме Юсупова, были размещены в усадьбе Архангельское².

После Отечественной войны 1812 г. и пожара, произошедшего во дворце в Архангельском в 1820 г., Н. Б. Юсупов решил подвести определенные итоги своей коллекционерской деятельности и активно занимался подготовкой каталога собранной коллекции. Опуская подробности, отметим, что в итоге было создано пять альбомов с зарисовками художественных произведений. Все они имеют

¹ Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Серия «Литературные памятники» / изд. подг. Т. И. Орнатская. Л.: Наука, 1989. С. 167, 171.

² РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 2416 – Описание картинам, имеющимся в Архангельском Большом доме, Галерее и Капризе. Апрель 1822 года. Согласно этой описи все портреты Ротари, «Непорочность» Ф. Фурины (современная атрибуция – «Святая Агнеса» С. Пиньони) находились в парковом павильоне Каприз, четыре пейзажа П. Ж. Волера – в Зале Тьеполо и Кабинете; в Галерее: «Даная» Ф. Тревизани, семь картин А. Р. Менгса, «Венера и Адонис» С. Торелли, виды Венеции Каналетто, «Св. Фамилия» Дж. Вазари; в комнатах верхнего этажа дворца: «Ангел с книгой» Л. Пешё, три портрета А. Кауфман, «Саваоф» Ш. Лебрена.

на корешках переплетов даты – с 1827 по 1829 г. Альбом, отмеченный 1827 г., посвящен московскому дому Юсупова¹.

Возможно, Николай Борисович предполагал сопроводить рисунки текстами с описаниями картин и собрать их в отдельном томе, о чем упоминает московский литератор и поэт, член Российской академии Александр Александрович Писарев (1780–1848): «Я знал покойнаго Князя; он любил меня, и даже просил описать его картины (знавши, что я переводил некоторые эрмитажные картины); легко было бы мне исполнить его просьбу, потому что он описал их сам, весьма умно и отчетливо (на французском языке); но мне тогда времени не было»². К сожалению, эти описания в юсуповском архиве пока не обнаружены, но они вполне могли быть использованы позднее сыном князя, Борисом Николаевичем, при подготовке каталога «Музей князя Юсупова»³.

Альбомы 1827–1829 гг. – единственный наиболее полный каталог коллекции Николая Борисовича. Из всех каталогов частных собраний, созданных в первой трети XIX в., это самый большой по количеству включенных в него произведений.

Первым томом альбомов каталогов, как мне представляется, следует считать «Galerie du palais de Moscou» («Галерея московского дворца»), том, посвященный московскому дому, с датой на переплете – 1827 г. Он содержит зарисовки 120 картин. Живописное собрание этого тома («В нижнем кабинете») открывает «Портрет Н. Б. Юсупова в испанском костюме» работы австрийского живописца Генриха Фюгера (ГЭ). Портрет владельца картинной галереи традиционно открывал собрания гравюр с картин галереи,

¹ Galerie du palais de Moscou. 1827. ГМЗ «Архангельское». Инв. № ГФ-1017. На кожаном корешке альбома имеется тисненая золотом надпись на французском языке: «Galerie du P. de Moscou / Tableaux 120 / Bronz 15 / Vases 7 / Marbres 7» (далее в сносках – ГМ).

² Московская поездка. 26 июля 1838 // Московский наблюдатель, журнал энциклопедический. М., 1838. Ч. XIX. Кн. 1, нояб. С. 82. Благодаря К. Г. Боленко за указание на эту публикацию и имя ее автора, отсутствующее в издании.

³ Musée du prince Youssouppoff, contenant: les tableaux, marbres, ivoires et porcelaines qui se trouvent dans l'hôtel de Son Excellence, à Saint Pétersbourg. St.-Pétersbourg: Pluchart, 1839.

как это было, например, в альбоме гравюр с лучших картин галереи А. С. Строганова¹ – его открывал портрет владельца, гравированный И. С. Клаубером по оригиналу И. Б. Лампи.

Альбом-каталог московского дворца зафиксировал состав картинной галереи на период расцвета юсуповской коллекции. Альбом рисунков с художественных произведений московского дома отличается по своему составу от других четырех томов, которые посвящены собранию, хранящемуся в усадьбе Архангельское, и сформированы по видам искусства: в двух альбомах – зарисовки живописи, в одном – дворцовая скульптура, в другом – парковая. В томе, посвященном московскому дому, представлены произведения разных видов искусства, т. е. помимо картин – скульптура, художественная бронза и изделия из фарфора.

Произведения разных видов объединены еще в одном томе – посвященном дворцовой скульптуре («Мраморы», 1828), где кроме мраморной скульптуры представлены произведения художественной пластики: изделия из бронзы (мелкая пластика, люстры, канделябры, часы), резная кость и фарфор.

В альбоме-каталоге московского дворца работы представлены в соответствии с топографией залов: Нижний кабинет, Верхний большой кабинет, Гостиная, Задняя комната, Большая столовая, Малая столовая. Наибольшее число картин – 34 – находилось в Гостиной. Значительное число скульптур и картин было представлено в Верхнем большом кабинете (картин – 29, бронзовых скульптур – 15, фарфоровых ваз – 7) и в Нижнем кабинете (картин – 13, мраморных скульптур – 7).

В своем «Обозрении Москвы» А. Ф. Малиновский (1762–1840) писал: «Картинная галерея князя Николая Борисовича Юсупова доньше считается в Москве первую как по количеству, так и по качеству картин; но разделение картинных галерей его на две части, из которых одна в Москве, а другая в подмосковном селе Архангельском, отнимает цену у многочисленности и лишает любопытствующих

¹ *Stroganoff A.* Collection d'après quelques tableaux de la galerie de m-r Stroganoff. Gravée au trait par des jeunes artistes de l'Academie des Beaux-Arts à St.-Petersbourg. St.P., 1807.

удовольствия видеть разнообразные достоинства в живописи в соединении»¹.

Обладая знаниями в области искусства, тонким вкусом и интуицией в процессах, происходящих в современном искусстве, Юсупов все же не стремился создать из своего собрания музей, не видел в картинах и скульптурах объектов научного интереса. Произведения искусства для него, человека XVIII столетия, становились проявлением честолюбия и собственного вкуса, служили символами богатства и роскоши. Для князя это было единое собрание живописных работ, которые он размещал в соответствии со своим вкусом и потребностями.

Часть живописного собрания, находящаяся в Архангельском, была в определенной степени музеефицирована владельцем (систематизирована по художникам, школам, темам), имела во дворце наиболее продуманное размещение произведений, рассчитанное прежде всего на демонстрацию посетителям. В усадьбе находились приобретения, сделанные Н. Б. Юсуповым во время его последнего путешествия во Францию (1808–1810). Экспонирование картин было рассчитано на создание наиболее сильного впечатления, т. е. коллекция должна была максимально выполнить свою представительскую функцию.

В московском дворце также находилось немало ценных произведений, но в их размещении по залам не было той строгой системы, как в Архангельском. Кроме картин, уже имевшихся в собрании, здесь оставались по большей части самые последние приобретения, сделанные Юсуповым в 1820-е гг., во время его проживания в Москве. Им отводилось центральное место в залах. Отметим некоторые из них.

Николай Борисович был одним из наиболее активных покупателей при распродаже в 1817–1818 гг. первой публичной Картинной галереи при Голицынской больнице и сделал тогда немало ценных приобретений. На аукционе 1817 г. он купил две картины из десяти работ, проданных по самым высоким ценам: «Собрание крестьян»

¹ Малиновский А. Ф. Обзорение Москвы. М.: Московский рабочий, 1992. С. 163.

Д. Тенирса Младшего из собрания Д. М. Голицына (за 3341 рубль) и «Отъезд на охоту» Ф. Ваувермана из собрания А. М. Голицына (за 3001 рубль)¹. Другие картины, приобретенные тогда же², были размещены в Архангельском.

В 1819 г. в Москве на аукционе Пьера Ларме и компании (P-re Larmée & C-ie) Николай Борисович приобрел две картины: итальянского художника Алессандро Турки, прозванного Орбетто или Веронезе (1578–1649), и голландского художника Яна Вейнантса (1610/1630–1684)³. Первую пока не удалось идентифицировать, что касается второй, то в коллекции Юсуповых была одна картина Яна Вейнантса – «Пейзаж»⁴. В настоящее время картина хранится в ГМИИ (инв. № Ж-1688) и считается копией, выполненной, вероятно, в XVIII столетии с пейзажа Вейнантса, имеющего подпись художника и дату – 1669 г., фигуры в котором написаны Филиппом Вауверманом (частное собрание, Ахен)⁵.

В начале 1820-х гг. в юсуповскую коллекцию из собрания Разумовских поступил ряд картин, приобретенных еще его основателем Кириллом Григорьевичем Разумовским (1728–1803), последним гетманом Украины, президентом Петербургской академии наук, генерал-фельдмаршалом. Это работы художников итальянской школы, венецианских живописцев конца XVII – начала XVIII в. П. Пагани, Г. Ладзарини, Н. Бамбини, украсившие

¹ Материалы для полной и сравнительной статистики Москвы: Ч. 1. / [М. С. Гастев]. СПб.: Университетская типография, 1841. С. 289; Catalogue des tableaux, statues, vases et autres objets, appartenant à l'hôpital de Galitzin. Moscou, de l'imprimerie N.S.Vsévolozky, 1817. P. 10, 13. Д. Тенирс Младший «Собрание крестьян» – GM. P. 84, № 4. В Гостиной; в 1925 г. передана в ГЭ. Ф. Вауверман «Отъезд на охоту» – GM. P. 50. В Верхнем большом кабинете; современное местонахождение неизвестно.

² Подробнее см.: *Савинская Л. Ю.* Коллекция живописи князей Юсуповых. М., 2017. С. 179–181.

³ PГAДA. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 133. Л. 3, 5. На бланке – Pour acquit Moscou P-re Larmée & C-ie... 5-eme Vacation du 27 Janvier 1819. / 12-eme Vacation du 5 Mars 1819. Adjudé à Son Excellence Monsieur Le Prince de Youssoupoff. Numeros – 195 – Un Tableau P-r Alexis Turechi – 151 Roubles. Numeros – 250. Un jolie tableau par Winans – 301 Roubles.

⁴ GM. P. 130. В Большой столовой.

⁵ *Сененко М. С.* Голландия XVII–XIX века. Собрание живописи / Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. М.: Галарт, 2000. С. 74, кат. № 56.

интерьеры загородного дворца Разумовского в имении Знаменка, располагавшемся на Петергофской дороге¹. Среди них «Пленение Софонисбы» и «Смерть Софонисбы» (ил. 4) П. Пагани².

В юсуповское собрание перешла, пожалуй, самая знаменитая из картин собрания Разумовского – «Геркулес на распутье между Добродетелью и Пороком» – этапное полотно главы римской школы Помпео Батони (1765, ГЭ)³. К. Г. Разумовский приобрел картину во время путешествия по Италии и Франции в 1765–1767 гг. Все картины из собрания К. Г. Разумовского, приобретенные Юсуповым, вошли в альбом-каталог, т. е. были куплены до 1827 г.

В 1821 г., по сообщению «Курьера Варшавского»: «Торговец картинами П. Баччи-Галуппи закупил значительную часть живописных полотен и скульптур собрания Станислава Августа и вывез их в Россию для продажи»⁴. Как убедительно доказано В. Максимовичем⁵, Н. Б. Юсупов приобрел у П. Баччи-Галуппи серию из четырех работ Джованни Паоло Панини, изображающих интерьеры главных римских базилик: «Внутренний вид церкви Сан Паоло Фуори ле Мура в Риме», «Внутренний вид церкви Сан Джованни ин Латерано в Риме» (ил. 5) (обе – ГМИИ); «Внутренний вид собора Св. Петра», «Внутренний вид церкви Санта Мария Маджоре» (обе – ГЭ)⁶.

Приобретенные тогда же две картины Никола Ланкре «Общество в саду» (ГЭ) и «Общество на опушке леса» (ГМИИ) разместили в Архангельском, в Павильоне. Таким образом, собрание французских картин пополнилось полотнами в жанре «галантных

¹ Штелин Я. Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России / сост., пер. с нем., вступ. статья, предисл. к разделам и примеч. К. В. Малиновского. М., 1990. Т. 2. С. 166–168. Т. 1. С. 359, 363.

² GM. P. 19. В Нижнем кабинете. GM. P. 102. В Малой столовой.

³ GM. P. 121. В Большой столовой.

⁴ Цит. по: Неверов О. Я. Художественные коллекции двух Понятовских // Музей-2. Художественные собрания СССР. М.: Советский художник, 1981. С. 174.

⁵ Максимович В. Картины Ваувермана, Панини и Ланкре из бывшего собрания Станислава Августа Понятовского в коллекции Николая Борисовича Юсупова // Архангельское. Материалы и исследования. 90 лет Государственному музею-усадьбе «Архангельское» / общ. ред. Л. Н. Кириюшиной. М.: ГМУ «Архангельское», 2009. С. 64–69.

⁶ Соответственно: GM. P. 46, 47, 42, 44. В Верхнем большом кабинете.

празднеств» и показывает особый интерес коллекционера к произведениям мастеров первой половины XVIII столетия. Подтверждением этому стала покупка Н. Б. Юсуповым у М. П. Голицына картины Ф. Буше «Геркулес и Омфала» (ил. 6) (ГМИИ)¹, что, несомненно, было продуманным поступком, так как князь уже владел семью картинами Буше.

В 1824 г. Юсупов при посредничестве некоего Ж. Ф. Роша (Рауха) приобрел в Москве картины, происходящие от известного парижского антикара Пьера-Жозефа Лафонтена (1758–1835). Сохранились расписки Роша в получении от князя Юсупова оплаты. В первой из них упоминается полотно «Марс и Венера», приписанное в наши дни к мастерской Антониса ван Дейка и хранящееся в Музее-заповеднике «Архангельское» (инв. № Ж-227)². В другой расписке речь идет об оплате одной картины Рембрандта и одной картины Экхаута, названия которых не приводятся³.

О какой из картин Рембрандта упоминается в расписке, предположить довольно трудно, в юсуповском собрании было несколько работ, связанных с именем этого художника. Некоторые из них в настоящее время сменили атрибуцию. Что касается картины Гербранда Янса ван ден Экхаута (1621–1674), то в коллекции князя была только одна картина этого автора – большое полотно с подписью художника и датой (1658) на сюжет, не согласующийся с библейским: «Иаков стоит перед царем Аманом, который сидит со своей дочерью Рахилью» (с 1877 г. – «Иаков и Рахиль узнают о потере сына Иосифа», в настоящее время – «Приглашение на ночлег жителем города Гивы Левита и его наложницы») (ГМИИ) (ил. 7)⁴.

¹ ГМ. Р. 119. В Большой столовой. Подробнее см.: *Савинская Л. Ю.* Указ. соч. С. 184.

² РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 133. Л. 37 («J'ai reçu la Somme de Dix milles Roubles un assignations de Son Exellaence le Prince Youssouppoff pour payment d'un tableau de Van Dyck, représantant Mars & Venus, provenant de M. Lafontaine à Paris. Moscou ce 18 Mars 1821. J. F. Rauche»). ГМ Р. 43. В Верхнем большой кабинете.

³ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 133. Л. 32 («Je soussigne reconnais avois reçu de Son Excellence Le Prince Youssouppoff et pour le compte de M-r Lafontain à Paris, la somme de assignations R°9000 – pour deux Tableaux, l'un de Rembrandt, l'autre de Van den Eckhout. Moscou le 15-e Novembre 1821. J. F. Rauche»).

⁴ ГМ. Р. 118. В Большой столовой.

В Нижнем кабинете находились картины, написанные в 1819 г. по заказу Н. Б. Юсупова: «Портрет братьев Сергея и Павла Колосовых», внебрачных детей князя работы французского художника Никола де Куртейля¹, картина Жака-Франсуа-Жозефа Свебаха, прозванного Ла Фонтен (1769–1823), «На охоте (На прогулке)» (ГЭ, 1819)² и другие его работы, а также картины Эдуара-Бернара Свебаха (1800–1870) – произведения художников, работавших в России.

В московский период жизни князя Юсупова собрание пополнилось рядом высококачественных произведений итальянской и французской школ. Большинство из них размещалось в московском дворце. Среди них были произведения, любимые владельцем и доставлявшие ему удовольствие от повседневного созерцания. В «уточнении о двух книжных шкафах» из московского дома Борис Николаевич Юсупов дает описание предметов из личного кабинета своего отца: «21 декабря 1836 года, С. Петербург... Дом мой в приходе Харитония в Огородниках теперь продан... Я словесно поручал Г. Гофету прислать ко мне с обозом два низкие шкапа папертовые или карельской березы, в которых хранились книги, а наверху стояли старинные бронзовые вещи и фарфоровые Севрские вазы, те самые, которые поставлены были по обеим сторонам камина, в той зеленой гостиной проданного дома, в которой всегда сидел покойный мой родитель, и где находились картины Claude Lorrain...»³

Вазы севрского фарфора и картины Клода Лоррена прекрасно характеризуют личный вкус князя и подчеркивают его французские предпочтения. Картины Клода Лоррена «Похищение Европы» и «Битва на мосту» (обе – ГМИИ) в альбоме-каталоге московского дома находятся среди картин Гостиной (Л. 96), а вазы Севрской мануфактуры 1770-х гг. – среди рисунков в Большом кабинете (Л. 38–40).

Однако многие предметы в доме могли перемещаться, особенно активно – после смерти Николая Борисовича 15 июля 1831 г.

¹ ГМ. Р. 11, № 4. В Нижнем кабинете.

² ГМ. Р. 52, № 12. В Верхнем большом кабинете.

³ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 944. Л. 27 об.

Отметим также указание источника о том, что к концу 1836 г. дом, в котором находились произведения искусства, был продан.

Борис Николаевич Юсупов (1794–1849), новый владелец московского дворца и художественного собрания, все свое внимание сосредоточил на оформлении своего петербургского дворца на Мойке. Интерес к своим московским владениям он утратил.

Изменения, которые произошли в составе живописного собрания, находившегося в московском дворце, отражает Опись вещей, составленная, вероятнее всего, в самом конце 1831 г.¹ Опись включает 25 картин, привезенных из усадьбы Архангельское 14 октября 1831 г. и ранее находившихся в Галерее и павильоне Каприз. Согласно этой описи в московском доме сохранилось большинство картин, находившихся в 1827 г. в Малой и Большой столовых. Однако в 1831 г. картины размещались уже не в шести помещениях дома, а только в трех: в Большой столовой, Малой столовой и Гостиной. Причем многие картины поменяли места своего нахождения. Всего в описи перечислено 111 картин. Это несколько меньше, чем зарисовано в альбоме-каталоге 1827 г.

В то же время в описи встречаются работы, которые ранее в документах не упоминались, например «Портрет Его Сиятельства Князя Николая Борисовича в зеленом кафтане с книгою, а подле его лежит пудель – Лампий»² (И. Б. Лампи, Я. Ф. Хаккерт. ГЭ); «Медведь белый, за коим бегут две собаки – Рубенс»³ – редкий образец подписной и датированной работы немецкого художника Якоба Грота Младшего (Jacob Grooth Junior. 1790. ГМУА, Ж-360), работавшего в России.

Примерно с 1833 г. князь Борис Николаевич Юсупов начинает подготовку к перевозке лучших произведений коллекции в свой петербургский дворец на Мойке. Значительные перемещения зафиксированы в «Описи картин московского дома», относящейся к 1835–1836 гг.⁴ Из Москвы в Архангельское тогда перевезли 111 картин⁵.

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 717. Л. 1–9.

² ГМ. Р. 7 об. № 94. В Гостиной.

³ Единственная картина, находившаяся в Передней. ГМ Р. 5 об. № 84.

⁴ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 2660. Л. 12–22 об.

⁵ Там же. Картины, вывезенные в село Архангельское. № 1–111. Л. 12–15.

Это все картины, находившиеся в московском доме, согласно описи 1831 г. (список полностью повторяет опись).

В Москве остались 25 картин, привезенных 14 октября 1831 г. из Архангельского, но в описи 1835–1836 гг. их перечень увеличен и насчитывает 145 картин. Таким образом, можно констатировать, что в середине 1830-х гг. состав живописных произведений в московском доме полностью поменялся. К ним также добавились картины, привезенные в 1833 г. из Горенок («Портрет Елизаветы Петровны» на меди, «Сатир и Венера»¹) и из купавинской лавки в Москве, в которой продавались живописные копии, выполненные юсуповскими крепостными художниками. Топография размещения картин в московском доме в 1830-е гг. неизвестна, вероятнее всего, работы там просто складировались, а сам дом постепенно превращался в хранилище картин, привезенных из разных имений Бориса Николаевича.

В октябре 1836 г. Юсупов продал один из принадлежавших ему домов в приходе святого Харитония в Москве для создаваемого работного дома² – учреждения, которое должно было предоставлять работу нуждавшимся и перевоспитывать бездельников. Вероятнее всего, это здание, находившееся рядом с парком и зафиксированное на плане О. И. Бове. В этом доме с 1815 по 1836 г., скорее всего, и размещалось художественное собрание Н. Б. Юсупова.

Осенью 1836 г. началась подготовка к транспортировке из Архангельского и Москвы в Петербург значительной части собрания – лучших произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства, унаследованных Б. Н. Юсуповым. Перевоз большого числа разнообразных художественных предметов был хорошо

¹ Там же. Д. 793. Л. 10 об. («6 ноября 1833 года... Донесение... правления Сельца Горенок от 3-го сего Ноября № 87, при коем препровождается... 2) находившиеся в Горенском доме Лампу зеленую о 4-х рожках, и тож об одном рожке, лампу вызолоченную, и картину Сатир и Венера... Определено... принять и поставить в большой дом, занеся сии вещи в опись...»).

² Там же. Д. 942. Л. 11–11 об. («Высочайше разрешено: 1) Учредить в Москве работный дом на 200 человек. / 2) Для помещения онаго купить дом князя Юсупова за 150 тысяч рублей... Дом состоящий в приходе св. Харитония, продан попечительскому совету за 150 тысяч рублей ассигнациями...»).

организован, князь сам за всем внимательно следил. В январе – феврале 1837 г. из Москвы в Петербург было отправлено 56 ящиков с художественными произведениями, в числе которых 384 лучших картин юсуповской галереи¹.

В последующие годы картины, оставшиеся в Москве и размещенные в другом здании, скорее всего в палатах XVII в., продолжали перевозить в Петербург. Например, в 1838 г. отправлены были «из Московского в Санктпетербургский Его Сиятельства Князя Бориса Николаевича Юсупова дом. Генваря 9 дня 1838-го года... Ящик № 2-й – Две картины ландшафты, Вернета под №№ 94 и 95 из Села Архангельского / Картина букет розонов, художника Вандаля под № 21 из Московского дома² / Картина Ландшафт Вувермана под № 238 из Московского дома / Образ Греческой живописи под стеклом из Московского дома»³. В 1843 г. «по личному приказанию Его Сиятельства, уложены сего 4-го декабря для препровождения в С.Петербург при первом удобном зимнем пути, следующие вещи – в семи ящиках. А именно: Картина в позолоченной раме под № 98. Бахус с кувшином (мастера Романелли)... Из кладовой Московского дома. № ящикам. № 1. Ящик с фигурой белого мрамора, Диана с оленем по описи № 2, у оленя отломано ножку / № 2 – фигура белого мрамора – Аполлон – по описи № 1. / Обе сии фигуры стояли прежде в большой Столовой, в проданном доме, потом были назначены к отправке в С.Петербург и для того уложены в ящики, но сие назначение отменено донныне и они остались в кладовой под княжеским палатом до 8 декабря сего 1843 года»⁴.

Документы подтверждают, что в середине 1830-х гг. здание, в котором размещалась и демонстрировалась коллекция живописи, было продано. Специальные помещения для демонстрации живописных произведений у Юсуповых в Москве практически перестали существовать.

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 2682. Л. 1–8; Д. 2417. Л. 62–68 об.; Оп. 4. Д. 116. Л. 5–12.

² ГМ. Р. 98, № 30. В Гостиной. Французский художник фламандского происхождения Жан-Франсуа ван Даль (1764–1840) «Букет роз», 1808.

³ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 5. Л. 15.

⁴ Там же. Д. 1359. Л. 53, 56.

Таким образом, в истории юсуповского собрания живописи в Москве в 1800–1840-е гг. можно выделить три основных периода:

– 1800–1812 гг. – период повышенного интереса князя Н. Б. Юсупова к московскому дворцу: перемещение картин, утративших свою актуальность с точки зрения современного вкуса и моды, из петербургского дворца на Фонтанке в московский дом и создание картинной галереи, размещавшейся в отдельной специально сооруженной пристройке к палатам XVII в.;

– около 1815–1831 г. – все собрание князя Н. Б. Юсупова размещается в подмосковной усадьбе Архангельское и в Москве в отдельном, специально выстроенном здании, интерьеры которого оформляются в соответствии с высоким статусом владельца. В Москве размещаются многие новые приобретения, сделанные Н. Б. Юсуповым и составлявшие значительную часть картин московского дома;

– 1831–1840-е – после смерти Н. Б. Юсупова его наследник Б. Н. Юсупов продает в 1836 г. здание, в котором размещались художественные коллекции, и вывозит лучшую, большую часть собрания картин в петербургский дворец на Мойке. Оставшиеся в Москве картины и скульптуры перемещаются на хранение в другое здание, возможно палаты XVII в., которое постепенно превращается в хранилище, куда поступали и откуда отправлялись произведения в соответствии с текущими потребностями владельцев.

Возрождение интереса Юсуповых к московскому дворцу во второй половине XIX в. будет связано уже с новой эпохой – с расцветом интереса к древнерусскому искусству и развитием «русского стиля».

Литература

- Записки княгини Дашковой. Письма сестер Вильмот из России. М.: Советская Россия, 1991.
- Максимович В.* Картины Ваувермана, Панини и Ланкре из бывшего собрания Станислава Августа Понятовского в коллекции Николая Борисовича Юсупова // Архангельское. Материалы и исследования. 90 лет Государственному музею-усадьбе «Архангельское» / общ. ред. Л. Н. Кириюшиной. М.: ГМУ «Архангельское», 2009. С. 64–69.
- Малиновский А. Ф.* Обзорение Москвы. М.: Московский рабочий, 1992. Материалы для полной и сравнительной статистики Москвы. Ч. 1. / [М. С. Гастев]. СПб.: Университетская типография, 1841.
- Московская поездка. 26 июля 1838 // Московский наблюдатель, журнал энциклопедический. М., 1838. Ч. XIX. Кн. 1, ноябрь.
- Неверов О. Я.* Художественные коллекции двух Понятовских // Музей-2. Художественные собрания СССР. М.: Советский художник, 1981. С. 171–195.
- Пыляев М. И.* Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. (1891) / сост. Ю. Н. Александров. М.: Московский рабочий, 1990.
- Пьетро Ротари: материалы исследования / сост. И. Е. Ломизе, М. Н. Никогосян. М.: ВХНРЦ имени акад. И. Э. Грабаря, 1999.
- Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово / изд. подгот. Т. И. Орнатская. Л.: Наука, 1989.
- Савинская Л. Ю.* Коллекция живописи князей Юсуповых. М., 2017.
- Сененко М. С.* Голландия XVII–XIX века. Собрание живописи. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. М.: Галарт, 2000.
- Штелин Я.* Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России / сост., пер. с нем., вступ. статья, предисл. к разделам и примечания К. В. Малиновского: в 2 т. М.: Искусство, 1990.
- Catalogue des tableaux, statues, vases et autres objets, appartenant à l'hôpital de Galitzin. Moscou, de l'imprimerie N.S.Vsévolojksy, 1817.
- Musée du prince Youssouppoff, contenant: les tableaux, marbres, ivoires et porcelaines qui se trouvent dans l'hôtel de Son Excellence, à Saint Pétersbourg. St.-Pétersbourg: Pluchart, 1839.
- Stroganoff A.* Collection d'après quelques tableaux de la galerie de m-r Stroganoff. Gravée au trait par des jeunes artistes de l'Academie des Beaux-Arts à St.-Petersbourg. St.P., 1807.

Verrückt nach Angelika. Porzellan und anderes Kunsthandwerk nach
Angelika Kauffmann. [Katalog zur Ausstellung] Düsseldorf :
Hetjens-Museum, Deutsches Keramikmuseum, 1998.

Архивные источники

Дудина Т. А. История дома князей Юсуповых в Большом
Харитоньевском переулке. 2010–2011. ГМУА. 1250-НА.
РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 133. Л. 3, 5, 32, 37; Оп. 3. Д. 5. Л. 15; Д. 53.
Л. 14–15. Д. 105. Л. 1–33 об.; Д. 717. Л. 1–9; Д. 793. Л. 10 об.; Д. 942.
Л. 11–11 об.; Д. 944. Л. 27 об.; Д. 1359. Л. 53, 56; Д. 2417. Л. 62–68 об.;
Д. 2660. Л. 12–22 об.; Д. 2682. Л. 1–8; Оп. 4. Д. 116. Л. 5–12.
Galerie d'Arkhangelski. 1827. Т. 1–2. ГМУА ГФ-1013, ГФ-1014.
Galerie du palais de Moscou. 1827. ГМУА ГФ-1017.

ОБ АТРИБУЦИИ НЕКОТОРЫХ ПОРТРЕТОВ
ЧЛЕНОВ СЕМЬИ ЮСУПОВЫХ И ПОРТРЕТОВ
ИЗ СОБРАНИЯ ЮСУПОВЫХ

Алексеев Сергей Дмитриевич,
Государственный Русский музей,
Санкт-Петербург

Аннотация. Статья посвящена атрибуции ряда портретов членов семьи Юсуповых, а также портретов, происходящих из собрания Юсуповых и ныне хранящихся в Музее-заповеднике «Архангельское» и других российских музеях. Автор в своих выводах основывается главным образом на стилистическом анализе изображений и иконографии отдельных персонажей XVIII – первой половины XIX в. Почти все упоминаемые в статье портреты мало знакомы широкой публике и представляют иконографическую и историческую ценность.

Ключевые слова. Портрет. Живопись. Миниатюра. Юсуповы. Римский-Корсаков. Бирон. Щербатова. Папа римский.

ATTRIBUTION OF SOME PORTRAITS
OF THE YUSUPOV FAMILY AND PORTRAITS
FROM THE YUSUPOV COLLECTION

Alekseev Sergei Dmitrievich,
The State Russian Museum,
Saint-Petersburg

Annotation. The article is devoted to attribution of several portraits of the Yusupov family and portraits from the Yusupov Collection which are currently in the collections of the Arkhangelskoye Estate Museum and other Russian museums. The author bases his conclusions mainly on a stylistic analysis, his knowledge of the manner of various artists, and the iconography of certain characters from the 18th century and the first half of the 19th century. Almost all the portraits mentioned in the article are little known to the general public and are of iconographic and historical value.

Keywords. Portrait. Painting, miniature. Yusupov. Rimsky-Korsakov. Biron. Shcherbatova. Pope.

На самом раннем по времени создания портрете из ряда портретов членов семьи Юсуповых и портретов, происходящих из собрания Юсуповых, а ныне хранящихся в Музее-заповеднике «Архангельское», а также в других российских музеях, изображена женщина в образе Дианы (портрет Евдокии Борисовны Юсуповой?¹) из Музея-заповедника «Архангельское» работы неизвестного западноевропейского художника (ил. 1)². Версия о том, что это княжна Евдокия Борисовна Юсупова, герцогиня Бирон, не выдерживает физиогномического сравнения с бесспорными портретами княжны, как, например, с портретом, гравированным в 1775 г. Якобом Хоубракенем, или с портретом работы Григория Ивановича Новикова. Не говоря уже о том, что модель на картине одета и причесана по моде 1710–1720-х гг. Техника и стилистика живописи не противоречат подобной датировке, т. е. концом 1710-х – началом 1720-х гг.

Портрет был реставрирован; в процессе реставрации оригинальный холст дублировали. До дублировки на обороте холста имелась старая надпись на итальянском языке, которую можно прочесть как «La Sig[nor]a Contessa da... (Госпожа Графиня...)» – и далее неразборчиво. Из этой надписи следует, что, скорее всего, на картине представлена некая графиня.

На портрете запечатлена молодая женщина с атрибутами богини Дианы: колчаном стрел и украшением в виде полумесяца в волосах. Портрет написан мастерски, интересная композиция, фигура героини прекрасно вписана в иллюзорный овальный проем, очень выразительный колорит, уверенная кисть. Особенно явно видна индивидуальная манера художника писать кружева.

Все это заставляет вспомнить портреты работы римского мастера Антонио Давида. Антонио Давид (1698–1750) был одним из популярнейших портретистов, работавших в первой половине

¹ Княжна Евдокия Борисовна Юсупова (1747–1780), герцогиня Курляндская, дочь князя Бориса Григорьевича Юсупова и княгини Ирины Михайловны Юсуповой, урожд. Зиновьевой; с 1772 г. супруга Петра Эрнестовича фон Бирона (1724–1800), герцога Курляндского и Семигальского, брак с которым был расторгнут в 1778 г.

² Неизвестный западноевропейский художник. Портрет женщины в образе Дианы (Е. Б. Юсуповой?). XVIII в. Холст, масло. 76×58 см (в свету). ГМУА. Инв. № Ж 326.

XVIII в. в Риме. Более всего он известен как придворный портретист Стюартов, претендентов на английский престол, живших в изгнании в Риме.

Портрет неизвестной из собрания Музея-заповедника «Архангельское» прекрасно встает в ряд портретов этого мастера. Достаточно сравнить его с портретами Стюартов, где использован тот же композиционный прием с иллюзорным овальным проемом, вписанным в прямоугольник, тот же серый фон, общий холодный колорит, написание деталей – будь то кружева или драгоценности. Кроме того, у модели глаза, характерные практически для всех портретов работы Антонио Давида.

В музеях России творчество Антонио Давида было представлено только двумя малоформатными портретами принца Джеймса Фрэнсиса Эдуарда Стюарта и принцессы Марии Клементины Собеской, его супруги, хранящимися в собрании Музея-заповедника «Павловск». Атрибуция авторства портрета неизвестной в образе Дианы из Архангельского Антонио Давиду, таким образом, увеличивает список работ не последнего портретиста римской школы в российских музейных собраниях.

Следующий портрет, о котором пойдет речь, находится в собрании Государственного Русского музея и в настоящее время числится как работа неизвестного художника. Это портрет герцогини Евдокии Борисовны Бирон, урожденной княжны Юсуповой (1747–1780) (ил. 2)¹.

В качестве работы Сальватора Тончи этот портрет участвовал в Историко-художественной выставке русских портретов, проходившей в залах Таврического дворца в 1905 г.² В 1925 г. из дворца-музея Юсуповых на Мойке он поступил в Государственный Русский музей в Ленинграде как портрет неизвестной молодой женщины Новикова (со знаком вопроса), но был записан в инвентарную книгу

¹ Неизвестный художник. Портрет герцогини Евдокии Борисовны Бирон, урожд. княжны Юсуповой (1747–1780). 1770-е гг. Холст, масло. 61 × 49 см. ГРМ. Инв. № Ж-4778.

² Историко-художественная выставка русских портретов, устраиваемая в Таврическом дворце, в пользу вдов и сирот павших в боях воинов: Иллюстрированный каталог-реконструкция. Вып. IV / авт. проекта Н. В. Окуренкова. М., 2020. С. 53. Номер на выставке 691а.

как портрет Евдокии Борисовны Юсуповой работы неизвестного художника XVIII в.

Портрет очень живой, он явно написан с натуры. Княжна представлена в утреннем наряде, как бы в процессе туалета: на плечах у нее накидка пудермантель, волосы не напудрены (вероятно, куафер еще не закончил свою работу), она без украшений и знаков отличия.

Картина датируется 1770-ми гг. Скорее всего, именно этот портрет послужил основным иконографическим изводом для создания парадного посмертного изображения герцогини Бирон художником Григорием Ивановичем Новиковым (1802–1837).

Любовь Юрьевна Савинская в своем фундаментальном труде, посвященном собранию живописи князей Юсуповых, пишет о создании портрета покойной герцогини так: «В ноябре 1834 года Новиков по заказу Бориса Николаевича скопировал портрет его тетки Евдокии, герцогини Курляндской. Оригинал ее портрета привезли из имения в слободе Ракитная Курской губернии, “чтобы живописец Новиков снял с онаго копию, и вместе с оригиналом доставил в Канцелярию”»¹.

Новиков написал два портрета герцогини, один находился во дворце на Мойке в Петербурге², другой – в усадьбе Архангельское³. Оба портрета составляли пары для портретов Николая Борисовича Юсупова: в Архангельском – к портрету работы самого Новикова, а во дворце на Мойке – работы Фридриха Фюгера.

В эрмитажном каталоге русской живописи 2017 г. сказано, что портрет Новикова восходит к гравюре Якоба Хоубракена (1775)⁴. Как мы видим, это верно только отчасти, так как Новиков

¹ Савинская Л. Ю. Коллекция живописи князей Юсуповых / Л. Ю. Савинская. М., 2017. С. 556.

² Григорий Иванович Новиков (1802–1837). Портрет Е. Б. Юсуповой, герцогини Курляндской. 1834. Холст, масло. 112×87 см. Поступил в 1941 г. из Государственного Этнографического музея; ранее – в собрании Ф. Ф. Юсупова в Санкт-Петербурге – Петрограде; с 1925 г. – в Историко-бытовом отделе Государственного Русского музея. Инв. № ЭРЖ-1076. ГЭ.

³ ГМУА. Инв. № Ж-370.

⁴ Русская живопись XIX века: каталог коллекции / Ю. Ю. Гудыменко; Государственный Эрмитаж. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2017. С. 270–271.

для создания парадного образа явно скомпилировал два портрета покойной княжны, взяв голову с портрета из Русского музея, а костюм и украшения – с портрета, гравированного Хоубракеном.

Но вернемся к портрету из Русского музея. Работа выполнена мастерски: интересный колорит (платье – цвета молодой зелени, румянец на лице – яркий розовый), мягкая живопись, очень индивидуальный тип лица молодой княжны. Все это характерно для портретов кисти Леонтия Семеновича Миропольского. Детальное сравнение портрета Юсуповой с бесспорными произведениями Миропольского, такими как портрет девочки в белом платье (коллекция М. Б. Кочерова, Москва), портрет Дарьи Ивановны Уваровой, урожденной Головиной (Государственный исторический музей, Москва) или портрет Дарьи Федотовны Астафьевой (Государственный Русский музей, Санкт-Петербург), по нашему мнению, подтверждает эту мысль.

Леонтий Семенович Миропольский (1744/5–1819) – живописец, портретист – происходил из «малороссийских казачьих детей». Помимо портретов он писал иконы и иконостасы для церквей в Петербурге и пригородах. В 1778 г. художник был удостоен звания назначенного в академики Императорской академии художеств за «написанной с натуры мужской портрет»; в 1786 г. получил подписанную Д. Г. Левицким программу на звание академика, по которой выполнил портрет адъюнкт-ректора Академии художеств Г. И. Козлова. Миропольский считается учеником Д. Г. Левицкого, что не находит документальных подтверждений. В 1794 г. он получил звание академика¹.

Кисти Леонтия Семеновича Миропольского хотелось бы приписать еще один портрет, но уже из собрания Музея-заповедника «Архангельское» (ил. 3). Здесь он также записан как работа неизвестного художника – это портрет князя Андрея Кирилловича Разумовского (?)². Портрет датирован последней третью XVIII в.

¹ Государственный Русский музей. Живопись. XVIII в. Каталог. Т. 1. СПб.: Palace Editions, 1998. С. 129.

² Неизвестный художник. Портрет (князя Андрея Кирилловича Разумовского?). Вторая половина XVIII в. Холст, масло. 60×47 см. ГМУА. Инв. № Ж 325.

Судя по прическе и костюму, он действительно написан в конце 1770-х – начале 1780-х гг.

Сначала хотелось бы уточнить, кто изображен на этом портрете. На нем представлен молодой человек с красивыми чертами лица, четко обрисованными длинными бровями, тонкими губами и большим выступающим подбородком с ямочкой. Он в коричневом сюртуке с орденами Белого Орла (звезда) и Святого Станислава (крест на ленте).

Версия, что это Андрей Кириллович Разумовский, не подтверждается физиогномическим сравнением изображенного с бесспорными портретами графа, например с портретом работы Александра Рослина (1776; Национальная галерея Виктории, Мельбурн, Австралия). К тому же у Андрея Кирилловича не было подобного набора наград.

Как нам кажется, на портрете изображен «любимец Фортуны» – Иван Николаевич Римский-Корсаков (1754–1831), фаворит Екатерины Великой, генерал-адъютант (6 июня 1778 г.), генерал-майор (1779 г.). Как известно, в фаворитах императрицы он задержался очень недолго: в 1779 г. она застала его в объятиях своей придворной дамы графини Прасковьи Александровны Брюс (1729–1786), сестры фельдмаршала графа Петра Алексеевича Румянцева (1725–1796), после чего, 10 октября 1779 г., Римский-Корсаков был удален от двора.

Он проживал в Москве с графиней Екатериной Петровной Строгановой, урожденной Трубецкой (1744–1815), ради него оставившей в столице мужа и детей. Позже у графини от союза с Римским-Корсаковым родились пятеро детей, получивших фамилию Ладомирские¹. После воцарения императора Павла I, в 1796 г., Римский-Корсаков был сослан в Саратов, затем возвратился в Москву и жил в уединении до смерти своей гражданской супруги, после чего большую часть времени проводил в своем имении в Могилевской губернии.

Современник князь Иван Михайлович Долгоруков (1764–1823) в своих «Мемуарах» пишет: «Римский-Корсаков был человеком,

¹ Варвара (1785–1840), Василий (1786–1847), Софья, Владимир и Зинаида.

который ничего, кроме себя, не любил; тщеславный богач, не одаренный ничем от природы и обязанный одной слепой фортуне, пригожему лицу и юности минутным блеском своим у трона!»¹

Умер Иван Николаевич Римский-Корсаков 16 февраля 1831 г. в Москве в возрасте 77 лет, похоронен в селе Братцево Московской губернии. Он был награжден орденами Белого Орла (20 сентября 1778 г.) и Св. Станислава (1778 г.). Как отмечают современники, Римский-Корсаков носил свои ордена постоянно, за что был прозван в Москве Польским королем.

Портрет был исследован в Государственной Третьяковской галерее в 2001 г.², где решили, что произведение принадлежит кисти анонимного автора последней трети XVIII в., работавшего в мастерской Жана-Луи Вуаля, и что портрет был написан при его участии. Но по нашему мнению, живопись на портрете совсем не похожа на манеру этого французского мастера, и стилистически мы бы отнесли картину к творчеству русского художника Л. С. Миропольского.

Как считалось ранее, на следующем портрете из Музея-заповедника «Архангельское» работы неизвестного французского художника XVIII в. изображен проповедник Никола (ил. 4). В описи 1920 г. он назван проповедником Пьером Николя (1625–1695), аббатом³.

В данном случае сразу ясно, что на портрете представлен папа римский Пий VI. Главная проблема – выяснить, чей иконографический тип использован при изображении понтифика.

Папа Пий VI (1717–1799), в миру граф Джананджело Браски, занимал папский престол с 15 февраля 1775 по 29 августа 1799 г. На голове папы – пилеолус (*лат.* Pileolus от pileus – шляпа, колпак; также *ит.* Zucchetto, *исп.* Solideo) – шапочка белого цвета (у кардиналов – красная).

¹ Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течении моей жизни / соч. князя Ивана Михайловича Долгорукова. 2-е изд. М., 1890. С. 152.

² Экспертное заключение ОЭ ГТГ 3747 от 13.03.2001 И. Е. Ломизе, С. В. Усачева.

³ Неизвестный французский художник XVIII века. Портрет (проповедника Никола?). Холст, масло. 61,5×49 см. ГМУА. Инв. № Ж 269.

На плечах понтифика – моццетта (*ит. mozzetta*), короткая накидка, которая охватывает плечи и застегивается на груди. Она является элементом церковного облачения части духовенства Римско-католической церкви: папы римского, кардиналов, епископов и аббатов. Папа римский носит две разновидности моццетты: атласную без отделки и темно-красную бархатную, отделанную горностаем. Поверх моццетты на папе завязанная полосатым шнуром с кистями стóла (*лат. stola*) – шелковая лента 5–10 см в ширину (у папы она бывает шире) и около 2 м в длину, с нашитыми на концах и в середине крестами, элемент литургического облачения католического священнослужителя.

Как оказалось, иконографически портрет восходит к работе австрийского художника Йозефа Хикеля (1736–1807), написанной во время пребывания папы Пия VI в Вене в 1782 г.¹ Оригинал портрета на меди, подписанный и датированный, хранится в музее города Джемона-дель-Фриули в провинции Удине в Италии. Довольно высокое качество живописи портрета из Архангельского позволяет предположить, что перед нами авторский повтор, который следует датировать второй половиной 1780-х гг.

Следующий по хронологии создания – портрет неизвестной в белом платье и красной шали из Музея-заповедника «Архангельское» (ил. 5), работа неизвестного французского художника первой трети XIX в. школы Монье, ранее приписывавшийся Анри-Франсуа Ризенеру (1767–1828)². Картина поступила в собрание Юсуповых до 1831 г. (Оп. 1831. Л. 4 об. № 57)³.

¹ Joseph Hicel (1736–1807). Ritratto del pontefice Pio VI. Olio su rame, cm 51,0×40,6. Iscrizioni: sul retro *PIUS VI/HUKEL PINXIT/VIENNAE 1782/MEN APR*. Provenienza: Collezione Fantoni Baldissera. Inv. № 17. Il Museo Civico di Gemona.

² Неизвестный французский художник первой трети XIX в., школы Монье. Приписывался Анри-Франсуа Ризенеру. Портрет неизвестной в белом платье и в красной шали. Холст, масло. 71,0×55,6 см. ГМУА. Инв. № Ж-149.

³ Авторство портрета Анри-Франсуа Ризенеру было отвергнуто Е. Б. Шарновой в каталоге «Французская живопись в Архангельском» (М., 2011. С. 144). Автор статьи выражает глубокую благодарность за помощь и участие хранителю живописи и графики Государственного музея-заповедника «Архангельское» М. Д. Краснобаевой, кандидату искусствоведения, доценту Школы исторических наук НИУ ВШЭ Е. Б. Шарновой и ведущему научному сотруднику отдела искусства старых мастеров ГМИИ им. А. С. Пушкина Л. Ю. Савинской.

Изображенный персонаж был узнан нами на миниатюре с подписанием «Копенгаген 1803» (5,7 см, овал) датского художника-миниатюриста Фредерика Кристиана Камрадта (1762–1844), которая продавалась в Лондоне на аукционе «Кристи» 9 декабря в 2008 г. (лот 122). В данном случае указание места создания миниатюры заставило искать предполагаемого автора картины среди датских художников самого начала XIX в.

Живопись портрета очень высокого уровня, ее рафинированная тонкая манера выдает руку художника, который явно учился и достиг творческой зрелости еще в предыдущем столетии. По нашему мнению, этот портрет является прекрасным примером позднего творчества крупнейшего датского портретиста XVIII в. Йенса Юля.

Йенс Юль (Jens Juel) (1745–1802) – выдающийся датский художник, портретист, родился на острове Фюн, учился в Гамбурге, окончил Академию художеств в Копенгагене, умер в Копенгагене. В 1772–1780 гг. Юль жил и работал в Риме, Париже и Женеве. В 1780 г. он вернулся на родину, с 1784 г. – профессор, позднее – директор Академии художеств в Копенгагене. Художник писал портреты, пейзажи, натюрморты, Юль является автором ряда картин на исторические сюжеты.

Детальное сравнение с эталонными произведениями Юля 1790-х и начала 1800-х гг., такими как портрет писательницы баронессы Томасины Кристины Гиллембург-Эренсвёрд (Национальный исторический музей, Хиллерёд, Дания) или портрет фру Элизабет Софии Кристи, урожденной Крефтинг (Национальный музей искусства, архитектуры и дизайна, Осло, Норвегия), и особенно с портретом Доротеи Элизабет Хиллиsted, урожденной Триилд (частное собрание), подтверждает авторство портрета неизвестной из Архангельского Йенса Юля. Вопрос идентификации изображенного персонажа остается открытым.

И последний портрет, о котором пойдет речь, – работа Дмитрия Ивановича Антонелли (1791–1842) – портрет неизвестной в белом платье и красном тюрбане из собрания Чувашского государственного

художественного музея (ил. 6)¹. На обороте холста надпись: «D. Antonelli l'an 1821».

Однако на портрете представлена княгиня Прасковья Павловна Юсупова (1795–1820)², урожденная Щербатова, – первая супруга князя Бориса Николаевича Юсупова (1794–1849). Судя по дате «1821», портрет является посмертным изображением.

История бытования картины ясно прослеживается с 1839 г., когда она находилась во дворце на Мойке. Портрет упоминается в описи картин дворца-музея Юсуповых на Мойке в Петрограде (1924) под № 769. После расформирования музея в 1926 г. картина была передана в ГРМ, откуда актом № 590 от 14 января 1941 г. выдана в Чувашский музей, где имя изображенной забыли.

В Государственном Русском музее хранится кожаный бювар, в крышку которого вмонтированы три миниатюры. Считалось, что это портрет графини Мусиной-Пушкиной³, окруженный портретами двух ее внучек – княжны Щербатовой⁴ и княгини Юсуповой. Но впоследствии портрет, который ранее считался изображением княжны Щербатовой, был атрибутирован нами как портрет княгини Юсуповой. Именно эта миниатюра послужила образцом для памятной иконы из собрания Русского музея, где образу

¹ Дмитрий Иванович Антонелли (1791–1842). Портрет Прасковьи Павловны Юсуповой в белом платье и красном тюрбане. 1821. Холст, масло. 70,3×54,5 см. Инв. № РЖ 105. Чувашский Государственный художественный музей. На обороте холста надпись: D. Antonelli l'an 1821.

² Княгиня Прасковья Павловна Юсупова, урожд. княжна Щербатова (1795–1820), дочь сенатора, действительного тайного советника князя Павла Петровича Щербатова (1762–1831) и Анастасии Валентиновны, урожд. графини Мусиной-Пушкиной (1774–1811). Первая жена князя Бориса Николаевича Юсупова (1794–1849), церемониймейстера, уездного предводителя Петербургского дворянства, члена мануфактурного совета, с 1848 г. гофмейстера, почетного опекуна. Умерла во время родов. Похоронена в семейном склепе при Спасской церкви в с. Колотово Московского уезда.

³ Графиня Прасковья Васильевна Мусина-Пушкина (урожд. Долгорукова; 17 апреля 1754 – 27 июня 1826, Санкт-Петербург), жена генерал-фельдмаршала Валентина Платоновича Мусина-Пушкина, статс-дама, кавалерственная дама ордена Святой Екатерины малого креста.

⁴ Графиня Наталья Павловна Зубова, урожд. княжна Щербатова (1801–1868), с 1831 г. была замужем за действительным статским советником графом Александром Николаевичем Зубовым (1797–1875). Погребена на кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге.

Богоматери были приданы черты покойной княгини¹. Таким образом, в бювар вмонтированы два прижизненных изображения княгини Прасковьи Павловны Юсуповой.

Видимо, при создании портрета Антонелли пользовался двумя прижизненными изображениями княгини: портретом работы Карла Христиана Фогеля фон Фогельштейна (1808–1812) и миниатюрой работы Карла Рейхеля (1816).

Литература

- Государственный Русский музей. Живопись. XVIII век. Каталог. Т. 1. СПб.: Palace Editions, 1998.
- Русская живопись XIX века: каталог коллекции / Ю. Ю. Гудыменко; Государственный Эрмитаж. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2017.
- Историко-художественная выставка русских портретов, устраиваемая в Таврическом дворце в пользу вдов и сирот павших в боях воинов: Иллюстрированный каталог-реконструкция. Вып. IV / авт. проекта Н. В. Окуренкова. М., 2020.
- Французская живопись в Архангельском / М. Краснобаева, Е. Шарнова; Музей-усадьба «Архангельское». М.: Три квадрата, 2011.
- Алексеев С. Д. Портрет княгини Прасковьи Павловны Юсуповой (1795–1820) // Русские портреты XVIII – начала XX в.: материалы по иконографии. М.: Аватар, 2015.
- Савинская Л. Ю. Коллекция живописи князей Юсуповых. М., 2017.

---

¹ Алексеев С. Д. Портрет княгини Прасковьи Павловны Юсуповой (1795–1820) // Русские портреты XVIII – начала XX в.: материалы по иконографии. М.: Аватар, 2015. С. 155–158.

ИНТЕРЬЕРЫ МОСКОВСКИХ ПАЛАТ
КНЯЗЕЙ ЮСУПОВЫХ. 1891–1899 ГОДЫ
(ПО ДНЕВНИКУ АРХИТЕКТОРА
Н. В. СУЛТАНОВА)

Савельев Юрий Ростиславович,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва

Аннотация. Создание замечательных интерьеров в русском стиле и расширение усадебного ансамбля представляют собой важнейший этап в архитектурной истории московского дворца княжеской семьи Юсуповых. Перестройка затронула преимущественно парадные залы дворца и создание домового храма. Об этом периоде истории усадьбы подробно говорится в архивном источнике 1890-х гг. – дневнике автора работ архитектора Н. В. Султанова, который служит документальным свидетельством для воссоздания истории московского дворца князей Юсуповых. Благодаря его введению в научный обиход стало возможным уточнить особенности убранства залов, названия фирм, поставлявших мебель и элементы декора, датировку работ и их последовательность. Этот материал позволил включить в публикацию много новых данных об ансамбле дворца.

Ключевые слова. Дворец Юсуповых. Русский стиль. Искусство историзма. Н. В. Султанов. Интерьеры. Мебель историзма. Изразцы.

INTERIORS OF THE MOSCOW PALACE
OF PRINCES YUSUPOV. 1891–1899.
ACCORDING TO THE DIARY OF ARCHITECT
N. V. SULTANOV

Yuri R. Saveliev,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow

Annotation. The creation of wonderful interiors in the Russian style and the expansion of the manor ensemble represent the most important stage in the architectural history of the Moscow palace of the princely Yusupov family. The restructuring mainly affected the ceremonial halls of the palace and the creation of a house temple. This period of the estate's history is described in detail in the archival source of the 1890s – the diary of the author of the works of architect N. V. Sultanov, which serves as documentary evidence for recreating the history of the Moscow palace of Princes Yusupov. Thanks to its introduction into scientific use, it became possible to clarify the features of the decoration of the halls, the names of the companies that supplied furniture and decorative elements, the dating of the works and their sequence. This material made it possible to include in the publication a lot of new data about the ensemble of the palace.

Keywords. Yusupov palace. Russian style. Art of Historicism. N. V. Sultanov. Interiors. Furniture of Historicism. Tiles.

В развитии русского стиля периода его расцвета в конце XIX – начале XX в. видное место принадлежит созданию интерьеров дворца князей Юсуповых в Москве. Современники считали анфиладу парадных залов этого здания лучшим примером национального стиля в Первопрестольной.

Владельцы дворца не ошиблись в выборе зодчего – одного из лучших знатоков архитектуры XVII в. и замечательного мастера русского стиля Н. В. Султанова (1850–1908). Его творчество было тесно связано с выполнением заказов виднейших аристократических семей России. Он выполнял проекты для императоров Александра III и Николая II, великих князей Сергея и Павла Александровичей, Константина Константиновича и Александра Михайловича, великой княгини Ксении Александровны.

На протяжении всей жизни зодчий был связан самыми тесными дружескими узами с семьей графа С. Д. Шереметева, у которого он 14 лет служил архитектором и строил в его московских владениях. Н. В. Султанов выполнял архитектурные заказы графа И. И. Воронцова-Дашкова, княгини Е. П. Черкасской, графа Ф. Э. Келлера, министра Д. С. Сипягина и других известных представителей русского дворянства. В этот круг входила и семья князей Юсуповых.

Скорее всего, Юсуповым Н. В. Султанова представил великий князь Сергей Александрович, который был хорошо знаком с зодчим с 1883 г. Для великого князя архитектор выполнял множество архитектурных проектов и рисунков. В частности, в 1891–1893 гг. он перестраивал интерьеры его московской резиденции – дома генерал-губернатора на Тверской улице. Князь Ф. Ф. Юсупов служил в те годы адъютантом великого князя.

Это предположение находит документальное подтверждение в первом же упоминании о реконструкции дворца Юсуповых. Дневник Н. В. Султанова, который служит одним из главных источников его творческой биографии, свидетельствует о посещении им как усадьбы Юсуповых Архангельское, так и имения Ильинское – летней резиденции великого князя Сергея Александровича: «24 сентября / 4 октября [1891 года]. Около 2-х ездил осматривать дом Юсуповых. С 5 до 3-х ночи

ездил в Архангельское и потом в Ильинское. Князь и княгиня Юсуповы были очень милы; буду у них отделявать “русскую палату”»¹. Таким образом, известна точная дата начала работы зодчего над осуществлением проекта реконструкции московской княжеской резиденции.

Н. В. Султанову предстояло выполнить реставрацию внешнего облика палат и создание интерьеров парадных помещений второго этажа, которые располагались в восточной части ансамбля. Западная половина каменного корпуса была перестроена, а по версии Н. В. Султанова, построена заново архитектором В. Д. Померанцевым (1860–1899) в стиле сохранившейся древней восточной части. Перестройка была завершена к 1891 г.²

Работы Н. В. Султанова служили, вероятно, продолжением осуществления программы хозяев по «возобновлению» этого ансамбля. Зодчему предстояло не только реставрировать фасады и весь внешний облик дома, но и создать заново в стиле XVII – начала XVIII столетия интерьеры большой парадной палаты, предназначенной для приемов и празднеств, кабинета князя, столовой и приемной. Другие помещения – гостиная хозяйки и «портретная» – требовали меньше переделок, так как, по желанию владельцев, там в основном должна была сохраняться прежняя отделка, конечно, с приданием и ей стилистики, соответствовавшей вновь создаваемым интерьерам.

Составление проекта продолжалось менее года. Н. В. Султанов приступил к сбору материалов в конце 1891 г. Основные чертежи были завершены только следующим летом, и, даже приступив к строительным работам, он продолжал делать детальные рисунки для каждого элемента интерьера и внешнего облика здания. Отмечая добросовестность и работоспособность мастера, современники писали: «Если собрать все рисунки для этой реставрации, потребовался бы обширный выставочный зал»³.

Создавая интерьеры в «исторических стилях», Н. В. Султанов опирался на архивные и иконографические источники, которые позволяли ему точнее воспроизвести обстановку эпохи. В этом он широко

¹ ОР РНБ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 2. Дневник за 1891 год.

² Султанов Н. В. Реставрация дома князей Юсуповых // Зодчий. 1893. № 5. С. 35–36.

³ РГАЛИ. Ф. 2428. Оп. 1. Д. 189. Л. 69.

использовал аналоги – точные описания или чертежи произведений эпохи.

При работе над проектом интерьеров такими источниками прежде всего служили опубликованные письменные свидетельства – описания интерьеров конца XVII столетия, содержащиеся, в частности, в описях дома и имущества князя Василия Голицына, которые были опубликованы в «сыском деле Шакловитого», труды знатока московской старины И. Е. Забелина, редкие материалы Императорской публичной библиотеки, а также архитектурные и иконографические аналоги – памятники архитектуры и их художественное убранство.

Автор проекта стремился не только к созданию в интерьерах образа эпохи, но и к научному обоснованию исторической достоверности каждого художественного решения. Дневник зодчего периода сбора материала полон описаниями находок в архивах, музеях и храмах. Так, к примеру, в декабре 1891 г. он «отбирал материалы для дома Юсуповой», а в апреле 1892 г. не преминул отметить, что уже «собраны материалы для реставрации дома Юсуповых». В мае 1892 г. архитектор «читал и делал выписки для дома Юсупова... ездил собирать материалы для юсуповского дома». В мае 1892 г. проект наконец был завершен¹.

Теперь предстояло пройти обязательный путь согласования проекта. Этот труд также был возложен на архитектора. Утверждение состоялось летом 1892 г.: «20 июня / 2 июля: с 2-х до 3-х был в Думе – подан Юсуповский проект... 27 июня / 9 июля: был в Думе и получил утвержденные чертежи Юсуповых. Надо двинуть дело!.. 3/15 июля: с 9 до 2-х ночи кончал с Мейснером Юсуповскую смету... 4/16 июля... До 1 1/2 занимался с Литвиновым и кончил Юсуповскую смету на 147 000 р[ублей] с[еребром]. Поехал в Архангельское; время прошло прекрасно – смета утверждена»².

¹ РГАЛИ. Ф. 2428. Н. В. Султанов. Оп. 1. Д. 189. Л. 72; ОР РНБ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 2. Дневник за 1891 год; Д. 3. Дневник за 1892 год.

² ОР РНБ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 3. Дневник за 1892 год; *Арнаутова Е.* Александр Фелицианович Мейснер // *Строительство и архитектура Москвы.* 1989. № 2. С. 12–18; *Рогачев А. В.* Московские зодчие второй половины XIX – начала XX века. Биографический справочник. М., 1997. Т. 2. С. 11–12; 26–27; *Зодчие Москвы времени эклектики, модерна и неоклассицизма (1830-е – 1917).* Иллюстрированный биографический словарь / под науч. рук. А. Ф. Крашенинникова, под ред. А. В. Рогачева. М., 1998. С. 158, 171–172.

Архитектурное решение прошло утверждение лишь в самых общих формах. Поэтому и в дальнейшем зодчий занимался выполнением проектов и рисунков не только деталей, но и более значительных элементов фасадов и внутреннего убранства. В начале сентября 1892 г. был, к примеру, окончательно завершен «фасад новой лестницы, все трубы и слуховые окна». В сентябре же была сделана запись о том, что зодчий «кончал юсуповские чертежи... сделал детали конька среднего украшения на крыше палаты». Проектирование продолжалось даже в начале 1893 г.: «20 января / 1 февраля... делал окончательные чертежи по Юсуповскому дому и сделал многое»¹.

Сени и новая парадная лестница

В период утверждения проекта, летом 1892 г., было решено начать строительство. Первая дневниковая запись об этом датирована 27 мая: «С 4 до 5 был на постройке у Юсуповых»². Интерьеры, которые создавал Н. В. Султанов, находятся на втором этаже, куда со стороны фасада, выходящего на Большой Харитоньевский переулок, ведет парадный вход XVII в. Однако по воле владельцев главным должен был стать другой фасад, выходящий во внутренний двор. С этой целью перед зодчим была поставлена задача создания парадных сеней и новой пристройки – двухмаршевой лестницы, ведущей из вестибюля на второй этаж.

Свод вестибюля (или «сеней») был расписан разноцветным «травным» орнаментом крупного рисунка по серебряному полю. Стены приобрели темно-красный цвет, на котором эффектно смотрелись большие зеркала. Их украшением служили широкие рамы в стиле XVII в.: под узорчатый позолоченный орнамент была подложена разноцветная фольга.

В поле других рам были вставлены подлинные старинные изразцы, найденные при земляных работах возле дома. Довершением

¹ ОР РНБ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 4. Дневник за 1893 год.

² Там же. Д. 3. Дневник за 1892 год.

«старорусского колорита» являлись чучела огромных медведей, скомпонованных с сучковатыми деревьями, которые служили вешалками для одежды гостей хлебосольного княжеского дома.

Из сеней можно было подняться на второй этаж по вновь построенной каменной лестнице, украшенной фигурами раскрывших пасти львов – в точности как в княжеском гербе. Внешний объем лестницы был завершен 11 сентября 1892 г., а к отделке интерьера приступили позднее, так как в октябре Н. В. Султанов еще продолжал создавать рисунки богатого внутреннего убранства этой части дома. «19 сентября / 1 октября... [в его дневнике упоминаются] чертежи юсуповской лестницы... 18/30 октября: рисунок парадной лестницы к Юсуповым»¹.

Стены и свод высокого помещения были расписаны стилизованным пестрым растительным орнаментом на золотом фоне. В прихотливый рисунок стены верхней площадки были вплетены изображения льва, оленя и орла из княжеского герба Юсуповых. Работы продолжались всю зиму, и только в феврале 1893 г. довольный автор проекта написал: «Сени с лестницей вышли очень хороши».

Китайская гостиная

Поднявшись по лестнице, гости попадали в приемную, которая по желанию владельцев приобрела «китайскую» стилистику. В этой комнате сохранились следы прежней отделки в виде китайских тарелочек, украшавших своды. Несмотря на позднее происхождение, эти трогательные элементы убранства решено было сохранить, так как они не противоречили вкусам рубежа XVII и XVIII вв., а перед зодчим встала проблема поиска достоверных исторических источников для отделки нового интерьера.

Для проекта Китайской комнаты Султанов собирал материалы в петербургской Публичной библиотеке². Рисунок росписи на голубом фоне был заимствован из обнаруженных им в ее собрании источников,

¹ ОР РНБ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 3. Дневник за 1892 год.

² Там же. Д. 4. Дневник за 1893 год.

так же как и рисунок металлического ограждения лестницы, ведущей на первый этаж, и удобной стилизованной мебели.

В этой комнате находились коллекция китайского фарфора из княжеского собрания, произведения лаковой живописи и две подлинные шелковые китайские занавеси с златоткаными драконами. Современники не раз обращали внимание на их уникальность: драконы обладали пятью когтями на лапах, что считалось атрибутом лишь императорского обихода и говорило о происхождении ткани из дворца китайских императоров.

Из приемной можно попасть в Проходную, служившую сенями древнего наружного входа, который вел с улицы прямо во второй жилой этаж. По проекту зодчего она была расписана травным орнаментом по зеленому полю и обрела портал, богато украшенный декоративной орнаментикой.

Большая Столовая палата

Китайская и Проходная комнаты служат преддверием самого большого помещения дома – древней Столовой палаты, которая по желанию владельцев предназначалась для приемов и праздников. Квадратная в плане и перекрытая высоким сомкнутым сводом, она освещалась с каждой из сторон тремя большими окнами. Двумя порталами Столовая палата сообщалась с Китайской комнатой и одним – с Проходной.

По программе, составленной Н. В. Султановым, весь ее свод был расписан белым с позолотой травным орнаментом крупного рисунка по малиновому фону. Композиционными акцентами росписи стали круглые медальоны, расположенные в два ряда. В верхнем ряду архитектор решил изобразить знаки зодиака, а в нижнем – древнерусских мифологических персонажей – сирина, индрика (единорога), полкана (кентавра), неясить (пеликана), павлина и других.

Интерьер освещали четыре люстры древнерусской формы, подвешенные к местам пересечений металлических позолоченных связей, протянувшихся к противоположным стенам. Самая большая

центральная люстра держалась на цепи, спускавшейся из центра свода. В простенках между окнами были установлены зеркала со свинцовыми переплетами, выполненные по старинным образцам и закрывающиеся по древнему обычаю завесами из тяжелой ткани.

Убранство интерьера дополняли мебель, горки для серебряной посуды и высокая печь, покрытая подлинными изразцами XVII столетия. Стены, следуя традиции эпохи, были затянуты темно-пунцовым бархатом.

Три портала, ведущие во внутренние помещения, фланкировали колонны, богато декорированные сложной «барочной» орнаментикой и закрываемые двустворчатými ажурными позолоченными решетками.

Главным украшением зала были четыре больших портрета в широких резных рамах. Они изображали дарителя дома императора Петра II, его деда – Петра I, двоюродного деда – царя Федора Алексеевича и прадеда – царя Алексея Михайловича.

Все убранство палат создавалось по детальным чертежам и рисункам зодчего. Особое внимание он обратил на наиболее сложные и ответственные элементы интерьера – порталы и решетчатые двери. «19/1 октября [1892]: сделал... набросок бронзовых дверей для юсуповских работ... 10/22 октября: рисовал детальные чертежи юсуповской решетки... 17/29 октября: сделал рисунки порталов для Юсуповых и еще разные чертежи».

В начале 1893 г. создание этого интереснейшего и богатого по замыслу и исполнению интерьера уже подходило к завершению. В последнюю очередь – 24 февраля – устанавливались дверные решетки.

Много труда было затрачено архитектором на создание росписи палаты и портретов царей и императоров. В октябре 1892 г. он выполнил «рисунки медальонов для Юсуповской палаты», тогда же «заехал к Соколову по делу портрета Петра». Свой визит архитектор повторил в ноябре: 26 ноября он был «у Соколова в мастерской (портрет Петра I выходит недурен)»¹.

¹ Автором портрета императора Петра I (1892, с оригинала А. Ф. Шопена) был известный придворный портретист Александр Петрович Соколов (1829–1913).

Поиск источников для иконографии создаваемых портретов также был уделом зодчего: «23 декабря / 4 января... Ездил с [К. Е.] Морозовым в Архив насчет портрета царя Алексея Михайловича»¹. В дневнике Н. В. Султанова упоминаются владельцы фабрик, мастерских и подрядчики, с которыми зодчий сотрудничал не только при создании интерьеров княжеского дома, но и при осуществлении других своих проектов: П. И. Чумаков (бронзолитейное дело), К. Е. Морозов (стенопись), М. В. Харламов (керамическое производство), А. И. Шмит (мебель), А. Г. и В. Г. Сапожниковы (ткани), С. В. Казакова (мебель) и другие.

Столовая палата была самым значительным помещением представительской части дома. Из нее через Проходную можно было попасть на частную половину, где наиболее интересными были кабинет владельца и столовая.

Кабинет князя Ф. Ф. Юсупова

Самым уютным помещением дома был, наверное, кабинет Ф. Ф. Юсупова, расположенный в глубине анфилады комнат, выходящей окнами в сад и на Большой Харитоньевский переулок. Кабинет был наиболее интересен и с точки зрения научного подхода к созданию интерьера в исторической стилистике.

Свод интерьера украшало созданное по замыслу архитектора, использовавшего архивные источники, «звездотечное небесное движение, двенадцать месяцев и беги небесные» – астрономическая карта неба. Именно этот сюжет был в моде в дворцовых и придворных кругах XVII – начала XVIII в. Н. В. Султанов упоминает о существовании подобных росписей в столовой палате царя Алексея Михайловича 1662 г. и столовой царевны Софьи Алексеевны, царевен Татьяны Михайловны и Марьи Алексеевны в Кремлевских теремах, столовых палатах Коломенского и Алексеевского загородных царских дворцов, а также в московских палатах князя Василия Голицына, известных по описаниям современников.

¹ ОР РНБ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 3. Дневник за 1892 год.

Ранее разные архитекторы также прибегали к воспроизведению этой композиции, но, в отличие от Н. В. Султанова, не смогли добиться исторической достоверности. Они лишь покрывали потолок голубым или синим фоном, на котором изображали золотое солнце, серебряную луну и звезды, добавляя иногда знаки зодиака в золотых кругах, т. е. стремились лишь к внешнему подобию, не вникая в содержание изображаемого.

Н. В. Султанов, прежде чем приступить к проекту росписи, изучил достоверные иконографические источники, имевшиеся в собраниях Пулковской обсерватории и Императорской публичной библиотеки: «10/22 мая [1892]. Санкт-Петербург. С первым поездом выехал в Пулково. Разыскал там в библиотеке карту звездного неба XVII века (для дома Юсуповых)... 19/31 мая. Достал в Публичной библиотеке “Астрономию XVII века” с картой звездного неба, для дома Юсуповых... 2/14 января [1893] делал чертежи для юсуповского дома (карту полушария XVII века), а затем приготовил их к отправке с письмом Морозову... 4/16 января... был в Публичной библиотеке... переводил латинские надписи к карте звездного неба XVII века для юсуповского плафона... 5/17 января... в Публичной библиотеке [работал] над рукописью XVII века (космография)»¹.

Продлав кропотливую исследовательскую работу, Н. В. Султанов располагал не только первоклассными графическими изобразительными источниками, необходимыми для создания росписи кабинета, но и редким письменным свидетельством XVII в. – описанием столовой дворца царя Алексея Михайловича, оставленным секретарем цесарского (императорского) посольства Лизеком: «...на потолке изображены небесные светила ночи, блуждающие кометы и неподвижные звезды, с астрономической точностью. Каждое тело имело свою сферу, с надлежащим уклонением от эклиптики; расстояние двенадцати знаков небесных так точно размерено, что даже пути планет были обозначены золотыми тропиками и такими-же колюрами равноденствия и повороты солнца к весне и осени, зиме и лету»².

¹ ОР РНБ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 3. Дневник за 1892 год.; Д. 4. Дневник за 1893 год.

² Архив ИИМК РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 32. Л. 69–70.

Эти материалы позволили архитектору создать уникальное произведение декоративной живописи в стилистике эпохи.

Характеру XVII столетия отвечали и другие элементы убранства кабинета. Он отапливался печами, покрытыми подлинными изразцами XVII в. Разнообразная по назначению мебель также создавалась по рисункам зодчего. Стены покрывала орнаментальная роспись. Интерьер украшали старинные люстры и настенники, серебряная посуда, выставленная на западной стене, ковры и старинная утварь из коллекции владельцев дома.

Столовая, Гербовая и Портретная

Другим интерьером, полностью созданным Н. В. Султановым, была столовая – удлиненное сводчатое помещение с двумя высокими изразцовыми печами. Мотив для орнамента стен столовой был заимствован с древнерусских больших восковых свечей, сохранившихся в кремлевских соборах. В орнамент были вплетены клейма с изображениями частей княжеского герба Юсуповых. По периметру столовой шла надпись древнерусским шрифтом о пожаловании палат Петром II и их «возобновлении» в 1893 г. В центре интерьера находился обеденный стол, окруженный обитыми парчой стульями с витыми ножками. Стилистика мебели, светильников, оконных переплетов и посуды соответствовала стилистике исторической эпохи.

Интерьеры гостиной З. Н. Юсуповой (или Гербовой) и Портретной решено было оставить в прежнем виде, лишь изменить расцветку стен, установить изразцовые печи, повесить новые светильники и заказать новую мебель. Все эти заботы также были возложены хозяевами на Н. В. Султанова.

Стены гостиной прибрали светло-зеленый фон, покрытый «серебряным орнаментом с разноцветной прозрачной растушевкой». Свое название Гербовая получила по элементам родового герба Юсуповых, размещенным в медальонах на серебряном и золотом фоне. Центром интерьера служила хрустальная венецианская люстра. Печь, установленная в гостиной, происходила

из поволжских губерний и была покрыта подлинными изразцами с преобладанием лимонного цвета, весьма редкими. В обивке мебели архитектором были использованы бархат, дорогие шелковые материи, созданные по древним образцам, и позолоченная кожа.

Гостиная З. Н. Юсуповой и кабинет Ф. Ф. Юсупова сообщались через Портретную. Ее название определялось 12 портретами наиболее известных предков владельцев дома, начиная с легендарного родоначальника рода Юсуповых. Портреты располагались по периметру помещения, вверху, над карнизом.

Вероятно, Н. В. Султанов был причастен и к работе с иконографическими источниками. Иначе трудно объяснить тот факт, что, к примеру, 23 сентября 1892 г. он «читал Род Юсуповых».

Ради достижения декоративного эффекта фон портретов был позолочен, как и лепной орнамент на малиновом фоне свода. Малиновый цвет имела и шелковая ткань, которой были затянуты стены. Мебель также была обита малиновым бархатом с золотым шитьем. Как и в других комнатах дома, здесь была установлена изразцовая печь с преобладанием желтого и синего цветов в многочисленных разнообразных рисунках.

Изразцовые печи в интерьерах дворца

Высокие печи были установлены в каждом из парадных залов юсуповского дома. Они придавали интерьерам характерный для XVII – начала XVIII в. облик. Почти все печи были созданы на петербургском заводе М. Ф. Харламова, о чем архитектор часто писал в своем дневнике¹.

Все печи, как писал зодчий, были покрыты настоящими древнерусскими изразцами. Они приобретались у московского «антиквария Иванова», известного архитектору благодаря частым посещениям его магазина для приобретения русских древностей. Правда, в связи с изготовлением, может быть, недостающего количества изразцов в дневнике зодчего упоминается и фамилия К. Ф. Турчанинова².

¹ ОР РНБ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 3. Дневник за 1892 год.

² Там же.

Трудно сказать, были ли заказаны новые изразцы на его заводе («у Турчанинова вещи с завода – посредственные»), по крайней мере, упоминание К. Ф. Турчанинова в дневнике зодчего оставляет такую возможность.

Все чертежи печей и расположения их декоративного изразцового убранства составлялись Н. В. Султановым. Архитектор присутствовал при установке печей на месте, контролировал соответствие всех работ проекту и придирчиво относился к их качеству. Поиск подлинных изразцов, работа над проектом и изготовлением печей, их установка были, наверное, самым трудоемким и сложным среди всех видов работ мастера.

Когда строительство уже подходило к концу, Н. В. Султанову пришлось записать в дневнике: «11/23 марта [1893]... почти все кончается, кроме печей, которые задерживаются»¹.

Мебель и художественное убранство

Разноцветные печи, покрытые изразцами, служили доминантами образного решения каждого интерьера. Характер исторической эпохи поддерживал изысканный рисунок дверей и мебели, которые создавались Н. В. Султановым по образцам XVII столетия.

Рисунок металлических дверных приборов был заимствован у подлинных дверей подмосковного храма Покрова в Медведкове, возле которого в летние месяцы семья Султановых жила на даче: «12/24 июля [1892]: в продолжение дня срисовывал для юсуповского дома в церкви древний слесарный прибор – петли, жиковины и пр.». Позднее эти рисунки были опубликованы архитектором в журнале «Зодчий»².

¹ Там же. Д. 4. Дневник за 1893 год.

² Там же. Д. 3. Дневник за 1892 год; *Султанов Н. В.* Слесарный прибор церковных дверей в селе Медведкове под Москвой // *Зодчий*. 1905. Л. 11. Церковь Покрова в Медведкове была хорошо обследована архитектором. Летние месяцы Н. В. Султанов проводил на даче, располагавшейся по соседству с храмом, и был хорошо знаком с его настоятелем отцом Иоанном Вишняковым.

Созданные на их основе металлические декоративные детали различимы на всех архивных фотоснимках дверей в интерьерах дома. Архитектору потребовалось четыре месяца, чтобы завершить работу над их проектом. По традиции XVII столетия двери были обиты бархатом. Столь же тщательно были сделаны рисунки оконных переплетов, разные для каждого помещения.

Мебель для дома Юсуповых создавалась по рисункам Н. В. Султанова либо доставлялась из Европы, преимущественно из Венеции. Зодчий полагал, что это соответствовало традиции XVII столетия, в конце которого «заморское ставилось рядом со своим»¹. Рисунки кресел, стульев, столов, диванов, полок и шкафов создавались в конце 1892 г. После этого началась проектная работа, и уже в ноябре на московской фабрике А. И. Шмита были готовы первые образцы. «14/26 ноября: [был] в мастерской Шмита – мебель выходит отличная».

Материи для обивки отбирались с участием заказчика в известных московских мастерских А. Г. и В. Г. Сапожниковых. Поставки необходимой материи для мебели, завес и других художественных деталей интерьеров продолжались почти до окончания всех работ. «30 апреля / 12 мая [1893]: [получены] материи для мебели Юсуповых у Сапожникова». В конце 1893 г. была доставлена заморская мебель, понравившаяся взыскательному мастеру, о чем свидетельствует лаконичная запись в его дневнике².

Все интерьеры были украшены орнаментальной живописью, индивидуальной для каждого помещения. Она создавалась под началом давнего знакомого Н. В. Султанова – живописца К. Е. Морозова, который работал по эскизам и детальным рисункам архитектора. Сохраняя верность принципу научной достоверности, он вместе с К. Е. Морозовым не раз посещал кремлевские дворцовые и монастырские храмы. «28 августа / 9 сентября [1892]: водил Морозова смотреть “Словущего Воскресения” во дворец... 21 ноября / 3 декабря... ходили с Морозовым в Чудов монастырь»³.

¹ Султанов Н. В. Реставрация дома князей Юсуповых. С. 35–36.

² ОР РНБ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 4. Дневник за 1893 год.

³ Там же. Д. 3. Дневник за 1892 год. Известен московский адрес Козьмы Ефимовича Морозова – 1-я Мещанская, собственный дом.

Наибольшее впечатление стенопись производила при электрическом освещении, которое было дано в конце 1892 г. «13/25 ноября [1892]... ездил к Мейснеру насчет разрешения электрического освещения... 19 ноября / 1 декабря: электричество пустили». Каждый интерьер украшали как подлинные люстры конца XVII в., так и созданные в их стиле новые, по рисункам Н. В. Султанова, который применил в комнатах все исторически допустимое разнообразие осветительных приборов: люстры, настенники, поставцы, настольные подсвечники и т. д. В них были вставлены фарфоровые искусственные свечи красного и зеленого цвета по подобию древних красных и зеленых восковых свечей¹.

Проект отопления создавался архитектором вместе с коллегой по петербургскому Институту гражданских инженеров Б. К. Правдзиком (1862–1923) – одним из наиболее опытных и известных специалистов в этой области, участвовавшим почти во всех проектах зодчего. Его имя встречается в дневнике Н. В. Султанова в связи с осуществлением этой работы и позднее – в июле и ноябре 1892 г.²

Интерьеры дома украшало множество подлинных предметов конца XVII в.: печи, люстры, паникадила, материи, т. е. то, чем был богат московский антикварный рынок, а зодчий часто навещался к знакомым антикварам, ценил подлинные вещи и разбирался в их художественных достоинствах: «6/18 августа [1892] ездил к антиквариям по юсуповскому делу... 24 сентября / 6 октября: был с Юсуповыми у антиквария... 8/20 декабря: [делал] покупки для Юсуповской постройки». Для сохранения научной достоверности он заказывал копии вещей XVII столетия и часто посещал музеи: «4/16 октября [1892]: Санкт-Петербург... Был с женой у Барсуковых – заказал блюдо для Юсуповых... 14/26 октября [1892]... Санкт-Петербург. Посещал музей Общества поощрения художеств для юсуповских работ»³.

¹ Там же. Д. 3. Дневник за 1982 год; *Султанов Н. В.* Реставрация дома князей Юсуповых. С. 36.

² ОР РНБ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 3. Дневник за 1892 год.

³ Там же.

Бывая в Москве, Н. В. Султанов ежемесячно бывал в усадьбе, наблюдал за качеством работы и выдавал новые рабочие чертежи и рисунки. 30 октября / 11 ноября 1892 ему пришлось отметить, что «юсуповское дело продвигается, но туго – ужасно досадно... 3/15 декабря: Сразу много нашел неприятного: и не так делается, и страшно затягивается», хотя в дальнейшем в ходе работ наступил перелом, и уже 10/22 декабря он записал, что «много выходит очень хорошо».

Стройку не раз посещали и хозяева со своими гостями. «18/30 декабря [1892]: Юсуповы приехали только в четыре, с ними были: княгиня Щербатова, фрейлины Озеровы... и другие. От работ остались в полном восторге, чем я очень доволен... 22 декабря / 3 января, вторник... С 2-х до 6-ти был в доме Юсуповых; были князь и княгиня; были ужасно милы и крайне довольны работами... 19/31 января [1893]: Приехал на юсуповские работы к 10¹/₂ часа и до 2-х часов устанавливал и таскал мебель и пр. В два приехал П. В. Жуковский и за ним следом князь и княгиня Юсуповы. Около 3-х прибыл великий князь Сергей Александрович и пробыл около часу. Многое очень понравилось, но две вещи отменили, чем и испортили мне две комнаты: кабинет и китайскую. Юсуповы уехали в 5¹/₂, решив, Слава Богу, многое... 13/25 апреля. Приезжали П. В. Верещагин и князя Юсуповы. К моему великому удовольствию работами остались очень довольны»¹.

Строительные и отделочные работы были почти завершены в мае 1893 г. Незадолго до этого, 12 мая, дом был освящен. «Я забыла тебе сказать, – писала З. Н. Юсупова своему младшему сыну Феликсу 15 мая 1893 г., – что Н. В. Султанов поднес мне хлеб-соль на чудном блюде, в середине которого находится, отгадай-ка что? Твой портрет! Вот хороший сюрприз, не правда ли?»² 29 мая состоялось новоселье, на которое было приглашено много гостей: «...был на “большом” новоселье у Юсуповых; у них обедали великие князья

¹ 22 ОР РНБ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 3. Дневник за 1892 год; Д. 4. Дневник за 1893 год; о П. В. Жуковском см: П. В. Жуковский // Исторический вестник. 1912. Сентябрь. С. 1123–1124; о В. П. Верещагине см: Булгаков Ф. И. Наши художники. Т. 1. СПб., 1889. С. 78–85.

² Из семейной переписки Юсуповых. Публикация Н. Б. Стрижовой // Река времен. Т. 2. М., 1995. С. 103.

Сергей и Павел Александровичи, Елизавета Федоровна, свита, Истомин, Жуковский, гр[аф] Белевский и я. Дом произвел фурор: великий князь и великая княгиня пили “за зодчего”. Мое торжество было полное. С великим князем Сергеем Александровичем у меня был знаменательный разговор, из которого я еще раз убедился насколько он идеально-прекрасный человек». После этого зодчий сделал следующую запись: «Скучно. Работы потеряли уже всякий интерес, когда отпраздновали новоселье»¹.

Но спустя месяц, 7 июля 1893 г., было решено создать домовый храм, а еще через год, 19 июня 1894 г., отделать и расписать одну из комнат первого этажа в память соколиной охоты царя Ивана Грозного.

Домовая церковь Свт. Николая Чудотворца и Вмц. Татианы

Домовая церковь должна была располагаться на третьем этаже палат, и З. Н. Юсупова обратилась к архитектору с просьбой высказать свое мнение о соответствии отведенного для храма помещения церковным канонам. Н. В. Султанов нашел его вполне отвечающим всем правилам и как будто созданным для строительства домовой церкви, о чем он сообщил княгине в письме 1 сентября 1893 г.²

Еще в июле, а затем в сентябре 1893 г. Н. В. Султанов подал прошение о разрешении устройства домового храма в честь свт. Николая Чудотворца и вмц. Татианы в Московскую духовную консисторию и Святейший Синод. Несмотря на то что официальное разрешение – указы Синода и Консистории – последовали соответственно 20 и 31 января следующего, 1894 г., работы по устройству храма были начаты в августе 1893-го. Строительство продвигалось успешно, и уже 20 сентября рабочие «переделали кладку и начали штукатурить свод для церкви», а 29 сентября общестроительная часть подошла к концу, и можно было переходить к отделочным работам³.

¹ ОР РНБ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 4. Дневник за 1893 год.

² Архив ИИМК РАН. Ф. 16. Д. 29. Л. 10–11.

³ ОР РНБ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 4. Дневник за 1893 год.

Как и в других храмах, которые создавались по проекту зодчего, предстояло сделать эскизы росписи и внутренней отделки, проект иконостаса, рисунки церковной утвари, мебели и облачений священника. Для выяснения художественно-исторических источников этого интерьера важно знать, что специально для будущей работы архитектор побывал в Новодевичьем и Донском монастырях¹.

Художественное убранство этих монастырских ансамблей, по-видимому, послужило также прообразом для росписей иконостаса домового храма. Живописные работы выполнялись мастерами К.Е. Морозова. 27 января 1894 г. созданные Н.В. Султановым образцы росписи были утверждены Юсуповыми. Установка иконостаса происходила в сентябре: «15/27 сентября. [У Юсуповых]: поднимал по блоку иконостас на крышу, чтобы пронести его на чердак»². Наиболее интересны были Царские врата, покрытые резьбой «барочного» рисунка с шестью овальными клеймами для сцены Благовещения и четырех евангелистов. Обрамлением врат служили резные колонны на высоких постаментах с Орнаментальной резьбой на пологой арке.

Из сохранившейся сметы на «устройство домового церкви Яузской части 1-го участка по Харитоньевскому переулку» и описания утвари, которые были составлены зодчим, можно узнать обо всем убранстве и характере росписи домового храма: «Паркет, деревянная дубовая солея и два клироса; новая каменная лестница. Дубовый жертвенник и престол, деревянный резной вызолоченный иконостас, иконы и дьяконские двери для него (28 шт.). Расписать стены орнаментом, ликами святых в клеймах и изображениями из Нового и Ветхого Завета. Облачения престола, аналоея, стола для теплоты и облачения священнослужителей. Паникадила, кандила пред местными иконами, подсвечники выносные и надпрестольные и запрестольный семисвечник. Плащаница, свечной ящик, два аналоя, столик под полотенце в алтарь. Священные сосуды, утварь и книги. Хоругви»³. Хоругви для храма вышивали

¹ ОР РНБ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 4. Дневник за 1893 год.

² Там же. Д. 5. Дневник за 1894 год.

³ Архив ИИМК РАН. Ф. 16. Н. В. Султанов. Оп. 1. Д. 29. Переписка по охране, ремонту и реставрации памятников зодчества (4 июля 1885 – 26 июня 1908). Л. 6–7.

монахини Ивановского монастыря. По рисункам Н. В. Султанова была создана вся церковная утварь храма¹.

Очевидно, именно об этих чертежах и рисунках идет речь в записях от 14 сентября 1894: «...В Кремле доканчивал чертежи и документы по юсуповской церкви». Источник содержит упоминание и о создании рисунков утвари для храма: «12/24 августа [1894]... сделал пропась (много. – Ю. С.) “юсуповского” дела... рисунки блюда “панихидного” и “благословения хлебов”», которые 30 августа были утверждены хозяевами дома: «утвердили рисунок “блюда для благословения хлебов”... 31 августа / 12 сентября: [был создан] “рисунок барьера для юсуповской церкви... 2/14 сентября: отдал помощникам делать рисунки в натуру, мебели для церкви Юсуповых... 9/21 сентября... [упоминается] шкаф для церкви Юсуповых... 25 сентября / 7 октября... сделал чертежи “полатей” и “клиросов”». В сентябре – ноябре 1894 г. строительство домового храма в основном было завершено². Оставалось закончить изготовление мебели и церковной утвари. «26 марта / 7 апреля [1895]... закончил для [П.И.] Чумакова чертежи “всенощного блюда” для юсуповской церкви в Москве. Сколько времени я с ними не мог развязаться – с самой осени!»³

Среди храмовой утвари оказались и подлинные старинные вещи из петербургской коллекции Юсуповых: «...при утверждении сметы на утварь Вы, Ваше Сиятельство, обещали дать в церковь из Вашего старого серебра ковшичек для “теплоты” (т. е. того вина, которым запивают причастье) и блюдо (подносик) к нему. Теперь оно уже нужно, так как должно числиться в описи», – писал Н. В. Султанов князю Ф. Ф. Юсупову 21 апреля 1895 г. (Прил. 1)⁴. В конце апреля – начале мая зодчий смог наконец записать в дневнике: «30 апреля / 12 мая... у Юсуповых почти все готово».

Следовало позаботиться и об освящении помещения. Его предполагалось возложить на священника храма Св. благоверного князя

¹ Архив ИИМК РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 31. Л. 34.

² ОР РНБ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 6. Дневник за 1895 год.

³ Там же.

⁴ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 4433. Л. 12–12 об.

Александра Невского и Преподобного Сергия Радонежского в доме генерал-губернатора, который был построен несколькими годами раньше, – о. Константина Зверева, бывавшего в еще строившемся храме. «Я был по Вашему поручению у священника великого князя и сообщил ему (пока, конечно, конфиденциально) желание Вашего Сиятельства. Он очень рад принять участие в освящении, устроить все, что нужно и достать антиминос. Но для этого последнего нужно, чтобы Вы потрудились написать ему письмо, в котором бы Вы изволили ему поручить устроить освящение Вашей церкви. Тогда он на основании этого письма может уже официально действовать у своего духовного начальства. Зовут его отцом Константином (Петровичем) Зверевым, живет он в доме Генерал-Губернатора», – сообщал архитектор князю Ф. Ф. Юсупову 21 апреля 1895 г.¹

Храм мог быть освящен в период пасхальных праздников 1895 г., однако в перечне работ зодчего на 1896 г. упоминаются расходы по домово́й церкви: «...чин освящения, добавка мебели, утварь в алтарь, древний киот с образом и облачения на жертвенник, престол и для священнослужителей»². Можно предположить, что освящение храма владельцы дома хотели приурочить к коронационным торжествам в мае 1896 г.

«Соколиная комната»

Одновременно с церковью Н. В. Султанов создавал в юсуповских палатах еще один необычный интерьер – «Соколиную комнату». Она устраивалась владельцами в напоминание о загородном дворце царя Ивана Грозного, который, по легенде, находился на их месте.

Для этой цели было выбрано одно из сводчатых помещений первого этажа: «7/19 июня [1894]... Решили отделать одну комнату в пару и расписать “соколиною охотою”». Через неделю

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 4433. Л. 12–12 об.

² Архив ИИМК РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 31. Л. 42 об.

проект был готов, так как 27 июня ««соколиную комнату» уже начали»¹.

По эскизам Н. В. Султанова были расписаны четыре лотка сомкнутого свода. На северном лотке со стороны двора появилась сцена «Отъезда царя на охоту», на противоположном, южном, – сцена «Поднесения царю красной соколиной перчатки», на западном – «Сцены охоты» и на восточном – «Пир после охоты и представление царю убитой дичи». Об авторстве Н. В. Султанова свидетельствуют его собственные дневниковые записи: «23 сентября / 5 октября [1894]... сделал эскизы трех сторон соколиной комнаты... 1/13 октября... скопировал сцену отъезда царя на “охоту” для одного из лотков сомкнутого свода “Соколиной комнаты”. Проработал до часу ночи: очень много приходится “шарить” по источникам... 31 октября / 12 ноября... ходил с княгиней в Соколиную комнату и в церковь, и все решили. Очень погоревали, что покойный, истинно “русский” царь (Александр III. – Ю. С.) не видел единственного, “настоящего” “русского” дома в Москве!.. 3/15 ноября... решил окончательно роспись стен “Соколиной” комнаты... 3/15 января [1895]... дал Морозову дальнейшие указания об росписании Соколиной комнаты»².

Для этого помещения Н. В. Султановым были сделаны проектные рисунки мебели, ажурных позолоченных металлических решеток, отделявших комнату от соседних помещений, и рамы для портрета царя Ивана Грозного, установленного здесь в напоминание о его охотничьем доме XVI в.³ Вместе с Морозовым они искали портрет «“Грозного” для Юсуповых» в Историческом музее⁴.

Рама для портрета, выполненная по рисунку Н. В. Султанова, представляла большой художественный интерес. В ее богатую резьбу была вплетена молитвенная надпись, заимствованная с царского места Ивана Грозного в Успенском соборе Кремля.

¹ ОР РНБ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 5. Дневник за 1894 год.

² Там же. Д. 5. Дневник за 1894 год; Д. 6. Дневник за 1895 год.

³ Там же. Д. 5. Дневник за 1894 год.

⁴ Там же. Д. 4. Дневник за 1893 год.

Эскиз рамы датируется 24 августа 1894 г., а его утверждение – 30 августа¹.

Поздней весной 1895 г. оба новых интерьера были завершены: «16/28 марта... Церковь и соколиная комната почти закончены, но я не совсем ими доволен: вышло как-то ново!»² Мнение зодчего не разделяли его коллеги и многочисленные посетители созданных интерьеров. В начале 1895 г. в Москве проходил съезд русских зодчих, и его депутаты, и прежде всего коллеги – гражданские инженеры, настояли на осмотре этого нового произведения Н. В. Султанова: «4/16 февраля... Вечером гражданские инженеры давали обед в честь Китнера, Шретера, Сюзора и меня... Я показал после этого товарищам, при электрическом освещении, дом Юсупова. Эффект – полнейший. 5/17 февраля... Вечером показывал съезду дом Юсуповых: было человек 100. Очень всем нравится, называют “волшебным”. 6/18 февраля... Показывал дом Юсупова. Было человек 100. 9/21 февраля: Был на закрытии съезда... Мне много аплодировали за юсуповский дом... С 9 до 10^{1/2} показывал юсуповский дом Ф. Ф. Львову». От увиденного в доме Юсуповых остался в восторге и президент Академии художеств великий князь Владимир Александрович³. «Иностранные принцы, присутствовавшие там, говорили, что никогда не видали ничего подобного», – писал в своих воспоминаниях Ф. Ф. Юсупов⁴.

Владельцы дома по достоинству оценили талант зодчего, и в декабре 1893 г. он получил в подарок большой серебряный позолоченный ковш с яхонтами. Сам зодчий был доволен своим произведением и, никогда не склонный к переоценке своих работ, писал в декабре 1894 г. о доме Юсуповых: «Когда отвыкаешь от него, он действительно поражает»⁵.

Интерьеры, созданные Н. В. Султановым в доме Юсуповых в 1892–1895 гг., с наибольшей «археологической» достоверностью воспроиз-

¹ РГАДА. Ф. 2428. Оп. 1. Д. 189. Л. 74; ОР РНБ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 5. Дневник за 1894 год.

² Там же. Д. 6. Дневник за 1895 год.

³ Там же.

⁴ Князь Феликс Юсупов. Перед изгнанием. 1887–1919. М., 1993. С. 33.

⁵ ОР РНБ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 5. Дневник за 1894 год.

водили характер художественного убранства богатых интерьеров конца XVII столетия, будучи в то же время произведением эпохи историзма конца XIX в. Большое мастерство архитектора, его тонкий вкус и знание технических вопросов строительства ставило эти произведения в один ряд с лучшими примерами русского стиля в архитектуре Москвы: интерьерами палат бояр Романовых, реставрированных Ф. Ф. Рихтером, домов Н. В. Игумнова архитектора Н. И. Поздеева и музея П. И. Щукина архитектора Б. В. Фрейденберга. Любопытно в связи с этим вспомнить, что вскоре после завершения анфилады комнат второго этажа Н. В. Султанов возил Юсуповых смотреть палаты бояр Романовых¹.

Представляют интерес отзывы самого Н. В. Султанова о подобных интерьерах московских домов: «21 мая / 2 июня [1893]... был в доме Игумнова: внутри – неважно. Работа вряд ли состоится (он, видимо, получил предложение о завершении интерьеров. – Ю. С.)»²; «29 июля / 10 августа [1894]... [был] в музее у Щукина: системы никакой, но есть много превосходных вещей. Домик постройки Фрейденберга внутри ерунда, а снаружи недурен. Потом завтракал у Щукина»³.

Едва ли можно думать о пристрастном отношении или необъективной оценке зодчим труда коллег. Скорее всего, Н. В. Султанов критиковал недостаточную, по его мнению, «археологическую» точность увиденного, которая должна была быть, по принятым для эпохи историзма критериям, неременной составной частью качественного архитектурного решения в «исторической» стилистике.

Создание нового парадного двора

Юсуповы также поручили Н. В. Султанову благоустройство внутреннего двора городской усадьбы в Большом Харитоньевском и строительство новых служб. План будущих работ был изложен

¹ Там же. Д. 4. Дневник за 1893 год.

² Там же.

³ Там же. Д. 5. Дневник за 1894 год.

архитектором в письме князю Ф. Ф. Юсупову от 14 апреля 1893 г. Зодчий предлагал осуществить канализацию и мощение двора, а также сломать старые деревянные и ветхие надворные строения и на их месте построить два новых полукруглых одноэтажных флигеля. Правый – для челяди, а левый – для всех хозяйственных служб. В центре двора он предлагал устроить круглый газон, вокруг которого легко могли циркулировать машины и экипажи. Со стороны Трехсвятительского переуллка сооружались новые ворота, а с внешней стороны дома разбивался сад.

Этот план был реализован зодчим в 1893–1899 гг. Начало осуществления этой части ансамбля городской усадьбы датируется 7 июля 1893 г., вскоре после освящения интерьеров главного усадебного дома¹.

13 июля Н. В. Султанов побывал в «Канализационном отделе на счет канализации у Юсуповых и у Городского головы на счет юсуповской канализации». 4 августа он писал, что «тротуар [двора] еще не доделан». Но вскоре, по-видимому, эти небольшие по объему работы были завершены, а к следующему этапу удалось приступить только летом 1895 г. К 7 июля Н. В. Султанов «сделал проект забора и ворот для Юсуповых». Тогда же началось строительство двух надворных полукруглых флигелей².

Основной объем работ по созданию ансамбля надворных флигелей пришелся на 1896–1897 гг., когда были завершены постройка флигелей и устройство всех надворных служб: электростанции, ледника, каретных сараев и конюшен, а также меблировка всех помещений, устройство тротуаров и площадок. На 1898–1899 гг. оставались лишь небольшие работы: устройство тротуаров и благоустройство двора.

Фасады флигелей были выдержаны в стиле дома. Они были украшены пилястрами и колоннами. Окна получили обрамления из колонок и нарядных тимпанов. Светлое поле стен контрастировало с раскрашенным декором – колоннами и обрамлением окон. На карнизах были установлены небольшие декоративные вазоны.

¹ ОР РНБ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 4. Дневник за 1893 год.

² Там же. Д. 6. Дневник за 1895 год.

В 1896–1897 гг. вдоль Большого Харитоньевского переулка была установлена узорная металлическая ограда в стилистике XVII столетия, созданная по проекту Н. В. Султанова, а в 1898–1899 гг. фасады и крыша дома были заново окрашены. Тогда же художнику Л. М. Браиловскому было заказано 12 акварелей, представлявших султановские интерьеры. За каждый лист художнику было заплачено по 300 рублей¹.

Творческий союз Н. В. Султанова и семьи Юсуповых оказался весьма плодотворным. В 1892–1897 гг. по проектам зодчего были созданы великолепные интерьеры в стилистике XVII в., отреставрированы фасады и построены новые флигели дома Юсуповых в Большом Харитоньевском переулке в Москве.

«Приятно работать у таких прелестных людей», – писал зодчий в дневнике². З. Н. и Ф. Ф. Юсуповы тоже ценили талант архитектора и в этот период поручали ему почти все ответственные работы. Некоторые из них, как следует из переписки заказчиков и зодчего, еще недостаточно хорошо известны и нуждаются в дальнейшем изучении, в то время как публикация дневниковых записей и писем Н. В. Султанова служит для уточнения датировок и раскрывает метод работы одного из крупнейших мастеров историзма, опиравшегося в своем творчестве на поддержку ценивших мастерство зодчего знаменитых заказчиков.

¹ Архив ИИМК РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 31. Л. 43.

² ОР РНБ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 6. Дневник за 1895 год. 15/27 авг.

Литература

- Арнаутова Е.* Александр Фелицианович Мейснер // Строительство и архитектура Москвы. 1989. № 2. С. 12–18.
- Булгаков Ф. И.* Наши художники. Т. 1. СПб, 1889.
- Зодчие Москвы времени эклектики, модерна и неоклассицизма (1830-е – 1917). Иллюстрированный биографический словарь / под науч. рук. А. Ф. Крашенинникова, под ред. А. В. Рогачева. М., 1998.
- Из семейной переписки Юсуповых. Публикация Н. Б. Стрижовой // Река времен. Т. 2. М., 1995.
- Князь Феликс Юсупов. Перед изгнанием. 1887–1919. М., 1993.
- Султанов Н. В.* Реставрация дома князей Юсуповых // Зодчий. 1893. № 5. С. 35–36.
- Султанов Н. В.* Слесарный прибор церковных дверей в селе Медведково под Москвой // Зодчий. 1905. С. 11.
- Рогачев А. В.* Московские зодчие второй половины XIX – начала XX века. Биографический справочник. М., 1997. Т. 2. С. 11–12, 26–27.

Архивные источники

- Архив ИИМК РАН. Ф. 16. Н. В. Султанов. Оп. 1. Д. 29. Переписка по охране, ремонту и реставрации памятников зодчества (4 июля 1885 – 26 июня 1908); Д. 31. Переписка и материалы по ремонтным работам для князя Юсупова. 22.05.1892–06.07.1901; Д. 32. Переписка с отдельными лицами по вопросам археологии и истории и служебная переписка с научными учреждениями. 12 октября 1881 – 12 августа 1908.
- Отдел рукописей РНБ. Ф. 757. Н. В. Султанов. Оп. 1. Д. 1. Дневник за 1889 г.; Д. 2. Дневник за 1891 г.; Д. 3. Дневник за 1892 г.; Д. 4. Дневник за 1893 г.; Д. 5. Дневник за 1894 г.; Д. 6. Дневник за 1895 г.
- РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 4433. Письма и телеграммы Султанова Николая Владимировича. 11.12.1892–28.06.1908.
- РГАЛИ. Ф. 2428. Султанов Николай Владимирович (1850–1908) – архитектор. Оп. 1. Д. 189. Тетради со статьями, рецензиями, заметками о жизни и творчестве Н. В. Султанова. На русском, немецком, французском языках. 1890–1900.

ДОКУМЕНТЫ

ДОКУМЕНТЫ, ОТРАЖАЮЩИЕ РАНнюю ИСТОРИЮ МОСКОВСКОГО ЮСУПОВСКОГО ДВОРЦА (КОНЕЦ XVII ВЕКА – 1723 ГОД)

Постников Андрей Владимирович (составитель),
Государственный музей-заповедник «Архангельское»,
Московская область, городской округ Красногорск

Аннотация. Материал представляет собой публикацию основных источников, отражающих раннюю историю московского юсуповского дворца – со времени его постройки до конфискации здания у П. П. Шафирова в 1723 г. Все публикуемые документы упоминаются в двух наших статьях в данном сборнике, наглядно иллюстрируя основные их положения. Бóльшая часть документов выявлена в архивах и вводится в научный оборот впервые (их тексты приводятся полностью). Некоторые документы воспроизводятся по печатным изданиям в виде выдержек.

Ключевые слова. Московский дворец Юсуповых. Челобитная грамота. Купчая крепость. Подрядная запись. Купцы Чирьевы. П. П. Шафиров.

DOCUMENTS REFLECTING THE EARLY HISTORY
OF THE MOSCOW YUSUPOV PALACE
(END OF THE 17TH CENTURY – 1723)

Andrew V. Postnikov (compiler)
Arkhangelskoye State reserve and museum,
Moscow Oblast, District as the town of Krasnogorsk.

Annotation. The material is a publication of the main primary sources picturing the early history of the Moscow Yusupov Palace – from the time of its construction to the confiscation of the building from P. P. Shafirov in 1723. All the published documents are mentioned in two of our articles in the present compilation, illustrating their main provisions. Most of the published documents have been identified by us in the archives and are introduced into scientific circulation for the first time (their texts are provided in full). Some documents are reproduced from printed publications in the form of excerpts.

Keywords. Moscow Yusupov Palace. “Chelobitnaya gramota” (a petition letter). “Kupchaya krepost” (a document confirming the right for property). “Podriadnaya zapis” (a contract terms record). Merchants Chiryevs. P. P. Shafirov.

Публикуемые документы представляют собой основные источники по ранней истории московского юсуповского дворца (с момента его постройки до конфискации здания у П. П. Шафирова и перехода его к П. А. Толстому в 1723 г.). На все из них есть ссылки в наших статьях «Вопрос о первоначальных владельцах московского юсуповского дворца» и «Страницы ранней истории московского юсуповского дворца: дворец при П. П. Шафирове», помещенных в данном сборнике. Часть приводимых документов была опубликована ранее, но больше половины публикуются впервые¹.

Если говорить о классификации публикуемых документов, то прежде всего их можно разделить по содержанию. Документы первой группы (№ 2–6, 8, 16) отражают «спорное дело» Татьяны Захарьевны, вдовы гостя Максима Афанасьевича Чирьева, с ее деверьями Гаврилой, Григорием и Василием Афанасьевичами Чирьевыми за наследство умершего Максима Афанасьевича Чирьева. Данные источники наиболее важны для темы нашего исследования, и большинство из них вводится в научный оборот впервые (кроме документа под № 2).

Именно эти документы позволили нам установить имя заказчика постройки и первого владельца юсуповского дворца. Из документов «спорного дела» мы узнаём, что будущий дом Юсуповых (восточное здание нынешнего юсуповского комплекса в Б. Харитоньевском переулке) был построен гостем М. А. Чирьевым (№ 2), после его смерти в 1702 г. достался его вдове Т. З. Чирьевой (№ 3–6), был конфискован у нее государством за долги (№ 16, 8) и продан с торгов П. П. Шафирову (№ 8).

Документы второй группы (№ 9–15, 17–24) отражают историю московского юсуповского дворца при П. П. Шафирове. Из них мы узнаём о времени пристройки к будущему дому Юсуповых парадного объема с «Большой палатой», а также иных пристроек (№ 9–12); об отделке интерьеров здания (№ 13–14); о посещениях дворца известными людьми (№ 17–18), а также об обстоятельствах перехода дворца от П. П. Шафирова к П. А. Толстому (№ 19–24).

¹ Составитель приносит благодарность Н. М. Сорокиной, обратившей его внимание на документы, публикуемые под № 1 и 10.

Особняком стоят документы № 1, 7 и 15. Первые два являются наиболее ранними упоминаниями двора, составляющего ныне западную часть московского юсуповского комплекса (№ 1 является при этом первым упоминанием владений Чирьевых на Хомутовке вообще), а документ № 15 содержит отрывки из Переписи московских дворов 1716 г., описывающие район, непосредственно примыкающий к московскому юсуповскому дворцу: восточную оконечность нынешнего Б. Харитоньевского переуллка (ул. Хомутовка), нынешние Большой и Малый Козловские переулки (Мальцов переулок), нынешний Хоромный тупик («переулок, идучи к Трем святым»), а также нынешний Гусятников переулок («у лесного ряду»).

Вторым основанием классификации публикуемых документов являются источники их выявления. В этом плане их тоже можно разделить на две группы.

В первую группу можно отнести документы, воспроизводимые нами по архивным подлинникам, – как опубликованные, так и неопубликованные. Тексты данных документов, составляющих основу нашей подборки (№ 1–14, 19–24), приводятся полностью и включают фрагменты, прямо не относящиеся к будущему юсуповскому дому. Данный способ воспроизведения представляется необходимым для правильного понимания интересующих нас фрагментов (чтобы они воспринимались в контексте всего документа, а не были искусственно вырванными из него). Факты, относящиеся к внешней критике публикуемого источника (материал, особенности написания и т. п.), мы приводим в подстрочных примечаниях. Текст передается на основании «Правил издания исторических документов в СССР» (2-е изд., перераб. и доп. М., 1990).

Вторую группу (№ 15–18) составляют фрагменты опубликованных документов (в виде многостраничных изданий). Мы приводим их лишь в виде небольших выдержек, содержащих сведения, непосредственно относящиеся к будущему юсуповскому дому. Текст выдержек мы передаем в том виде, какой он в публикации (за исключением явных ошибок), причем текст дореволюционных печатных изданий передается по современным правилам их

цитирования (с заменой вышедших из употребления букв алфавита и грамматических конструкций на соответствующие современные). Факты, относящиеся к внешней критике источника, в документах данной группы не приводятся, поскольку они часто указываются в предисловиях соответствующих изданий.

Внутреннюю критику публикуемых документов мы нигде не производим, предлагая сделать это при необходимости читателям.

Публикуемые документы располагаются в хронологическом порядке, за немногими исключениями, определяемыми логикой повествования.

№ 1

1675 г., июля 22. – Купчая крепость на двор в Москве, в Огородной слободе на улице Хомутовке, в приходе церкви Трех Святителей, продаваемый тяглецом Огородной слободы Павлом Ивановым сыном Михалевым тяглецу этой же слободы Афанасию Федорову сыну Чирьеву¹

(л. 1) Се аз, огородной слободы Павел Иванов сын Михалев, продал я, Павел, тое ж огородной слободы Афонасью Федорову сыну Чирьеву двор свой в той же огородной слободе в приходе у церкви у Трех Святителей на улице Хомутовке, в межах – подле ево ж афонасьева двора Чирьева, а по другую сторону – двор Наума Иванова.

А на том моем дворе хоромного строения погреб каменной с выходом каменным, а на том погребе две избы, промеж ими сени. А на тех избах два чердака, в чердаке восемь окончин слюдяных болших. Да к тем сеням крылец, а по крыльце четыре

¹ Документ написан от руки скорописью на обеих сторонах двух листов бумаги книжной ориентации, склеенных в один вытянутый по вертикали лист. Лицевая сторона верхнего из двух склеенных листов обозначена при архивировании как лист № 1, а нижнего – как лист № 2. На лицевой стороне склеенных листов написан сам документ, а также две скрепы (вверху и внизу). На оборотной стороне листов помещено рукоприкладство. Читать документ нужно в следующей последовательности листов: л. 1, л. 2, л. 1 об, л. 2 об. Сохранилась также копия данного документа, выполненная, по всей видимости, в конце XVIII в. (РГАДА. Ф. 1290. Д. 169. Л. 8–8 об.) – с тем же самым текстом, с воспроизведением скреп и рукоприкладства.

окончины слюдяных же болшия. Да в новой избе в трех окошках окончины слюдяные болшия, и в волоковых окошках окончины слюденые ж. Да от улицы прясло забору, да ворота с калиткою, да анбар, да от ево, афонасьева двора, три прясла забору, да позади огорода три прясла забору от Галахтионова огорода Крашенинника. А мерою того моево павлова двора и с огородом по тяглу – три костий и шесть сажень дробных. Да в огороде сад, яблони и смородина.

А взял я, Павел, у него, Афонасья, за тот свой двор со всяким с каменным и з деревянным строением, и что в тех хоробах есть какова строения деревяного и слюденого, и с садом, и со всяким заводом, и з дворовою и с огородною землею – сто шездесят рублей.

А опричь ево, Афонасья, тот мой двор иному никому не продан и не заложен и в ыных ни в каких крепостях ни у кого ни в чем не написан и не укреплен и в приданных ни за кем не отдан. А будеть хто в тот мой павлов двор учнет по ка(л. 2)ким нибудь крепостям вступатца, и мне, Павлу, тот свой двор у него, Афонасья, ото всяких крепостей и ото всего очищать и убытка ни от кого никакова не довесть, а будет я, Павел, того своего двора у него, Афонасья, от каких крепостей или от чего не очищу и убытка от кого какова доставлю – и ему, Афонасью, взять на мне, Павле, тому двору ото всяких крепостей очистка и убытки своей все сполна по своей скаске, и на кормовом дворце винити. Тот свой двор мне, Павлу, за ним, Афонасьем, записать, и впредь до того двора моево Павлова, жене моей и детям, и роду моему и племяни, никому дела нет, и никакими делы не вступатца.

А на то послухи Данило Андреев, Василей Матвеев, Иван Кирилов, Микита Колугин, а купчую писал Ивановския площади подъячей Зотка Секачев лета 7183 июля в 22 день.

Скрепа вверху: Перед Васильем Фомичем Кривецким¹.

Скрепа внизу: Да перед подъячим Матвеем Федоровым².

¹ Скрепа помещена в верхней части лицевой стороны верхнего из двух склеенных листов (л. 1) – перед началом текста самой купчей.

² Скрепа помещена в нижней части лицевой стороны нижнего из двух склеенных листов (л. 2) – после окончания текста самой купчей.

Рукоприкладство на обороте: (л. 1 об.) Павел Михалев двор свой продал и деньги сто шездесят рублей взял и к сей купчей руку¹

Гость Афонасей Чирьев благословил сына своего Гаврила двором против сей купчей и руку приложил.

Послух Данилка руку приложил.

Послух Васька руку приложил.

Послух Ивашко Кирилов руку приложил.

Приложил

(л. 2 об.) церкви Трех Святителей поп Иван Григорьев руку приложил.

Послух Микитка руку приложил.

РГАДА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 154. Л. 1–2 об. Рукопись. Подлинник.

№ 2

1703 г., августа 9. – Копия духовной грамоты гостя Максима Афанасьева сына Чирьева от 11 марта 1702 г., изготовленной в Московской Ратуше для посылки в Приказ земских дел²

(л. 266) Лета 1703-го августа³ в 9 день по указу великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, боярину князю Ивану Борисовичю Троекурову с товарищи. В указе великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия, и Малыя и Белья

¹ На этом слове фраза обрывается.

² Документ написан от руки скорописью черными чернилами на обеих сторонах двух листов бумаги книжной ориентации (первый лист размером 23×32,6 см, а второй – размером 23×33,2 см), подшитых вместе с другими листами в толстую книгу с жестким переплетом и кожаной обложкой. В левом нижнем краю как первого, так и второго листа (если смотреть на лицевую их сторону) утрачен большой кусок. В силу этого начальные буквы некоторых строк на лицевой стороне, а также окончания некоторых строк на оборотной стороне обоих листов не читаются. На лицевой стороне первого листа (л. 266), на правом поле, оттиснуты черным цветом две круглые печати с двуглавым орлом – у правого верхнего края и примерно посередине высоты. По листам – скрепа дьяка Никиты Полунина (на лицевых сторонах первого и второго листа, на правом поле, примерно посередине высоты): на л. 266 – «Пол», а на л. 267 – «По». Текст документа написан тремя разными почерками.

³ Слово написано над строчкой, над зачеркнутым словом «июля».

Росии самодержца, и с Приказу земских дел в Ратушу писано: великий государь указал – гостя Максима Чирьева з духовной, которую явила в Ратуше жена ево, вдова Татьяна, список слово в слово прислать в Приказ земских дел для вершенья дворового дела. И по тому великого государя ж указу гостя Максима Чирьева з духовной ево список в Приказ земских дел к тебе, боярину ко князю Ивану [..]¹орисовичю с товарищи и под симъ великого [.]дря указом послан.

Помета: [.]рипись дьяка Никиты Полунина.

Список з духовной слово в слово.

[.. ..]я Отца и Сына и Святаго Духа. Се аз, раб Божий гость [...]сим Афонасьев сын Чирьев, пишу сию изустную духовную (л. 266 об.) целым умом и не мятежным разумом и приказываю душу свою строить и поминать, и росправу всякую чинить душеприкащиком – думному дьяку Андрею Андреевичу Виниюсу, да отцу своему духовному, церкви Трех Святителей священнику Ивану Григорьеву, да жене своей Татиане Захарьевой дочери.

А что есть моих пожитков – и тем моим пожиткам написаны у меня, Максима, книги за моею рукою. И из тех пожитков душеприкащиком и жене моей Татиане дать в церковь Трех Святителей построить иконостас и паперти денег тысяча рублей, да на ограду каменную к той же церкви Трех Святителем дать тысяча рублей. А что от той каменной ограды останетца денег от строения – и у той церкви переменить малыи колокола да нищим на поминание души моей роздать пять сот рублей. Да брату моему родному Василью дать товару кумачей на пять сот рублей. А двор мой московской, каменные полаты со всяким дворовым строением и с садом – владеть жене моей Татиане, потому что тот двор строил и каменные полаты на денги ис пожитков тестя своего Захарья Кузьмича, а жены моей отца ее, которые пожитки после смерти тесть мой приказал пожитки свои отдать мне с женою. Да приказываю душеприкащиком и жене своей, чтоб мое тело погребсти митрополиту Рязанскому

¹ Здесь и далее на данной странице (л. 266): знак [...] означает, что в документе первые буквы (или слова) строчки находятся за пределами утраченного левого нижнего края листа.

Стефану, и дать ему о поминувении души моей сребренные посуды на сто рублей, да отцу моему духовному попу Ивану дать денег сто рублей, да дьякону Луке дать денег пятьдесят рублей.

А братьям моим родным Гавриле, и Григорью, и Василью и сродником моим – о пожитках моих и о дворе с каменными полаты на жену мою Татиану ни в чем на нее не бить челом – по приказу моему тем двором и пожитками владеть жене моей Татиане. И что отец мой дал мне на торговлю денег пять сот рублей – и те деньги пять сот рублей он, отец мой, те деньги взял у меня себе, да с меня ж, Максима, имал отец мой по вся годы на прокормление по штидесят рублей по свою смерть. А кот[....]¹ животы отца моего Афонася Федоровича остались [.....] смерти ево и двор со всяким дворовым и хоромным строением и с садом, у них, братьей моих – и о тех пожитках и[...] на них, братьей моих, после смерти отца своего ни в чем на н[их] я не бил челом о животах и никакого пожитку отца своего [...]вал. А людем моим, покупным татаром и которые за [долги ко] мне отданы жить, и по смерти жены моей, а что товаров м[...] также и по кабалам и по роспискам на ком взять – то выбирать [...] продавать жене моей, для того что те деньги я взял у отца ее [...] и торговал теми денгами, а своих пожитков, что мне дал отец [мой] (л. 267) Афонасей Федорович – и те все взял назад для того, что он слышал, что тесть мой мне вручил живот свой.

У сей духовной сидели свидетели – розрядной дьяк Михайло Григорьев сын Гуляев да церкви Трех Святителей дьякон Лука Максимов. А сию духовную писал по веленью гостя Максима Афонасьева сына Чирьева Сибирского приказу подьячей Василей Иванов марта в первый на десять день 1702-го году.

На² подлинной духовной³ написано. К сей духовной гость Максим Чирьев руку приложил. Я, Андрей Виниус, в подтвержение

¹ Здесь и далее на данной странице (л. 266 об.): знак [...] означает, что в документе последние буквы (или слова) строчки находятся за пределами утраченного правого нижнего края листа.

² Предлог написан над строчкой. Перед ним, в начале строчки, зачеркнуто: К сей.

³ Далее зачеркнуто: «в руках пишет». Над зачеркнутым «в руках», выше строчки, также зачеркнуто: «позади».

сей духовной свидетельствую, что рука выше сего у сей духовной ево, Максимова, и воля ево, какова в ней написана, такова была, и руку приложил. К сей духовной церкви Трех Святителей поп Иван Григорьев руку приложил. У сей духовной свидетель Михайло Гуляев и руку приложил. Тое ж церкви свидетель дьякон Лука Максимов руку приложил¹.

Аз, смиренный Стефан, митрополит Рязанский и Муромский, сей завет умершаго гостя Максима Афонасьева сына Чирьева свидетелствовах ево отцем духовным и душеприкащиком [. . .]²видетelmi, яже в сей духовной написаны, и, слыша от них, яже [...] аша мне, что от него, Максима, таков приказ был и ево рукою [...], душеприкащиком и свидетелевыми руками подписано [...], ради судих законно сему ево завету быти твердо [...], будет тако, яко же он, Максим, завеща и в сем завете [...]ти повеле, и сего ради впредь для оправдания и подтверж[...] сей завет по свидетелству подписал аз во утве[.....] мою рукою 1702-го, апреля в 4-й день³.

[... ..]ный Стефан, митрополит Рязанский и Муромский.

*Помета*⁴: Припись дьяка Никиты⁵

Полунина.

Помета на обороте: Страница порозжая.⁶

РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 11. Л. 266–267 об. Рукопись. Копия.

Оубл. (без преамбулы): Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / сост., вводная ст. и коммент. Н. В. Козловой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. С. 67–69.

¹ Далее (на следующей строчке) зачеркнуто: «На той же духовной написано».

² Здесь и далее на данной странице (л. 267): знак [...] означает, что в документе первые буквы (или слова) строчки находятся за пределами утраченного левого нижнего края листа.

³ Далее (на следующей строчке) зачеркнуто: «[...]се духовной подписано».

⁴ Помета (включая зачеркнутое слово «справил», а также идущее за ним неразборчивое слово) написана почерком, отличным от почерка основной части документа.

⁵ Далее зачеркнуто: «Справил [нрзб.]».

⁶ Помета сделана (почерком, отличающимся от двух предшествующих) на оборотной стороне второго листа (л. 267 об.).

№ 3

1703 г., июня 21. – Челобитная Татьяны Захарьевой дочери, вдовы гостя Максима Афанасьева сына Чирьева, поданая в Московскую Ратушу в ответ на челобитную ее деверьев, гостей Гаврила, Григория и Василия Афанасьевых детей Чирьева от 29 мая 1703 г. – с просьбой распечатать ее двор и «укрепить» за ней¹

(л. 249 об.) Державнейший царь, государь милостивейший!

В прошлом, государь, 702-ом году марта в 14 день, волею Божиею мужа моего, гостя Максима Афонасьевича Чирьева не стало. И того ж числа, после смерти мужа моего да погребенья тела ево, пришед ко мне, рабе твоей, самовольством братья ево родные, Гаврила, Василей, Григорей Чирьевы, пожитки все собрав в одну полату, замкнув и запечатав, и ключ взяли к себе неведомо по какому указу. И после погребения ж, в третей день, пришед в домишко мой, они ж, деверья мои, самовольством распечатав и отомкнув тое полату, ис тех моих пожитков взяли себе насильством посуды серебряной и заемных крепостей, на ком что довелось было взять мужу моему. А сказали они мне, рабе твоей, что тех заемных крепостей взяли они себе на три тысячи на триста рублей, опричь серебряной посуды, и в тех писмах и в посуде росписки не дали. А сверх того на сколько рублей заемных крепостей они взяли – того я, раба твоя, не ведаю, для того, что те писма розбирали они сами и брали, что хотели, а я, раба твоя, в то число была в беспаметстве.

¹ Документ написан от руки скорописью черными чернилами на обеих сторонах двух листов бумаги книжной ориентации (размером 19,5×31,5 см.), подшитых вместе с другими листами в толстую книгу с жестким переплетом и кожаной обложкой. У обоих листов левые нижние края (если смотреть на лицевую сторону листа) рваные (в силу чего буквы многих слов в начале или в конце строчек не читаются). Утрачены также правые верхние углы обоих листов (если смотреть на их лицевую сторону). Текст самой челобитной написан на оборотной стороне первого и на лицевой стороне второго листа (л. 249 об. и 250). На лицевой стороне первого листа (л. 249) содержатся лишь помета дьяка и рукоприкладство. Документ написан четырьмя или пятью разными почерками, имеющими разный размер шрифта. На лицевой стороне первого листа (л. 249), на правом поле (у верхнего угла и примерно посередине) оттиснуты черным цветом две одинаковые круглые печати с государственным гербом (двуглавым орлом).

И в нынешнем, государь, 703-м году мая в 29 день били челом тебе, государю, они, деверья мои, Гаврило, Василей, Григорей, что будто двор брата их и с полатами, и со всяким заводом, и в лавке в нижнем Суровском ряду товаром, и всеми животами – владею без розделу. А судом они ведомы в Ратуше; и с ратушскими дьяками у них ссора; и брат[.]¹ их, Григорья, на них, дьяков, есть челобитье; и по тому де их, брата их челобитью, велено дело взять в Преображенской приказ. И за тою ссорой, в том на меня, рабу твою, в Ратуше бить челом они опасны, и чтоб мимо Ратуши на том дворе всякое каменное и д[...]вянное строение, и всякой домовой завод, и животы переписа[...], и запечатать – ис Приказу земских дел.

И по тому их челобит[...] ис Приказу земских дел приходили на дворишко мой д[...] и подьячие с служилыми многими людьми и с понятыми, и с ними деве[...] моими, а для чего и по какому челобитью присланы – того мне, рабе т[...], ничего не сказали. И я, раба твоя, от такова страху и безчести[...] убоясь от них, деверьев своих, заперлась. И в полатчинки ко мне ло[...], и двери ломали ломами, и двери попортили, и, сошед з двор[...] [...] караул сошли, и во время бытности своей на дворе ко мне то[...] из двора никово людишек моих не спушали, а меня, рабу [...], в полатах запечатали. И того ж числа, в вечеру, приходил ис При[...] земских дел подьячий и тот караул свел и полат распечат[...]. И после того, по другой посылке ис Приказу земских дел [...] моем дворе полатное и всякое строение описано.

И[...], государь, того своево челобитья мимо Приказу земских дел о пер[...] тех животных и о запечатыванье били челом они, деверья мои, [...] (л. 250) рабу твою в Ратуше. И по тому их челобитью из Ратуши на том моем дворишке в погребях и в полатах всякие пожитки мои, и запасы, и питье, переписано и запечатано. И ныне я, раба твоя, с челядницы живу по чюжим дворам, помираю голодную смертью.

¹ Здесь и далее на данной странице (л. 249 об.) знак [...] означает, что в документе последние буквы (или слова) строчки находятся за пределами утраченного правого нижнего края листа.

А по духовной мужа моего, Максима, какова за ево рукою – тот двор с каменными полатами и со всяким строением и з садом и пожитки крепил мне, рабе твоей, потому, что тот двор, и каменные полаты, муж мой строил на денги ис пожитков тестя своего, Захарья Кузмича, а моей, рабы твоей, отца. И в той своей духовной, муж мой написал, что братьям ево, Гаврилу, Василью, Григорью, и родственником – о пожитках на дворе на меня, рабу твою, ни в чем не бить челом. И тем двором, и пожитками – владеть мне. А что отец мужа моего, Афонасей Федорович, дал мужу моему на торговлю – денег пять сот рублей – и те деньги взял он у мужа моего назад. Да он ж у мужа моего брал по вся годы на прокормления по свою смерть по штидесят рублей на год.

А которые, государь, живот отца мужа моего остались после смерти ево – и двор со всяким дворовым и хоромным строением и с садом – и теми свекра моего животами и двором владеют и ныне они, деверья мои, Гаврило, Василей, Григорей. И о тех пожитках [.]¹ дворе муж мой на них после смерти отца своево не бил челом [.]ожитков никаких не имывал, да в духовной ж муж мой написал, [.]то торговал денгами отца моего, Захарья Кузмича, а свои пожитки, которые мужу моему дал отец ево, Афонасей Федорович – и те все [...]л назад для того, что отец мой вручил живот свой ему, [...]у моему. А в Сурожском ряду лавки у меня никакой нет. [.]о духовную мужа моего, и что они серебряной посуды и кре[...]тей взяли, что они в челобитье своем утаили.

Всемилоствейший [...], прошу вашего величества – не вели, государь, тому их неправому [...]тью поверить и тех пожитков моих переписывать. [...], государь, против сего моего челобитья и в тех взятых [...]тях, и в серебряной посуде, и насколько тех крепостей, и что [...] посуды, и для чего они самовольством, без твоего, государева, указу [...]житки мои печатали и взяли – допросить порознь. И те пожитки [...]ели распечатать, потому что тот двор и пожитки по духовной [...]ужа моего крепил мне, рабе твоей;

¹ Здесь и далее на данной странице (л. 250) – знак [...] означает, что в документе первые буквы (или слова) строчки находятся за пределами утраченного левого нижнего края листа.

и прежде челобитье их ис Приказу [.]емских дел взять к сему моему челобитью, и против сего моего чело[.]тья и допросу их по духовной мужа моего о том дворе пожиах – свой, государь, указ учинить по своему государеву указу, чтоб мне [...]ной и беспомочной вдове от того их напрасного челобитья [...]ном разорении не быть.

Вашего величества нижайшая раба, гостя [...]имовская жена Чирьева, вдова Татиана Захарьева дочь. Июня [...] день 1703-го году¹.

К сей челобитной церкви Трех святителей поп Иван Григорьев вместо дочери своей духовной, гостя Максима Чирьева жены ево, вдовы Татьяны Захарьевы дочери, по ее велению руку приложил².

Помета: 1703-го июня в 21 день. Взять к делу, а гостей Гаврила, Василья, Григорья Черьевых против сего челобитья допросить, приняв у челобитчицы мужа ее духовную³.

*Справка на обороте*⁴: На сей челобитной помета дьяка Андрея Михайлова: 1703-го июня в 21 день. Взять к делу, а гостей Гаврила, Василья, Григорья Чирьевых против сего челобитья допросить, приняв у челобитчицы мужа ее духовную⁵. 1703-го июня в 21 день [далее шесть строчек неразборчивого текста, оканчивающегося на слово «челобитной»⁶].

¹ Почерк собственно челобитной Т. З. Чирьевой на л. 249 об и 250 (от слов «Державнейший царь государь милостивейший» до слов «1703-го Году») отличается от других почерков документа.

² Данное рукоприкладство помещено на лицевой стороне первого листа (л. 249), ниже пометы дьяка. Почерк рукоприкладства отличается от других почерков документа.

³ Помета находится в верхней части лицевой стороны первого листа (л. 249). Почерк ее отличается от других почерков документа, но в то же время похож на почерк оборотной стороны второго листа документа (почерк фрагмента текста от слов «1703-го июня в 21 день» до слова «челобитной»).

⁴ Справка написана на оборотной стороне второго листа (л. 250 об.) двумя разными почерками.

⁵ Почерк первого фрагмента справки («На сей челобитной помета... мужа ее духовную») отличаются от почерков, какими написан следующий абзац и текст собственно челобитной, но в то же время похож на почерк последнего фрагмента справки («И по сему помете... А в нем пишет»).

⁶ Начиная с номерного обозначения года и до конца абзаца текст написан другим почерком и более крупным по размеру шрифтом. Почерк малоразборчивый и практически не читается. В середине фрагмента (на 4-й строчке абзаца снизу) можно разобрать слова «а Гаврила и Василья и Григорья», а заканчивается абзац словом «челобитной».

И по сей помете ратушской подьячей, Сергей Вяземской послан и подал в Ратуше дьяком Никите Полунину, Андрею Ми[...] лову¹ доклад.

А в нем пишет².

РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 11. Л. 249–250 об. Рукопись. Подлинник.

№ 4

1703 г., июня 26. – Грамота судьи Приказа земских дел, боярина князя Ивана Борисовича Троекурова дьякам Московской Ратуши Никите Полунину и Андрею Михайлову с требованием прислать ему из Ратуши подлинник заветания умершего гостя Максима Афанасьева сына Чирьева³

(л. 261) Лета 1703 июня в 26 по указу великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, дьяком Миките Полунину, Андрею Михайлову.

В нынешнем 703-м году мая в 29 день били челом великому государю гости Гаврила, Григорей, да Василей Чирьевы, а в Приказе земских дел боярину князю Ивану Борисовичу Троекурову с товарищи подали челобитную. А в челобитной их написано. В прошлом де 702-м году волею Божиею брат их, гость Максим Чирьев умре,

¹ Середина фамилии, перенесенной в документе, не читается из-за утраты правого нижнего края листа (если смотреть на его оборотную сторону).

² Последний фрагмент справки («И по сей помете... А в нем пишет») написан почерком, идентичным тому, каким написан первый ее фрагмент («На сей челобитной помета... мужа ее духовную»), только более крупным по размеру шрифтом. После этих слов, на следующих страницах (л. 251–252 об.), идет текст другого документа – доклада подьячего Московской ратуши Сергея Вяземского о результатах осмотра им двора умершего гостя М. А. Чирьева.

³ Документ написан от руки скорописью черными чернилами на обеих сторонах двух листов бумаги книжной ориентации (размером 20×33 см), подшитых вместе с другими листами в толстую книгу с жестким переплетом и кожаной обложкой. У обоих листов левая нижняя часть (если смотреть на лицевую сторону каждого листа) утрачена, в силу чего буквы некоторых слов в начале или в конце строчек не читаются. По листам – скрепа дьяка Ефима Кашеева. Текст документа написан двумя разными почерками. На лицевой стороны первого листа (л. 261), на правом поле (в правом верхнем углу и примерно посередине высоты) оттиснуты черным цветом две одинаковые круглые печати с государственным гербом (двуглавым орлом).

а после ево осталась жена ево, Татьяна, бездетна. И двором брата их с полатным строением [.]всяким¹ заводом и з садом, и в лавках в нижнем [...]вском ряду всяким товаром и всеми животами [...]еет она, сноха их, без розделу. А по правилом [...]тых апостол и Святых отец и по ево великого [...]ря указу – бездетным женам дать довелось² четвертой жеребей, [...] жереба отдать родственником. И переписки де тому [.....] и саду, и лавкам с товаром и всяким пожиткам [...]р, и оценки не было. И великий государь пожаловал бы [.] – велел на тот умершаго брата их двор послать ис Приказу земских дел, и на том дворе (л. 261 об.) всякое полатное и деревянное строение, и пожитки в том дворе, и в лавках осмотреть, и переписать, и оценить, и запечатать, и з снохою их по правилом Святых апостол и Святых отец указ учинить.

И июня в 4 день по указу великого государя и по приказу боярина князя Ивана Борисовича Троекурова с товарищи, на двор Максимовской жены Чирьева, вдовы Татьяны, послан дьяк Ефим Кашеев. И на том дворе полатное и деревянное всякое строение осматривано и описано при понятых, и велено ей, вдове Татьяне, на тот двор крепости, про которые боярину князю Ивану Борисовичу Троеурову объявлял розрядного приказу дьяк Михайло Гуляев, к тому делу положить. И июня с 4-го по 25-е число она, вдова Татьяна, на тот двор по многим посылкам крепостей не положила.

Да в ныняшнем 703-м году, июня в [...], били челом великому государю они ж, Гаврила, и Григор[...], и Василей Чирьевы, и в челобитной их написано. Бил[.] [...]лом де они в Приказе земских дел брата свое[...] родного, гостя ж Максима Чирьева на жену ево Т[.....] о дворе, и о пожитках, и о саду брата их, и п[.] великого государя указу ис приказу земских дел на тот их двор для описи дьякъ Ефим

¹ Здесь и далее на лицевых сторонах листов (на л. 261 и 262) знак [...] означает, что в документе первые буквы (или слова) строчки находятся за пределами утраченного левого нижнего края листа. Такой же знак в тексте оборотной стороны первого листа (л. 261 об.) означает, соответственно, последние буквы или целые слова в строчке, оказавшиеся за пределами утраченного правого края.

² Слово написано над строчкой.

[.....] с подьячими и с понятыми, и на том дворе полатное (л. 262) и деревянное строение и всякой завод описано, и велено снохе их на тот двор положить крепости, и она де учинилась ослушна – крепостей не явила, и спору от ней о том дворе нет. И в нынешнем 703-м году июня в 21 день она, сноха их, била челом великому государю, и в Ратуше подала челобитную, чтоб их допросить. И в том же своем челобитье явила на тот двор и на пожитки будто духовную за рукою мужа своего, а их брата, и по се де число в Ратуше к тому челобитью той духовной не положила. И великий государь пожаловал бы их – велел тое духовную, как она, Татьяна, к вышеписанному своему челобитью в Ратуше положит – взять из Ратуши в Приказ земских дел к дворовому их делу.

И великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, [.] казалъ духовную гостя Максима Чирьева, кото[.]ю в Ратуше явил[.]¹ в челобитье своем жена ево, [.....] как она положит – прислать из Ратуши в При[.] земских дел к боярину ко князю Ивану Борисо[.]чю Троекурову с товарищи для вершения [.]рового их дела. И по указу [.]икого государя, царя и великого князя [.]а Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца (л. 262 об.) – дьяком Миките Полунину, Андрею Михайлову учинить о том по указу великого государя.

Скрепа: Дьяк Евфим Кошцев².

Справа: Справил Иван Григорьев.

Помета: Взять к делу и в тот приказ отписать³.

РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 11. Л. 261–262 об. Рукопись.

Подлинник.

¹ Последний знак (или знаки) неразборчив и, возможно, является результатом исправления.

² Скрепа дьяка Ефима Кошцева написана по листам: на лицевых их сторонах, на правом поле, примерно посередине высоты: на л. 261 написано «дьяк», а на л. 262 – «Евфим»; фамилия «Кошцев» написана на обороте второго листа, в конце текста документа.

³ Помета написана перед текстом грамоты (в верхней части лицевой стороны первого листа – л. 261), причем не тем почерком и не теми чернилами, какими написан остальной текст (написанный, в свою очередь, одним почерком).

№ 5

1703 г., не ранее июля. – Сказка о допросе в Московском судном приказе Анны Остафьевой дочери, жены Петра Григорьева сына Колоднина, арестованного по челобитной Татьяны Захарьевой дочери, вдовы гостя Максима Афанасьева сына Чирьева¹

(л. 268) А Колоднина Петра Григорьева, которой ушел из за караулу, жена ево, Анна Остафьева дочь, против челобитья вдовы Татьяны Захарьевой дочери, гостя Максимовой жены Чирьева, ропрашивана, а в роспросе сказала:

Жили де они с мужем своим, Петром, у Григорья Чирьева по кабальному холопству лет з десять. И в нынешнем де, 1703-м году, за неделе до[..²]трова дни, а в котором числе, того она не знает – мужа ее, Петр, украл у него, Григорья, с погребца четыре окорока ветчины. И за тое де кражу, на другой день, он, Григорей, мужа ее от себя з двора сослал, а после де мужа ее, на другой день, дал он, Григорей Чирьев ей, Анне, отпускную, что он мужа ее с нею отпустил на волю. И та де отпускная ныне у ней, Анны. И с тою де отпускною сошед она з двора Григорья Чирьева, увидев в городе мужа своего, про то, что Григорей Чирьев дал ей отпускную, ему сказала. И муж де ее отвел в Кожевную слободу, на двор к куму своему (л. 268 об.) к Степану Закройщику, а, отведчи де ее к нему, Степану, пошел приискивать двора, где им жить. А она де, Анна, жила у Степана Закройщика дни с четыре. А в те де дни муж ее к ней, на двор к Степану Закройщику, не приходил, и где он в те дни был – того де она не ведала. И жив де она у Степана Закройщика четыре дни,

¹ Документ написан от руки скорописью черными чернилами на двух листах бумаги книжной ориентации и с рваными краями. Точный размер листов определить трудно из-за их рваных краев (не меньше 18×28 см). Текст документа написан на обеих сторонах первого листа (л. 268 и 268 об.) и на лицевой стороне второго (л. 269), подшитых вместе с другими листами в толстую книгу с жестким переплетом и кожаной обложкой. Обратная сторона второго листа, а также на обе стороны третьего (л. 270 и 270 об.) пустые. Возможно, третий лист тоже относится к подлиннику воспроизводимого документа. Текст написан одним почерком.

² В данном месте – дырка в листе. Можно предположить, что написано «до Петрова».

и после Петрова дня на третей день вышел в город, услышала от знакомцов в Суrowsком ряду, что мужа ее, Петра, держат в Московском судном приказе. Того ж числа пришла к нему в Судной приказ и услышала в приказе, что держат ево по делу вдовы Татьяны Захарьевой дочери, гостя Максимовской жены Чирьева. А как де муж ее, Петр, у той гостя Максимовской жены Чирьева, вдовы Татьяны, на полатах воровски своды ломал, и по какому умыслу или по чьему научению, и в тех ли числах, как он у Григорья Чирьева жил, или посл[.]¹ (л. 269) того, как он, Григорей, ево от себя з двора сослал – того де она, Анна, не ведает. А как де муж ее, Петр, из за караулу ушел, и где ныне живет – того не ведает же, и после де уходу из за караулу нигде ево, мужа своего, не видала. А как муж ее был за караулом – и она де к нему прихаживала для того, приносила к нему для очной ево болезни лекарства, и на перемывку рубахи. А напред де сего муж ее нигде на воровстве не бывал.

К сему роспросу Семеновъского полку салдат Иван Шаганов вместо Анны Астафьевой дочери по ее велению руку приложил.

РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 11. Л. 268–269. Рукопись.

Подлинник.

№ 6

1706 г., января 16. – Челобитная Татьяны Захарьевой дочери, вдовы гостя Максима Афанасьева сына Чирьева (с просьбой быстрее решить в Ингерманландской канцелярии ее спорное дело с деверьями Гаврилой, Григорием и Василием Афанасьевыми детьми Чирьева), а также выпись данной канцелярии, приложенная к указанной челобитной²

¹ Окончание слова утрачено из-за рваного края листа.

² Документ написан от руки скорописью черными чернилами на обеих сторонах трех листов бумаги книжной ориентации (размером 20,2×31,2 см) и лицевой стороне четвертого, подшитых вместе с другими листами в толстую книгу с жестким переплетом и кожаной обложкой. Все листы имеют рваные края (оторвана большая часть их краев), в силу чего начало и окончания некоторых слов не читаются. Документ написан пятью разными почерками. В тексте имеется много исправлений (в том числе отдельных букв). На лицевой стороны первого (л. 109), третьего (л. 111) и четвертого (л. 112) листов, на правом поле, примерно посередине высоты оттиснута черным цветом круглая печать с государственным гербом (двуглавым орлом).

Помета: 1706-го, генваря в 16 вып[...]¹

(л. 109 об.) Державнейший царь, государь милостивейший! В прошлом, государь, 1703-м году, по твоему государеву указу взят[...] из Ратуши и ис Приказу земских дел в Ингерманландскую ка[...]лярию³ спорное дело, которое у меня з деверьями моими, з гостми з Гаврилом, с Васильем, з Григорьем Чирьевыми, которое и ныне в той канцелярии. А ныне спрашивают с меня, рабы твоей, в Военной, в Адмиралтейской и в Земской приказы во всякие подати десятую деньгу и за прошлые годы доимку, и в том ис тех приказов волочат меня и убытчат. Да в прошлом 1705-м году ноября в 5 день по твоему, великого государя, указу, каков состоялся в Ингерманландской канцелярии за пометою дьяка Анисима Щукина, велено взять в твою, великого государя, казну с меня, рабы твоей, пошлин: по мировой з деверьями моими челобитной и по записям с челобитья моево, что я била челом на деверьев своих, на них, Гаврилу з братьями, во взятые крепостей, с трех тысяч с трех сот рублей в один рубль – триста тритцать рублей; а сыску их, деверьевь моих, Гаврила Чирьева, з братьями – вдвое; з духовной, с трех тысяч з двусот с пятидесят рублей – шесть сот пятьдесят рублей; да с суда пересуда – тринацать алтын две денги; праваго десятка, восемь денег мировых, дватцать шесть алтын четыре денги; всего – девять сот восмдесят адин рубл восм алтын. А то, государь, наше вышеписанное переносное спорное дело и по се время не вершено.

Всемилоостивейший государь! Прошу вашего величества – вели, государь, то мое з деверьями моими спорное дело вершить в Ингерманландской канцелярии по своему государеву милостивому указу. Также и о вышеписанных надлежащих в Ингерманландскую (л. 110) канцелярию, в Военной, в Адмиралтиской, в Земско[...]⁴

¹ Помета находится в верхней части лицевой стороны первого листа (л. 109) и сделана почерком, отличающимся от других почерков. Окончание последнего ее слова утрачено из-за рваного правого края листа.

² Окончание слова утрачено из-за рваного правого края листа.

³ Середина слова, перенесенного в документе (несколько букв перед переносом), утрачена из-за рваного правого края листа.

⁴ Окончания данного и последующего слов утрачены из-за рваного правого края листа.

при[...] пошлинами, которые доведутца на мне по делу, и доимки, на которые годы, и десятой денги, и иных платежей взять; и о присылке и с тех приказов о тех доимках и пошлинах подлинно ведомости, что и на которые годы и с чего доведетца взять – свой, великого государя, милостивой указ учинить в Ингерманландской канцелярии.

Вашего величества нижайшая раба, гостя Максимовская жена, Афанасьева сына Чирьева вдова Татьяна Захарьева дочь. Генваря в¹ день 706-го².

К сей челобитной церкви Триех святителей, что в Огородниках, поп Максим Иванов вместо, дочери своей духовной, Татианы Захариевы дочери, по ее велению руку приложил³.

И в Ингерманландской канцелярии выписано.

В прошлом 1703-м году по его великого государя указу взяты в Ингерманландскую канцелярию ис Приказу земских дел и из Ратуши дела спорные умершаго гостя Максима Чирьева жены ево, вдовы Татьяны, з деверьями ее, з гостми з Гаврилом, с Васильем, з Григорьем Чирьевыми.

И в прошлом же 1704-м году марта в 13-й день они, гости Гаврило, Василей, Григорей, и вдова Татьяна, Максимовская жена Чирьева, по тем делам помирились, и в Ингерманландской канцелярии подали мировую челобитную, да з делашных записей списки за руками. (л. 110 об.)

[.]⁴с той мировой их челобитной и из делашных записей выписано.

Гости Гаврило, Василей, Григорей Афанасьевы дети, да вдова Татьяна Захарьева дочь, умершаго гостя Максимовская жена Афанасьева сына Чирьева, не дожидаясь по взятым из розных

¹ На месте числа месяца пустой пробел.

² Фрагмент текста начиная от слов «Державнейший царь государь милостивейший» до слов «генваря в день 706-го» (т.е. собственно челобитная Т.З. Чирьевой) написан почерком, отличающимся от других.

³ Рукоприкладство находится на лицевой стороне первого листа (л. 109), под пометой, и написано почерком, отличающимся от других почерков.

⁴ Место предполагаемого предлога «и», утраченного из-за оторванного верхнего левого угла листа.

приказов в Ингерманландскую канцелярию своим делам вершения, помирились – пожитками умершаго гостя Максима Чирьева и двором ево владеть по смерть, или по замужство, и по пострижение жене ево, вдове Татьяне. И того вышеписанного двора со всяким каменным строением ни в какие крепости не укрепить. А на церковное строение и на поминование души ево, Максимовой, давать ей и с тоех пожитков, когда что доведетца – с ведома их, Гаврила з братьями. И по завещанию ево, Максиму, что в церковь Трех святителей не достроено – и то достроить. А опричь того тех пожитков на сторону никому без ведома их и ни на что не держать. А про свой домашней расход ис тех пожитков ей держать вольно. А после смерти ее тот двор со всяким строением и пожитки ево, Максимовы – им, Гаврилу, и Григорью, и Василью, а сродником ее, Татьяниним, до того вышеписанного ни до чего дела нету. А будет по тем делам спросят во его, великого государя, казну пошлин – и те пошлины платить ей, вдове Татьяне.

(л. 111) И по тому их челобитью – умершаго гостя Максима Чирьева пожитки ево отданы ей, вдове Татьяне.

И ноября в 5 день 1703-го году по ево, великого государя, указу и по приказу Римского государства князя, его царского величества губернатора и генерала над кавалериею Александра Даниловича Меншикова, и по выписке за крепою дьяка Анисима Шукина – велено взять в его, великого государя, казну пошлин умершаго гостя Максима Чирьева у жены ево, вдовы¹ Татьяны: по мировой с деверьями ее челобитной и по записям с челобитья ее, вдовы Татьяны, что она была челом на деверьев своих, на гостей Гаврила Чирьева з братьями, во взятье крепостей – с 3.300 рублей в один ряд 330 рублей. А сыску деверьев ее, Гаврила Чирьева з братьями – вдвое; з духовной, с 3.250-ти рублей – 650 рублей; да с суда пересуду – 13 алтын 2 денги; правого десятка, 8 денег мировых, 26 алтын, 4 денги. Всего – 981 рубль 8 алтын. Для того, как они, деверья ее, Гаврило Чирьев з братьями, о пожитках брата своего, Максима Чирьева, на жену ево, на нее, вдову Татьяну, били челом; и они тое духовную спорили, и в челобитье своем писали, и в очной ставке говорили, (л. 111 об.)

¹ Слово написано над строчкой.

и называли неправую и составною. А в мирово[.]¹ своей челобитной, и в записях на тое духовную написали: в церковное строение давать ей, невестке их, вдове Татьяне, на достройку и н[...] поминование души – с ведома их, Гаврила з брат[...] а и в духовной о той даче написано имянно: дать в церковное строение Трех святителей 52 рублей[.] да поминование души ево, Максивой² – 9 рубле[.] А об оценке двора с полатным и деревянны[...] строением для взятъя пошлин же послать в прика[...] куда надлежит, памяти, и как тот двор оценен будет – и с той оценки по тому ж взятъ пошлины вдвое ж.

И генваря с 16 по 26 число тех пошлин на ней, вдове Татьяне, и взято.

Ныне великому государю бьет челом она, гостя Максимовская жена Чирьева, вдова Татьяна Захарьева дочь. Взяты де из Ратуши и ис Приказу зе[...]³ дел в Ингерманландскую канцелярию спорное дело, которое у ней з деверьями ее, з гостми з Гаврилом, с Васильем, с Григорьем Чирьевыми, которое и ныне в той канцелярии. А ныне спрашивают с нее в Военной, в Адмиралтейской, и в Земской приказы во всякие подати десятую денгу и за прошлые годы доимку; и в том ис тех приказов ее волочат и убытчат.

Да ноября в 5 день 705-м году по ево, великого государя, указу велено (л. 112) взять с нее пошлин по мировой з деверьями ее челобитной и по записям с челобитья ее, что она была челом на них, деверьев своих, во взятъе крепостей, да с сыску их, деверьев, з духовной – всего 981 рубль 8 алтын. А то де дело и по се время не вершено. И великий государь пожаловал бы ее, велел то дело вершить, а в вышепомянутые приказы о доимке, на которые годы десятой денги и иных платежей сколко и с чего взять доведетца – о том и ис тех приказов взять подлинную ведомость и указ учинить в Ингерманландской канцелярии⁴.

¹ Здесь и далее на данной странице (л. 111 об.) окончания некоторых слов утрачены из-за оторванного верхнего правого угла листа.

² Так в тексте документа.

³ Окончание слова утрачено из-за оторванного верхнего правого угла листа.

⁴ Фрагмент текста на л. 110–112 начиная от слов «И в Ингерманландской канцелярии выписано» до слов «и указ учинить в Ингерманландской канцелярии» (т. е. «выпись», приложенная к челобитной Т. З. Чирьевой от 16.01.1706 г.) написан почерком, отличающимся от других.

Помета: Справясь, выписать, что ей с миру [...] [далее – 15 строчек плохо разборчивого текста]¹

ГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Л. 109–112. Рукопись. Подлинник.

№ 7

1708 г., декабря 28. – Память из Ратуши в Посольский приказ об отведении двора гостя Григория Афанасьева сына Чирьева в Москве, в Огородной слободе для венгерского резидента Матвея Талобы, а также записка поставленных в данном дворе на караул драгун о нанесении им людьми Григория Чирьева бесчестья и побоев²

(л. 1) Лета 1708 декабря в 28 день по указу великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца постелничему и ковалеру графу Гаврилу Ивановичю Головкину, да тайному секретарю Петру Павловичу Шафирову с товарищи. В нынешнем 708-м году декабря в 22 день, в указе великого государя и с Посолского приказу за приписью секретаря Петра Курбатова в Ратушу, к обер инспектору ратушского

¹ Помета сделана в конце текста (внизу лицевой стороны четвертого листа – л. 112) почерком, отличающимся от всех других почерков (самым неразборчивым, в силу чего большая часть пометы не читается).

² Документ написан от руки скорописью черными чернилами в тетради из трех стигбов бумажных листов, образующих шесть листов книжной ориентации (среднего размера 20,5×33 см). Данные листы вложены в стигб более крупного бумажного листа, образующего обложку (передняя и задняя ее стороны представляют собой лист книжной ориентации размером 22×35,2 см). Все стигбы (и тетради, и обложки) прошиты белой ниткой. Текст документа написан на обеих сторонах первого и второго листов (л. 1, 1 об., 2, 2 об.), а также на лицевой стороне третьего (л. 3), пятого (л. 4) и шестого (л. 5) листов. Четвертый лист тетради пустой и поэтому не пронумерован. У третьего, пятого и шестого тетрадных листов пустая только оборотная сторона. Документ написан четырьмя разными почерками. В тексте много исправлений (в том числе отдельных букв). На лицевой стороне переднего листа обложки от руки черными чернилами написан заголовок в 9 строк (судя по шрифту, относящийся к концу XVIII или к XIX в.): «№ 173. 1708 года. – 28: Память из ратуши в посольской приказ об отведении двора Григорья Чирьева для едущаго к Москве венгерскаго резыдента Табала. Тут же и скаски поставленных на караул солдат в нанесенных осмотрщикам на оном дворе бесчестия и побоев».

правления Алексею Александровичу Курбатову с товарищи писано: Великий государь указал отвесь венгерскому резиденту господину Толабу, которой едет из Смоленска к Москве – отвесь для постоя двор доброй, на котором бы были каменные полаты, на Месницкой или на Покровке, из гостиных или из гостиной (л. 1 об.) сотни и чернослободцовых дворов. И по тому его, великого государя, указу для того постоею отведен двор с каменными полаты в Огородниках – гостя Григорья Чирьева – и подписан. И Великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, указал для ведома о том к вам, постелничему и ковалеру графу Гаврилу Ивановичю, да тайному секретарю Петру Павловичю с товарищи описать. Андрей Озеров.

[помета]

[помета¹]

Помета: взять к отпуску²

(л. 2) И сего декабря в 28 день послан государственно-го Посолского приказу подъячей Федор Сенюков на тот, гостя Григорьев двор Чирьева – для очищения к приезду венгерского резидента господина Талоба полат, и конюшни, и погреба. И велено ему поставить на том дворе караул присланных из гарнизона Енисейского полку драгун – пятой роты Семена Прокофьева сына Казенного, Антипа Иевлева сына Бучнева, шестой роты Афонася Федосеева сына Кочановского, Трифона Данилова сына Стырина.

И тот подъячей Федор Сенюков на тот двор ходил и по осмотру отвел тому резиденту три полаты, да людем его горницу у ворот, да две конюшни. А погреба и иных хором осмотреть, где б там резиденту вещи свои убраться – не отвел для того, что Григорей

¹ Данная и расположенная выше строчки представляют собой короткие пометы (скрепы, справки и т.п.) с плохо разборчивым текстом (в каждой строчке два-три слова). Второе слово верхней строчки представляет собой имя «Михайло»; в середине нижней строчки читается «хороше».

² Помета написана внизу оборотной части первого листа (л. 1 об.). Весь текст на лицевой и оборотной сторонах первого листа (л. 1 и 1 об.), включая пометы, написан одним почерком, отличающимся от других почерков.

Чирьев тогда в доме своем не был, и без него осмотреть и отвести люди его не дали. А в вышеписанных отведеных полатах поставил он, подъячей, для караулу и очищения тех полат вышепомянутых драгун.

И того ж помянутого года, 28-го числа декабря, в Посолской приказ пришел, те драгуны, (л. 2 об.) Игнатей Кочановской с товарищи, сказали, что гость Григорей Чирьев, приехав на двор свой, незнаемо с какими людьми, человки з дватцатью, их, драгун, бранили, и били дубьем, и увечили, и фузеи, которые у них были государевы, переломали. И говорил де он, Григорей Чирьев, что они, драгуны, на том его дворе поставлены воровски. И похвалялся их бить до смерти и, бив – с того своего двора их, драгун, насилно збил. А когда де они с того двора збиты – и в то время у того двора никого не было, и посторонним людем того объявить было некому.

К сей записке Петрова полку Жедринского четвертая роты капитан Иван Батюсин вместо драгун Семена Казенного с товарищи, четырех человек, по их велению руку приложил¹.

А по осмотру на вышеписанных драгунех бою – на Игнатее Кочановском нос розбит и щоки в дву местах зашибены до крови; Трифона Стырина у фузеи замок отломан, и в тот де бой на том дворе у них отбит; у Семена Казенного у строевого кафтана отодран рукав. А у того осмотру они, драгуны, (л. 3) сказали, что бил де их, и увечил дубьем, и то ружье изломал, и кофтан розадрал на дворе, где они были поставлены – гость Григорей Чирьев, незнаемо с какими людьми².

¹ Рукоприкладство «К сей записке... руку приложил» разбито в документе на две части. Первая половина фразы (до слова «Иван» включительно) написана в нижней части лицевой стороны второго листа (л. 2), а вторая половина (от слова «Батюсин») написана в середине оборотной стороны второго листа (л. 2 об.), после слов «было некому» (не с новой строчки, а продолжая предыдущий текст). Все рукоприкладство (как и второе рукоприкладство И. Батюсина) написано одним почерком, отличающимся от других почерков.

² Текст на лицевой и оборотной сторонах второго листа (л. 2 и 2 об.), а также текст на лицевой стороне третьего листа (л. 3), кроме текста двух рукоприкладств И. Батюсина, написан одним почерком, отличающимся от других почерков.

К сему осмотру тот же капрал Иван Батюсин вместо вышеписанных же драгун Семена Казенного с товарищи, четверо ж человек, по их велению руку приложил¹.

(л. 4) Лета 1708 декабря в 30 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росиа самодержца, стольнику Ивану Ивановичю Бутурлину с товарищи. Великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, указал быть для работы у венгерского резидента господина Талаба в Немецкой слободе, на дворе полковницы Полманши, дву человеком земским. По присылке тех земских, ис Приказу земских дел в государственной Посолской приказ свой, великого государя, указ, учинить тебе, столнику Ивану Ивановичю с товарищи, и по указу великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, столнику Ивану Ивановичю Бутурлину с товарищи учинить о сем по его, великого государя, указу. Секретарь Петр Курбатов.

Справа: Справил Михайло Ларионов².

Помета: И се принята. И в земских отказано³.

РГАДА. Ф 158. 1708 г. Д. 173. Л. 1–5. Автограф. Подлинник.

№ 8

1709 г., апрель. – Челобитная Татьяны Захарьевой дочери, вдовы гостя Максима Афанасьева сына Чирьева от 11 апреля (с просьбой переслать из Ижорской канцелярии деньги, вырученные за продажу ее двора, в приказы, требующие

¹ Рукоприкладство «К сему осмотру... руку приложил» разбито в документе на две части. Первая половина фразы (до слов «вышеписанных же» включительно) написана в нижней части оборотной стороны второго листа (л. 2 об.), а вторая половина (от слова «драгун») написана в конце текста лицевой стороны третьего листа (л. 3), после слов «незнаю с какими людьми» (не с новой строчки, а продолжая предыдущий текст). Все рукоприкладство (как и первое рукоприкладство И. Батюсина на л. 2 и 2 об.) написано одним почерком, отличающимся от других почерков.

² Написано справа внизу оборотной стороны пятого листа (л. 4) тем же почерком, каким написан остальной текст данной стороны (а также лицевой стороны шестого листа) и какой отличается от других почерков.

³ Помета написана вверху лицевой стороны шестого листа (л. 5) тем же почерком, каким написан текст на лицевой стороне пятого листа (л. 4) и какой отличается от других почерков.

**с вдовы недоимки), а также выпись канцелярии
от конца апреля, приложенная к данной челобитной¹**

(л. 443) Державнейший царь, государь милостивейший! Спрашивают ныне на мне за прошлые годы в розныя приказы доимок, о которой есть ведение в Ижерской канцелярии. И ту доимку в те приказы велено отослать из моих денег, которые взяты за двор мой в Ижерскую канцелярию – ис тысячи ис пяти сот, из дватцати рублей. И той доимки и по се число из Ыжерской канцелярии в те приказы не отослано, а ныне для того приходят ко мне ис тех приказов безпрестанно подьячие, салдаты, и в том убытчат. Всемиловейший государь! Прошу вашего величества – вели, государь, ту доимку в те приказы по прежнему своему великого государя указу из Ыжерской канцелярии отослать. Вашего величества низайшая раба, умершаго гостя Максимовская жена Чирьева, Татьяна Захарьева дочь. Апреля в 11 день 1709-го году².

К сей челобитной села Толикова³ оброчной крестьянин Афонасей Иванов сын Бушчев вместо вдовы Татьяны Захарьевы дочери по ее веленью руку приложил.

[Бушчев?]⁴

¹ Документ написан от руки скорописью черными чернилами на обеих сторонах двух листов бумаги книжной ориентации (размером 22×28 см), подшитых вместе с другими листами в толстую книгу с жестким переплетом и кожаной обложкой. На лицевой стороне первого листа (л. 443) помещена сама челобитная Т. З. Чирьевой, а на оборотной его стороне (л. 443 об.), а также на обеих сторонах второго листа (л. 444 и 444 об.) – приложенная к данной челобитной «выпись». По листам – скрепа дьяка. Первая и вторая ее часть (на лицевых сторонах первого и второго листов, на правом поле, примерно посередине высоты) неразборчивы, а в конце документа написано: «Степанов». Документ написан тремя разными почерками. В правых верхних углах лицевых сторон первого и второго листов (л. 443 и 444) оттиснуты черным цветом круглые печати с государственным гербом (двуглавым орлом).

² Фрагмент текста «Державнейший царь... Апреля в 11 день 1709-го году» (текст собственно челобитной Т. З. Чирьевой) написан почерком, отличающимся от других почерков.

³ Название села не очень разборчиво. Возможно, следует читать: Толинкова.

⁴ Рукоприкладство помещено ниже челобитной, на той же странице, и написано почерком, отличающимся от других почерков. Ниже рукоприкладства, на отдельной строчке, стоит плохо разборчивое слово (написанное тем же почерком), видимо, являющееся фамилией Бушчев.

(л. 443 об.) В Ижерской канцелярии выписано.

По спорному делу умершаго гостя Максима Чирьева жены его, Татьяны, з деверьями ее, з гостми з Гаврилом, с Васильем, з Григорьем Чирьевыми, довелось взять в Ижерскую канцелярию, в его, великого государя, казну пошлин – 981 рубль, 8 алтын, в том числе з духовной положено вдвое – 650 рублей – для того, что они, Гаврила з братьями, ее спорили. Да с оценки ее, вдовы Татьяны, двора – 182 рубли, 26 алтын 4 денги.

Итого, 564 рубли, 1 алтын, 2 денги.

И тех пошлин она, вдова, в Ижерскую канцелярию ничего не платила.

Да по присланным памятям из розных приказов, что доведется взять в те приказы доимочных денег с нее, вдовы Татьяны – 960 рублей, 13 алтын, 2 денги.

В том числе.

В Приказ земских дел за подводы на 702-й, на 703-й, на 704-й годы – 260 рублей, 13 алтын, 2 денги, да на 705-й, на 706-й годы – 5 подвод.

В Адмиралтейской приказ в строение дву караблей – 200 рублей.

В Карабельную полату десяты денги на 702-й, на 704-й годы – 200 рублей.

В Военной приказ десятой денги на 703-й, на 704-й и на 705-й годы – 300 рублей.

И в платеж вышепомянутых пошлин, и в приказы доимок, продан ее, вдовы Татьяны, двор с каменным и деревянным строением из Ижерской канцелярии тайному секретарю Петру Шафирову за 1.520 рублей, для того, что с торгу той цены никто больше не давал. И те денги в Ижерскую канцелярию приняты, и в приход записаны.

(л. 444) И великому государю она, вдова Татьяна, била челом, чтоб ис тех, взятых за двор ее денег – вышеписанную доимку в приказы из Ыжерской канцелярий отослать, для того, что ис тех приказов для той доимки беспрестанно к ней подъячие и салдаты приходят, и в том убытчат, А что за отсылкою той доимки в платеж пошлин не достанет – и то заплатит она, вдова. А з духовных спорных

и не спорных в Судном московском и в Духовном приказах пошлины берут в один ряд, и что о том справитца с теми приказами памяти.

И по его, великого государя, указу в вышеписанные приказы доимку, что довелось было на ней вдове взять – из Ижерской канцелярии, из вышеписанных взятых за двор денег, отослать велено.

А з духовных спорных и не спорных в один ли ряд, или вдвое пошлины берут – послана память в Судной московской приказ, против которой ничего в Ижерскую канцелярию не отписано.

А доимки отослано толко за нее, вдову, Татьяну из вышепомянутых взятых за двор денег в Военной приказ – 300 рублей.

А затем [толк]о в остатке¹ тех денег за взятых пошлин – 55 рублей, 32 алтына.

И буде зачесть з духовной пошлины до указу в один ряд – а другую половину отослать в приказы в платеж доимок. Итого в отсылк будет 380 рублей, 32 алтына.

Ныне великому государю бьет челом она, вдова Татьяна. Спрашивают де с нее в разные приказы за прошлые годы доимок, и в том волочат ее и убытчат. А ту де доимку велено отослать из Ижерской канцелярии из денег, которые в тое канцелярию взятые за двор ее; и та де доимка в те приказы не отослана; и чтоб тое доимку в те приказы отослать².

1709 года апреля в 18 день по указу великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и по приказу светлейшаго Римского и российскийского государств князя Ижерские земли, генерала от кавалерии (л. 444 об.) и губернатора над провинцию Ингерманланскую Александра Даниловича Меншикова, вышеписанные остаточные за зачетом пошлин и за отсылкою в Военной приказ, взятые за двор денги, а имянно триста восемь десять рублей, тритцать два алтына – в платеж за нее, вдову Татьяну доимок отослать из Ижерской канцелярии в вышеписанные приказы, в которые с нее безсрочно

¹ Начало предложения (несколько слов, написанных слитно) не очень разборчиво и смысл его не очень понятен.

² На правом поле листа, правее окончания последней строчки абзаца, помета в две строчки: «Смотри Алексей Протасов».

спрашивают, по прежнему его, великого государя, указу, и записать в в росход с роспискою.

Степанов¹.

РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 8. Л. 443–444. Рукопись. Подлинник.

№ 9

1709 г., июля 8. – Письмо из Москвы в действующую армию Петру Павловичу Шафирову и его жене Анне Степановне от сестры последней, Арины (о домашних делах П. П. и А. С. Шафировых)²

Милостивому моему государю Петру Павловичю³.

(л. 1) Милостивой мой государь Петр Павлович и государыни моя сестрица Анна Степановна! О Господе Боже здравствуйте многолетно и благополучно на веки и с детками своими.

А про дом свой госпоцкой, и про нас, и про деток своих – изволите напаметовать. И я по нижеписанное число и з детками вашими в добром здорovie.

Грамотку на сей недели от милости вашей получила и о здравии вашем уведомилась – воздав хвалу Господу Богу, возрадовались.

А детки ваши, благословения вашего родительскаго прося, премного челом бьют.

Возвещаю милости вашей, государь мой Петр Павлович и государыни моя сестрица Анна Степановна, о каменном вашем строении – что в болшей полате в верхней затворы навесили и прибли-

¹ Большая часть документа («выпись» начиная от слов «В Ижерской канцелярии выписано», включая фамилию Степанов в конце; л. 443 об. – 444 об.) написана почерком, отличающимся от других почерков. Фамилия Степанов является, видимо, окончанием скрепы дьяка, начало и середина которой (несколько неразборчивых букв) помещены на правом поле лицевой стороны первого и второго листов (л. 443 и 444).

² Документ написан от руки скорописью (одним почерком) на трех листах бумаги книжной ориентации (на одной стороне первого и третьего листов и на обеих сторонах второго листа). В деле листы перепутаны: первые и второй листы перевернуты – лицевые их стороны стали в результате оборотными. Листы поэтому следует читать в следующей последовательности: 1 об.; 1; 2 об.; 2; 3. В тексте имеется много исправлений (в том числе отдельных букв).

³ Видимо, заголовок – адресат письма, написанный на сложенном конверте (ныне на л. 1 об.) тем же почерком, каким написан остальной текст. На этой же стороне вверху – фрагмент круглой сургучной печати.

жаютца к сводам, а денги им выдает на тавар Михайло Родостамов. Да говорила я Якову Парфеневичю, и он сказал: когда де полаты совершатца – тогда плотников призовем и подрядим чердачек на полатах зделать и покрыть. Також и на старых полатах: которое худое в кровле – перебрать же, а на крышку гонты из деревни велим привести.

(л. 2 об.)¹ А Катерина 3 дни лежала – был на нея понос, а ныне от того свободилась. Також и Фекла стала, и ныне, слава Господу Богу, все у нас в добром здравье. А огню ис потклета никогда не беру въверх – зделан у нас пиногор въверху. У Василья Спиридонова по писму твоему 60 алтын я взяла, а он привозил было 4 рубля, а я для того не смела принять, что против писма твоего – толко 60 алтын, а не четыре рубли велено мне взять. Гвоздей на спалну и сукно – сколько чего коретник сказал, и скупя с ним же, коретником Иваном, вместе с Меркулом при сем посылаем. А по чему кои гвозди даны – и тому при сем расп[...]² приложена. А Матвей Григорьевич сказал, что [...] ни сукон, ни стаметов нет плохих, а барха[...] малинового доброго нет в рядах, которого и С[...]ен Иванович искал, а которой есть – и за тот прошают за поларшина бесполугривны штидесят алтын, и Семен Иванович сказал, что худ и редок и той цены не стоит. И о том, сестрица, как изволишь – прикажи отписать ко мне. Камку рудожелтую и крашенины 6 аршин при сем посылаем. А очаг подрятчиков мы делать подряджали, и они сказали, что когда мы совершим полаты – в то де время и подрядимся, а ныне нам недосуг. Ивану Грамотину о списках с отказных книг дорогобужской вотчины вашей многожды мы говорили, чтоб списать велел и прислал бы к нам, сестрица. И он скажет, что велю списать, толко и по се число еще не списал, и поехал ныне он с Иваном Федоров[...] м в подмоско[...]ю.

(л. 2)³ Камку, которую ныне посылаю к милости вашей рудожелтую – и ис того косяка зделано детям: Катерине Петровне юпку

¹ После лицевой стороны первого листа текст продолжается на оборотной стороне второго (л. 2 об.).

² Здесь и далее на л. 2 об. утраты букв из-за двух кусков протертой бумаги – посередине высоты, близ правого края листа и в правом нижнем углу.

³ После оборотной стороны второго листа (л. 2 об.) текст продолжается на лицевой стороне данного листа (л. 2).

до бострок, Марье Петровне юпку до бострок же, Яшенке камзол, а достальной 4 аршина бес четверти – к милости вашей посылаем. Также и мунгарской вотки посылаем 7 склянок, а дома оставили две. А железо и масло коровье к милости вашей впредь пришлем, не умедляя, чрез почту. Илья Иванович прислал к нам десять пуд сухой трески да 3 моржа. И о треске, как изволишь – людям давать ли по постным дням или нет? Також и на погребе есть бочка соленой трески. К милости ли вашей прислать или людям вашим по постным дням давать – изволь отписать, сестрица, чтобы она не испортилась даром.

За сим сестра твоя Арина и с мужем своим челом бью.

Из Москвы, июля дня 8,

А: 1709.

Светы мои, Анна, Марфа, Наталья Петровны и Исай Петрович! О Господе Бозе здравствуйте – и з государем своим батюшком, Петром Павловичем, и з государонею своею матушкою, Анною Степановною – на множество лет. Тетка ваша Арина премного челом бью и любезно вас целую.

(л. 3)¹ Мера Катерине Петровне, какво платьє надобно шить.

Длина аршин 6 вершков.

От поясу 3 четверти.

А клиньє на 6 вершках.

А рукава ширина в корени 3 вершка.

А длина рукавам 6 вершков.

Марье Петровне.

Длина платью аршин с четвертью.

А в поясу 11 вершков.

Клиньє на 5 вершках.

Рукавам длина 5 вершков.

А в корени 3 вершка невступно.

А в плечах между рукав четверть.

А мерял Федор портной.²

¹ Текст на лицевой стороне третьего листа представляет собой приписку к письму (следана тем же почерком, каким написан остальной текст).

² Данная строчка (последняя на странице) отделена от предыдущих строчек горизонтальной чертой.

Архив СПБИН РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3213. Л. 1–3. Рукопись. Подлинник. Фрагмент печати.

Оубл.: Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: Новые источники по истории России эпохи Петра Великого: в 3 ч. / изд. подгот. Т. А. Базарова, Ю. Б. Фомина; сост., вступ. ст., коммент. Т. А. Базаровой. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2011. Ч. I: 1706–1713 годы. С. 174–176.

№ 10

1710 г., сентября 9. – Письмо из Москвы дьяка Посольского приказа Михаила Иванова сына Родостамова барону Петру Павловичу Шафирову в С.-Петербург (с сообщением о ходе разных дел барона в Москве)¹

Превосходительнейший господин, мой государь, милостивый барон Петр Павлович! Здравие ваше и ваших любезнейших при вас – да будет хранимо на лета многа! Доношу Вашему превосходительству: во обоих делех ваших вся благополучна суть.

Получил я ваше письмо из Питербурка августа от 24-го числа. За оное и за приложенную цыдулку вам, моему государю, поперемногу благодарствую и взаимно вас, моего великого благодетеля, взятием нового града Пернау поздравляю. Дажь Вышний впредь от вас таковыя ж радостныя ведомости видеть! Письмо, мой государь, ваше ко князю Борису Алексеевичу Галицыну в деревню ево, зовомую Марфино [которая от Москвы в 30-ти верстах]², я отослал.

Изволили вы, мой государь, писать о призыве и о приеме людей из дворов (л. 1 об.) господ покойных Бутурлина и Голицына. И я з господином Воронежским советовал, и елико можно, о том по-стараямся.

Изволите о крышке кровельной писать, приказывая. И я уже вашему превосходительству неединократно доносил, что задние новые

¹ Документ написан от руки скорописью черными чернилами на обеих сторонах двух листов бумаги книжной ориентации размером 15,8×20,1 см (образованных в результате сгиба пополам одного большого листа).

² Фраза помещена в квадратные скобки в тексте документа.

полаты накрыты тесом в равенстве с старыми, а болшую палату новую ж и при ней малую – накрою черепицею по самому своду без дерева. Черепицы я доброй сыскал 33830 черепиц, и та уже на вашем дворе. А взял ту черепицу с Минтеровых заводов [которые за Симоновым монастырем, яже в Москве]¹ промыслом добрым – чрез игуменью, иноземку, Елизарьевну Меллерову, да чрез господина Шукина. Да и еще чаю ее набить. Хотя и остатца за нынешнюю накрывшкою, то впредь згодитца. Минтер писал к вам, что заводы ево разорены. То есть правда, на которых я сам был, токмо осталось черепицы. Там я нашел немало и взял, и впредь потщуся взять.

А чтоб вам, мой государь, промыслить к почтовому делу подъячего доброго – о том постараюся ж. А с подъячим Меркуром Правдиным я розговаривал, что не гораздо ль ему нужен и надобен в товариство (л. 2) подъячей. На что мне он сказал, что при помощи де Вышняго и один до времени может ваше почтовое дело управлять, и о сем просил меня, чтоб я вам, моему государю, донес. И на сие, какое ваше соизволение будет – требую ответу.

Салдату Никите Орехову по вашему приказу кормовое жалованье давать будем.

Просил меня господин Шукин вам донести: изволили де вы к нему неединократно писать, сожалея о ево собственном деле, а он вам еще не отвечивал ретелно. И ныне де ево дело здешние господа бояря приводят ко окончанию, и когда все совершитца – тогда о всем вам донесет, и велми за вашу к нему заочную милость благодарит.

А в вашем домовом деле, о чем я попрошу – тот час все безо всякого отлагателства чинит.

И при сем пребываю моего милостивого патрона, вашего высокобаронского превосходительства всепокорнейший слуга, Родостамов.

Из Москвы, сентября 9-го дня. А: 1710-го.

Помета: Отв[...] [...] и секретарские².

¹ Фраза помещена в квадратные скобки в тексте документа.

² Помета стоит на оборотной стороне второго листа (л. 2 об.). Окончание первого слова и второе ее слово неразборчивы.

Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3825. Л. 1–2 об. Автограф. Подлинник.

Оубл.: Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: Новые источники по истории России эпохи Петра Великого: в 3 ч. / изд. подгот. Т. А. Базарова, Ю. Б. Фомина; сост., вступ. ст., коммент. Т. А. Базаровой. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2011. Ч. I: 1706–1713 годы. С. 204–206.

№ 11

1713 г., марта 18. – Подрядная запись крестьян села Петровское Ярославского уезда, вотчины князя Ивана Ивановича Барятинского, Ильи Григорьева сына Быкова и Ивана Петрова сына Быкова с товарищами, данная подканцлеру барону Петру Павловичу Шафирову на пристройку к его московскому дому «палатки» (с «подклетом» на втором этаже)¹

Мар в 18 день Ерославского уезду вотчины лейб-гвардии Семеновского полку капитана князь Ивана княж Иванова сына Борятинского села Петровского крестьяня Илья Григорьев сын Быков, Иван Петров сын Быков с товарищи – подрядили мы² государственного подканьцлера борана Петра Павловича Шафирова постро(л. **1285 об.**)ить из сво товару на ево дворе нынашгним летним временем, не испустя время, каменъное строение сего ж году мая с перваго числа. Зделать подле старых полат, о³ двора Григорья Чирьева к улице, длиною и шириною полату по три сажени

¹ Документ написан от руки скорописью черными чернилами на двух сторонах листа бумаги размером 20,5 × 32,8 см, подшитого вместе с другими листами в толстую книгу с жестким переплетом и кожаной обложкой (обтянутой серым холстом). На переплете книги черной краской крупно написано в пять строчек: «1713 году: вотчинная: дворовая: подрядная: 1669 70 71». Сам документ занимает нижнюю часть лицевой стороны листа 1285 и всю его оборотную сторону (л. 1285 об.). Никакого заголовка (или какого-либо другого выделения начала текста) документ, как и все другие записи книги, не имеет. От других подрядных записей (предшествующей и последующей) он отделен лишь расширенным интервалом между строками. Весь документ написан одним почерком. В тексте много исправлений (в том числе отдельных букв).

² Так в тексте.

³ Так в тексте.

и стенами; у той полаты сени поперех сажень, а длиною равны с тою полаткою; а прмеш старой и новой полаты зделать лесницу потайную, а под лесницею зделать чюлан, а в тех сенех нужник выкитной. А ис той новой полаты, как ходить в старую полату – проломать и зделать двери у старой полаты. А нат тою новою полаткою подклет зделать – длина и ширина по три ш сажени. А к тому подклету делать сени в ширину сажень, мерою равно с тою ш полатою. В тех же полатных сенех зделать нужник и тескеми выкласть, и нужник лещетью. А ту палату, и подклет, нужник, и сени – подмазать и выбелить.

А рядили со всего строения против записи денех – пятьдесят рублей. И те деньги брать, смотря по делу.

К той записи вместо их, подрядчиков, челобитенъной писец Федор Хатенов; и вместо порутчика дому лейб-гвардии Семеновского полку капитана князь Ивана князь Иванова сына Борятинского, человека ево Емельяна Гаврилова, челобитенъной писец Илья Евъдокимов, и свидетель писец Тимофей Лалетин руки приложили.

Помета: Писал Гаврила Годовиков.

Помета: Тридцать адин алтын четыре деньги, прием в приходной Анофриев и подписал марта в 19 день¹.

РГАДА. Ф 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 335. Л. 1285–1285 об. Рукопись. Подлинник.

Опубл.: Частное строительство в Москве и Подмосковье. Первая четверть XVIII в. Подрядные записи / сост., авт. вступ. статей, очерков и коммент. М. В. Николаева. В 2 т. М.: Едиториал УРСС, 2004. Т. 1. С. 270–271.

№ 12

1713 г., июля 29. – Подрядная запись крестьянина села Петровское Ярославского уезда, вотчины князя Ивана Ивановича Барятинского, Ильи Григорьева сына Быкова

¹ Обе пометы, как и предшествующее им рукоприкладство, написаны внизу оборотной стороны листа (л. 1285 об.) тем же почерком, каким написан остальной текст, не будучи отделенными от основного текста новыми строками.

с товарищами, данная подканцлеру барону Петру Павловичу Шафирову на восстановление начатой в этом же году, но обрывшейся пристройки к московскому дому последнего, а также на постройку «почтовой палатки» на Московском почтовом дворе¹

Июля в 29 день лейб-гвардии Семеновского полку капитана князь Ивана княж Иванова сына Борятинского Ярославского уезду села Петровского крестьянин Илья Григорьев сын Быков с товарищи подрядился достроить по прежней подрядной записи сего ж году упалое каменное строение у государьственного подконцлера и у тайного советника барона Петра Павловича Шафирова.

И за те упалые полаты и за убытки – анбар, и своды, и стену разобрать и вновь построить крепко из ево бароновых припасов; с наличные стороны быки подвести к анбару и к погребу, сколько надлежит; и почтовую полатку по прежней записи и по чертежу против сей записи нынешним летом или в предбудущей год с апреля месяца строить.

Взять им за то строе(л. 1315)ние пятьдесят рублей. А епили² в два года учинитца какая поруха – им, подрядчиком, починивать безденежно.

К той записи Семеновского полку капитана князь Ивана Ивановича Борятинского человек ево Афонасей Андреев сын Татаринов ручал и вместо подрядчика Ильи Быкова; челобитенной писец Илья Евдокимов вместо порутчика того ж дому человека Бориса Никитина; и свидетели челобитенные писцы Иван Терентьев, Иван Вахрамеев руки приложили.

Помета: Писал Федор Грещищев.

¹ Документ написан от руки скорописью черными чернилами на двух листах бумаги размером 20,5×32,8 см, подшитых вместе с другими листами в толстую книгу (о книге см. первое примечание к № 11). Сам документ занимает нижнюю часть оборотной стороны листа 1314 и верхнюю часть лицевой стороны листа 1315. Никакого заголовка (или какого-либо другого выделения начала текста) документ, как и все другие записи книги, не имеет. От других подрядных записей (предшествующей и последующей) он отделен лишь расширенным интервалом между строками. Весь документ написан одним почерком. В тексте много исправлений (в том числе отдельных букв).

² Так в тексте.

Помета: Пошлин двадцать пять алтын, от письма и от записки шесть алтын четыре деньги; прием в приходной Лукин; подписал Анофрей июля в 30 день¹.

РГАДА. Ф 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 335. Л. 1314 об. – 1315. Рукопись. Подлинник.

Опубл.: Частное строительство в Москве и Подмосковье. Первая четверть XVIII в. Подрядные записи / сост., авт. вступ. статей, очерков и коммент. М. В. Николаева. В 2 т. М.: Едиториал УРСС, 2004. Т. 1. С. 285.

№ 13

1714 г., июня 22. – Дело по челобитью барона Петра Павловича Шафирова на штукатуру Яна Романова сына Саевича о недобросовестном выполнении последним контракта²

(л. 1) Державнейший царь, государь милостивейший! В прошлом 711-м году, июня в 14 день, Ижерской каменной канцелярии штукатурских гипсовых дел мастер Ян Романов сын Саевич подрядился у меня, нижеимянованного, на моем дворе Большую полату украсить внутри добрым штукатурным гипсовым мастерством против образца, каков он, Ян, нарисовал, и в приклад каким образцом построено на дворе у надворного советника Савы Рагузинского – изображено золотыми литерами в клеймах. И зделать оное мастерство

¹ Обе пометы, как и предшествующее им рукоприкладство, написаны внизу лицевой стороны второго листа (л. 1315) тем же почерком, каким написан остальной текст, не будучи отделенными от основного текста новыми строками.

² Документ написан от руки скорописью черными чернилами на двух листах бумаги книжной ориентации (размером 20,5×32,6 см), представляющих собой сгиб вполовину более крупного листа. Текст помещен на обеих сторонах первого листа (л. 1, 1 об.) и на лицевой стороне второго (л. 2). Сгиб данных листов вложен в сгиб более крупного бумажного листа, образующего обложку (передняя и задняя ее стороны представляют собой лист книжной ориентации размером 22×34,2 см). Все сгибы (и самого документа, и обложки) прошиты белой ниткой. В правом верхнем углу обоих листов документа оттиснута черными чернилами круглая печать с изображением государственного герба (двуглавого орла). На лицевой стороне переднего листа обложки, в правой половине верхней его части, черными чернилами написан заголовок в семь строчек (судя по шрифту, относящийся к XVIII или в XIX в.): «№ 93. 1714. Июнь. 22. Дело по челобитью Подканцлера Шафирова на штукатуру Яна Саевича в неустойке ево контракту». Текст документа написан четырьмя разными почерками.

ему, Яну, своим всяким товаром, опричь извести котла [иг?]¹ от подвязей. И за то строение, и за припасы – рядил он, Ян, триста рублей. И, ежели оное строение попортица – и ему, Яну, починивать в пять лет своим иждивением. И в том дал оною на себя с поруками подрядную запись.

(л. 1 об.) И оное строение ныне все попортилось; и против той подрядной своей записи не починивает.

Всемиловитивейший государь! Прошу вашего величества – вели, государь оного Яна в Посолской приказ сыскать и допросить; и против ево подрядной записи то строение починить.

Вашего величества низжайший раб, барон Петр Шафиров. 714 году июня в день.

К сему прошению по приказу барона Петра Павловича стряпчей ево, Дмитрий Парфеньев, руку приложил².

Помета: 1714-го года июня в 22 день. Ответчика сыскать и поставить к допросу; и взять к сему с подрядной записи справить список³.

(л. 2) *Справка:* И по вышеписанной помете штукатерной мастер Ян Раманов сын Саевич в Посолской приказ сьман.

И в Посолском приказе он, Ян, против челобитья государственного подканцлера барона Петра Павловича Шафирова в допрос не пошел, а сказал, что против подрядной записи, какову он дал в строенье в полатах штукаторнии фигуры, что ежели в ево строенье какая будет порча – то он повинен в пят лет чинить. И ныне, что попортилось – починит в неделю, а буде он в семь дней не починит – взять на нем, чего ищет государственный подканцлер барон Петр Павлович Шафиров⁴.

Ян Романов руку приложил⁵.

РГАДА. Ф 158. 1714 г. Д. 93. Л. 1–2. Рукопись. Подлинник.

¹ Не очень разборчивое сочетание букв, похожее на «ИГ». Возможно, это просто число 83.

² Текст от начала документа до данного места, включая рукоприкладство Д. Парфеньева, написан одним почерком, отличным от других почерков.

³ Помета написана внизу оборотной стороны первого листа (л. 1 об.) почерком, отличающимся от других почерков.

⁴ Весь текст на лицевой стороне второго листа (л. 2), вплоть до данного места, написан одним почерком, отличающимся от других почерков.

⁵ Рукоприкладство «Ян Романов руку приложил» написано в конце текста лицевой стороны второго листа (л. 2) – на той же строчке, которой заканчивается предшествующий текст, и почерком, отличающимся от всех других почерков.

№ 14

1714 г., сентября 21. – Челобитная мастера серебряных дел, иноземца Матвея Вилмута на мастера ценинных дел Мещанской слободы Михаила Максимова по поводу мошенничества последнего при исполнении подряда на установку в доме барона Петра Павловича Шафирова «лахани» (ванной)¹

В нынешнем, государь, 714-м году августа в² день, подрядился я, ниже имянованны, у государственного подканцлера и барона Петра Павловича Шафирова зделати лахань на срок. И нанял я к тому делу ценинного дела мастера, Мещанной слободы Михайла Максимова, а ряди за тое работу три рубли, и дал ему Михайлу задатку шестнатцать алтын четыре денги, что ему Михайлу (л. 61) тое лахань поставить ныне сентября в последних числах. И он, Михайло, взяв задаточные помянутые денги, от работы бегаёт. Всемилостивейший Государь! Прошу вашего величества – вели, государь, ево, Михайла, сыскать и допросить, и за добрыми поручками отдать ево мне по прежнему, а к той работе чтоб тое лахани³ за ним, Михайлом, в отделке остановки не было, и мне в том изъяну от него не учинилось.

Вашего величества нижайший раб, иноземец, серебряного дела мастер Вилмут. Сентября в 21 день 714-го году.

¹ Документ написан от руки скорописью черными чернилами на двух листах бумаги книжной ориентации размером 20×31,4 см (внизу оборотной стороны листа 60 и в верхней части лицевой стороны листа 61), подшитых вместе с другими листами в книгу с жестким переплетом и кожаной обложкой. На лицевой стороне первого листа книги (л. 1) написан во всю страницу большой заголовок в 12 строк: «Книга записная Великого Государя указом и ставочным и явочным челобитным и срочным скаскамь, иным всяким делам при сидень в Государственном посолском приказе Государственного канцлера и кавалера, графа Гавриила Ивановича Головкина, да Государственного подканцлера барона Петра Павловича Шафирова. 1704-го году. ...» (ниже на странице – продолжение текста заголовка, уточняющее написанное выше). Никакого заголовка (или какого-либо другого выделения начала текста) документ, как и все другие записи книги, не имеет. От других челобитных (предшествующей и последующей) он отделен лишь расширенным интервалом между строками.

² Числовое обозначение дня не указано – вместо него широкий пустой пробел.

³ Большинство букв слова переправлены из других букв.

К той челобитной иноземец Вилмут руку приложил по немецки.

Помета: На челобитной помета секретаря Михаила Шафирова такова: 1714-го году сентября в 21 день. Записав в книгу, сыскать того ответчика и поставить к допросу¹.

РГАДА. Ф 158. 1714 г. Д. 10. Л. 60 об. – 61. Рукопись. Подлинник.

№ 15

Из переписи московских дворов 1716 года

<...>

(с. 99) Идучи из Хомутовки в Мальцов переулоч:

723. Дв. Московского судного приказа пдч. Ивановы жены
Петрова вд.

724. С.-П-бургской Канцелярии пдч. Прокофья Волкова.

725. Степаниды Андреевы.

726. Подьяч. жены вдовы.

727. Семенов. Полку солдата Афанасья Булатова.

728. Тгц. Василья Гаврилова.

729. Пдч. Потапа Гаврилова.

730. Пдч. Афанасья Васильева.

731. Преображ. полку сержанта Якова Лебедева.

732. Артилерского пдч. Федора Федорова.

733. Григория Терского.

Вышед из Мальцова переулоча в улице Хомутовке:

734. Дв. Голутвиной слб. тгц. Ивана Прокофьева.

735. Дьяка Андреяна Ратманова.

736. Гостиной сотни Ивана Бобровникова.

737. Семенов. полку солдата Лариона Тумы.

(с. 100) 738. Преображ. приказу пдч. Козмы Дмитриева.

739. П. м. Казенной слб. Исая Елисеева.

740. Дв. Гостиной сотни Петра Васильева с. Щученкова.

741. П. м. постельного истопника Лазаря Иванова с. Бельского

742. П. м. тгц. Лариона Микулина.

743. Дв. постельного истопника Лазаря Иванова.

¹ Помета помещена в конце текста, на лицевой стороне листа 61.

744. Гостиной сотни Ивана Степанова с. Стрежнева.
745. Семенов. полку солдатской жены Анны Карповы.
746. Тгц. Степана Емельянова.
747. Стлн. Петра Яковлева с. Веселовского.
748. Комисара Андрея Васильева с. Беляева.
749. Секретаря Петра Павлова с. Шафилова.
750. Гостя Григорья Чирьева.
751. Гостиная сына Василья Гаврилова с. Чирьева.
Идучи к Трем святым в переулок.
752. Дв. тгц. Петра Окулова.
753. Тгц. Андрея Григорьева с. Козла.
754. Тгц. Петрова с. Крупеникова Гаврила.
755. Петра Степанова с. Стрежнева.
756. Пдч. Ивана Петрова.
757. Гостиной сотни Ивана Иванова с. Тележникова.
758. Дворянина Павла Филиппова с. Шафилова.
759. Преображ. полку солдата Дмитрия Иванова с. Ивашенцова.
760. Посольского приказу почтовых дел пдч. Меркула Правдина.
761. Дьяка Михайла Гуляева.
762. Села Покровского оброчного кр. Василья Тихонова.
763. Патриарша поддьякона Ивановской жены Федорова вд.
Ирины Афанасьевы.
764. Разрядного приказу пдч. Алексея Ахмешева.
765. Оружейного дозорщика Петра Внукова.
766. П. м. стлн. Игнатъя Федорова с. Парфеньева.
767. Дв. гостя Ивана Панкратьева; владеет приезжий ч-к Никифор
Костянтинов.
768. Егора Лаврентьева с. Богданова.
769. Ратушского пдч. Петра Григорьева.
770. Ивана Иванова с. Воинова.
771. Пдч. Гура Чурашева.
772. Преображ. полку капитана Ивана Монца.
773. Кадашевца Герасима Обухова.
774. Пушечного двора ученика Петра Васильева.
[с. 99–100]

<...>

У лесного ряду:

821. Дв. тгц. Степана Бельского.

822. Села Танинского оброчного кр-на Семена Михайлова.

823. Тгл. Дмитрия Фирсова.

824. П. м. Сибирского приказу пдч. Семена Киреева.

825. Дв. Семенов. полку солдата Василья Рукавкина.

826. Пдч. Федора Русанова.

827. Книг печатного дела пдч. Петра Артемьева сына его

Григорья.

828. Гостиной сотни Трофима Курдюмова.

829. П. м. Гостиной сотни Ивана Назарьева.

830. Дв. стлн. Якова Никифорова с. Протасьева.

831. Села Покровского оброчного кр-на Михайла Васильева.

832. Петра Павлова с. Шафирова.

833. Тгц. Федора Переплетчикова.

834. Поручика Андрея Александрова с. Шехонского.

835. Поместного Приказу пдч. Алексея Никитина.

836. Живописца Ивана Неустроева.

[с. 102]

<...>

(Переписи московских дворов XVIII столетия. М.: Городская Типография, 1896. С. 100.)

№ 16

Из окладных списков 1713 и 1717 гг.

<...>

Доношение в канцелярию Прав. Сената из Ратуши. <...> И, по вышеписанному вел. государя указу, велено гостям и гостиной сотни и купецким людям всех слобод списки с оклады платежа 10-й деньги из Моск. губернии внести в канцелярию Прав. Сената немедленно. И, по тому его вел. государя указу, из Ратуши имянитому человеку и гостям и гостиной сотни и торговым иноземцам с оклады их имянные, а Моск. слободам перечневые

списки в канцелярию Прав. Сената посланы при сем доношении. Комисар Сергей Вяземской; справил Яков Беседин. 1713 г. марта 18 д.

[с. 16]

<...>

Гаврило Чирьев с с. Васильем – 50 руб.

Григорий Чирьев с бр. Васильем – 25 руб.

[с. 17]

<...>

А ныне присланной из Ратуши гостям и Гостиной сотни и торговым иноземцам и Московским гостям и слободам купечеству с надписанием под именами порознь список, за закрепою бургомистра Герасима Турченинова, послан в канцелярию Сенатского правления при сем доношении и что на кого положено, и то писано в том списке имянно. Диак Иван Павлов. Справил Полуект Григорьев. 1717 г. апреля 4 д.

Гости:

Максим Чирьев, 10-й деньги 100 руб., а в книге прошл. 714 г., которая учинена для сбора из доимки, за закрепою дьяка Алексея Неронова, под именами написано: и в прошл. 710 г., по указу вел. государя и по прошению максимовские жены Чирьева вд. Татьяны Захарьевой дч., велено ей заплатить 10-е деньги оклад окладом по 15 руб. на год, которым обложили ее по евангельской заповеди гости Алексей Филатьев с товарищи, а с 710 г. тех 15 руб. 10-й деньги спрашивать на ней вдове не велено, и о расположении вопщем гостей и Гостиной сотни на пополнившихся и с полным прежним мужа ее окладом велено учинить рассмотрение окладчикам гостям и Гостиной сотни людям по посланным к ним состоявшегося в Ратуше в 709 г. октября 1 д. вел. государя указу для того, муж ее в 702 г. умре, а в прошении ее вдовы написано, что, по смерти мужа ее, платила в разные приказы многие доимки и многие долги, да и двор мужа ее взят в Ижерскую канцелярию и торгов и промыслов и вотчин у нее нет, да она ж без остатку погорела и в той скудости ради пострижения сошла в монастырь.

<...>

Гости ж наличные:

<...>

Гаврило Чирьев с с. Васильем, 10-й ден. 50 руб.

Григорий Чирьев с бр. Васильем, 10-й ден. 25 руб.

[с. 24]

<...>

(Материалы для истории московского купечества. Том I. Прил. 3. М.: Типо-Литография Н. И. Куманина, 1891. С. 16–17, 24.)

№ 17

Из дневника голштейн-готторпского камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца за 1722-1723 годы

<...>

9 [января (1722 года. – А. П.)]. <...> После обеда Его Высочество ездил к вице-канцлеру Шафирову, а от него поехал к князю Трубецкому... <...>

[с. 258]

<...>

3 [марта]. <...> Под конец, но когда все еще сидели за обедом, приехали также Нарышкин и молодой барон Шафиров, которого отец (так как Его Высочество не был последний раз у Долгорукова) прислал сказать, что на другой день ассамблея будет у них. <...>

4 [марта]. Был обыкновенный постный день герцога, и он кушал в 4 часа в своей комнате. В 5 часов Его Высочество отправился на ассамблею (с. 330) к [Петру] Шафирову, но заехал сперва на минуту к графу Кинскому, ближайшему соседу Шафирова. Когда мы приехали к последнему, там уже танцевали, и между танцующими нам тотчас бросились в глаза два господина, до того пьяные, что едва держались на ногах, а именно молодой граф Сапега и молодой князь Долгоруков, гвардии капрал, который недавно обедал у Его Высочества. Число гостей все увеличивалось, от чего комната сделалась так тесна, что в ней едва можно было поворотиться. Поэтому г[оспо]жа Шафирова решила наконец перевести нас в свою прекрасную большую залу, на что прежде долго не соглашалась из боязни, что там будет слишком холодно для дам. Так как зала эта очень велика и в ней могут танцевать более 12 пар

англез и польский, то мы тотчас весело принялись за дело. Генерал Ягужинский, так сказать, царь всех балов, был необыкновенно весел и одушевлял все общество. Между прочим он устроил один танец, состоявший из 11 или 12 пар, которым сам управлял и который продолжался по крайней мере час, так что я не помню, случилось ли мне когда-нибудь видеть подобный. Начал он с очень медленного, но притом исполненного прыжков англеза; потом перешел в польский, продолжавшийся чрезвычайно долго и с такими прыжками, что надо было удивляться, как дамы, уже порядочно-таки потанцевавшие, могли выдержать его. Тотчас по окончании польского составилась новая танец (который не знаю, как называть), похожий несколько на штирийский; в нем опять страшно прыгали и делали разные весьма забавные фигуры. Однако ж генерал этим еще не удовольствовался: не находя более новых фигур, он поставил всех в общий круг и предоставил своей деме, г[оспо]же Лопухиной, начать род арлекинского танца, который все по порядку должны были повторять за ней, с тем чтобы кавалер следующей пары выдумывал что-нибудь новое, ближайший к нему – так же, и так далее до последней пары. В числе многих выдумок были следующие: г[оспо]жа Лопухина, потанцевав несколько в кругу, обратилась к Ягужинскому, поцеловала его и потом стащила ему на нос парик, что должны были повторить все кавалеры и дамы. Генерал стоял при этом прямо и неподвижно, как стена, даже и тогда, когда его целовали дамы. Одни, сделав перед избранной дамой глубокий реверанс, целовали ее; другие, протанцевав несколько раз в кругу, начинали пить за здоровье общества; третьи делали щелчки на воздух; четвертые вынимали среди круга табакерку и нюхали табак (маленькая дочь княгини Черкасской [11-летняя Варвара] делала это так мило, что все восхищались); иные целовали Его Высочество, что начал молодой Долгоруков. (с. 331) Но лучше всех сделал генерал Ягужинский, который был последним: заметив, что некоторые не участвовавшие в танце смеялись, когда в кругу целовали дам или когда дамы должны были целовать кавалеров, он вышел из круга и перецеловал всех зрительниц, которые, так неожиданно пойманные, уже не смели отказываться целовать его и других.

Этим танцем бал окончился. Герцог, простясь с хозяином, хозяйкой и всем обществом, уехал домой... <...>

[с. 329-331]

<...>

10 [июня]. <...> Хотя был постный день герцога, однако ж он обещал приехать на обед к барону Шафирову, которому не мог отказать, и потому отложил свой пост до другого дня в неделе. Часов в двенадцать Его Высочество поехал туда с тайными советниками и знатнейшими кавалерами своего двора и нашел там очень большое общество, состоявшее из здешних и иностранных министров. Обед был великолепный и особенно отличался превосходнейшими винами, какие только возможны и каких, как известно, нет ни у кого в России, кроме вице-канцлера. Кушанья подавались у него все на серебре и были отлично приготовлены на немецкий манер поварами графа Кинского, его соседа. Как за столом, так и после очень сильно пили. Его Высочество оставался там до 5 часов и был чрезвычайно весел, что старого хозяина (т[о] е[сть] вице-канцлера) немало радовало, особенно когда герцог понуждал общество пить и сам начинал провозглашать разные тосты. Оттуда Его Высочество поехал в рощу... <...>

[с. 396]

<...>

2 [сентября]. <...> После обеда я ездил верхом к князю Меншикову, Ягужинскому, Шафирову, [Андрею] Остерману и князь-кесарю [Ромодановскому], чтобы пригласить их на послезавтра в сад на обед к Его Высочеству; но из них одни по нездоровью не могли сказать мне ничего верного, а других вовсе не было в городе или дома, так что я ни от кого не добился положительного ответа, будут они или нет.

[с. 424]

<...>

28 [ноября]. Герцог около полудня в сопровождении обоих тайных советников [Бассевича и Геспена], Альфреда, Штамке, Бонде, Плате, Тиха и меня отправился к вице-канцлеру Шафирову. По приезде туда Его Высочество узнал, что жена молодого Шафирова [Евдокия]

совершенно неожиданно поутру разрешилась от бремени сыном, почему тотчас и поздравил отца и деда новорожденного. Обедало у них 18 человек, именно все иностранные министры и еще кое-кто из иностранцев; но из русских не было никого, кроме самого хозяина и старого князя [Григория] Долгорукова, который с ним в родстве, потому что сын его [Сергей] женат на [Марфе] Шафировой. Все было очень хорошо; но лучше всего были превосходные вина, в особенности венгерское, которого подавали три сорта. Хозяин узнал, что князь Меншиков перед тайным советником Бассевичем и некоторыми другими отзывался о нем в очень сильных выражениях, а потому обратился к тайному советнику и спрашивал в особенности, правда ли, будто князь говорил, что когда приедет император, его, вице-канцлера, закуют еще в железа. Потом тут же тотчас прибавил, что еще неизвестно, кто из них больше заслужил оковы; что хотя Меншиков и имперский князь, однако ж нет ни малейшего сомнения, что император, если заблагорассудит, точно так же прикажет отрубить голову Меншикову, как и ему, вовсе не требуя на то позволения от Германской империи, – и высказал еще немало подобных жестких слов. Так как тайному советнику Бассевичу ничего так не хотелось, как видеть обоих этих господ опять в добром согласии, то он, уж конечно, не подтвердил ему, что слышал все это от князя, напротив – всячески старался разубедить его и успокоить. Его Высочество остался здесь до 5 часов и был в отличном, веселом расположении духа, что очень радовало нашего старого хозяина. От него он (с. 467) поехал прямо на обыкновенный еженедельный концерт... <...>

29 [ноября]. <...> Поутру тайный советник Бассевич приглашал к Его Высочеству на завтра к обеду всех андреевских кавалеров по случаю дня св. Андрея. <...>

30 [ноября]. <...> (с. 468) <...> В 12 часов гости один за другим съехались; но ... обедать сели только семь находившихся здесь андреевских кавалеров, именно: Его Королевское Высочество – наш герцог, князь Меншиков, великий канцлер Головкин, вице-канцлер Шафиров, генерал-фельдцейхмейстер Брюс, князь [Григорий] Долгоруков (сенатор и бывший посол в Варшаве) и генерал от инфантерии Аллар, потом обер-прокурор Писарев, здешний тайный

советник Остерман, шведский граф и генерал-лейтенант Ферзен, капитан Измайлов (состоящий при особе Его Высочества) и конференции советник Альфельд, который был двенадцатым... <...> Так как кавалерам ордена предстояло ехать еще в шесть мест (в этот день принято бывать у всех наличных кавалеров и у каждого обедать), <...> они условились между собою – чтобы не ездить так страшно далеко – делать свои визиты друг к другу по порядку, смотря по тому, кто ближе живет. Обыкновенно тот, к кому общество тотчас должно отправляться, за четверть часа или ранее уезжает домой вперед, чтобы все приготовить для приема гостей. В 2 часа князь Меншиков поднялся от нас, и кавалеры поехали к генералу Аллару, живущему в Немецкой слободе, в нашем соседстве... <...>

От Аллара кавалеры отправились к барону Шафирову, куда, однако ж, не явились ни князь Меншиков, ни великий канцлер Головкин, хотя он, уходя от генерала Аллара, убедительно просил их быть у него. Генерал-лейтенант Ферзен против воли также не попал к нему, потому что ездил с обер-прокурором Писаревым (который также не в ладу с вице-канцлером и тоже не был там) и, следовательно, должен был следовать туда, куда ему хотелось, а тот отправился с князем Меншиковым и Головкиным к Брюсу, (с. 469) где они снова поджидали прочих. Барон Шафиров опять угощал отлично и в особенности подавал превосходнейшие вина. Но его очень рассердило, что те трое, несмотря на личную его просьбу, все-таки не приехали; он всячески клялся, что если бы они только были у него, то и он в этот день не задумался бы быть у них, но что теперь ни за что не поедет ни к одному. Многие из гостей не советовали ему делать этого; но он отвечал, что, если поедет к ним, они, пожалуй, еще вообразят себе, да и других станут уверять, что он их боится. Так как общество у него было не очень велико, то гости не держались трех установленных стаканов, а распили по крайней мере пять или шесть, в чем несколько помогли и дамы, потому что старая баронесса [Анна Шафирова] также вышла со своею незамужнею дочерью [Марией] и села с кавалерами и прочими господами.

Вскоре после того, как генерал-фельдцейхмейстер Брюс отправился вперед домой, кавалеры последовали за ним, и у него

мы нашли опять трех вышеупомянутых господ, т[о] е[сть] князя Меншикова, великого канцлера и Писарева. <...>

[с. 468–469]

<...>

27 [*февраля* (1723 года. – А. П.)]. <...> Дом, который он (П.П. Шафиров. – А. П.) имел здесь, уже подарен графу Толстому. <...>

[с. 511]

<...>

(Берхгольц Фридрих Вильгельм. Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1726 / вступ. ст. И. В. Курукина; коммент. К. А. Залесского, В. Е. Климанова, И. В. Курукина. М.: Кучково поле; Ретроспектива, 2018. С. 258, 329–331, 396, 424, 466–469, 511.)

№ 18

Из походного императорского журнала за 1723 г.

<...>

Генварь.

<...>

В 3-й день. По утру Его Величество паки поехал славить; и славили сперва на Чистом пруде у иноземца Миллера и кушали у него, а потом у Тайного Действительного Советника Барона Шафирова. День был с утра вьюжен, а пополудни прочистилось и было солнечное сияние и небольшой ветерок, а к ночи паки гораздо ветрено.

<...>

(Камер-фур'ерскій походный журнал 1723 года. СПб.: [б.и.], 1855. С. 2.)

№ 19

1723 г., февраля 13. – Приговор Вышнего суда на Генеральном дворе в селе Преображенском под Москвой обвиняемому Петру Павловичу Шафирову с личной конфирмацией Императора Всероссийского Петра I¹

¹ Документ написан от руки скорописью черными чернилами на четырех листах бумаги книжной ориентации размером 20,5×33 см (на первых трех из них – на обеих

1723 февраля в 13 день, по указу его императорского величества, на Генералном дворе, присутствующии господа сенаторы, генералитет, штап и обер афицеры от гвардии, слушав сих выписок, рассудили о делах барона Петра Шафирова следующее.

(1)¹ Что в прошлом, 722-м году, в сентябре месяце, в Сенате, под выпискою, учиненную о даче брату ево, Михаилу Шафирову, жалованья – велел он, барон Шафиров, секретарю Кирееву бес согласия сенацкого подписать приговор, в котором не толко о надлежащем вычете не помянуто, но и сверх того – приказал ему, Кирееву, чрез указ, о выдаче лишняго жалованья на сентябрьскую треть написать, о чем и челобитья ево, Михайлова, не было, и в выписке того не прописано.

Потом, (2) взяв тое выписку у помянутого секретаря² (л. 263 об.) Киреева с тем написанным приговором и не объявля о том обер прокурору – вымышленно двум сенатором с прошением к закрепе предложил. И, хотя он, барон Шафиров, в приписке того излишняго жалованья прежде запирался и тем оно-го Киреева до пытки довел, а после пытки ево, ведая в том свою неправость, пред его императорским величеством повинился, а в повинной написал, что на означенную треть излишнее брату своему жалованье Кирееву в приговор приписать он велел, бутто бы по вопросу его, а Киреев ис пытки в том утвердился, что оную речь написал он в приговоре по ево, барона

сторонах, а на четвертом – только на лицевой стороне), подшитых вместе с другими листами в книгу с жестким переплетом и кожаной обложкой. На лицевой стороне первой обложки, на небольшом наклеенном листке бумаги, от руки синими чернилами написан заголовок: «Дело, следованное в Москве на Генералном дворе о Петре Шафирове, о Григорье Писареве... [далее прзб.]». На лицевой стороне седьмой страницы книги, помеченной как л. 9 (первые шесть страниц книги пустые), написан второй заголовок (в пять строк): «Дело Петра Шафирова з Григорием Скорняковым Писаревым, следовано в Москве на Генералном дворе; 1723 года». По листам документа – скрепа дьяка Григория Горлова (на лицевых сторонах первого, второго и третьего листов, на левом поле, примерно посередине высоты): на л. 263 – «Гри», на л. 264 – «го», на л. 265 – «рей», а в конце документа – «Горлов». Документ написан 13 разными почерками.

¹ Данный номер пункта, как и все последующие номера, написаны по единому образцу – (:1).

² В левом нижнем углу лицевой стороны первого листа (л. 263) написано слово «записано» – почерком, отличающимся от других почерков.

Шафирова велению – и по тому видно, что он, барон Шафиров, хотя вину свою в том и признал, однако ж не истинною объявил. Того ради она повинная ево не действительна, ибо ему, барону Шафирову, яко поверенному сенатору, хотя по вопросу (л. 264) или без вопросу – без согласия протчих сенаторов секретарю приказывать о излишней брату ево даче сверх прошения в приговор писать весма не надлежало. А понеже он, барон Шафиров, в таком малом деле, забыв свою присягу, не яко сенатор, противно указу и должности поступил, но яко хищник или тать учинил, чего не толко ему, такой поверенной персоне, но и нижним канцелярским служителям весма чинить было не довелось – и за то преступление согласно приговорили: движимое и недвижимое ево, барона Шафирова, имение взять на его императорское величество.

(3) Он же, барон Шафиров, когда в Сенате слушали выписку и приговор разслуждали о почте – в то время по приказу сенаторов и по высылке обер прокурора не толко он вон не вышел, но и поносною бранью (264 об.) ево, обер прокурора бранил, и вором называл, и великой крик и шум учинил, чего было в таком освященном месте чинить ему весма не надлежало, которым криком и протчих дел слушанья оstonовил, как о том во свидетельство и господа сенаторы под присягою сказали, да и сам он, барон Шафиров, в том вину свою признал и повинною объявил. А по должности сенацкой, по 10 пункту, никому в Сенате позволено розговоры иметь о посторонних делах, которые не касающа, к службе его величества, меньше ж кому дерзновение иметь з безделными шутками являтца. Но надобно ведать, что есть оное место сочинено, где поступать подобает, со всякою надлежащею учтивостию, понеже Сенат собирается вместо присудствия его императорского величества персоны.

(4) Он же, барон (л. 265) Шафиров, не толко должность свою охранил, но еще и противность указу учинил, а имянно: в то время, как обер прокурор его императорского величества указ в сенате читал, 1720-го году генваря 5 дня – тогда он, барон Шафиров, говорил, якобы оной указ к тому не следует,

а по тому указу, судьям при разсуждении дел, и до сродников их касающихся, быть не допущено; то колми паче, ему, барону Шафирову, при слушании собственного своего дела тут быть не прилично, ибо то почтовое дело точно касалось до него, барона. И потому он, барон Шафиров, явился не токмо в вине преслушания, но и в противном толковании его величества указу. И что он, барон Шафиров, тот указ, не в той силе, как оной выдан, но инако толковал, то и допросом своим (265 об.) явно показал. И когда обер прокурор тот указ ему чел, то он не толко что послушал, но и с жестокостию отказал, что он ево не слушает, и вон не идет. И в том явился ведением и волею явной преступник указу. А в указе его величества, 1722-го году, апреля 17 дня, которой представлен на столах судебных, написано, дабы никто не дерзал иным образом всякия дела вершить и располагать не против Регламента, не отговариваяся ничем, ниже толкуя инако. Буде же кто оной указ претупит под какую отговоркою ни есть, то, яко нарушитель прав государственных и противник власти – казнен будет смертью без всякия пощады. И чтоб никто не надеялся ни на какия свои заслуги, ежели в сию вину впадет. А понеже он, барон Шафиров во оную вину самоизвольно впал – того ради и приговорили (л. 266) согласно: за вышепоказанныя вины ево, барона Шафирова, по содержанию вышеписанного его величества указу, по отнятии чинов и ковалерии – казнить смертью. А о имени ево учинить по вышеписанному определению¹.

Александр Бредихин, Алексей Баскаков, Семен Блеклов, Иван Воейков, Иван Дмитриев Мамонов, г. м. Головин, граф Андрей Матвеев, граф Иван Мусин Пушкин, Иван Бутурлин, граф Иаков Брюс².

¹ Основной текст документа, от самого его начала до данного места, написан одним почерком.

² Данный перечень имен представляет собой росписи-автографы всех десяти членов Вышнего суда на Генеральном дворе в с. Преображенском. Каждый из автографов представляет собой написанную фамилию с именем или титулом (чином). Автографы написаны теми же черными чернилами, какими написан основной текст, но разными почерками. Каждая строчка представлена двумя автографами.

Конфирмация: Учинить все по сему, кроме действительной смерти, но сослать на Лену¹.

Скрепя: Григорей Горлов².

РГАДА. Ф. 24-8. Оп. 1. Д. 300. Л. 263–266. Рукопись. Подлинник.

№ 20

1723 г., февраля 15. – Указ Высшего суда на Генеральном дворе в селе Преображенском под Москвой в Правительствующий Сенат о конфискации движимого и недвижимого имущества Петра Павловича Шафирова, признанного виновным в государственных преступлениях³

(л. 273) Правительствующий Сенат.

Сего февраля 13 дня нынешняго 1723-го году на Генеральном дворе, в присутствии, его императорское величество указал: у барона Петра Шафирова за преслушание и преступление его величества указов и за другия ево вины – движимое и недвижимое ево имение в великороссийских и в малороссийских городех, и в новозавоеванных правинцах, а имянно – поместья и вотчины, грунты и маетности с людьми и со крестьяны и со всеми к ним надлежащими угоди, так же дворы московския, и Санкт-Петербургския, и в других городех, и прочее, где что явитца за ним, Шафировым – все без остатку отписать на его императорское величество⁴.

¹ Конфирмация написана (собственноручно императором Петром I) теми же черными чернилами, какими написан основной текст, но другим почерком – более небрежным и корявым, чем почерк основного текста.

² Фамилия Горлов написана в правом нижнем углу лицевой стороны последнего листа (теми же самыми чернилами и почерком, какими написан основной текст). Имя распавшегося («Григорей») разбито по листам на три слога, каждый из которых написан теми же чернилами и почерком на лицевой стороне первых трех листов, на левом поле: «Гри» – на лицевой стороне первого (л. 263), «го» – второго (л. 264), а «рей» – третьего листа (л. 265).

³ Документ написан от руки скорописью черными чернилами на обеих сторонах листа бумаги книжной ориентации (размером 20,5×33 см), подшитого вместе с другими листами в книгу (о книге см. в первом примечании к № 19). Документ написан тремя разными почерками.

⁴ В левом нижнем углу лицевой стороны первого листа (л. 273) написано и подчеркнуто слово «записано» – почерком, отличающимся от других почерков.

(л. 273 об.) И об отписке вышепомянутого¹ движимаго и нежви- жимаго ево, Шафирова, имения, куда надлежит, послать его импе- раторского величества указы².

Так за приписанием:

Генерала³ господина Бутурлина, генерала майора господ Дмитрия Мамонова, Бригадира господ Воейкова, полковника Блеклова, капитанов Басакова и Бредихина.

На генеральном дворе, фев. 15 дня, 1723 году.

Послано лейб гвардии салдатом Преображенского полку седмой роты Спиридоном Грибоедовым⁴.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 300. Л. 273–273 об. *Рукопись. Подлинник.*

№ 21

1723 г., февраль [15?]. – Копия указа императора всероссийского Петра I о замене осужденному Петру Павловичу Шафирову смертной казни ссылкой в Якутск с лишением его всех чинов и с конфискацией всего имущества⁵

Копия.

Его императорское величество, милосердя о тебе и напоминая прежние твои службы, казнить смертью тебя не указал, но вме- сто смерти указал дать тебе живот, а честь твою и чины отнять и сослать тебя в Сибирь на Лену, в город Якуцк, а движимое и не- движимое твое имение взять на его императорское величество.

Помета: Подлинно и за приписью дьяка Григорья Горлова.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 300. Л. 272. *Рукопись. Подлинник.*

¹ Слово переправлено из слова «вышеписанного»: последние девять букв первоначаль- ного слова зачеркнуты, а выше них, над строчкой, написано «помянутого».

² Далее зачеркнуто: «из Сената».

³ Далее зачеркнуто: «Мо».

⁴ Окончание текста начиная со слов «Так за приписанием» написано почерком, отлича- ющимся от остальных почерков (небрежным и не очень разборчивым).

⁵ Документ написан от руки скорописью черными чернилами на лицевой стороне ли- ста бумаги книжной ориентации (размером 20,5×33 см), подшитого вместе с другими листами в книгу (о книге см. в первом примечании к № 19). Документ написан одним почерком.

№ 22

1723 г., февраля 24. – Указ императора всероссийского Петра I Сенату о передаче конфискованного московского двора Петра Павловича Шафирова действительному тайному советнику Петру Андреевичу Толстому¹

февраль²

<...>

24 день.

В сенат.

Двор Петра Шафирова, которой на Мясницькой улице в Земляном городе, в приходе у церкви Трех Святителей, с каменным и деревянным (л. 23 об.) строением³ – велите отдать тайному действительному советнику Петру Толстому со внутренними уборами, то есть столами, стульями и абаями.

РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 16. Л. 23–23 об. Рукопись. Копия.

№ 23

1723 г., марта 13. – Указ императора всероссийского Петра I обер-коменданту Москвы Ивану Петровичу Измайлову о передаче виноградного вина из конфискованного московского двора Петра Павловича Шафирова в дворцовую канцелярию⁴

¹ Документ написан от руки скорописью на обеих сторонах листа бумаги книжной ориентации (в нижней части лицевой стороны и вверху оборотной), переплетенного вместе с другими листами в книгу с заголовком «Книга Записная писмам Его Императорского величества. 1723». В части книги, содержащей данный документ, страницы (как лицевые, так и оборотные стороны листов) имеют поля слева, отделенные от основной части текста одинарными вертикальными линиями, прочерченными по линейке. Линии, отделяющие поля, являются левой границей текстового блока страницы (в котором находятся и заголовки указов). На полях написаны названия месяцев и цифровые обозначения дня. Документ написан одним почерком.

² Название месяца написано вверху левой страницы (л. 23), в левом верхнем ее углу. Ниже, на левом же поле, обозначены (цифрами) числа месяца, когда вышел тот или иной указ (каждое такое число проставлено на левом поле перед строчкой заголовка указа).

³ Слева на поле, в левом верхнем углу оборотной стороны листа, повторно написано: февраль.

⁴ Документ написан от руки скорописью на лицевой стороне листа бумаги книжной ориентации, переплетенного вместе с другими листами в книгу (о книге и ее полях см. в первом примечании к № 22). Документ написан одним почерком.

Март¹.

<...>

в 13 день.

К обор каменданту Ивану Измайлову.

По получении сего объяви на Москве капитану от гвардии князю Шеховскому, которой описывал дворы Шафирова, или иному, кто имеет ныне в ведении те дворы и пожитки ево, Шафирова, чтоб все виноградныя вина, что есть по описи налицо – отдали в дворцовую канцелярию Маеору Елагину.

РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 16. Л. 26. Рукопись. Копия.

№ 24

1723 г., марта 14. – Указ императора всероссийского Петра I генерал-аншефу князю Михаилу Михайловичу Голицыну о выдаче по бочке вина из конфискованного двора Петра Павловича Шафирова обер-гофмейстеру Матвею Дмитриевичу Олсуфьеву и императорскому денщику Василию Петровичу Поспелову²

Март.

<...>

в 14 день.

К Генералу князю Михаилу Голицыну.

Из описного вина в доме Шафирова вели отдать обор гоф мейстеру нашему Матвею Олсуфьеву, да денщику нашему Василью Поспелову, по одной бочке куфе.

– отдать³.

РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 16. Л. 26 об. Рукопись. Копия.

¹ Название месяца написано вверху левого поля страницы (л. 26), в левом верхнем ее углу. Окончание слова заходит на линию разграничения поля. Ниже, на левом поле, обозначены (цифрами) числа месяца, когда вышел тот или иной указ (каждое такое число поставлено на левом поле перед строчкой заголовка указа).

² Документ написан от руки скорописью на оборотной стороне листа бумаги книжной ориентации, переплетенного вместе с другими листами в книгу (о книге и ее полях см. в первом примечании к № 22). На полях написаны цифровые обозначения дня, а месяцы в данной части книги – посередине основного поля. Документ написан одним почерком.

³ Слово «отдать» представляет собой резолюцию Петра I, воспроизведенную копийстом на отдельной строчке внизу. Слева от данной резолюции, на левом поле, помета: «рукою Государевою» (помета подчеркнута пунктирной линией). Такой же пунктирной линией подчеркнут и сам текст резолюции (слово «отдать» в центральном поле).

МОСКОВСКИЕ ПАЛАТЫ ЮСУПОВЫХ
В ПЕРЕПИСКЕ КНЯЗЯ Ф. Ф. ЮСУПОВА-МЛАДШЕГО
И КНЯГИНИ З. Н. ЮСУПОВОЙ С АРХИТЕКТОРОМ
Н. В. СУЛТАНОВЫМ

Савельев Юрий Ростиславович,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва

Аннотация. В изучении истории создания новых интерьеров дворца князей Юсуповых в Москве большая роль принадлежит архивным источникам, среди которых важнейшее место занимает переписка заказчиков, князя и княгини Юсуповых, с архитектором Н. В. Султановым – крупнейшим мастером и теоретиком этого стиля. Письма содержат уникальные данные о рождении замысла таких важных интерьеров дворца, как церковь и столовая, таких элементов ансамбля, как новый парадный двор. Наряду с этим в переписке упоминаются и произведения декоративного искусства, ранее неизвестный интерьер авторства Н. В. Султанова в Санкт-Петербурге, а также названия фирм, занимавшихся обстановкой интерьеров дворца.

Ключевые слова. Русский стиль. Архитектор Н. В. Султанов. Князь Ф. Ф. Юсупов. Княгиня З. Н. Юсупова. Дворец Юсуповых в Москве. Историзм в искусстве. Искусство интерьера.

THE MOSCOW YUSUPOV PALACE IN THE
CORRESPONDENCE OF PRINCE F. F. YUSUPOV
AND PRINCESS Z. N. YUSUPOVA WITH ARCHITECT
N. V. SULTANOV

Yuri R. Saveliev,
Lomonosov Moscow State University, Moscow

Annotation. In the study of the history of the creation of new interiors of the palace of Princes Yusupov in Moscow, an important role belongs to archival sources, among which a very important place belongs to the correspondence of customers, Prince and Princess Yusupov, with architect N. V. Sultanov – one of the most important masters and theorists of this style. The letters contain unique data about the origin of the idea of such important interiors of the palace as the church and dining room, such elements of the ensemble as the new main courtyard. Along with this, works of decorative art, previously unknown interior authorship of N. V. Sultanov in St. Petersburg are also mentioned, as well as the names of companies engaged in furnishing the interiors of the palace.

Keywords. Russian style. Architect N. V. Sultanov. Prince F. F. Yusupov. Princess Z. N. Yusupova. Yusupov Palace in Moscow. Historicism in art. Interior art.

С осени 1891 г. перестройкой парадных интерьеров дворца князей Юсуповых в Большом Харитоньевском переулке занимался известный мастер русского стиля и знаток древнерусского зодчества Н. В. Султанов (1850–1908). Наряду с довольно подробными, ежедневными записями в дневнике архитектора важным источником для воссоздания творческого процесса работы над великолепными интерьерами русского стиля и ансамбля надворных построек служит переписка князя и княгини Юсуповых с Н. В. Султановым.

Будучи источником бесценных фактов профессионального и творческого характера, включающими единственные на сегодняшний день данные о создании предметов обстановки и интерьера, письма характеризуют ту доверительную атмосферу взаимного уважения и пиетета перед традициями национального искусства, в которой довелось работать зодчему. Большинство писем адресовано князю Ф. Ф. Юсупову, из чего можно сделать вывод о том, что именно ему принадлежало решающее слово в утверждении проектных рисунков и выполненных работ, а также в их финансировании.

В первом же письме речь идет о предметах декоративного искусства: тарелке по мотивам XVII в. и столовых приборах в этом же стиле. Благодаря упоминанию в письме текста надписи и рисунка тарелки, их сопоставлению с предметом из частной коллекции стало возможным атрибутировать это произведение как выполненное по рисунку Н. В. Султанова и заказанное ему князем Ф. Ф. Юсуповым.

К этому же письму прилагались рисунки ножа и вилки XVII в., послужившие, вероятно, образцом для находившихся во дворце Юсуповых столовых приборов, которые можно видеть на архивной фотографии. Здесь мы еще раз убеждаемся в верности Н. В. Султанова главному методу стиля историзм: в основе создаваемых им произведений лежали исторические прототипы, которые тем не менее не копировались, а творчески переосмысливались в духе искусства конца XIX в.

Зодчий обсуждал с заказчиком все детали художественного убранства. Так, в письме от 12 декабря 1892 г. приводится

новый текст надписи в столовой, который согласовывался с князем Ф. Ф. Юсуповым после его исправления.

В письмах Н. В. Султанова, содержащих отчеты о потраченных средствах, упоминаются имена подрядчиков, выполнявших разные виды художественных работ. Прежде всего, это московские мебельные фирмы А. И. Шмита, Т. В. Соловьева, С. В. Казаковой. Бронзовые изделия заказывались на фабриках А. М. Постникова и наследников И. П. Хлебникова. Особенно тесные творческие связи существовали у Н. В. Султанова с фабрикой И. П. Хлебникова, где он размещал заказы почти для всех своих строительных объектов. Также в переписке упоминается изразцовое производство Капитона Федоровича Турчанинова.

Мебель для дворца закупалась не только в Венеции, но частично и у московских антикваров. Благодаря переписке мы узнаём о приобретении, сделанном по желанию княгини З. Н. Юсуповой, древнего шкафа в магазине Ф. В. Веркмейстера.

Большой интерес представляет собой письмо от 14 апреля 1893 г., адресованное князю Ф. Ф. Юсупову, в котором накануне летнего строительного сезона зодчий предлагает свой план организации нового парадного двора, предполагавшегося со стороны Трехсвятительского переулка. Благодаря осуществлению этого проекта главным стал северный фасад усадьбы, а напротив южного с открытым крыльцом был высажен фруктовый сад. Примечательно, что в качестве архитектурного аналога зодчий приводит парадный двор Александрійского дворца генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича: «Сделать между домом и “трехсвятительским” въездом большой круг из газона, как в Нескучном»¹.

Столь же большое значение для истории создания домово́й церкви во дворце имеет письмо на имя княгини З. Н. Юсуповой от 1 сентября 1893 г. В нем Н. В. Султанов подробно описывает план устройства храма и свои замыслы относительно его стиля: «Что касается до характера храма, то принимая во внимание, что дом Ваш представляет собою прекрасный памятник русского гражданского зодчества конца XVII столетия, я полагаю необходимым

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 4433. Л. 26–28 об.

устроить его в стиле того же времени, в силу чего проектированный мною иконостас является почти дословным повторением наших русских иконостасов конца XVII века»¹. В письме на имя князя Ф. Ф. Юсупова, написанном через два года, когда строительные работы подходили к концу, говорится об освящении церкви и приглашении для этого духовника великого князя Сергея Александровича о. Константина Зверева.

Как следует из переписки, князь и княгиня были в восторге от созданных по проекту Н. В. Султанова интерьеров дворца, что не раз подтверждали как именитые гости, так и осматривавшие здание депутаты проводившихся в Москве архитектурных и археологических съездов.

Благодаря введению в научный обиход этой переписки появилась возможность атрибутировать еще одно неизвестное ранее произведение, выполненное Н. В. Султановым по заказу князя Ф. Ф. Юсупова. В 1904 г. князь был назначен командиром лейб-гвардии Кавалергардского полка. В петербургских казармах полка на Шпалерной улице имелось просторное сводчатое помещение командирской столовой, которую князь задумал превратить в «боярскую палату» XVII в. и пригласил Н. В. Султанова для создания нового интерьера по подобию Большой Столовой палаты своего московского дворца. В богатый позолоченный растительный орнамент на красном фоне вплетались медальоны с изображением исторических атрибутов кавалергардов: касок, штангартов, наград и т. д. Изразцовая печь, горки с серебряной посудой, обивка дверей и мебель по древнерусским образцам служили дополнением изысканного убранства зала, которое имело много общего со стилистикой московских палат Юсуповых.

Основной объем публикуемой переписки хранится в фонде Юсуповых в РГАДА. Благодаря многолетней работе автора с эпистолярным наследием Н. В. Султанова выявлены также письма по этой тематике из рукописного архива ИИМК РАН (1893) и РГАЛИ (1902), которые органично вошли в хронологический ряд публикуемых документов.

¹ Архив ИИМК РАН. Ф. 16. Д. 29. Л. 11.

Переписка князя Ф. Ф. Юсупова и княгини З. Н. Юсуповой с архитектором Н. В. Султановым. 1892–1908 гг.¹

1. Н. В. Султанов – Ф. Ф. Юсупову. 17 октября 1892 г.

Глубокоуважаемый князь Феликс Феликсович,

С этою почтою посылаю Вам рисунок тарелки. Он – точная копия с тарелки царя Алексея Михайловича, с тою только разницею, что там по середине орел, а я поместил льва из Вашего герба с Вашими общими инициалами. Кроме того, я изменил также надпись и сделал такую: «Московского, что в Огородниках, дома князей Юсуповых». «Князей», а не «князя», потому что это указывает на целый «ряд» князей, то есть, иными словами, на «родовой» дом, а не случайно купленный одним лицом.

Я присоединил также, на всякий случай, рисунки ножа и вилки XVII в., хотя, впрочем, их могут исполнить лучше у нас в России, чем за границей.

Городской Голова внял моим мольбам и сдержал свое слово: вода городского водопровода уже подведена к Вашему дому.

Денег у меня теперь в наличности 10.365 р., а так как предстоят платежи по вентиляции и отоплению, по электричеству и мебели Казаковой, которую я ожидаю на днях, то Вы изволили бы сделать мне большое одолжение, если бы приказали перевести еще тысячу десять-пятнадцать.

Усерднейше прошу Вас передать мой самый низкий поклон Княгине Зинаиде Николаевне и принять уверение в моем совершенном почтении и преданности, с коими имею честь быть Ваш всепочтеннейший слуга Н. Султанов.

РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 4433. Л. 29–30.

2. Н. В. Султанов – Ф. Ф. Юсупову. 3 декабря 1892 г.

Глубокоуважаемый Князь Феликс Феликсович,

Я хотел в субботу встретить Вас и Княгиню Зинаиду Николаевну в Одинцове, но, к несчастью, утром у меня заседание Комиссии

¹ Публикация и примечания Ю. Р. Савельева и Л. И. Шохина.

по дому генерал-губернатора¹, и потому я позволяю себе не лично, а письменно обратиться к Вам с моею усерднейшей просьбой.

Дело в том, что в субботу я должен ехать по делам службы в Петербург, до четверга я пробуду там. Между тем я крайне не желал бы, чтобы Вы изволили пожаловать в дом в мое отсутствие. Вот почему я, в виде особенного для меня одолжения, просил бы Вас произвести осмотр работ не ранее второй половины будущей недели, то есть не ранее четверга, 10-го декабря. Тогда я мог бы сделать некоторые приготовления к Вашему приезду.

С чувством глубочайшего уважения и истинной преданности имею честь быть Ваш всепокорнейший слуга Н. Султанов.

РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 4433. Л. 23–23 об.

3. Н. В. Султанов – Ф. Ф. Юсупову. 10 декабря 1892 г.

Глубокоуважаемый Князь Феликс Феликсович,

Я сегодня вернулся в Москву и, услышав, что Вы изволите пожаловать в дом, пробыл на работах до 4-х. Конечно, мне не надо было этого делать, потому что я не имел непосредственного уведомления о Вашем приезде, виноват сам я. Тем не менее, решаюсь беспокоить Вас моей всепокорнейшей просьбою. Не откажите приказать сообщить мне, когда Вы изволите предполагать пожаловать на работы.

С чувством глубочайшего уважения и истинной преданности имею честь быть Ваш всепокорнейший слуга Н. Султанов.

РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 4433. Л. 24–24 об.

4. Н. В. Султанов – Ф. Ф. Юсупову. Москва. 11 декабря 1892 г.

Глубокоуважаемый Князь Феликс Феликсович,

Письмо Ваше меня в полном смысле воскресило: я думал, что Вы на меня очень сердитесь за то, что работы так затянулись, хотя, впрочем, совершенно против моей воли. Теперь же вижу, что у меня есть маленькая надежда, если не на прощенье, то, по крайней мере, на снисхождение.

---

¹ В начале 1890-х гг. по проекту Н. В. Султанова перестраивались интерьеры дома генерал-губернатора Москвы на Тверской улице для великого князя Сергея Александровича.

Затем, хотя мне это очень неприятно, я снова должен беспокоить Вас моею просьбою. Не откажите перенести осмотр работ с 17-го на 19-ое декабря или позже. Дело в том, что 17-го декабря пятидесятилетний юбилей нашего Института¹, моей «alma mater», которая выкормила меня как архитектора. Вечером – товарищеский обед в Дворянском Собрании, на котором будут не только мои одноклассники буквально со всех концов России, но и представители восемнадцати поколений моих собственных питомцев. Вы, как военный, отлично поймете меня. Князь, как тяжело было бы мне отказаться от такого праздника, а потому позвольте выехать в Москву из П[етер]бурга 18-го. Если же Вам не угодно на это дать Вашего разрешения, я все брошу и 17-го буду ожидать Вас в доме.

С чувством глубочайшего уважения и истинной преданности имею честь быть Ваш всепокорнейший слуга Н. Султанов.

P. S. Глубоко благодарен за любезную присылку об «тарелке».

РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 4433. Л. 1–2 об.

5. Н. В. Султанов – Ф. Ф. Юсупову. 12 декабря 1892 г.

Глубокоуважаемый Князь Феликс Феликсович,

Перед самым отъездом Вашим за границу я имел честь представить Вам надпись, которую предположено поместить в столовую, в память возобновления дома. Но Вы изволили сделать тогда некоторые поправки, – прилагаю ее теперь в новом, переделанном виде. Благоволите окончательно исправить редакцию, если что-либо окажется не так, и не откажите приказать переслать мне эту надпись обратно, так как мы торопимся исполнить ее на месте.

С чувством глубочайшего уважения и истинной преданности имею честь быть Ваш всепокорнейший слуга Н. Султанов.

«В лето от рождения Бога – Слова 1727-ое пожалованы сии палаты в Бозе почившим Императором Петром Алексеевичем

¹ Институт гражданских инженеров императора Николая I (ИГИ) (с 1842 до 1882 г. – Строительное училище). Н. В. Султанов окончил его в 1873 г. и был оставлен для преподавания истории архитектуры. С ИГИ была связана вся его жизнь. Он был преподавателем, профессором, директором ИГИ (1895–1903 гг.). После избрания председателем Техническо-строительного комитета МВД его на этом посту сменил В. В. Эвальд (1903–1906 гг.), а затем ученик Н. В. Султанова В. А. Косяков (1906–1921 гг.).

Подполковнику гвардии Преображенского полка, Генерал-Аншефу и Сенатору, Князю Григорию Дмитриевичу Юсупову¹; а в лета 1892-ое и 1893-ье при державе Благоверного Императора Александра III Александровича вся России возобновлены сии палаты Князем Юсуповым, Графом Феликсом Феликсовичем Сумароковым-Эльстоном и супругою его Княгинею Зинаидою Николаевною».

РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 4433. Л. 3–5 об.

6. Н. В. Султанов – Ф. Ф. Юсупову. 13 декабря 1892 г.

Глубокоуважаемый Князь Феликс Феликсович,

Мне каждый день приходится беспокоить Вас моими письмами, но простите, ради Бога, являются постоянно новые вопросы. Дело в том, что из 75.000 р[ублей] с[еребром], переведенных Вами, у меня еще остается неизрасходованных 17.000 р.с., так как я выдавал деньги крайне осторожно. Но теперь почти готова вся мебель у Шмита (около 6000 р.), у Соловьева (около 5000 р.), доставлена мебель Казаковой (тоже около 5000 р.), готово мно[го] слесарного прибора из полированного железа, сломан флигель по приказанию Княгини Зинаиды Николаевны, скоро будет готова железная решетка с воротами в Трехсвятительский тупичок, подходит к концу изготовление разной бронзы, заказанной Постникову и Хлебникову, заканчивается парадная лестница, а следовательно, все чисто «строительные» работы, наконец, почти совсем готова стенопись во всем 2-м этаже. Все эти подрядчики, несомненно, запросят денег к празднику, 17.000 руб. будет мало, а потому благоволите, если можно, приказать перевести остальные 25.000 р., назначенные Вами на расход нынешнего года.

С чувством глубочайшего уважения и истинной преданности имею честь быть Ваш всепокорнейший слуга Н. Султанов.

РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 4433. Л. 6–7 об.

¹ Князь Григорий Дмитриевич Юсупов (1676–1730), один из сподвижников Петра I, после смерти которого он способствовал упрочению абсолютизма, противник Верховного тайного совета.

7. Н. В. Султанов – Ф. Ф. Юсупову.**Телеграмма из Петербурга в Архангельское 24 декабря 1892 г.**

Приношу Вам, Князь, мою глубочайшую благодарность за Ваше чудное письмо. Оно и беленькая коробочка радуют меня несказанно. Еще раз благодарю Вас и Княгиню Зинаиду Николаевну за Ваше теплое бодрящее отношение к моей работе и от всего сердца желаю Вам провести праздники вполне светло и безоблачно. [Н. В.] Султанов.

РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 4433. Л. 25.

8. Н. В. Султанов – Ф. Ф. Юсупову. 9 января 1893 г.

Глубокоуважаемый Князь Феликс Феликсович,

Перед праздником я выдал разным подрядчикам по дому 27901 р., после чего у меня оставалось на текущем счету 1924 р. Из них я уплатил заводу Турчанинова 400 р., слесарной мастерской Барасова – 500 р. и купил по приказанию Княгини Зинаиды Николаевны у Веркмейстера¹ древний шкаф за 750 р[ублей] с[еребром]. Таким образом, у меня теперь всего около 250 р.с. Благоволите, если можно, приказать перевести мне те 5000 р.с., которые Вы изволили обещать перевести на строительные расходы прошлого года. Я очень желал бы иметь этот перевод в четверг на будущей неделе, т. е. 14-го января, потому что я обещал заводу Кузнецова произвести ему выдачу 15-го января.

Простите, что вечно беспокою Вас моими просьбами, но меня вынуждает к этому самое дело. Сегодня я уезжаю в Петербург и вернусь 14-го, пробуду в Москве четверг, пятницу и субботу.

С чувством глубочайшего уважения и истинной преданности имею честь быть Ваш всепокорнейший слуга Н. Султанов.

РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 4433. Л. 8–9.

---

¹ Федор Викентьевич Веркмейстер, известный московский антиквар, его магазин, вначале находившийся на Воздвиженке, а затем в Леонтьевском переулке, располагал предметами русской старины, и владелец был приглашен для участия в VIII Археологическом съезде в Историческом музее.

9. Н. В. Султанов – Ф. Ф. Юсупову. 14 апреля 1893 г.

Глубокоуважаемый Князь Феликс Феликсович,

Перебирая сегодня мысленно все те вопросы, которые Вы изволили решить вчера вместе с Княгиней Зинаидой Николаевной, я пришел к тому убеждению, что еще многое не решено, а потому простите мне мое бесконечное письмо.

Во 1-х, я не знаю Вашего решения относительно канализации двора. По моему мнению, она необходима. Петр Васильевич того же мнения. Выгоды ее несомненны: двор будет всегда сух и, кроме того, все воды от ванн, прачечной, раковин, ледника и обоих паровых котлов будут бесплатно уходить в городскую трубу вместо того, чтобы их по дорогой цене вывозить бочками. В случае утвердительного ответа с Вашей стороны я должен немедленно начать хлопоты в Думе.

Во 2-х, чем мостить двор около дома с «трехсвятительской» стороны? Асфальт и булыжная мостовая совсем не подходят к характеру дома. В старину люди победнее выстлали свои дворы досками или торцовой мостовой, а позажиточнее – каменной лещадью, как это и до сих пор еще уцелело на соборной площадке в Кремле и у палат бояр Романовых. Думаю, что последнее было бы самое подходящее, тем более, что стоять это будет, вероятно, недорого: после того, как Власовский¹ заставил всю Москву сделать асфальтовые тротуары, можно купить очень недорого старой тротуарной плиты.

Затем, согласно приказанию княгини Зинаиды Николаевны, позволяю себе представить мое предположение о переустройстве двора. Нет сомнения, что та часть двора, которая обращена к Харитоньевскому переулку, была прежде «красным», то есть парадным двором. Теперь, вследствие устройства новой парадной лестницы, «красным» двором стала «трехсвятительская» сторона, которая поэтому непременно должна быть приведена в порядок. Мне кажется, что надо сломать сараи и оба надворные флигеля: первые – по необычайной ветхости, а вторые – потому что их все

¹ Власовский Александр Александрович (1842–1899), московский обер-полицеймейстер в 1891–1896 гг., уволен после Ходынской катастрофы в 1896 г.

равно придется ломать в недалеком будущем, так как ремонт деревянных строений в этой части Москвы «воспрещается законом». После этого сделать между домом и «трехсвятительским» въездом большой круг из газона, как в Нескучном, а около ворот построить в стиле дома два новых полукруглых одноэтажных каменных флигеля. В правом сделать квартиры для служащих, а в левом все службы, т. е. конюшни, сараи, прачечную, ледник и помещение для электрической машины, но так, чтобы все двери и частью окна этих помещений выходили на второй двор. Существующие со стороны Харитоньевского переуллка ворота надо заделать, а вместо них выстроить новые, в стиле дома, в правом углу, с теремком наподобие Крутицкого, фотографию которого прилагаю. Тогда экипажам будет очень удобно циркулировать по направлениям, показанным на плане стрелками. Вдоль скучнейшего забора с правой стороны можно будет сделать дорожку и обсадить ее быстрорастущими кудрявыми деревьями, напр[имер], тополями.

Чтобы «осмыслить» открытую наружную лестницу, у которой мы отняли назначение «красного» крыльца, необходимо с «харитоньевской» стороны дома разбить сад, который должен быть отделен низенькою железною решеткою от правого проезда. Затем вопрос, каким его делать? Если в характере дома, т. е. XVII века, то он должен иметь исключительно «полезный» характер. Дорожек должно быть всего две: одна вокруг и одна поперек; все прочее пространство должно быть засажено преимущественно плодовыми деревьями и ягодными кустами. Вот список растений, находившихся в конце XVII в. в «красных» набережных садах царского дворца: «яблони, груши, дули, грецкий орех, виноград, вишня, крыжовник, смородина, барбарис, малина, сливы, пионы, тюльпаны, розы белые, красные и желтые, гвоздика, сирень, нарциссы, желтые лилии, шалфей, маерам, базилик, чабер и укроп». Так как, по всей вероятности, Княгиня Зинаида Николаевна не пожелает иметь такого чересчур «археологического» сада, то можно будет сделать просто газоновые лужайки, разделенные неправильными дорожками, вроде того, как показано на чертеже, и посадить на них низкорастущие кусты, дабы они не закрывали дома.

Быть может, в Воскресенье Вы изволите мне что-нибудь разрешить из всех этих вопросов.

Короны на портале и на рамах уже исправляются. Что же касается до камней <...> которые Вы приказали заменить или «левиными» или «чем-нибудь иным», то я предположил налево камень заменить шестиугольной звездой, а направо – полумесяцем, так как обе эти эмблемы имеются в Вашем новом гербе. Как Вы это находите?

С чувством глубочайшего уважения и истинной преданности имею честь быть Ваш всепокорнейший слуга Н. Султанов.

P. S. Благоволите приказать прислать из Архангельского металлические кронштейны для наружных фонарей парадного подъезда, как Вы это изволили обещать в Петербурге.

P. S. S. Фотографию не откажите возвратить, потому что она будет нужна для росписи садовой впадины под Вашим кабинетом.

РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 4433. Л. 26–28 об.

10. Н. В. Султанов – З. Н. Юсуповой. 1 сентября 1893 г.

Милостивая государыня княгиня Зинаида Николаевна,

Осмотрев, согласно желания Вашего Сиятельства, помещение, предназначаемое Вами для устройства в доме Вашем, состоящем в Москве Яузской части 1-го участка в Большом Харитоньевском пер[еулке] домово́й церкви, я нашел их соответствующими их будущему назначению на основании следующих соображений.

1). Помещаясь в верхнем этаже дома, они будут находиться выше всякого жилья, что вполне соответствует святости места.

2). Будучи поставлены на своды, покрыты сами сводами и окружены каменными стенами, как видно из прилагаемых чертежей, они представляют собой помещение вполне безопасное в пожарном отношении.

3). Они состоят из трех отдельных комнат, которые являются как бы нарочно подготовленными для разных частей Вашего будущего домового храма и распределяются так. Первая от входа комната (на плане лит[ера] «А») может служить притвором храма, где вместе с тем станет свечной ящик. («Е»).

Следующая за ней комната (на плане лит[ера] «Б») должна служить для семейства Вашего Сиятельства во время Богослужения. Будучи соединена с храмом большой открытой аркой, она служит его притвором, она вместе с тем допускает возможность свободного входа и выхода без нарушения благочиния церковной службы.

Наконец, последняя и наибольшая комната (на плане лит[ера] «В») предназначается для устройства самого храма, так как в ней является возможность устроить большой и светлый алтарь («Д»).

Что касается до характера храма, то принимая во внимание, что дом Ваш представляет собою прекрасный памятник русского гражданского зодчества конца XVII столетия, я полагаю необходимым устроить его в стиле того же времени, в силу чего проектированный мною иконостас является почти дословным повторением наших русских иконостасов конца XVII века.

Чертежи на 13-ти форматах и смету на сумму 15000 р[ублей] при сем имею честь приложить.

Прошу Вас принять уверение в моем совершенном почтении и преданности с коими имею честь быть Ваш покорный слуга Н. Султанов.

Архив ИИМК РАН. Ф. 16. Д. 29. Л. 10–11.

11. Н. В. Султанов – Ф. Ф. Юсупову.

Телеграмма из Москвы в Петербург. 6 февраля 1895 г.

По поручению членов Второго съезда русских заводчиков, осматривавших Ваш московский дом, имею честь представить Вашему Сиятельству их глубокую благодарность. [Н. В.] Султанов.

РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 4433. Л. 10.

12. Н. В. Султанов – Ф. Ф. Юсупову.

Телеграмма из Москвы в Петербург. 16 марта 1895 г.

На каком поезде могу встретить завтра Ваше Сиятельство и Княгиню Зинаиду Николаевну? [Н. В.] Султанов.

РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 4433. Л. 11.

13. Н. В. Султанов – Ф. Ф. Юсупову. 21 апреля 1895 г., пятница.

Глубокоуважаемый Князь Феликс Феликсович,

Я решил написать это письмо и взять его с собою на случай, если не застану дома Ваше Сиятельство, ибо завтра утром явиться я не могу (должен быть на экзамене), а вечером думаю ехать в Москву.

Я был по Вашему поручению у священника Великого Князя¹ и сообщил ему (пока, конечно, конфиденциально) желание Вашего Сиятельства. Он очень рад принять участие в освящении, устроить все, что нужно и достать антиминос. Но для этого последнего нужно, чтобы Вы потрудились написать ему письмо, в котором бы Вы изволили ему поручить устроить освящение Вашей церкви. Тогда он на основании этого письма может уже официально действовать у своего духовного начальства. Зовут его отцом Константином (Петровичем) Зверевым, живет он в доме Генерал-Губернатора.

Затем, при утверждении сметы на утварь Вы, Ваше Сиятельство, обещали дать в церковь из Вашего старого серебра ковшичек для «теплоты» (т. е. того вина, которым запивают причастье) и блюдо (подносик) к нему. Теперь оно уже нужно, так как должно числиться в описи.

Наконец, по сделанному мною подсчету для окончания счетов по церкви и новым работам дома необходимо еще 19.000–20.000 р. Если для конторы Вашего Сиятельства не удобно было почему-либо ассигновать всю эту сумму разом, то можно ограничиться только 10.000, а остальное к 10-му Мая. Теперь же деньги нужны на необходимые расходы по освящению и на неотложные выдачи в виду того, что многие заказы теперь исполнены и сданы и, следовательно, за них будут очень просить уплаты.

Самое было бы лучшее, если б я мог увезти с собой в Москву и письмо, и ковшик с блюдом, и деньги.

---

¹ Великий князь Сергей Александрович (1857–1905), московский генерал-губернатор с 1891 г. Речь в письме идет об освящении домового храма Свт. Николая Чудотворца и Вкм. Татианы в Б. Харитоньевском переулке в Москве.

С чувством глубочайшего уважения и истинной преданности имею честь быть Вашего Сиятельства всепокорнейший слуга Н. Султанов.

P. S. Если Вашему Сиятельству угодно будет прислать деньги наличными, а не чеком, то нельзя ли приказать доставить их к 3-м часам, дабы я мог успеть сделать именной перевод, везти который гораздо менее риску, чем наличные.

РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 4433. Л. 12–12 об.

14. Н. В. Султанов – Ф. Ф. Юсупову.

Телеграмма из Петербурга в Москву. 21 апреля.

Если описание дома напечатано, не откажите приказать выслать мне один экземпляр Петербург. [Н.В.] Султанов.

РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 4433. Л. 22.

15. Н. В. Султанов – Ф. Ф. Юсупову. 22 июля 1898 г.,

2 часа утра.

Глубокоуважаемый князь Феликс Феликсович,

Письмо мое может показаться Вам немного странным, но, право же, оно не так смешно, как кажется... Я не знаю, как мне благодарить Вас и княгиню за все то, что Вы для меня сделали вчера: подобная оценка труда художника для него – высшая нравственная награда!

Я знаю, что у Вас с Княгиней все есть и что, конечно, моя благодарность Вам вовсе не нужна, но она нужна мне. Когда человеку горько – он плачет, когда ему больно – он кричит, а когда ему «хорошо» – у него является жгучая потребность поблагодарить тех, кто дал ему возможность пережить приятные минуты. Примите же, князь, мою самую искреннюю и самую горячую благодарность Вам и княгине.

Ваш истинный, давний и самый глубокий почитатель Н. Султанов.

P. S. Еще раз простите мне это глупое письмо.

РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 4433. Л. 13–14.

**16. Ф. Ф. Юсупов – Н. В. Султанову. Красные ворота,
22 июля 1898 г.**

Многоуважаемый Николай Владимирович,

Мы очень рады, что нам пришлось, как Вы говорите, доставить Вам громадное удовольствие, пригласив Вас вчера в наш дом. Он Вам, конечно, очень дорог по труду, который Вы в него так сильно и любовно вложили. Ваше письмо мне вполне понятно. Это порыв: душевный и сердечный. А все, что прямо идет от души и сердца – всегда так чисто, искренно и симпатично.

Чистосердечно Ваш Ф. Юсупов.

РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 4433. Л. 15.

17. Ф. Ф. Юсупов – Н. В. Султанову. Архангельское, 22 декабря 1902 г.

Многоуважаемый Николай Владимирович,

Еще раз благодарю Вас от всего сердца за Ваши труды и работы по Московскому дому. Жена в полном восторге. Нужно же Вам отдать справедливость в том, что Вы мастерски справились с этим сложным и трудным делом. Прошу принять пока чек в пять тысяч рублей. Эту сумму мне так приятно передать в руки: труда, искусства и энергии.

Желаю Вам счастливого года и до скорого свидания.

Уважающий Вас князь Юсупов-Сумароков.

РГАЛИ. Ф. 2428. Оп. 1. Ед. хр. 150. Л. 1.

18. Н. В. Султанов – Ф. Ф. Юсупову.

Телеграмма из Медыни в Царское Село. 6 июля 1904 г.

Поздравляю Вас, князь, и княгиню с днем Вашего Ангела. Горько сожалею, что лишен возможности сделать это лично. Желаю всех благ, здоровья и радостей. Н. Султанов.

РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 4433. Л. 16.

19. Н. В. Султанов – Ф. Ф. Юсупову. 27 августа 1904 г.

Глубокоуважаемый Князь Феликс Феликсович,

Я сегодня вернулся из деревни и нашел у себя следующие принадлежности кавалергардской формы: 1) каску, 2) кирасу и 3) палаш. Но этого слишком мало, чтобы сделать сколько-нибудь

«живописную» группу. Получается просто повторение выставки магазина офицерских вещей. По-моему, необходимо дополнить ее следующими вещами: 1) лядункой с перевязью, 2) португеей палаша, 3) эполетами, 4) перчатками с нарукавьями, 5) шпорами, 6) пистолетами или револьверами, которые помещаются в кобурах, и 7) карабином, если он применяется в пешем строе.

Затем, на каске есть звезда. Не звезда ли это какого-либо определенного ордена, исключительно связанного с Кавалергардским полком? Если это так, то лентой этого ордена можно было бы прекрасно воспользоваться как декоративным мотивом.

Наконец, не разрешите ли Вы поместить всю эту арматуру не на гладком поле доски, а на кавалергардском вальтрапе¹, что было бы гораздо живописнее? В этом последнем случае для большого богатства группы можно бы прибавить уздечку с мундштуком и подковы.

Вот вопросы, о которых я очень желал бы безотлагательно переговорить с Вами. В виду того краткого срока, который Вы изволили назначить, мне необходимо страшно спешить, и я желал бы сделать рисунок поскорее. В понедельник – праздник, и я очень желал бы посвятить его именно этой работе. Сегодня и завтра, начиная с 6-ти часов вечера, я располагаю своим временем. Не откажите дать мне четверть часа, здесь или в Царском, как Вам удобнее. Кроме того, есть и другие детали, о которых нужно узнать Ваше решение, дабы немедленно начать работы. Сегодня с 1-су до 5-ти я в Комитете², куда ответ мне можно дать по телефону № 5514. Простите за беспокойство, но оно вызывается самим делом.

С чувством глубочайшего уважения и истинной преданности имею честь быть Ваш всепокорнейший слуга Н. Султанов.

Р. S. Простите за «нескладное» письмо: писал ночью, очень усталый с дороги.

Р. S. S. Не откажите засвидетельствовать чувства, моего глубочайшего уважения княгине Зинаиде Николаевне.

РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Л. 4433. Л. 17–18 об.

¹ Вальтрап – чепрак, который кладут как под седло, так и поверх седла.

² В 1903–1908 гг. Н. В. Султанов возглавлял Техническо-строительный комитет Министерства внутренних дел.

20. Ф. Ф. Юсупов – Н. В. Султанову. Кореиз, 10 октября 1904 г.

Многоуважаемый Николай Владимирович,

Я Вам вчера телеграфировал: «год прошу поставить, надпись вышлю отдельно».

Мне кажется, что год следует поставить так, чтобы он не бросался в глаза. Подпись же в столовой могла бы быть следующей: «Подписана сия столовая палата иждивением командующего Кавалергардским Ея Величества полком полковником Князем Феликсом Феликсовичем Юсуповым Графом Сумароковым Эльстоном» и год; но мы сделаем лучше такую надпись. «Чару пить, – здраву быть, другую пить – ум веселить, утроить – ум устроити; учетверити – ум погубити, много пити – без ума быти». (Писалось на братинах)¹.

Что же касается портрета Петра, то мы его повесим только на другой день приезда, нужно будет сперва все осмотреть. Думаем приехать 11 числа в ноябре.

Засим пожелаю Вам всего, всего хорошего: остаюсь искренне Ваш. Ф. Юсупов.

P. S. Для палаты и моего кабинета куплены два образа [св.] Захария и [св.] Елисаветы – простые.

РГАЛИ. Ф. 2428. Оп. 1. Д. 150. Л. 3–3 об.

21. Н. В. Султанов – Ф. Ф. Юсупову.**Телеграмма в Петербург, 4 апреля 1907 г.**

Поздравляю Вас, князь, и княгиню Зинаиду Николаевну с днем Вашей серебряной свадьбы. Горячо желаю Вам встретить так же счастливо золотую. [Н.В.] Султанов.

РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 4433. Л. 19.

¹ Благодаря сопоставлению этого текста и фотографии из фотоархива музея «Архангельское» О. В. Мачугина установила, что речь в этом и предыдущем письмах идет об интерьере в казармах лейб-гвардии Кавалергардского полка в Санкт-Петербурге, выполненном Н. В. Султановым по заказу Ф. Ф. Юсупова. Князь Ф. Ф. Юсупов был назначен в 1904 г. командиром этого полка. См.: *Мачугина О. В.* От старой атрибуции к новой. Опыт исследования исторической фотографии в Государственном музее-усадьбе «Архангельское». С. 2–4 [Электронный ресурс] // Архангельское. Материалы и исследования. Вып. 3. URL: https://arhangelское.su/the_museum/library/ot-staroy-atributsii-k-novoy-opyt-issledovaniya-istoricheskoy-fotografii-v-gosudarstvennom-muzee-usadybe (дата обращения: 27.02.23).

22. Н. В. Султанов – З. Н. Юсуповой. 13 марта 1908 г.

Глубокоуважаемая Княгиня Зинаида Николаевна,

Я видел вчера камеры отопления Вашего дома. Они содержатся настолько чисто, «насколько это допускает первоначальное их устройство», к сожалению, далеко не удовлетворительное. Камеры внутри не отделаны изразцами, которые всегда можно держать в совершенной чистоте, а представляют собою шероховатую поверхность, отчасти кирпичную, а отчасти плохо оштукатуренную, на которой осаждается масса пыли и грязи. Затем, по словам истопника, в доме есть притоки для холодного воздуха столь незначительных размеров, что в них проникнуть нельзя, и которые не чищены с самого устройства отопления, т. е. лет пятнадцать. Наконец, воздушный фильтр, который я видел вчера же, был черен от пыли и грязи с обеих сторон. Отсюда, мне кажется, ясно, что копоть в Ваших помещениях идет не от приборов отопления, а обуславливается тем, что самый воздух поступает в дом уже загрязненный.

Увлажнительный прибор мне показали всего один, что, конечно, страшно мало для такого огромного помещения как то, которое Вы изволите занимать.

Таковы мои выводы при первом осмотре. Быть может, они окажутся недостаточно обоснованными при подробном изучении вопроса, но оно возможно лишь тогда, когда дом будет переведен на летнее положение, т. е. иными словами, свободен и доступен для осмотра во всех частях.

Мне думается, что недостатки отопления могут быть значительно ослаблены соответственными исправлениями без замены всей существующей системы новой. Но я боюсь это утверждать до полного и подробного осмотра.

Как я уже говорил, я считаю одним из лучших специалистов по вентиляции и отоплению профессора нашего Института Бронислава Казимировича Правдзика¹. Как только он вернется из Феодосии, я сейчас же попрошу его к Вам явиться.

---

¹ Правдзик Бронислав Казимирович (1862–1923), профессор Инженерно-санитарного факультета Института гражданских инженеров (ИГИ). Крупнейший специалист в области инженерного оборудования зданий. В 1921–1922 гг. – директор ИГИ.

Примите уверение в моем глубочайшем уважении и истинной преданности. Ваш всепокорнейший слуга Н. Султанов.

Р. С. Благоволите передать князю Феликсу Феликсовичу мой самый низкий поклон.

РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 3331. Л. 1–2 об.

23. Н. В. Султанов – Ф. Ф. Юсупову.

Телеграмма из Медыни в Петербург, 28 июня 1908 г.

Всем сердцем и душою скорблю за Вас и княгиню Зинаиду Николаевну. Пошли Вам, Господи, сил перенести Ваше тяжкое горе¹.

[Н. В.] Султанов.

РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 4433. Л. 20.

24. Н. В. Султанов – Ф. Ф. Юсупову.

Телеграмма из Медыни в Петербург, 28 июня 1908 г.

Половине июля надеюсь быть Архангельском.

[Н. В.] Султанов.

РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 4433. Л. 21.

---

¹ Старший сын князя Ф. Ф. Юсупова и княгини З. Н. Юсуповой, Николай Феликсович (1883–1908), погиб на дуэли 22 июня 1908 г.

Литература

- Савельев Ю. Р.* Николай Султанов. СПб., 2003.
- Савельев Ю. Р.* Николай Владимирович Султанов. Портрет архитектора эпохи историзма. СПб.: Лики России, 2009.
- Савельев Ю. Р.* Николай Султанов. Архитектурное наследие России. М.: Изд. дом Руденцовых, 2015.

Архивные источники

- Архив ИИМК РАН. Ф. 16. Н. В. Султанов. Д. 29. Переписка по охране и реставрации памятников зодчества (04.07.1885–26.06.1908).
- РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 4433. Письма и телеграммы Султанова Николая Владимировича. 11.12.1892–28.06.1908.
- РГАЛИ. Ф. 2428. Султанов Николай Владимирович (1850–1908) – архитектор. Оп. 1. Д. 150. Письма Юсупова Феликса Феликсовича Н. В. Султанову. 22 декабря 1902 – 10 октября 1904.

Электронные ресурсы

- Мачугина О. В.* От старой атрибуции к новой. Опыт исследования исторической фотографии в Государственном музее-усадьбе «Архангельское». С. 2–4 [Электронный ресурс] // Архангельское. Материалы и исследования. Вып. 3. URL: https://arhangelskoe.su/the_museum/library/ot-staroy-atributsii-k-novoy-opyt-issledovaniya-istoricheskoy-fotografii-v-gosudarstvennom-muzee-usa (дата обращения: 27.02.23).

ИЗ СЕМЕЙНОЙ ПЕРЕПИСКИ ЮСУПОВЫХ
(ПИСЬМА Ф. Ф. ЮСУПОВА-МЛАДШЕГО З. Н. ЮСУПОВОЙ,
АПРЕЛЬ – ИЮЛЬ 1917 ГОДА)

Стрижова Наталья Борисовна,
Государственный исторический музей, Москва

Аннотация. Публикуемые восемь писем Ф. Ф. Юсупов-младший адресовал матери, княгине З. Н. Юсуповой. Написанные с апреля по июль 1917 г., они свидетельствуют о событиях Февральской революции в Петрограде и Москве. Волей обстоятельств Юсупов стал не только очевидцем, но и деятельным участником Февральской революции. А причастность князя к заговору против Распутина принесла ему огромную популярность в русском обществе.

Ключевые слова. Русский князь. Юсупов. Переписка. Революция. Лазарет. Власть. Правительство. 1917 год.

THE PART OF THE YUSUPOVS' FAMILY
CORRESPONDENCE (LETTERS OF F. F. YUSUPOV JR.
TO Z. N. YUSUPOVA, APRIL–JULY 1917)

Strizhova Natalia Borisovna,
The State Historical Museum, Moscow

Annotation. The selection of eight letters of F. F. Yusupov Jr we publish was addressed to his mother, Princess Z. N. Yusupova. Written from April to July 1917, they testify to the events of the February Revolution in Petrograd and Moscow. By the will of circumstances, Yusupov became not only an eyewitness, but also an active participant in the February Revolution. And the prince's involvement in the conspiracy against Rasputin brought him immense popularity in Russian society.

Keywords. Russian prince. Yusupov. Correspondence. Revolution. Infirmary. Power. Government. 1917.

Публикуемые здесь восемь писем князя Феликса Феликсовича Юсупова-младшего матери княгине Зинаиде Николаевне Юсуповой от 22 апреля до 24 июля 1917 г. хранятся в отделе письменных источников Государственного исторического музея, в фонде Юсуповых (ОПИ ГИМ. Ф. 411. Ед. хр. 17). Их переписка шла достаточно интенсивно, так как жившая в Кореизе в своем крымском имении княгиня желала быть в курсе всего, что происходило в Петрограде. Ее интересовали вопросы, связанные с состоянием дел в юсуповском лазарете для раненых, волновали проблемы, связанные с княжеским домом на Мойке, и, конечно же, интересовали новости политики. Не надеясь на точность доходивших до Кореиза известий, она ждала писем сына.

Открыто излагать свое мнение было небезопасно, и Ф. Юсупов старался его завуалировать. Так, сообщая сведения об известных деятелях, часто заменял их подлинные имена вымышленными либо прозвищами. Тем не менее Юсуповы избегали пересылки писем по почте, а старались воспользоваться услугами надежных лиц.

Письма Феликса к матери подчас напоминают отчеты. В каждом письме – сообщения о лазарете. Затем политика. Юсупов подробно освещает события, связанные с тремя правительственными кризисами, демонстрациями, настроениями в обществе. В письме он в деталях описывает, как депутация Кексгольмского резервного полка предложила князю передать дом на Мойке под казарму и как Юсупов смог разрешить эту проблему. В письме князя из Москвы от 4 июня 1917 г. мы читаем о состоянии дома Юсуповых в Большом Харитоньевском переулке. Но как бы ни были любопытны свидетельства очевидца и участника событий Февральской революции, значительно интереснее то, что письма открывают нам князя с новой, неизвестной до сих пор стороны.

Вскоре после участия в заговоре против Распутина Феликса Юсупова выслали в одно из имений семьи – Ракитное в Курской губернии. В марте 1917 г. по политической амнистии, объявленной Временным правительством, князь смог выехать оттуда в Крым, а затем отправился в Петроград.

И если в ссылку отправился потомок одного из блестящих родов Российской империи, герой светских хроник, англоман и поклонник

Оскара Уайльда, женатый на одной из первых красавиц столицы и родной племяннице императора, то в Петроград, по мнению многих, вернулся национальный герой, биографию которого печатали газеты. Письма и телеграммы со словами восхищения поступком князя летели на юсуповский адрес, без преувеличения, со всех концов России. Сотни людей приходили к поезду, в котором Юсупов возвращался в Петроград. Такой же восторженный прием оказали ему и давние друзья.

Благодаря публикуемым письмам мы узнаём, что круг общения Феликса Юсупова быстро менялся. Он сообщает матери, что в их дом на Мойке приходят генералы, офицеры, солдаты, представители многих партий и каждый ждет беседы с князем, поддержки, помощи. Среди новых знакомых были и те, кого он называет «серьезными людьми»: генерал Мадритов, политики М. В. Родзянко, Н. Н. Львов, В. В. Шульгин.

В одном из писем мы читаем, что князя прочили в императоры в случае восстановления монархии. Юсупов также писал, что негласно сотрудничает с контрразведкой. Жизнь его стала невероятно насыщенной событиями, как никогда раньше. Феликса и Ирину Юсуповых ждали в Крыму родители и маленькая дочь, но 22 июля 1917 г. он писал матери: «Вообще тут так интересно все, что видишь и слышишь, что, если бы не вы, то мы ни за что бы не приехали».

Письма Ф. Ф. Юсупова-младшего З. Н. Юсуповой (апрель – июнь 1917 г.)

1.

22 апреля 1917 г.

Дорогая Мама,

Очень благодарю за твое длинное письмо. Грустно то, что ты пишешь про Беби¹. Я так надеялся, что она будет утешением для тебя. 1-го мая мы с Федором² выезжаем. Эти дни одни из самых серьезных.

¹ Беби (Ирина Феликсовна), дочь Феликса Феликсовича и Ирины Александровны Юсуповых.

² Федор Александрович, родной брат И. А. Юсуповой, шурин Ф. Ф. Юсупова.

Решается судьба. Третьего дня Правительство висело на волоске. Вчера оно вышло победителем, но надолго ли?

Сейчас был у Рыгуновых, он¹ меня изводит своей ограниченностью и апломбом. Чем все это кончится – трудно сказать, но есть, все-таки, луч надежды. С фронта известия лучше. Большие силы германцев переводятся на союзников. Вчера была в Петрограде маленькая резня, убили мало. Солдаты возмущены ленинцами, но, к сожалению, не все. Рабочие стреляли разрывными пулями.

Теперь новая мода: насильно занимать чужие дома, на островах уже много дач, занятых солдатами. Ко мне на днях явилась депутация от Гексгольмского полка², прося отдать дом³ для казарм. Правительство *бессильно* что-нибудь сделать. Мне удалось убедить их найти более подходящее помещение. Сегодня так, а завтра может быть иначе, тем более, что я уеду, и некому будет с ними разговаривать, поэтому я решил отдать *всю нижнюю часть* дома под мобилизационный отдел Генерального штаба. Это все люди надежные, у них много тайных бумаг и всюду будут караулы и часовые. Ночевать никто из них не будет, а ночью дом будет охраняться. Во всех отношениях, это лучший выход из того положения. С завтрашнего дня я приступаю к устройству помещений. В доме будут находиться только офицеры и писари Генерального штаба.

Дел у меня очень много. Масса народу приходит ко мне советоваться. Генералы, офицеры, солдаты разных партий и взглядов. Я из дома почти не выхожу.

Что касается лазарета, то о сестре Аленовой и речи быть не может. Теперь такое время, что идти против течения совершенно невозможно. В лазарете⁴ все благополучно, и только мелкие бывают истории незначительного свойства. Поэтому я сказал собрать

¹ Вероятно, речь идет о М. В. Родзянко.

² Кексгольмский полк.

³ Речь идет о дворце Юсуповых на набережной Мойки, 94.

⁴ Имеется в виду лазарет для раненых офицеров и солдат, организованный еще в начале Первой мировой войны под покровительством Юсуповых. Находился в Петрограде во дворце Юсуповых на Литейном проспекте. Помимо этого, с начала войны в их усадьбе в Кореизе (Южный берег Крыма) действовал санаторий для реабилитации раненых.

общее заседание, и чтобы они решили сами, кого хотят выбрать старшей сестрой.

Единогласно выбрана Яковлева, и в лазарете тишина и спокойствие. Очень прошу не принимать никаких мер, так как всё, в общем, висит на волоске, и малейший протест может вызвать большие недоразумения.

В Москве прямо рай, и очень советуют приехать туда. Настроение самое бодрое, хотя отлично сознают всю серьезность положения.

Ради Бога, не падай слишком духом. У меня очень сильное чувство, что, несмотря на все ужасы, не скоро еще, но всё будет терпимо.

Умоляю, не имей слишком сношений с [Чанрам?].

Когда идет шкурный вопрос, сентиментальничать нельзя. Надо больше молиться, а не отчаиваться.

Храни вас Господь. Крепко-крепко вас целую, а обо мне не беспокойтесь, Феликс.

Л. 1–3 об.

2.

Москва

4-го июня

Дорогая Мама,

Вот уже 4 дня, как мы в Москве. Были несколько раз на Ордынке¹. Здоровье ее² хорошо, много работы только в стенах Обители. Валентина³ страшно нервна и суетлива. У них удивительная

¹ На Ордынке находится Марфо-Мариинская обитель.

² Речь идет о великой княгине Елизавете Федоровне, Елизавета Александра Луиза Алиса, принцесса Гессенская (1864–1918), российская благотворительница. Сестра императрицы Александры Федоровны. В 1884 г. венчана с великим князем Сергеем Александровичем. В 1891 г. приняла православие. Спустя год организовала и возглавила Елизаветинское благотворительное общество, главной задачей которого было оказание помощи детям из бедных семей, детям заключенных и сиротам. После убийства мужа в 1905 г. ушла от светской жизни. В 1909 г. основала Марфо-Мариинскую обитель милосердия. В 1910 г. приняла монашеский постриг и звание настоятельницы обители. В апреле 1918 г. арестована, вывезена на Урал и 18 июля убита в Алапаевске. Причислена к лику святых Русской православной церкви в 1992 г.

³ Гордеева Валентина Сергеевна (1862?–1931). До замужества – фрейлина императрицы Марии Федоровны. С 1910 г. – казначей Марфо-Мариинской обители. После ареста великой княгини руководила обителью, арестована и выслана из Москвы.

атмосфера. События на них не оставили никакого следа. Работа кипит, как в муравейнике. Политикой никто не занимается, но вместе с тем, относятся к ней сознательно. Верят, что все в жизни к лучшему, и вера эта для них – большая нравственная поддержка. В действительности это именно так и есть. Это не самообман, а закон духовной природы.

Вчера ездили в Кусково к Сабуровым, как там красиво. Были у старой графини Воронцовой, она ужасно потрясена смертью Ирины Долгорукой, хочет взять Воронцовских детей к себе. Ее сын приезжал в Москву, но она его не приняла. Живем мы у себя в комнатах. Елена Каткова все время в Петрограде, а дети ее – здесь. Зыбиус тут, а дети – у матери Алеши в Новгородской губернии. Мари Рейтерн в Петрограде, была здесь всего один день, дочь ее уехала в Крым, а младший сын с воспитателем живет у нас. Я их перевел наверх, одного – в комнату няни, другого – в бывшую ванную. А то они жили в одной маленькой комнате внизу, выходящей в сад, там сыро и ужасно темно. Обедаем и завтракаем дома. Мяса совсем нет. Вообще трудно что-нибудь достать, так что Архангельское нас кормит. Мы едем туда завтра, тетя Гла¹ там, здоровье ее лучше. Видел Лода. Говорит, что настроение очень хорошее кругом, и даже крестьяне объявили, что если хозяева приедут, то они будут их охранять от дурных людей. Образовался исполнительный комитет, председателем выбран учитель ремесленной школы. Бурей побита масса деревьев в лесах, в парке, к счастью мало.

В городе очень грязно, но порядок всюду образцовый. Милиция одета очень хорошо, почти как городовые. Много конной милиции.

Дом² осматривал комиссар, и сказал, что отнюдь занимать его нельзя, так как это музей, так что он не допустит никакого насилия, часть флигеля и конюшни заняты под склад. Архангельский дом тоже в безопасности и в ведении Земского союза.

Только что вернулись от обедни на Ордынке. После службы она показывала нам все свое учреждение. Ирине очень понравилось.

¹ Так в оригинале.

² Речь идет об осмотре московского дома Юсуповых в Большом Харитоньевском пер., 10, в котором остановились тогда Ф. Ф. и И. А. Юсуповы.

Говеть я пока отложил. Трудно совместить. Дело Зайцева, про которое я тебе говорил, заинтересовало очень многих московских деятелей, и надеюсь, будет проба в печати.

Мы оба здоровы. Крепко-крепко вас целуем. Что делает Беби и вспоминает ли нас?

7-го уезжаем в Петроград. Скажи Михаилу Ивановичу, что наш разговор с ним может принять очень благоприятный оборот, но что пока надо сидеть спокойно и ждать, во что всё это выльется. Инициатива должна исходить из литейного лазарета, но, ни в коем случае, из корейского санатория. Еще раз крепко-крепко целую, Феликс.

Л. 4–5 об.

3.

Петроград
18-го июня 1917 г.

Дорогая Мама,

На днях уезжает Алексей из Москвы, а сегодня едет туда Корнеев, с которым я и посылаю это письмо. По почте посылать не стоит. На днях получил письмо из Крыма, которое шло 14 дней. Телеграммы идут тоже долго. Я все свои телеграммы тебе посылаю срочными, и до сих пор от тебя получил только одну. Сегодня страшный день, которого боятся, начиная с правительства и кончая самой последней судомойкой. Паника тут ужасная. Уже третий день, как целые семьи уезжают под разными предлогами: одни говорят, что у них дела, другие находят, что воздух в Петрограде такой скверный, что им необходимо ехать в деревню. Бимбо¹ прибежал к нам вчера и говорил, что он уезжает на эти дни, так как сделался страшно раздражительным, и не ручается за себя, в случае беспорядков он может выхватить пистолет и кого-нибудь убить. Этим он может подвести свою семью, и поэтому уезжает. Как тебе

¹ Бимбо – великий князь Николай Михайлович (1859–1919), общественный деятель, российский историк, генерал от инфантерии (1913), почетный член Петербургской АН (1898). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба. В 1875–1904 гг. – на военной службе. Исследователь, автор работ по истории России начала XIX в. Инициатор подготовки и издатель Московского, Петербургского Русского провинциального некрополей. Приветствовал Февральскую революцию. Расстрелян большевиками в 1919 г.

нравится? История с письмом¹ возмутительная, но все-таки, благодаря ему выяснилась вся эта история, и очевидно, документы скоро будут возвращены обратно². Всюду заметна усталость.

Сегодняшний день очень знаменателен. Большевики совсем провалились. Трусость всех манифестантов невероятна. Кто-то в толпе крикнул: «Казачи!» – и все бросились бежать в разные стороны. Сейчас у меня был комендант, очень милый, и он все время о нас заботится. Он рассказывал, что манифестация носит жалкий характер, и что много комичных фактов. Один из них, Половцов³, ехал на Марсово поле и по дороге перегнал какой-то полк, который шел вольно. Он спросил их, почему они идут в таком беспорядке, они ответили, что у них нет офицеров. Тогда Половцов предложил им вести их, кричали «Ура!», он шел во главе, но когда они пришли на Марсово поле, то Половцов повернулся к солдатам и вдруг, в ужасе, увидел, что за ним стоят плакаты: «Долой Временное правительство» и т. д. Другой забавный случай, шла процессия детей с плакатом, на котором было написано: «Долой родителей! Да здравствует синемаграф».

Бимбо видим редко и никаких дел с ним не имеем. Много бывает у нас народу. Мадритов⁴ был несколько раз, очень советует не посылать письма к твоему другу [Чулкову?], имеет на это очень веские данные, и мы решили сами повезти письмо Грозному с помощью Нюши, которая там и останется. У Мадритова я тоже был и долго

¹ История с письмом связана со следующими событиями: представители местного Совета проводили обыск у императрицы Марии Федоровны, жившей в то время в Крыму в Ай-Тодоре, в доме дочери великой княгини Ксении Александровны. Обыск вели бесцеремонно и грубо. Изъяли личные письма и записки, дар матери – датское Евангелие. Это событие вызвало возмущение родственников. О происшедшем Ирина Александровна написала великому князю Николаю Михайловичу. Тот передал письмо А. Керенскому. Вопреки ожиданиям, обыски по распоряжению Керенского возобновили.

² Князь Феликс Феликсович Юсупов. Перед изгнанием. 1887–1919. М.: АО «Московский центр искусств», 1993. С. 192–193.

³ Половцов Петр Александрович (1874–1964), генерал-лейтенант (1917), выпускник Николаевской академии Генерального штаба. Главнокомандующий войсками Петроградского военного округа (май – июль 1917 г.). Руководил разгромом демонстрации 4 июля 1917 г. После Октябрьской революции в 1919 г. эмигрировал во Францию.

⁴ Мадритов Александр Семенович (1868 – после 1918), генерал-лейтенант (1915). Выпускник Николаевской академии Генерального штаба. Участник Первой мировой войны. С июля 1917 г. – в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа. В 1918 г. привлекался большевиками к формированию РККА.

с ним говорил. Вблизи все видишь иначе, и скоро будет большое улучшение во всех отношениях. Фанатик-депутат был у меня, но я его просил больше ко мне не приезжать.

Вчера у меня долго сидел матрос, которого ты и вообще все так любишь, и уход которого у вас все так оплакивают. Он на меня произвел великолепное впечатление. Забавно, что такие люди со мной советуются, это, к сожалению, очень знаменательно. Возрождение в будущем Валидольства¹ вне всякого сомнения и, в виду очень многих причин, самые большие шансы имеет хозяин Гюгюса². Об этом со мной говорили люди серьезные, и когда я отрицал возможность этого или говорил, что он ни за какие деньги не согласится, то мне ответили, что даже спрашивать не будут.

Много расскажу при встрече интересного. Я сам вижу, к моему большому сожалению, что именно так и будет рано или поздно. Какой кошмар! Один мне ответил: «Был солдат, который так боялся идти на фронт, что застрелился, чтобы избежать этого».

Эти дни были очень серьезные, и много удалось сделать, чтобы избежать больших неприятностей. Скажи Михаилу Ивановичу, что его дела приняли совсем другую физиономию, и весьма внушительную. Если есть офицеры, которые не знают, что с собою делать, пусть записываются в Военную лигу во дворце Ольги Александровны на Сергиевской.

Получил длиннейшее письмо от Дмитрия³, очень тебе кланяется, здоров, и ему там очень хорошо, и все к нему великолепно относятся.

То, что ты пишешь про бабушку⁴, я нахожу возмутительным упущением со стороны ее окружающих. Ты очень ошибаешься, если думаешь, что прошлое забыто, его помнят все и всюду.

¹ Слово «валидольство» – производное от «валидолы». Так в 1915 г. в письмах сыну Зинаида Николаевна Юсупова называла императорскую чету (император – валидол, императрица – валида). Так Ф. Юсупов назвал монархию.

² Хозяин Гюгюса – никто иной, как сам князь Юсупов. Гюгюс – его любимая собака (именно с Гюгюсом Юсупов изображен на портрете В. Серова).

³ Дмитрий Павлович (1891–1942), великий князь. Сын великого князя Павла Александровича. За участие в заговоре против Распутина выслан в Персию.

⁴ Мария Федоровна (Мария София Фредерика Дагмара), императрица российская, урожд. принцесса Датская (1847–1928). Покровительница Ведомства учреждений императрицы Марии. В эмиграции с 1919 г.

Партия за Правительство растет с каждым днем. Военная лига и есть тот центр, кругом которого надо всем объединяться. Она беспартийная, и ее лозунг – борьба с анархией и поддержка Временному правительству. Она очень сильна и выступит тогда, когда наступит момент. Ужасно страшны разные мелкие организации, которые действуют самостоятельно, и все время хотят выступать активно. Мы с ними ведем яркую борьбу. Фанатика-депутата тоже смирили, и он уезжает.

Твое письмо солидарно с тем, что тут делают. Сон твой не оправдался. Никто меня об этом не спрашивал. Вообще, я более чем осторожен, и ни в каких организациях не участвую и держусь нейтралитета. Жизнь ведем самую спокойную, ни в одном ресторане, ни в одном театре в Москве и тут не были. Днем катаемся и гуляем на островах. У Ирины вид хороший.

В середине июля думаем вернуться на месяц к вам. *Очень жаль*, что вы не хотите ехать в Архангельское и в Москву. Это самое спокойное место во всех отношениях. Матрос мне говорил, что хочет уехать за границу, мне стоило большого труда его убедить этого не делать, и он даже, может быть, вернется к вам, если не получит лучшее место. Он смотрит очень правильно на все и довольно оптимистично на будущее. Говорит, что вся эта каша долго продолжаться не будет, и что ее будет легко устранить, когда наступит долгожданный момент. Он имеет на это данные. Все тесно связано с фронтом, уже в одном месте начинается частичное наступление. Дай Бог, может быть, стадное начало поможет. Перемена настроения громадная. Большевики из сил лезут, чтобы иметь успех, но с каждым днем партия более умеренных растет с невероятной быстротой, и если дойдет до расправы, то успех обеспечен.

Тут вообще смотрят на вещи гораздо лучше, чем месяц тому назад. Медведева¹ я еще не видал, но он, говорят, просыпается. Кого ужасно

---

¹ Медведев – Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924), российский общественный политический деятель, крупный землевладелец, дворянин. Выпускник Пажеского корпуса. Депутат Государственной думы, с 1911 г. – председатель. Тесно связан с придворными кругами. Сторонник сохранения монархии. После Февральской революции возглавлял Временный комитет Государственной думы. После Октябрьской революции отправился на юг России, участвовал в первом кубанском походе Добровольческой армии (1918). В 1920 г. эмигрировал.

ругают – это премьера¹. Называют его «Фланелью». Из твоих друзей тут никого нет, кроме Верки и Соньки и несчастной Рославлевой с сестрой, которую все время режут, и она ужасно страдает. Денег у них совсем нет. Поручения я все твои исполнил.

Лазарет надо постепенно ликвидировать. С каждым днем расходы увеличиваются, много неприятностей, и я думаю, под видом ремонта, прикрыть его на 2–3 месяца. Нежелательный элемент, служащих, отпустить, а остальным дать отпуск. Затем видно будет.

Очень просим чаще телеграфировать, как вы все, как Беби.

Умоляю, не беспокойся и не мучай себя. Нельзя судить только по газетам. Крепко-крепко вас всех целую, Феликс.

Бедный Вотя² очень плох, еле-еле ходит, и вид у него ужасный, стремится к вам, но лучше – нет. Ирина вас всех целует и благодарит вас очень за письмо.

Феликс

Л. 7–11 об.

4.

Петроград,
5 июля 1917 г.

Дорогая Мама,

Это письмо немного запаздывает, так как Корнеев остановится в Ракитном и из газет вы узнаете все то, что у нас делается эти дни.

Умоляю вас не беспокоиться, мы с Ириной *в полной безопасности во всех отношениях*. Все, что было написано в газетах – правильно, не преувеличено, но главного в них вы не найдете. Идет все, как по маслу. Сегодня вечером уже будет V корпус с фронта. Вечером будут окружены дача Дурново и Кшесинской. Среди ленинцев и К^о страшная паника. Их карты теперь открыты для всех, и церемониться больше не будут. Не могли этого сделать раньше, так как не имели достаточно доказательств против них.

¹ Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925), князь, российский политический деятель, крупный землевладелец, юрист, после Февральской революции – глава двух первых кабинетов Временного правительства. Странник решительных мер борьбы с революционным движением. После Октябрьской революции в эмиграции.

² Вотя – Бернов Евгений Иванович (1855–1917), генерал-майор Свиты.

Озлобление против них страшное. Большинство полков на стороне Правительства. Много убитых, до сих пор лежат на улицах. Картина самая ужасная. Большевиков арестовывают сотнями, отнимают автомобили у них и оружие. Дворцовая площадь представляет невероятную картину: она вся переполнена отобранными автомобилями, и во дворе Зимнего дворца сложены все отобранные бомбы, ружья и т. д. На улице стреляли разрывными пулями. Среди казаков значительные потери. Сейчас же ими были посланы телеграммы во все станицы о происшедшем. Негодование страшное. Они этого никогда не простят. На улицах слышны разговоры между солдатами, что пока их обманули ленинцы, что они получали от них деньги, и если знали, на что, то никогда бы их не взяли бы. Просветление растет с каждой минутой. Половцов – на правах диктатора, но руководится Временным правительством. У всех настроение ликующее. Если только Правительство не сделает никаких ошибок, то результат обеспечен.

Хозяин Гюгюса страшно счастлив, он много помогал. Первый день был очень страшен для тех, кто не был во все посвящен. Паника была ужасная. На вокзалах сплошной кошмар, лазарет наш работал во всю. Посылаю тебе список вновь прибывших.

Через несколько дней начнется его ликвидация. Весь персонал распускается, с Жегаловым во главе. Остаются только Берг, Борзилович, две сестры, сиделка и санитар. Через месяц кухня будет готова, и будут открыты только офицерские палаты.

Берг будет старшим врачом. Гаген-Торн останется консультантом. Бружер вернется к нам.

Все это было очень трудно устроить, но все уже сделано. Ты не можешь себе представить, сколько историй мне пришлось разбирать. Были делегации от офицеров, солдат, сиделок, санитаров и персонала. Все умоляли не закрывать лазарет.

Больные офицеры и солдаты плакали. Масса была всяких сплетен, ложных доносов, вообще каша страшная, и я так рад, что всё это за спиной.

В лазарете была комиссия, которая осмотрела его и решила, что мы совершенно правы, что должны делать ремонт.

Потолок в большой зале еле держится. Кожинов вел себя не очень красиво, и я имел с ним тоже очень неприятный разговор.

Воображаю, как вы волнуетесь, вдали все кажется гораздо ужаснее. Нам тут все так ясно, и совсем не страшно. В день рождения Ирины, как раз в день, началась резня на улицах. У нас весь день был переполнен знакомыми, все были в ужасной панике. Было очень комично.

Сухотины живут у нас в столовой Беби. Очень приятно. Она все время играет на всех фортепиано во всем доме. Вечером каждый раз – маленький концерт. Одно наслаждение, они скоро переезжают к себе в Царское. У нас на даче была маленькая кража. Несколько образов из твоей киоты¹ и несколько мелких вещей. Очень трудно было предупредить, так как людей нигде нет. Должен кончать, Корнеев сейчас уезжает.

Крепко целую вас всех. Ужасно быть долго без известий. Но надеюсь вернуться в конце месяца. Телеграфируй чаще Перовой.

Еще раз прошу не беспокоиться и радоваться вместе с нами.

Феликс

Л. 12–14 об.

5.

Петроград,

8-го июля 1917 г.

Дорогая Мама,

Сегодня уезжают дочери княгини Трубецкой, которые привезут тебе это письмо. Наверное, письмо от 6-го, которое везет Корнеев, ты получишь позднее.

Мы переживаем ужасные дни, в особенности, на фронте. Немцы сделали прорыв на 10 верст около Бережан, и захватили сто тысяч наших. Целые полки отказались наступать и сдавались в плен. Керенский экстренно туда выехал. Стоило ему уехать на несколько дней, как его влияние исчезло.

На него одна надежда. Все верят, что он еще сможет спасти положение. Боятся оглашать это событие. Сегодня видел Михаила Ивановича. Он бодр и не теряет надежды.

---

¹ Так в тексте.

Все, что происходит здесь, – в тесной связи с фронтом, немцы прямо гениальны.

Переверзев слишком рано проговорился, и этим всё испортил, т. е. испортил *le coup de théâtre*¹, который мог бы быть потрясающим.

Я все это знаю подробно, так как хозяин Гюгюса участвует *негласно* в контрразведке. Он много дал материалов, связанных с брошюрой, которой открыл глаза на очень многое. Посылаю тебе газету, в которой отмечено то, что знал уже давно, и что объясняет до некоторой степени, пассивное отношение Правительства. Посылаю также два последних номера «Исторического вестника», в них много интересного.

Сегодня утром получили твою телеграмму, где ты говоришь, что Беби лучше, и что она гуляет в саду.

Мы ужасно испугались твоей телеграммы насчет Грусса и даже хотели сами ехать, но решили дожидаться следующей телеграммы, которая нас и успокоила. Ирина всю ночь не спала, плакала. Нестле² нигде нельзя достать. Только нашли Mellings food³ и 2 корочки бисквитов.

Ужасно тяжело было без известий. Теперь как раз очень много дела, и трудно уехать, но, я думаю, через 2 недели мы двинемся в путь.

С лазаретом все идет хорошо, никаких историй, и он постепенно ликвидируется. Корнеев тебе все подробно расскажет. Ты просила прислать фотографию Ирины с отцом, но она уложена в кладовой, и достать нельзя.

Как ни ужасно кажется все, что тут происходит, но когда знаешь все подробности, то смотришь на всё другими глазами.

Меня больше всего беспокоит фронт, но все уверены, что, когда и там будут открыты глаза, то они отомстят немцам за всю интригу.

Тут такая ненависть к большевикам, что на улице солдаты ловили их и растерзывали⁴ на куски. Половцов не уходит, так как выяснилось, что не он виноват, что не использовали всю свою власть, а что это ему мешал Львов.

¹ Неожиданный маневр (?) (*фр.*).

² Так в тексте.

³ Фирма по производству специального питания для больных.

⁴ Так в тексте.

Он очень популярен в войсках, и они просили его оставить. Керенский становится с каждым днём всё энергичнее.

Что касается республики, то это *во всех отношениях* очень хорошо. К сожалению, не могу многого писать, но могу тебя уверить, что всё идет пока по-моему, за исключением фронта. Но и там скоро всё уладится, я в это глубоко верю.

О нас не беспокойся, мы в полной безопасности, сидим дома, и нас охраняют.

Бимбо стал часто приезжать и звать нас к себе на завтраки с разными иностранцами. Познакомил с Шульгиным¹, очень интересный. Вообще живем очень интересной жизнью.

Крепко вас всех целую. Наверное, Беби теперь уже совсем здорова. Дай Бог.

Феликс

Поздравляем Папа с именинами и крепко его целуем.

Казаки прямо негодуют и требуют <K>ing'a.

Л. 15–17 об.

6.

16 июля 1917

Дорогая Мама,

У нас сидит [В.?] Орбелиани и мы все сидим и слушаем. Она ужасно нас встревожила рассказами про болезнь Беби. Сердце Ирины, как матери, было более чутким, чем мое. Она все время беспокоилась и хотела ехать. Я же все время ее удерживал и говорил ей, что если бы было что-нибудь серьезное с Беби, то ты бы нас написала. Зная, как ты всегда беспокоишься и смотришь на все мрачно, и, получая телеграммы, в которых не было ничего угрожающего, я был совсем спокоен.

Бедная маленькая, как ей не везет, только начала крепнуть, как опять заболела, и нам, бедным, сколько волнений.

¹ Шульгин Василий Витальевич (1878–1976). Русский политический деятель, публицист. Из дворян. Во время Февральской революции – член временного комитета Государственной думы. 2 марта 1917 г. предъявил императору требование думы об отречении от престола. После Октябрьского переворота выступал как противник советской власти. Участник создания Добровольческой армии. Был в эмиграции до 1944 г.

Напрасно вы не переехали в Москву и Архангельское. Там так хорошо и спокойно, и мне было бы удобнее, чаще мог бы к вам приезжать.

Сейчас прислали письма от князя Эристова. Все твои поручения исполню и на днях пришлю Гнутова. С ним подробно напишу. Сейчас не успею, так как Арсеньев уезжает через час.

Тетя Аня меняет свою физиономию вправо и очень делается энергичной. Все это ненадолго. Надеюсь, будет назначен диктатор, но кто именно – неизвестно, Рузский, Алексеев и многие другие вызваны в Ставку. Ожидают большие перемены. Каледин выбран донскими и кубанскими казаками почетным атаманом с определенной тенденцией. Не беспокойся насчет Бимбо, мы с ним очень осторожны и ничего лишнего не говорим. Нам же он рассказывает много интересного.

Видим очень интересных людей. Завтра будет Н. Н. Львов¹, он тебе страшно бы понравился. Большая умница.

Будь спокойна за Гюгюса, он очень осторожен и стоит от всего совсем в стороне.

Крепко-крепко вас всех целую. На днях напишу подробно.

Спроси [Папа?], можно ли передать вещи, посланные с Верой, Михаилу Ивановичу для пересылки. Частные лица не берутся. Только чтоб об этом не рассказывали, так как это частная сделка между Михаилом Ивановичем и мной. Вера вещи дала мне, и она не знает, кому я хочу передать. Ответ телеграфирую. Читать никто ничего не будет.

Л. 18–19 об.

7.

21 июля 1917 г.

Дорогая Мама,

Начинаю тебе это письмо под очень грустным впечатлением от того, что происходит. Тебе мои телеграммы, наверное,

---

¹ Львов Николай Николаевич (1867–1944), русский политический деятель, крупный землевладелец, юрист. Депутат I, III, IV Государственной думы. Один из основателей партии прогрессистов. Эмигрировал в 1920 г.

непонятны. События идут страшно быстро и каждый день меняют свою физиономию, поэтому и содержание телеграмм все время разноречивое, то тетя Аня безнадежно больна, но она поправляется. Так как под именем тети Ани подразумевается только Правительство, то это на самом деле так и есть. Что же касается других событий, то они с каждым днем принимают все более и более угрожающие размеры. На фронте полная разруха. Если верить в чудеса, то может быть еще удастся обуздать обезумевшую толпу. Смерть Эрдели произвела на всех удручающее впечатление.

В военном мире говорят, что для реорганизации армии понадобится от 2-х до 3-х месяцев, и что тогда начнется серьезное наступление.

Я в это больше не верю, и ужасная катастрофа надвигается быстрыми шагами. До осени еще как-нибудь дотянем, а вот когда наступят продовольственный, промышленный и финансовые кризисы, то, я думаю, независимо от того, будет ли крепкая власть в стране или нет, она все равно полетит к черту, так как очевидно, вся народная злоба выльется на то правительство, которое будет у власти в ту минуту. Поэтому, чем правительство будет левее до наступления этого момента, тем это будет лучше.

Пишу тебе уже поздно вечером. События этого дня шли с быстротой кинематографического фильма. Днем распространился слух, что Керенский ушел. В 10 часов вечера назначено было заседание в Зимнем дворце. Присутствовали члены не существующего уже Правительства, представители Думы во главе с Родзянко и представители Советов рабочих и солдатских депутатов. Более 2-х часов ждали Керенского, но он исчез. Переполох был страшный. Делаем все возможные предположения. Только поздно ночью узнали, что он уехал в Царское.

История Чернова еще не совсем выяснена, но утверждают, что он действует заодно с Германским штабом. В виду этих слухов ему пришлось подать в отставку. Якобы для реабилитации, Керенский настаивал на привлечении в Правительство кадетов, но его партия не захотела, тогда он сам подал в отставку, надеясь, что тогда пойдет на уступки. Результат еще неизвестен. Завтра буду продолжать.

22 июля

Тревожный день, полный неизвестностей¹. Заседание в Зимнем дворце длилось до утра. Говорят, оно произвело удручающее впечатление. В Малахитовом зале собралось около 100 представителей всевозможных партий. $\frac{3}{4}$ из них были евреи. После долгих ненужных речей все-таки ни к чему не пришли.

Социалисты не хотят уступать, а кадеты не желают входить в Правительство, в котором находится Чернов.

Предложили Совету рабочих и солдатских депутатов взять всю власть на себя, но они отказались.

Решили послать делегацию к Керенскому, который переехал в Финляндию. Весь день никаких известий, только к вечеру было решено просить Керенского составить новый кабинет из социалистов и расследовать дело Чернова. Если последний оклеветан², то немедленно вернуть его к власти. Против него есть непровержимые доказательства, что он не лучше Ленина. Меня несколько не удивит, если Керенский тоже окажется из той же компании. Так что теперь у нас будет социалистическое правительство. Оно, очевидно, и получит всю силу народного гнева, который разразится при самом начале голода. Хотя с фронта самые удручающие известия, тем не менее, я видел одного полковника, который только что приехал от Корнилова, и который говорит, что у них полная уверенность, что если в тылу образуется сильная власть, а Корнилову предоставить *carte blanche*³, то *все еще* можно будет спасти. Дай Бог, будем верить и надеяться. Жалею, что не могу многого писать. Когда увижу, все расскажу. Модные слова «чем хуже, тем лучше» повторяются очень усиленно последние дни и людьми весьма умными и не оптимистами. Вообще тут так интересно, все, что видишь и слышишь, что если бы не вы, то мы ни за что бы не приехали бы.

Сейчас мне сказали по телефону, что Эрдели не убили, что вся эта история – сплошной вымысел. Родзянко я еще не видел. На днях хочу к нему заехать и узнаю про Бонёра⁴.

¹ Так в тексте.

² Так в тексте.

³ Неограниченные полномочия (*фр.*).

⁴ Великий князь Николай Николаевич-младший.

Грусс – в деревне, я ему написал, но ответа еще не получил <нрзб.> нигде достать нельзя. Обещают в скором времени получить. Ты, пожалуйста, не думай, что Гюгюс стремится вверх. Наоборот, он отлично сознает, что все равно на этом месте он скоро сорвется и борется с этим очень сильно. Бимбо тоже не надо бояться. Он все равно от Гюгюса ничего не узнает. Скажи Марии Федоровне, что ее комнаты в Гатчине никем не заняты и не будут заняты. Там идет теперь перенос всех вещей. Самое опасное теперь – это контрреволюционное движение, которое может вызывать огромные осложнения. Гюгюсу дана возможность сдерживать нежелательные элементы, и до сих пор ему что-то удавалось.

Н. Н. Львов был у меня, и мы с ним долго говорили, он тебе бы страшно понравился, такой умный и кристально чистой души человек.

Была у старого Горчакова, у Рославлевых. Ужасно жаль их, они прямо в ужасном положении, но ничего не хотят ни от кого брать и живут на то, что продают. Ее сестра – это живой труп, вся в ранах и ужасно страдает. Прямо сердце разрывается на части, когда все это видишь.

Были с Ириной в Царском, обедали у тети Палей¹, её сын Владимир² часто бывает у нас, и мы его очень полюбили. У него есть удивительные новые стихотворения. Маленькая Сухотина сегодня опять к нам переехала. Мы её ужасно полюбили. По вечерам она играет, и это большое наслаждение, её слушать.

Что касается лазарета, то ты напрасно так смотришь на этот вопрос. Слава Богу, что удалось так устроить, и это *во всех отношениях* хорошо. Через месяц обещают закончить часть ремонта, и тогда мы откроем две *офицерские* палаты.

Персонал весь обновится, и дело пойдёт совсем иначе.

Крепко-крепко вас всех целую, Феликс.

Л. 20–24 об.

¹ Палей Ольга Валериановна, урожд. Карнович (1865–1929), графиня Гогенфельзен (1904), княгиня (1915). Во втором мorganатическом браке с великим князем Павлом Александровичем. После его гибели эмигрировала.

² Палей Владимир Павлович (1896–1918), князь (1915), внебрачный сын великого князя Павла Александровича и О. В. фон Пистолькорс. Окончил ускоренные военные классы Пажееского корпуса. Служил в лейб-гвардии Гусарского полка. Поэт-любитель. Убит под Алапаевском. Канонизирован Русской православной церковью за границей.

8.

Петроград
24 июля 1917 г.

Был только что у тети Воти и передал ему письмо и фуфайку. Я очень боюсь, чтобы он вам не наделал бы хлопот, так как его здоровье очень плохо. Когда я пришел, то из-за занавески выглядывала голова его содержанки. Рыжая, толстая и некрасивая. Сегодня все утро сидел у меня Корнеев, очень расстроенный письмом Вержбовского. Письмо это он посылает Папа. Попроси Папа тебе его прочитать. Оно, конечно, очень обидное и оскорбительное, и Корнеев решил уходить. Мне долго пришлось его убеждать остаться и посоветовал написать Папа письмо, что он и сделал.

Сегодня был у тетки Зайцева, долго с ним говорил. Он смотрит на все очень оптимистически. Ненависть ко всему крайне левому до того всюду растет, что если что и случится, то результат обеспечен.

Хотят достать как можно больше доказательств причастности крайне левых к немецкой партии и шпионажу. Вот этим теперь очень многие заняты, и дело идет очень успешно. Наступление продолжается, но ничего грандиозного пока не будет.

Предполагают сначала ликвидировать все то, что мешает, а затем приняться серьезно за дело.

Вообще тут, ближе ко всему, все кажется совсем иначе. Умоляю тебя, не беспокойся. Я очень осторожен. Я был прав, когда меня так сюда тянуло. Я очень много уже сделал и продолжаю делать. Много интересного слышишь. Бимбо видим редко, но он очень за нами ухаживает, так как чутье у него хорошее. Прошное воскресенье ожидали резню. Конечно, ничего не было, но паника была ужасная. Все уехали из Петрограда во главе с Бимбо.

Передай Амама¹, что она может посылать вещи, только, конечно, с оказией, но не запечатанными, для передачи тезде Зайцева, который дал слово не рассматривать вещи и сам запечатывает, и пошлет сестре. Та будет делать то же самое. Это необходимая проформа

¹ Императрица Мария Федоровна.

осторожности, чтобы не подвезти тезку Зайцева. Он же человек порядочный, и не будет этим злоупотреблять.

Должен кончить, а то Михайлов опоздает. Крепко целую, Феликс.

В телеграммах запрещено писать «крепко целую» и тому подобные слова.

Л. 25–26 об.

Литература

Архив Феликса и Ирины Юсуповых. Переписка / авт.-сост. Н. Ганина. М., 2018.

Князь Феликс Феликсович Юсупов. Перед изгнанием. 1887–1919. М.: АО «Московский центр искусств», 1993.

Письма Преподобномученицы великой княгини Елизаветы Федоровны / сост. Т. В. Коршунова, Е. Н. Понкротова, О. С. Трофимова. М.: Православное сестричество во имя Преподобномученицы Елизаветы, 2019.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА, СОДЕРЖАЩИЕ СВЕДЕНИЯ О МОСКОВСКОМ ЮСУПОВСКОМ ДВОРЦЕ

Постников Андрей Владимирович (составитель)
Государственный музей-заповедник «Архангельское»,
Московская область, городской округ Красногорск

Аннотация. Материал представляет собой перечень изданий, содержащих сведения о московском дворце Юсуповых. В большинстве случаев эти издания посвящены не дворцу, а более широким темам (работ, специально посвященных памятнику, на сегодняшний момент крайне мало). Список состоит из трех разделов: 1) литература; 2) источники; 3) справочные издания и энциклопедии.

Ключевые слова. Московский дворец Юсуповых. Библиография. Литература. Первоисточники. Научные статьи. Монографии. Справочные издания.

LIST OF LITERATURE AND SOURCES CONTAINING INFORMATION ABOUT MOSCOW YUSUPOV PALACE.

Andrew V. Postnikov (compiler)
Arkhangelskoye State reserve and museum,
Moscow Oblast, District as the town of Krasnogorsk

Annotation. The material is a list of publications containing information about the Moscow Yusupov Palace. In most cases, these publications are devoted not to the palace, but to broader topics (for the time being, there is only a few works devoted to the monument in particular). The list consists of three sections: 1) literature; 2) primary sources; 3) reference books and encyclopedias.

Keywords. Moscow Yusupov Palace. Bibliography. Literature. Primary sources. Science articles. Monographs. Reference books.

I. ИСТОЧНИКИ

- Архив Феликса и Ирины Юсуповых. Переписка / авт.-сост. Н. Ганина. М.: б.и. [Музей «Наша эпоха»], 2018. С. 74–76.
- Берхгольц Фридрих Вильгельм*. Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1726 / вступ. ст. И. В. Курукина; коммент. К. А. Залесского, В. Е. Климанова, И. В. Курукина. М.: Кучково поле; Ретроспектива, 2018. С. 258, 329–331, 396, 424, 466, 468–469, 511.
- Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Сост., вводная ст. и коммент. Н. В. Козловой. М.: Изд-во Московского ун-та, 2002. (Тр. ист. ф-та МГУ: Вып. 23. Сер. I. Исторические источники: 4). С. 67–69.
- Дашкова Е. Р.* Записки княгини Дашковой. Письма сестер М. и К. Вильмот из России / сост. Г. А. Веселая. М.: МГУ, 1987. С. 369.
- Князь Феликс Юсупов. Мемуары. В 2 кн. До изгнания. 1887–1919. В изгнании / пер. с фр. Е. Кассировой. М.: ЗАХАРОВ, 2001. С. 36, 66–67, 235–236.
- Крапивин М. Ю., Шапошник В. В.* «Вам дается возможность открыть библиотеку Ивана Грозного». Оперативные материалы Главного управления государственной безопасности НКВД СССР об очередной попытке обнаружения легендарного библиотечного собрания (июль – август 1937 г.) // Петербургские славянские и балканские исследования. 2018. № 1 (23). Январь – июнь. С. 115–125.
- Локкарт Р. Б.* История изнутри. Мемуары британского агента / пер. с англ. М.: Новости, 1991. С. 283–284.
- Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы по определению Московской Городской Думы, собранные и изданные Иваном Забелиным. Ч. 2. М.: Моск. гор. дума, 1891. С. 519.
- Москва. Актовые книги XVIII столетия. Т. XII. М.: Типография А. Г. Кольчугина, 1893. С. 215.
- Материалы для истории московского купечества. Т. I. Прил. 3. М.: Типо-Литография Н. И. Куманина, 1891. С. 17, 24.
- Переписи московских дворов XVIII столетия. М.: Городская типография, 1896. С. 92–104.
- Переписные книги города Москвы. Составлены в 1739–1745 годах. Т. V. VII. Части: Сретенская и Яузская. М.: Моск. гор. дума, 1881. Стб. 22, 36–37.
- Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: Новые источники по истории России эпохи Петра Великого: в 3 ч. / изд. подгот. Т. А. Базарова, Ю. Б. Фомина; сост., вступ. ст., коммент.

- Т. А. Базаровой. – СПб.: Изд. дом «Мирь», 2011. Ч. I. 1706–1713. С. 174–176, 204–206; Ч. II. 1714. С. 392–396.
- Сборник императорского русского общества. Т. 63. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1726–1730 / под ред. Н. Ф. Дубровина. Т. III. (январь–июнь 1727 г.). СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1888. С. 512–513; Т. 69. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1726–1730 / под ред. Н. Ф. Дубровина. Т. IV. (июль–декабрь 1727 г.). СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1889. С. 716, 745, 760–761.
- Частное строительство в Москве и Подмоскowie. Первая четверть XVIII в. Подрядные записи / Сост., авт. вступ. ст., очерков и коммент. М. В. Николаева. В 2 т. – М.: Едиториал УРСС, 2004. (История русской архитектуры: новые материалы.). Т. 1. С. 270–271, 285.
- 25% из Юсуповских ценностей мне крайне нужны // Источник. Документы русской истории. 2000. № 5. С. 89–95.
- [Kamer-fur'erskii] походный журнал 1723 года. СПб.: б.и., 1855. С. 2.

II. ЛИТЕРАТУРА

а) Литература до 1917 г.

- Архитектурные памятники Москвы / ред. и текст И. Е. Бондаренко. Вып. 2 и 3. Эпоха Петра I, эпоха Елизаветы, эпоха Екатерины II. М.: Издание художественной фототипии К. А. Фишер, б.д. [1906]. С. 23.
- Грабарь И. Э.* История русского искусства. Т. II. Архитектура. До-петровская эпоха (Москва и Украина). М.: Изд-во И. Кнебеля, б.г. [1911]. С. 292, 294.
- Дунин А.* Сокольничий дворец Грозного в Москве (Теперь кн. Юсуповых) // Столица и усадьба. № 16–17. 1 сентября 1914 г. С. 17–20.
- Московские святыни и памятники. Краткие исторические сведения о московских соборах, монастырях, древних церквях, памятниках и замечательных зданиях. М.: Синодальная типография, 1903. С. 100–101.
- Потанов А. А.* Очерк древней русской гражданской архитектуры. Вып. 2. М.: Типография Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1903. С. 159–161, Таб. XXII, XXIII.
- Путеводитель по Москве, изданный Московским архитектурным обществом для членов V Съезда Зодчих в Москве / под ред. И. П. Машкова. М.: Московский архит. об-во; Тов-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1913. С. СХСVIII.

- Пыляев М. И.* Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1891. С. 274, 286–287, 291.
- Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества / составлена А. Мартыновым. Текст И. М. Снегирева. Изд. 2, с доп. Год 2. М.: Полицейская типография, 1850. С. 90–96.
- Седая старина Москвы. Исторический обзор и полный указатель ее достопримечательностей / сост. И. К. Кондратьев. М.: Издание И. А. Морозова, 1893. С. 587–588.
- «Спутник Зодчего по Москве». Издание Московского архитектурного общества для членов 2-го Съезда русских зодчих в Москве / под ред. И. П. Машкова. М.: Московский архит. об-во: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1895. С. 48.
- Султанов Н. В.* Реставрация дома князей Юсуповых // Зодчий. 1893. № 5. С. 35–36.

б) Литература после 1917 г.

- Арендт В.* Военно-исторический музей в Москве. Б.м. [Москва]: Издательство «Военный вестник», 1926.
- Архитектурные ансамбли Москвы XV – начала XX веков: Принципы художественного единства / Т. Ф. Саваренская, И. А. Бондаренко, Д. О. Швидковский и др.; под ред. Т. Ф. Саваренской. – М.: Стройиздат, 1997. С. 161, 163.
- Буторов А. В.* Князь Николай Борисович Юсупов. Вельможа, дипломат, коллекционер. М.: Астрель, 2012. С. 568–576.
- Всесоюзная Академия сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина и ее задачи. Л.: Издание Всесоюзного Института Растениеводства, 1930. С. 3.
- Дворцы и усадьбы: Еженедельное издание. № 120. (Дворец Волковых – Юсуповых) / 2013. М.: Де Агостини, 2013.
- Дудина Т. А.* Новые сведения о владении князей Юсуповых в Большом Харитоньевском переулке // Архитектурное наследство. Вып. 76. М., 2022. С. 146–159.
- Жучков К. Б.* Книжная коллекция Военно-исторического музея в собрании Пушкинского заповедника: история одной уникальной коллекции // Библиофильские известия. № 20: Весна. М., 2014. С. 45–47.
- Жучков К. Б.* Книжные коллекции Псковской области: библиотека Д. В. Голицына в Пушкинском заповеднике // Псков: Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 40 / 2014. Псков, 2014. С. 210–211, 215, 220.

- Жучков К. Б.* Коллекция иностранных военных книг из фондов Пушкинского заповедника: к постановке гипотезы о происхождении // Пушкин и 1812 год: Материалы научно-практической конференции «Золотой век французской книги в России» (4–8 апреля 2012 года) и Михайловских Пушкинских чтений «Пушкин и 1812 год» (15–19 августа 2012 года): [сб. ст.]. Сельцо Михайловское, 2013. (Серия «Михайловская пушкиниана»; вып. 58). С. 11–13.
- Иванова В. И.* Другой Юсупов. Князь Н. Б. Юсупов и его владения на рубеже XVIII–XIX столетий. М.: Грифон, 2012. С. 73–77, 81–101.
- История русского искусства в 2-х томах. Учебник. Изд. 2, перераб. Т. 1. Искусство X – первой половины XIX века / под ред. М. М. Раковой и И. В. Рязанцева. М.: Изобразительное искусство, 1978. С. 96.
- История русской архитектуры: учеб. для вузов / Пилявский В. И., Славина Т. А., Тиц А. А., Ушаков Ю. С., Заушкевич Г. В., Савельев Ю. Р. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Стройиздат, 1994. С. 241.
- Краснобаева М. Д.* Галерея предков князей Юсуповых // Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства. Материалы XV и XVI научных конференций (25 ноября – 27 ноября 2009 г., 17 ноября – 19 ноября 2010 г., Москва). М., 2014. С. 74–79.
- Краснобаева М.* О серии портретных миниатюр рода князей Юсуповых работы А. П. Рокштуля из собрания Музея-усадьбы «Архангельское». Миниатюры из собрания Музея-усадьбы «Архангельское»: Научный каталог / Краснобаева М. Д., Руднева Л. Ю. М., 2022. С. 126–144.
- Москва. Памятники архитектуры XIV–XVII веков / М. А. Ильин (текст), ред. Т. В. Юрова. М.: Искусство, 1973. С. 83 (текст), 203–204 (фото с вклейки).
- Некрасов А. И.* Художественные памятники Москвы и городов Московской губернии. М.: Изд-во 1-го Московский гос. ун-та, 1928. С. 30.
- Памятники архитектуры Москвы. Земляной город / авт. коллектив: Ю. И. Аренкова, М. И. Домшляк, Г. И. Мехова, П. Б. Розентуллер, Е. В. Трубецкая. Ред. Т. В. Моисеева. М.: Искусство, 1989. С. 234–238.
- Перхавко В. Б.* Материалы о купеческом быте средневековой Москвы // Связь веков: исследования по источниковедению истории России до 1917 года: памяти профессора А. А. Преображенского: сборник статей / отв. ред. А. В. Семенова. М., 2007. С. 76.
- Петров Ф. А., Афанасьев А. К.* Военно-Исторический музей в Москве и его документальная коллекция (ОПИ ГИМ. Ф. 137) // Труды Государственного Исторического музея. Вып. 92. Письменные

- источники в собрании ГИМ. Ч. 3. Материалы по военной истории России / отв. ред. А. К. Афанасьев. М., 1997. С. 7–84.
- Пилишек И.* Возрождение Юсуповского дворца [Электронный ресурс] // Материалы о роде Юсуповых. <http://www.yusupov.org/vozrozdienie.html> (дата обращения: 10.03.2023).
- Постников А. В.* Военно-исторический музей в Москве (1919–1927 гг.): Первый опыт общероссийского музея истории отечественной армии // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XXV Международной научной конференции, 6–7 сентября 2021 г. / сост. И. В. Корнеев. Бородино, 2022. С. 278–293.
- Постников А. В.* Музеи в московских палатах Юсуповых в Харитоньевском пер. (1919–1927 гг.): архивные исследования // История и культурное наследие Москвы, Подмосковья и Крыма в документах архивов Москвы и Подмосковья: Материалы архивно-краеведческой научно-практической конференции (Москва, 19 мая 2021 г.) [Электронное сетевое издание] / отв. ред. А. Г. Смирнова, сост. К. А. Смирнова. М., 2022. С. 119–134. <https://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2022/06/istoriya-i-kulturnoe-nasledie-moskvu.pdf> (дата обращения: 08.02.2023).
- Постников А. В.* Музей имени А. П. Чехова в Москве (1921–1925 гг.) // Пятые Воскресенские чтения. «Библиотеки и краеведение: опыт и традиции. Чеховские памятные места, музеи и библиотеки». 8 декабря 2021 г. / Истринская центральная библиотека имени А. П. Чехова (МУК «Истринская ЦБС»); под общ. ред. Т. В. Вартановой. Истра; М., 2022. С. 97–107.
- Постников А. В.* Юсуповский управляющий в Москве М. И. Перов // Архангельское. Материалы и исследования, музеефикация и изучение художественных коллекций / под общ. ред. К. Г. Боленко. М., 2022. С. 206–225.
- Рахматуллин Р. Э., Таценко С. Н.* Палаты барона П. П. Шафирова – графа П. А. Толстого – князя Г. Д. Юсупова (Москва). Юсуповы палаты – «палаты боярина Волкова» [Электронный ресурс] // Институт Петра Великого. Свод петровских памятников России и Европы. <https://petersmonuments.ru/russia/memorials/palaty-barona-p-p-shafirova-grafa-p-a-tolstogo-knyazuza-g-d-yusupova-moskva/> (дата обращения: 08.02.2023).
- Романюк С. К.* В поисках пушкинской Москвы. М.: Профиздат, 2000. С. 80–82.
- Романюк С. К.* О семье Пушкиных в Москве в 1801–1803 гг. // Временник Пушкинской комиссии. 1981. Сб. науч. трудов. Л., 1985. С. 133–134.
- Савельев Ю. Р.* «Настоящий русский дом» в Москве // Архитектура и строительство Москвы. 2007. № 2. С. 33–38.

- Савельев Ю. Р.* Н. В. Султанов – архитектор З. Н. и Ф. Ф. Юсуповых // Русская усадьба: сборник Общества изучения русской усадьбы. № 9 (25) / науч. ред.-сост. М. В. Нащокина. М., 2003. С. 334–380.
- Савельев Ю. Р.* Николай Владимирович Султанов. Портрет архитектора эпохи историзма. СПб.: Фонд «Спас», Лики России, 2009. С. 147–156, 218–245, 328–330.
- Савельев Ю. Р.* Николай Султанов / Ю. Р. Савельев. М.: Издательский дом Руденцовых, 2015. С. 205–245.
- Стародубцева А.* Русские дневники. Ч. 2. Архнадзор. 2012. 24 апреля. [Электронный ресурс]. <https://www.archnadzor.ru/2012/04/24/russkie-drevniki-2/> (дата обращения: 10.03.2023).
- Стеллецкий И. Я.* Мертвые книги в московском тайнике. М.: Московский рабочий, 1993. С. 10, 15, 161.
- Сытин П. В.* Из истории московских улиц (очерки). М.: Московский рабочий, 1948. С. 200.
- Сытин П. В.* История планировки и застройки Москвы. Материалы и исследования / Труды музея истории и реконструкции Москвы. Т. 1. 1147–1762. М.: Московский рабочий, 1950. С. 293; Т. 2. 1762–1812; М.: Московский рабочий, 1954. С. 450.
- Тиц А. А.* Русское каменное жилое зодчество XVII века. М.: Наука, 1966. С. 44, 144, 150, 155, 181, 182, 191, 219, 222, 224, 226, 277, 292, 293, 300, 301, 302, 345–347, 349, 350.
- Юдин Е. Е.* Князья Юсуповы: Аристократическая семья в поздней имперской России: 1890–1916. М.: РГГУ, 2012. С. 168, 170, 105–200, 207–208, 215.
- Юсуповский дворец в Москве / Н. Смирнов, Д. Пархоменко. Б.м., б.и., б.г. [2000-е гг. (?)]
- Юсуповы палаты. Большой Харитоньевский переулок, 21, стр. 4 [Электронный ресурс] // Красная книга Архнадзора <https://redbook.archnadzor.ru/map#/193> (дата обращения: 10.03.2023).

III. СПРАВОЧНИКИ И ПУТЕВОДИТЕЛИ

а) Справочная литература и путеводители до 1917 г.

- Адресная и справочная книга города Москвы на 1894 год. XXIII год издания «Адрес-календаря гор. Москвы», издававшегося Московскою Городскою Управой / под ред. Игнатова. Ч. I. М.: Издание А. С. Суворина, 1895. Стб. 359.

- Адрес-календарь города Москвы на 1884 г. (с планом города). Год тринадцатый / изд. испр. и доп. П. М. Мартыновым. М.: Городская типография, 1883. С. 477.
- Адрес-календарь Москвы, изданный по официальным сведениям к 1 января 1874 г., в пользу московских детских приютов, состоящих под непосредственным Их Императорских Величеств покровительством / под ред. А. В. Крестовоздвиженского. М.: Университетская Типография (Катков и К^о), 1874. Отд. III. С. 30, 256.
- Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1895 год. XXIV год издания «Адрес-календаря гор. Москвы», издававшегося Московскою Городскою Управой / под ред. Д. Игнатова. М.: Издание А. С. Суворина, 1895. Ч. I. Стб. 333. Ч. II. С. 216. [См. также последующие одноименные издания за 1896–1917 гг.]
- Москва. Путеводитель / под ред. Е. А. Звягинцева, М. Н. Коваленского, М. С. Сергеева и К. В. Сивкова. С 54 иллюстр., 6 планами и 4 диаграммами. М.: Издание Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1915. С. V, 196, 336.
- По Москве. Прогулки по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям / под ред. Н. А. Гейнике, Н. С. Елагина, Е. А. Ефимовой, И. И. Шитца. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1917. С. 268.
- Табель о домах Яузской части. Б. м. [Москва]: б. и., б. г. [1820-е гг.]. С. 1.
- Указатель жилищ и зданий в Москве, или адресная книга. М.: Типография Августа Семена при Имп. Мед.-хирургич. академии, 1826. С. 151.
- Указатель московских церквей / составил М. Александровский. – М.: Русская Печатня (аренд. Б. В. Казаревский), 1915. С. 52.
- Указатель улиц и домов столичного города Москвы. М.: Типография при канцелярии московского обер-полицмейстера, 1882. С. 721.

б) Справочная литература и путеводители после 1917 г.

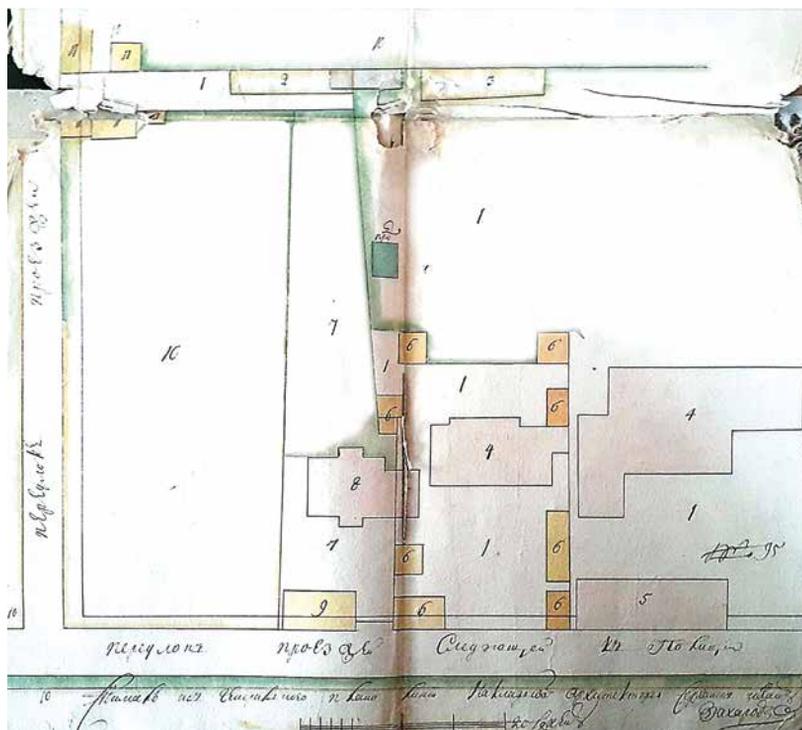
- Басманный район Москвы. Путеводитель / Г. Билялитдинова, А. Тарасов. М.: Новая элита, 2016. С. 285–290.
- Бусева-Давыдова И. Л. и др.* Москва: Архитектурный путеводитель / И. Л. Бусева-Давыдова, М. В. Нащокина, М. И. Астафьева-Длугач. М.: Стройиздат, 1997. С. 451–452.
- Бусева-Давыдова И. Л., Нащокина М. В.*, при участии Астафьевой-Длугач М. И. Архитектурные прогулки по Москве. М.: Ворон, 1996. С. 181–182.
- Васькин А. А.* Путешествие по пушкинской Москве. М.: Этигма, 2021. С. 19–37.

- Васькин А. А.* Узнай Москву: Исторические портреты московских достопримечательностей. М.: Этерна, 2018. С. 11–74.
- Вострышев М. И., Шокарев С. Ю.* Вся Москва от А до Я. Энциклопедия. М.: Алгоритм, 2011. С. 146.
- Вострышев М. И., Шокарев С. Ю.* Москва. Все культурные и исторические памятники: Энциклопедия. М.: Алгоритм; Эксмо, 2009. С. 77–78.
- Вся Москва. 1924. Адресная и справочная книга с приложением нового плана г. Москвы. М.; Пг.: Государственное издательство, 1924. С. 117. [См. также последующие одноименные издания за 1925–1929 гг.]
- Двинский Э. Я.* Москва. Краткий путеводитель. М.: Московский рабочий, 1971. С. 179–180.
- Двинский Э. Я.* Три часа в Москве. Маршрут экскурсии: Комсомольская площадь – улица Кирова – улица 25 Октября – Красная площадь. М.: Московский рабочий, 1978. С. 9–11.
- Иконников А. В.* Каменная летопись Москвы: Путеводитель. М.: Московский рабочий, 1978. С. 199–200.
- Ильин М., Моисеева Т.* Москва и Подмосковье. Справочник-путеводитель. М.: Искусство, 1979. С. 256, ил. 146.
- Ильин М. А.* Москва. М.: Искусство, 1963. С. 111–112.
- Москва: Энциклопедия / гл. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 484.
- Романюк С. К.* Из истории московских переулков: Путеводитель. М.: Московский рабочий, 1988. С. 239–240.
- Романюк С. К.* Переулки старой Москвы. История. Памятники архитектуры. Маршруты. М.: Центрполиграф, 2021. С. 688–691.
- Словарь архитекторов и мастеров строительного дела Москвы XV – середины XVIII века / ред. коллегия: И. А. Бондаренко, И. Л. Бусева-Давыдова, С. В. Клименко, М. Н. Николаева. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 159.
- Сорок сороков. Т. 2. Москва в границах Садового кольца: Китай-город, Белый город, Земляной город, Замоскворечье / авт.-сост. П. Г. Паламарчук. – М.: АО «КНИГА И БИЗНЕС»; АО «КРОМ», 1994. С. 478–480.
- Трофимов В. Г.* Москва. Путеводитель по районам. Изд. 2-е, доп. М.: Моск. рабочий, 1976. С. 235.

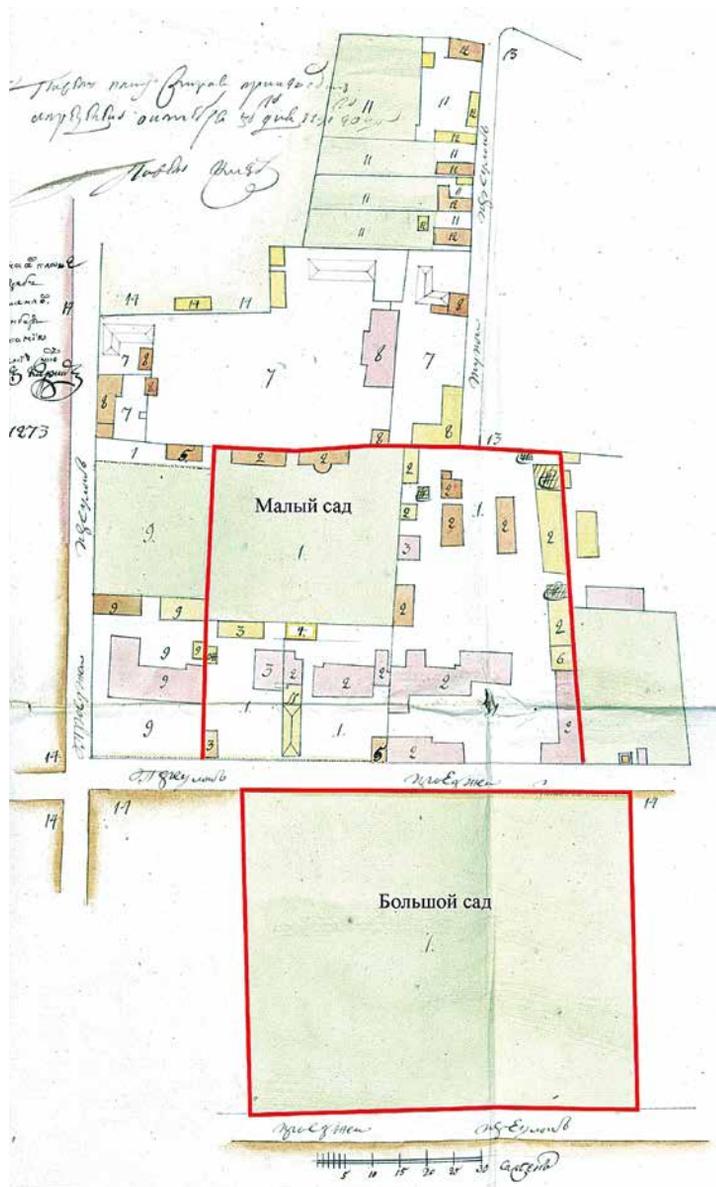
ИЛЛЮСТРАЦИИ

к статье А. Д. Шаховой

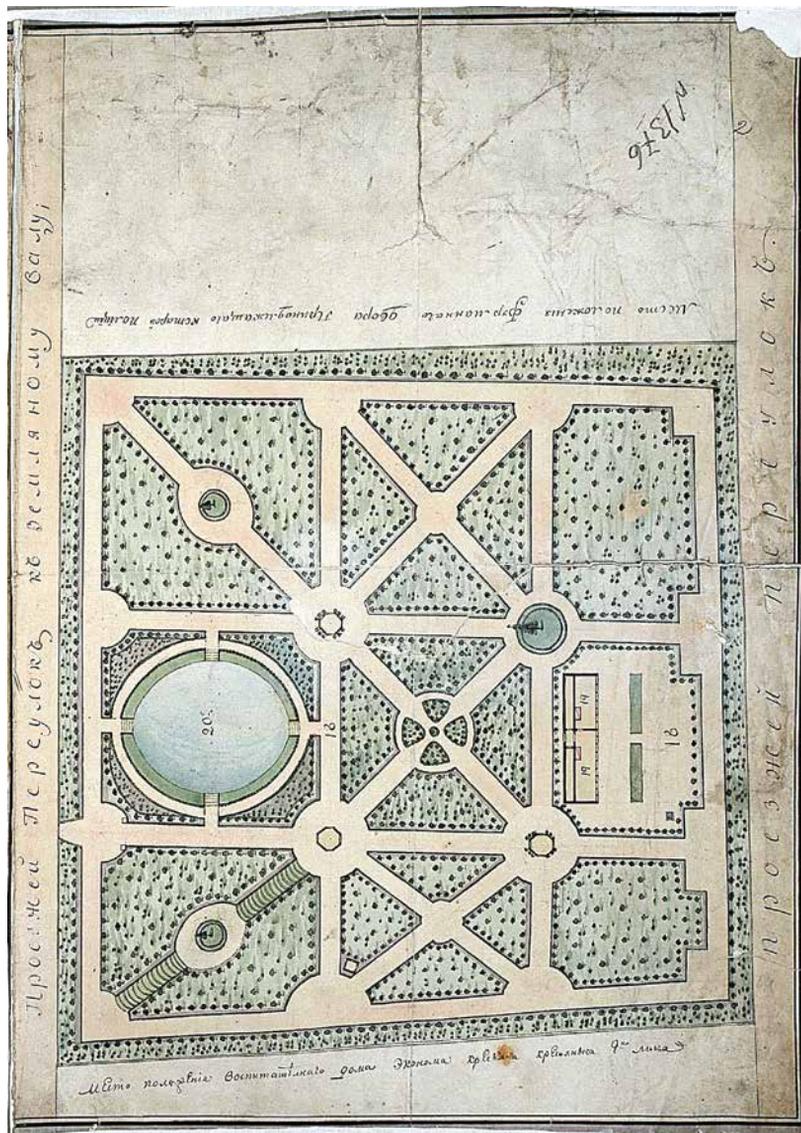
«Организация садовой зоны в усадьбе Н. Б. Юсупова в Большом Харитоньевском переулке и ее трансформация в музейно-парковый комплекс в первой четверти XIX века»

Ил. 1. План владений по северной стороне Б. Харитоньевского переулка 1777 г. РГАДА

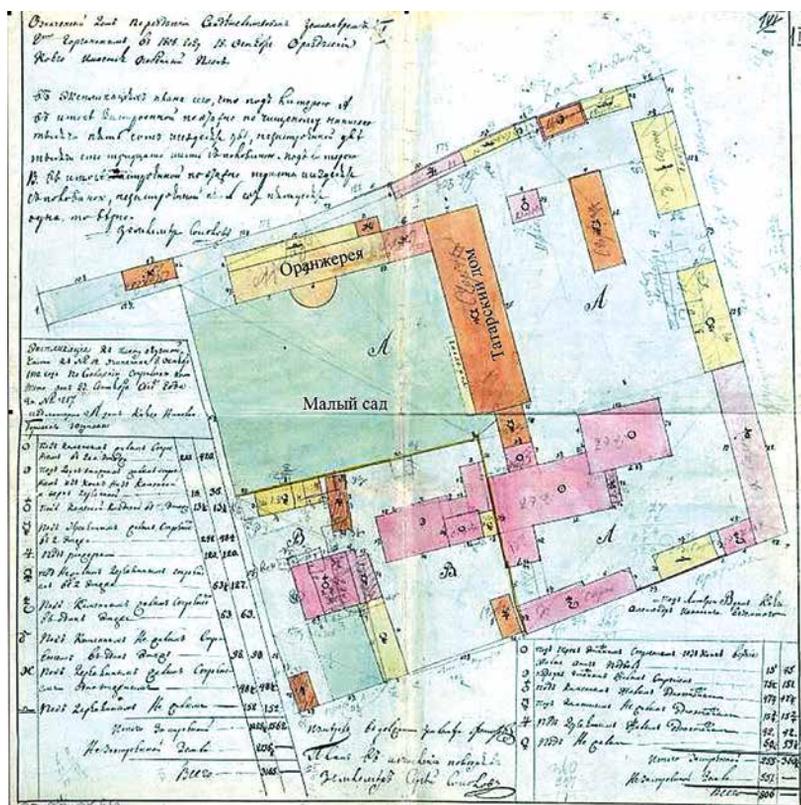

Ил. 2. Генеральный план усадьбы князя Н. Б. Юсупова
с обозначением Малого и Большого садов
1791 г. ЦГА Москвы

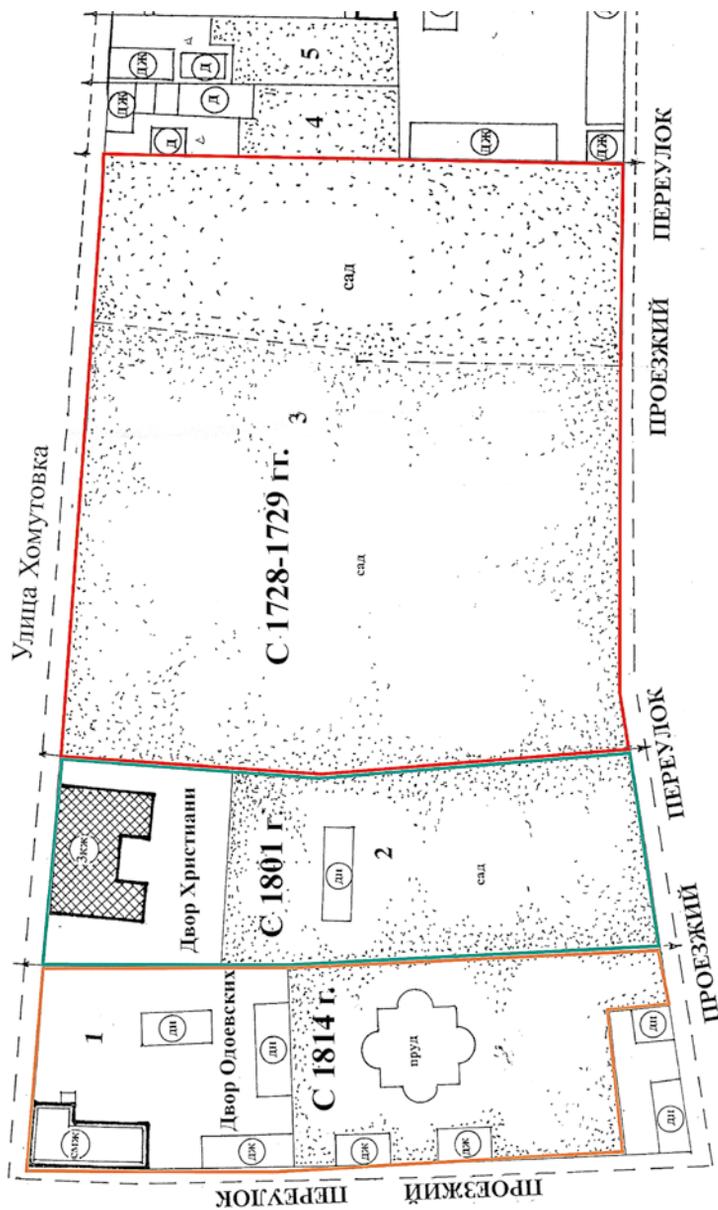

Ил. 3. План Большого сада князя Н. Б. Юсупова
1799 г. РГАДА

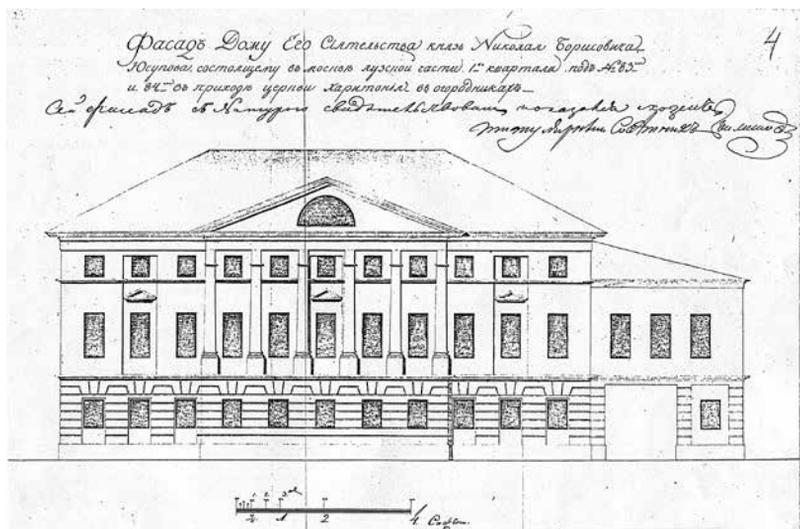
Ил. 5. План северной части усадьбы князя Н. Б. Юсупова с обозначением Татарского дома и новой оранжереи 1808–1809 гг. ЦГА Москвы

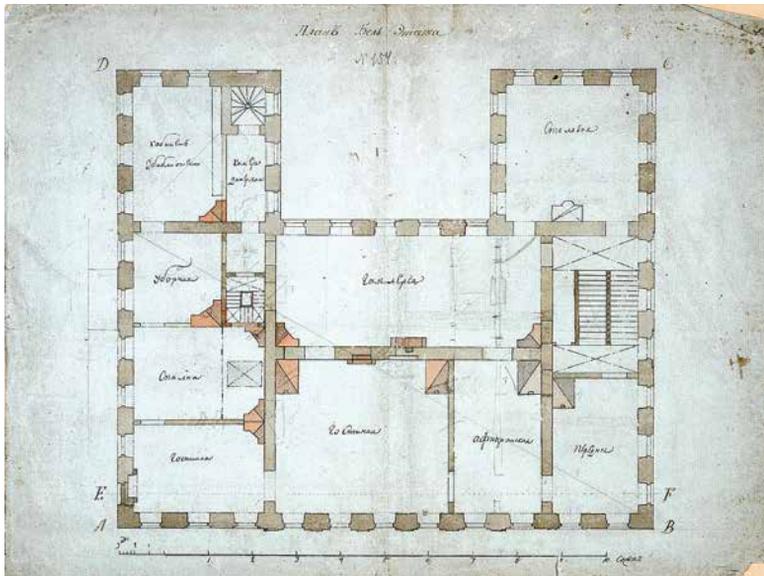
Ил. 6. План-схема южной части усадьбы Юсууловых с обозначением границ исторических участков 1720-х гг., 1802 г., 1814 г.
Составлена автором

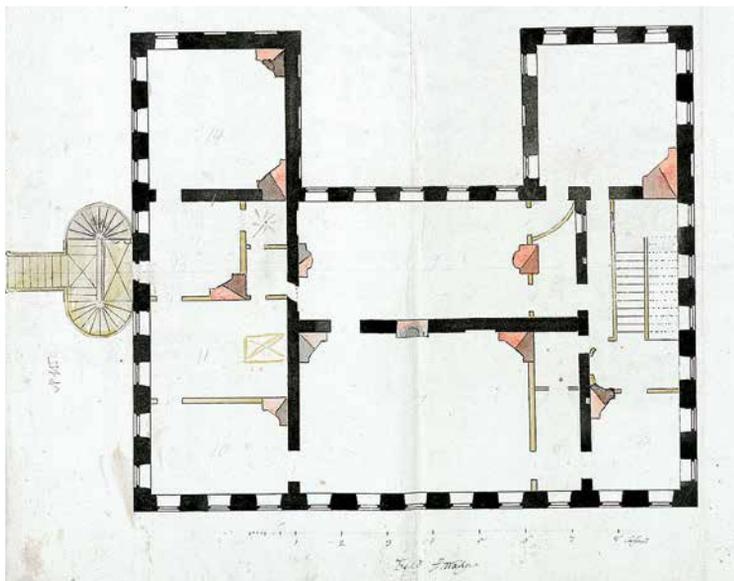
Ил. 7. План южной части усадьбы князя Н. Б. Юсупова. 1814 г. РГАДА

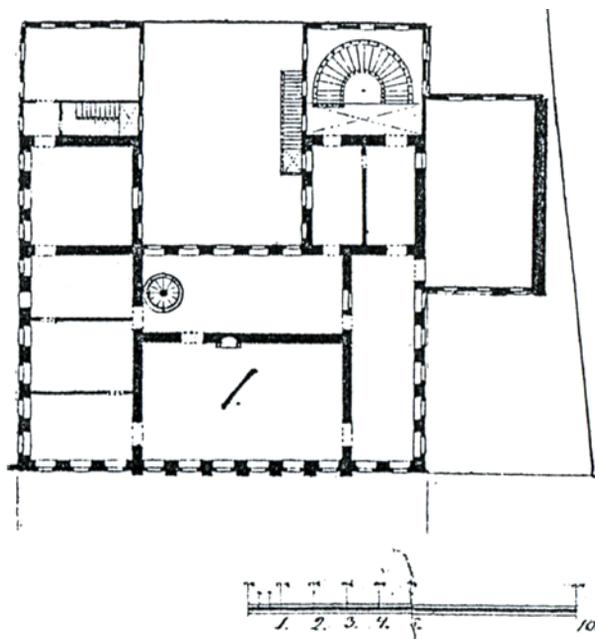
Ил. 8. Фасад Красного дома. 1814 г. ЦГА Москвы

Ил. 9. План 1-го варианта бельэтажа Красного дома. 1814 г. РГАДА

Ил. 10. План 2-го варианта бельэтажа Красного дома. 1814 г. РГАДА

Ил. 11. План 3-го варианта бельэтажа Красного дома. 1814 г. ЦГА Москвы

Ил. 12. Вид корпусов дворца Юсуповых, встроенных в ансамбль Работного дома. Фото 2018 г.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

к статье Н. М. Сорокиной

«Дом Юсуповых в Большом Харитоньевском переулке: реконструкции и реставрации памятника в XIX–XX веках и в начале 2000-х годов»

Ил. 1. Дом князя Юсупова в Б. Харитоньевском переулке

Фото И. Ф. Барщевского 1885–1886 гг. Из кн.: *Шелаев Е. П.* Москва в старых фотографиях: конец XIX – начало XX века. СПб.: Лики России, 2009.

Ил. 2. Дом князей Юсуповых в Б. Харитоньевском переулке
после благоустройства внутреннего двора по проекту В. Д. Померанцева.

Дворовый (северный) фасад

Фото 1898–1899 гг. Из кн.: *Савельев Ю. Р.* Николай Владимирович Султанов. Портрет архитектора эпохи историзма. СПб., 2009.

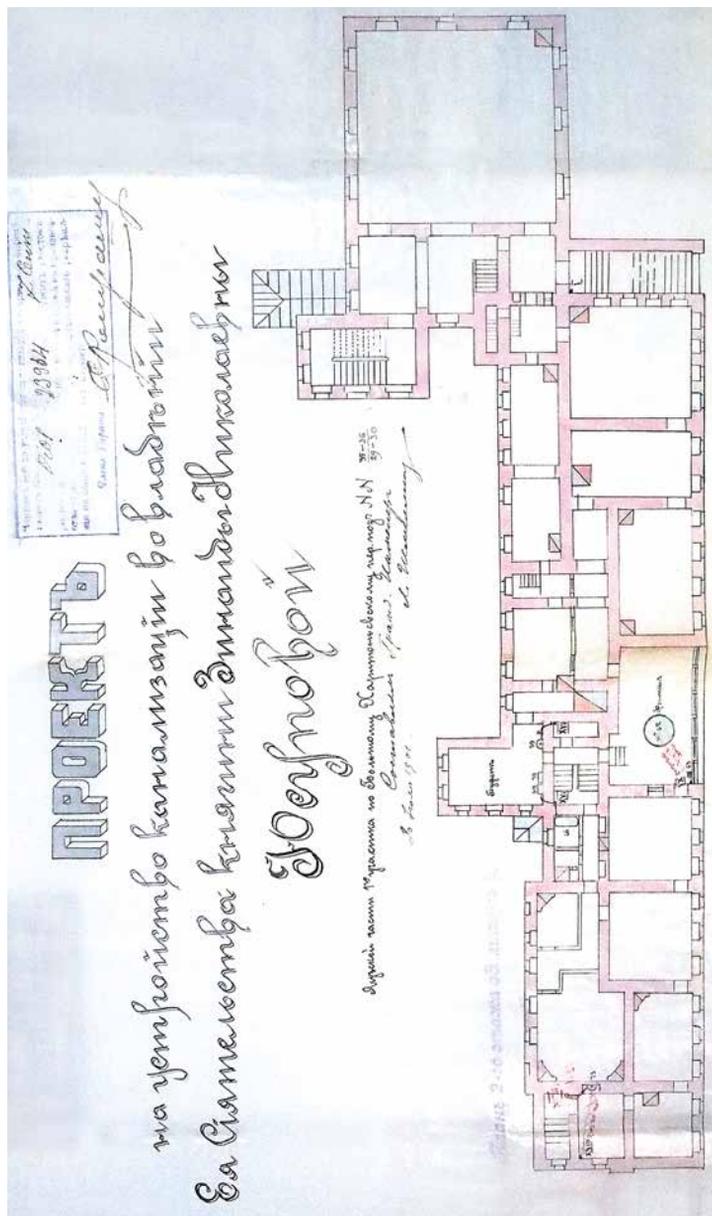
Ил. 3. Дом князей Юсуповых в Б. Харитоньевском переулке. Дворовый (северный) фасад во время реставрации Н. В. Султанова. Фото 1890-х гг. Музей-заповедник «Архангельское»

Ил. 4. Дом князей Юсуповых в Б. Харитоньевском переулке после реставрации Н. В. Султанова. Парадная лестница. Марш на площадку второго этажа
Фото О. Ренара 1890-х гг. Музей-заповедник «Архангельское»

Ил. 5. Дом Юсуповых в Б. Харитоньевском переулке. Восточные палаты. Львы на парадной лестнице
1999 г. Архив Департамента культурного наследия г. Москвы

Ил. 6. Проект на устройство канализации во владении Ея Святельства княгини Зинаиды Николаевны Юсуповой. Яузской части 1-го участка по Б. Харитоньевскому пер. под №№ 35-36/29-30. План 2-го этажа
Мосводоканал. Архив РКС № 2

Ил. 7. Военно-исторический музей в Москве (Восточные палаты). Музейная экспозиция в «Гербовой» комнате
Из кн.: Арндт В. В. Военно-исторический музей в Москве. М.: Военный вестник, 1926

**Ил. 8. Интерьер Восточных палат. Белокаменные ступени
Парадной лестницы в процессе реставрации**

Фото 1957 г. Из научно-реставрационного отчета (РГАЭ. Ф. 8390. Оп. 1. Д. 4547)

**Ил. 9. Интерьер Восточных палат. Роспись стены верхней площадки
парадной лестницы в процессе реставрации**

Фото 1957 г. Из научно-реставрационного отчета (РГАЭ. Ф. 8390. Оп. 1. Д. 4547)

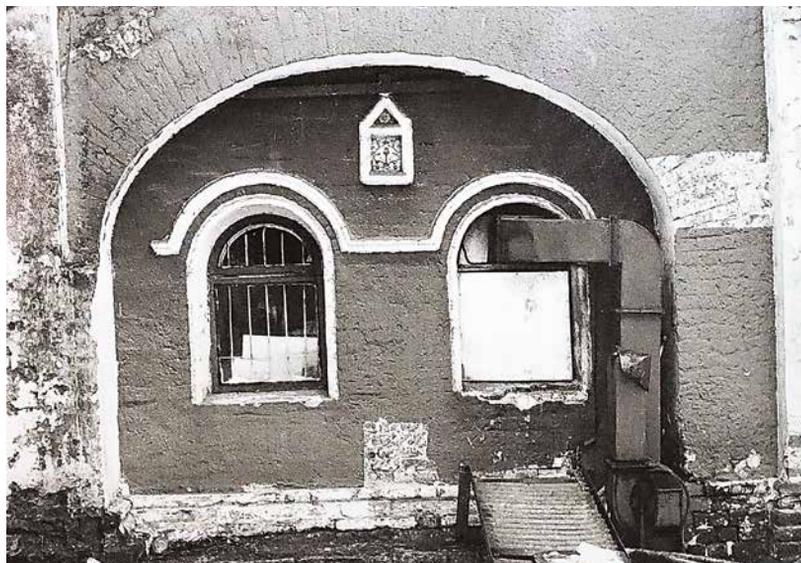
**Ил. 10. Интерьер Восточных палат. Фрагмент рельефной росписи
Грбовой в процессе реставрации**

Фото 1957 г. Из научно-реставрационного отчета (РГАЭ. Ф. 8390. Оп. 1. Д. 4547)

**Ил. 11. Интерьер Восточных палат. Реставрация росписи стен
в помещении с лестницей у входа в церковь**

Фото 1957 г. Из научно-реставрационного отчета (РГАЭ. Ф. 8390. Оп. 1. Д. 4547)

Ил. 12. Дом Юсуповых в Б. Харитоньевском переулке. Восточные палаты.
Заложенный арочный проезд под Столовой палатой
1999 г. Архив Департамента культурного наследия г. Москвы

Ил. 13. Дом Юсуповых в Б. Харитоньевском переулке. Восточные палаты.
Витражи окон Столовой палаты
1999 г. Архив Департамента культурного наследия г. Москвы

ИЛЛЮСТРАЦИИ

к статье С. В. Гнутовой, Ю. Р. Савельева

«Подносное блюдо Юсуповых к 300-летию дома Романовых»

Ил. 1. Князь Ф. Ф. Юсупов граф Сумароков-Эльстон
и княгиня З. Н. Юсупова в русских костюмах
Фото 1903 г. Из открытых источников

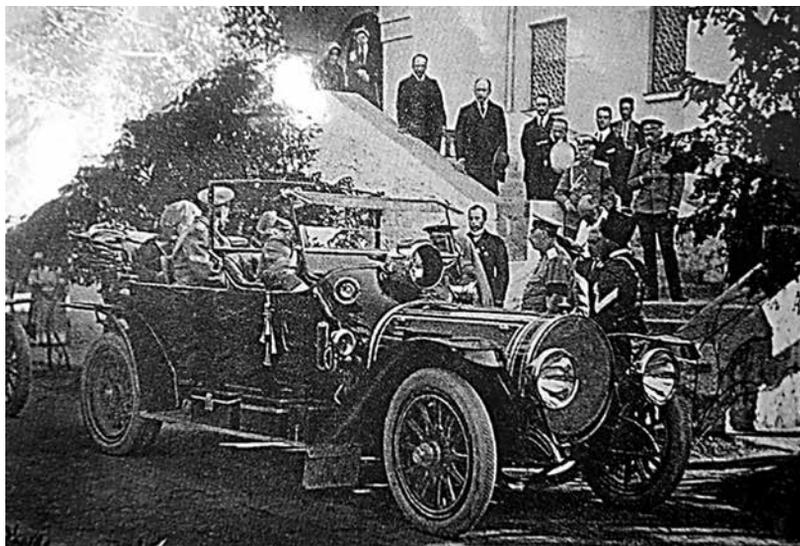
Ил. 2. Л. А. Пяновский. Подносное блюдо к 300-летию дома Романовых, выполненное по заказу князя и княгини Юсуповых 1913 г. Частное собрание

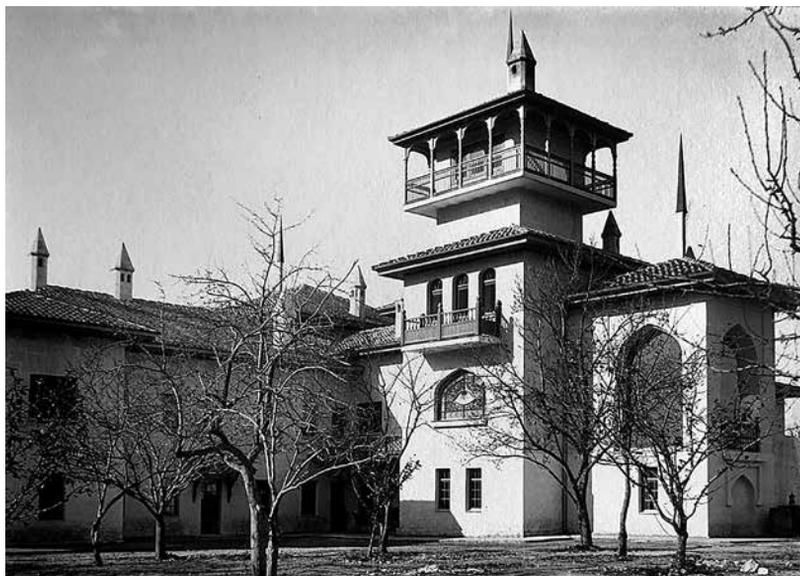
Ил. 3. Клеймо Л. А. Пяновского среди растительного орнамента на металлической части борта блюда

Ил. 4. Слова из посвятельной надписи «От деревни Коккозѡ Богатырской волости», разделенные кабошонами из полудрагоценных камней и набранные древнерусским шрифтом

Ил. 5. Приезд императора Николая II в Коккоз.
Фото 1910-х гг. Из открытых источников

Ил. 6. Дворец князей Юсуповых в Коккозе.
Архитектор Н. П. Краснов. Фото начала XX в. Из открытых источников

ИЛЛЮСТРАЦИИ

к статье Э.Д. Орлова

«Первые музеи А. П. Чехова в Москве:

в поисках своего места на карте столицы и в системе музеев России»

Ил. 1, 2. Экспозиция Московского государственного музея имени А. П. Чехова. 1924 г. ГМИРЛИ им. В. И. Даля

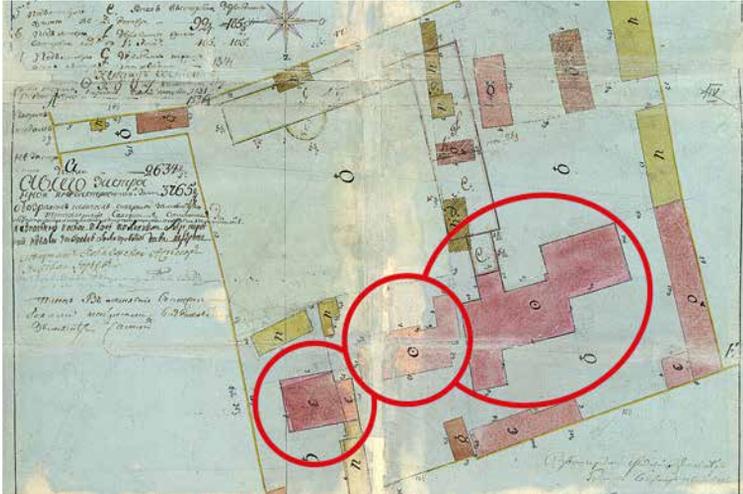

Ил. 3. Экспозиция Московского государственного музея имени А. П. Чехова. 1924 г. ГМИРЛИ им. В. И. Даля

ИЛЛЮСТРАЦИИ

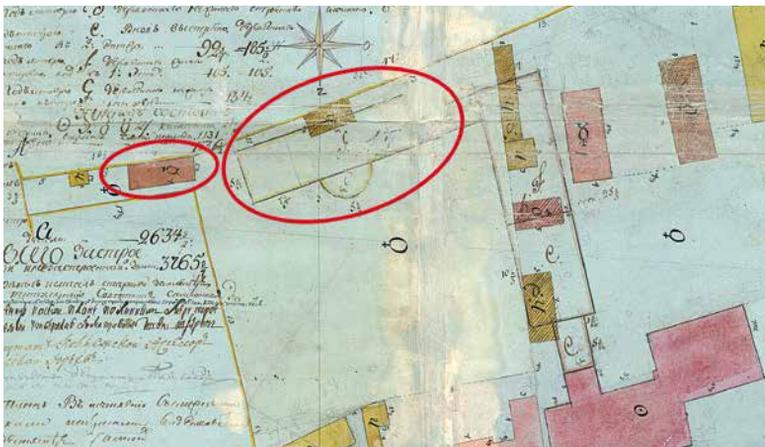
к статье Т. А. Дудиной

«Обзор материалов бывшего архива Строительного отделения
Московской городской управы по владению князей Юсуповых
в Большом Харитоньевском переулке»

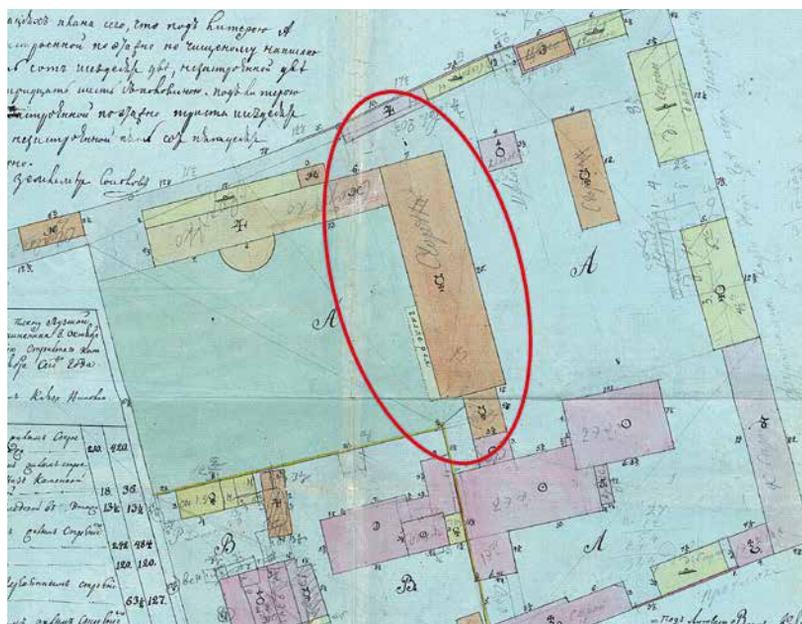
Ил. 1. План владения князей Юсуповых в Б. Харитоньевском переулке.
1803 г. ЦГА Москвы. ОХ НТД

Выделены три каменных дома конца XVII–XVIII в.,
приобретенные Юсуповыми в разное время.

Ил. 2. План владения князей Юсуповых в Б. Харитоньевском переулке.
1803 г. ЦГА Москвы. ОХ НТД,

Выделены оранжерея с полукруглым выступом и здание каразейной фабрики.

Ил. 3. План владения князей Юсуповых в Б. Харитоньевском переулке. 1808 г. ЦГА Москвы. ОХ НТД

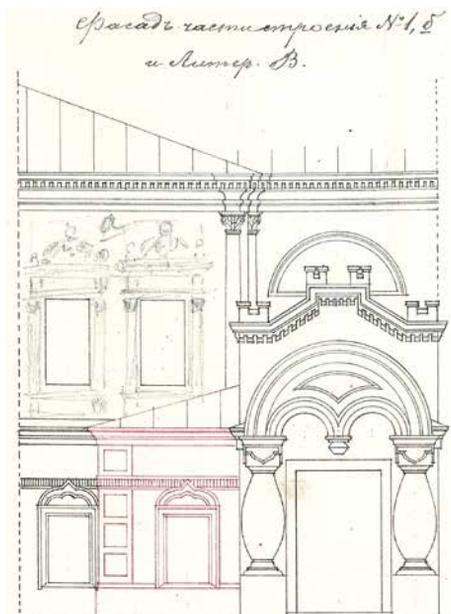
Выделен новый корпус библиотеки и картинной галереи.

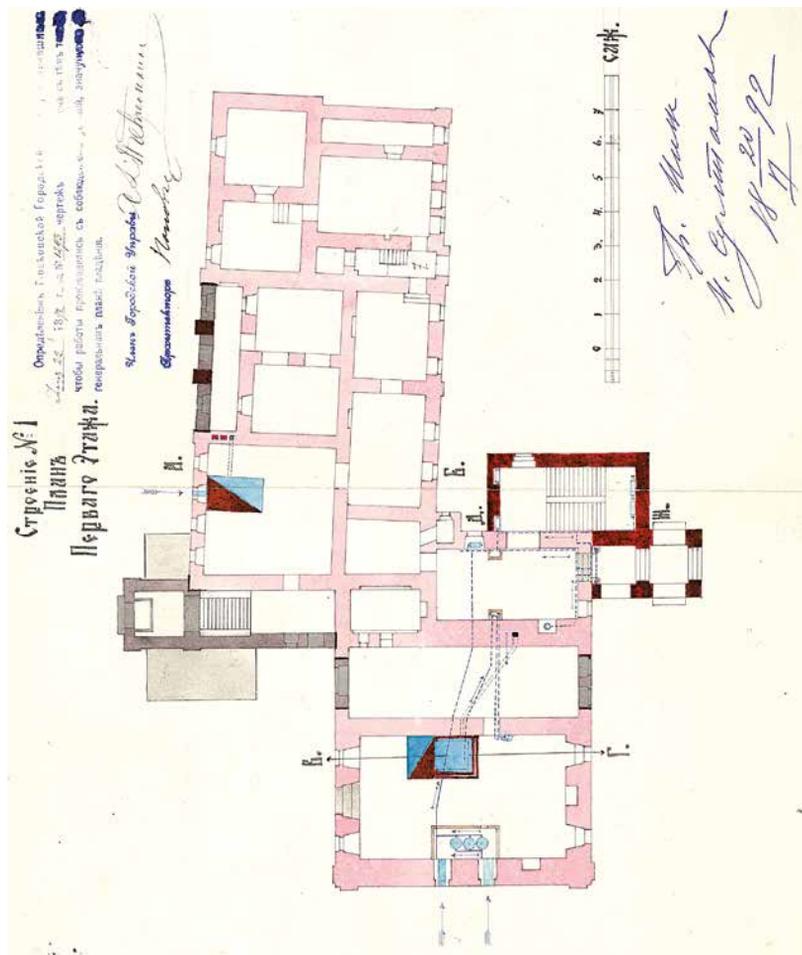
Ил. 4. А. Е. Эверт. Проект парадного крыльца. 1877 г. ЦГА Москвы. ОХ НТД

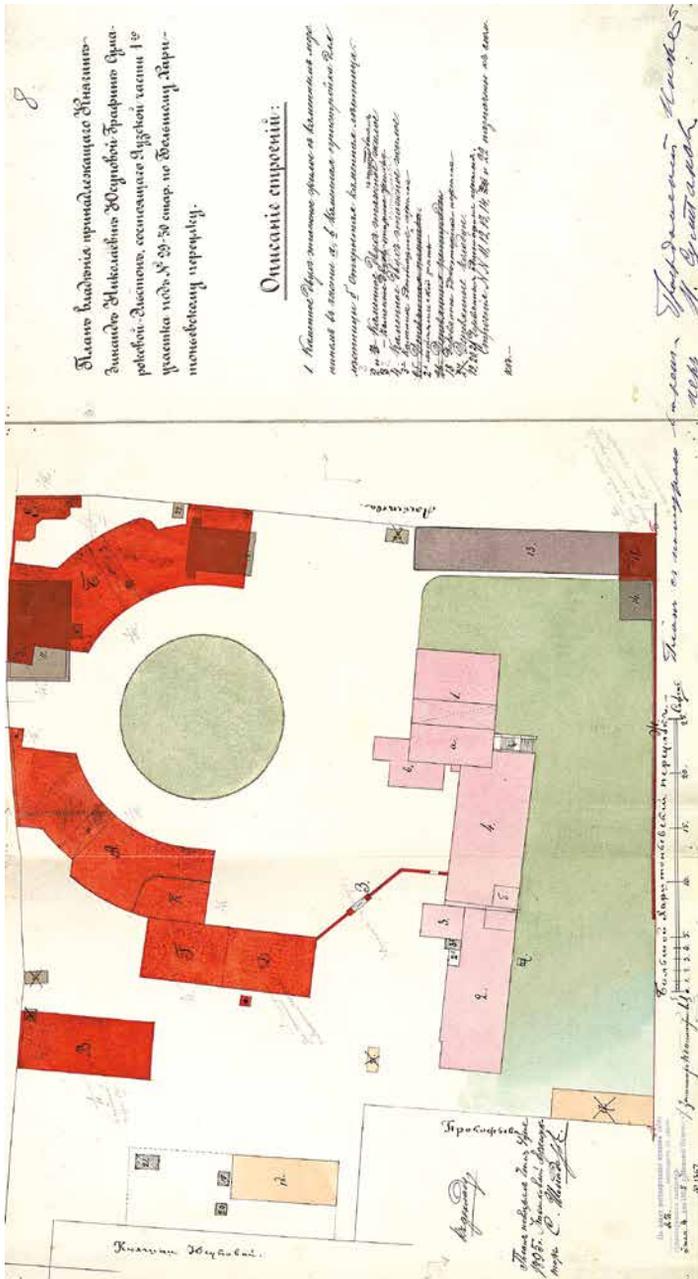
Ил. 5. М. Н. Гейпенер
Проект парадного крыльца
1877 г. ЦГА Москвы. ОХ НТД

Ил. 6. В. Д. Померанцев
Фрагмент перестройки
фасада левого дома
с пометками участкового
архитектора Г. П. Воронина
1891 г. ЦГА Москвы. ОХ НТД

Ил. 7. Н. В. Султанов
План первого этажа
правого дома.
Проект устройства
центрального отопления
1892 г
ЦГА Москвы. ОХ НГД

Ил. 8. Н. В. Султанов. Проект служебных корпусов, конюшни и ограды во владении князей Юсуповых в Б. Харитоньевском переулке. План. 1895 г. ЦГА Москвы. ОХ НГД

ИЛЛЮСТРАЦИИ

к статье Ю. Р. Савельева

«Интерьеры московских палат князей Юсуповых. 1891–1899 годы
(по дневнику архитектора Н. В. Султанова)»

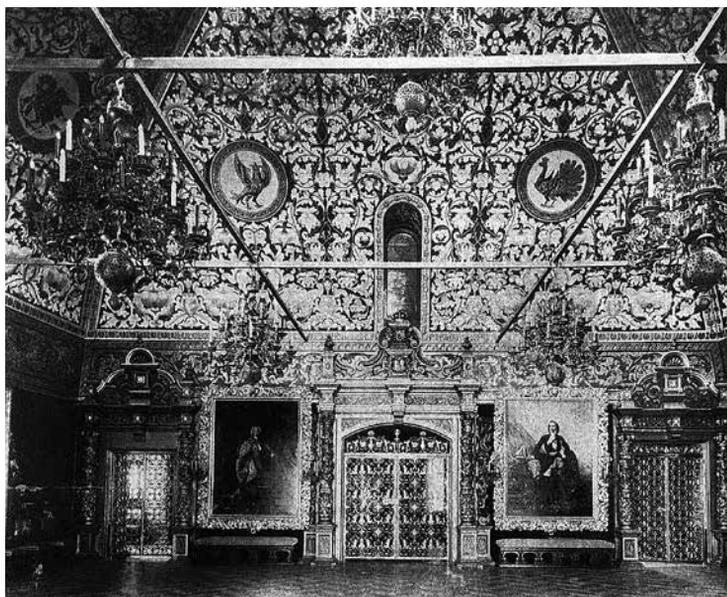
Ил. 1. Н. В. Султанов
Фото 1890-х гг. СПбГАСУ

Ил. 2. Сени во дворце князей Юсуповых. Фото 1890-х гг. ИИМК РАН

Ил. 3. Китайская гостиная (фрагмент). Фото 1890-х гг. ИИМК РАН

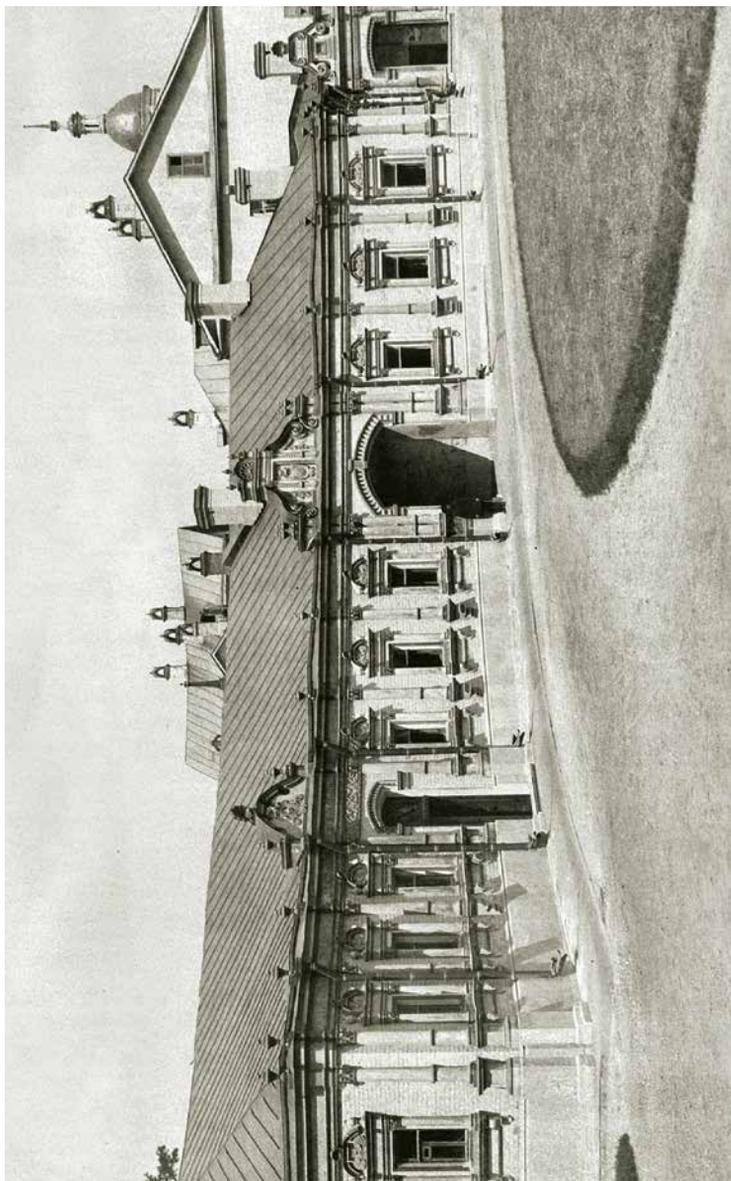
Ил. 4. Большая Столовая палата. Фото 1890-х гг. Из собрания автора

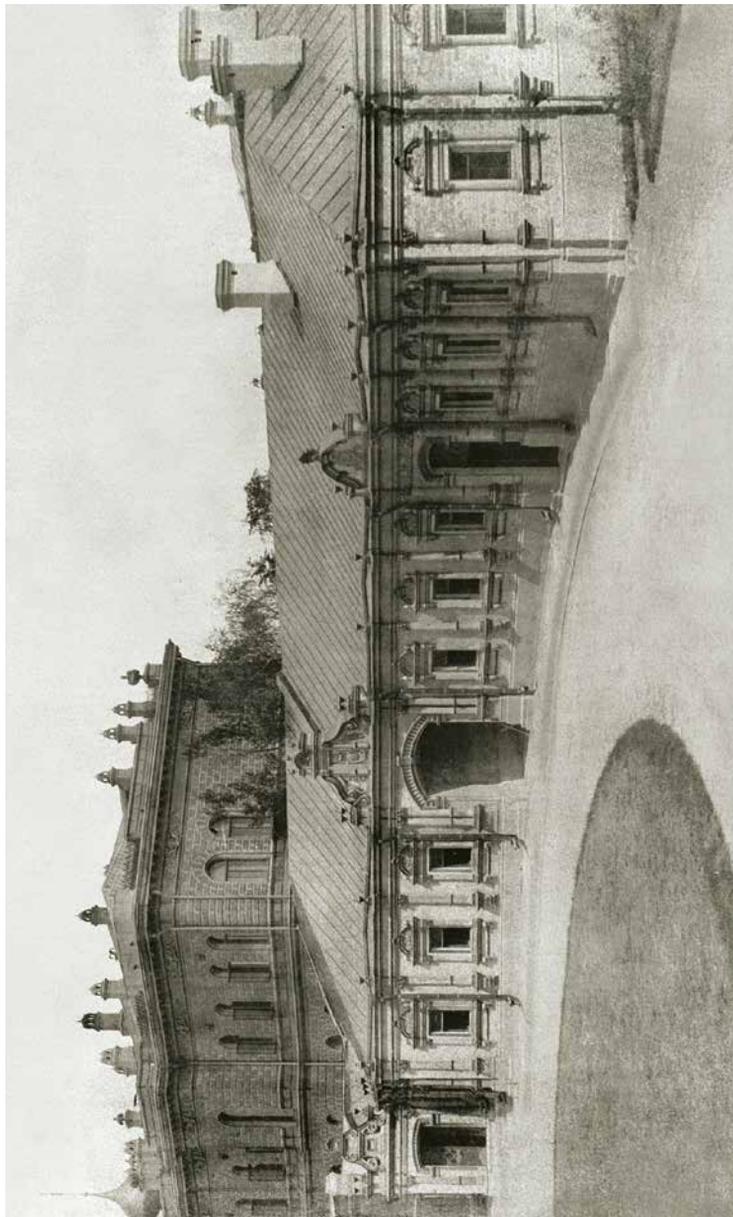
Ил. 5. Кабинет князя Ф. Ф. Юсупова. Фото 1890-х гг. ИИМК РАН

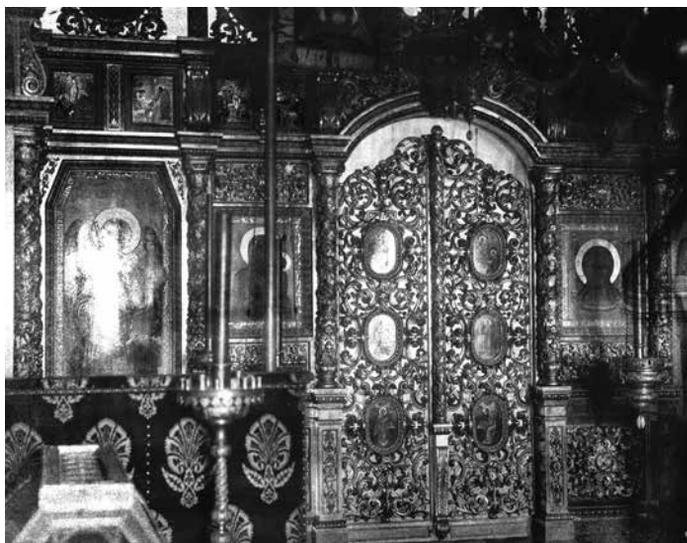
Ил. 6. Столовая во дворце князей Юсуповых. Фото 1890-х гг. ИИМК РАН

Ил. 7а. Султанов Н. В. Левый флигель парадного двора со стороны Трехсвятительского тупика
Фото 1890-х гг. ГИМ

Ил. 76. Султанов Н. В. Правый флигель парадного двора со стороны Трехсвятытельского тупика
Фото 1890-х гг. ГИМ

Ил. 8. Иконостас домовй церкви Свт. Николая Чудотворца и Св. вмц. Татианы во дворце князей Юсуповых (фрагмент)
Фото 1890-х гг. ИИМК РАН

Ил. 9. Соколиная комната во дворце князей Юсуповых (фрагмент)
Фото 1890-х гг. ИИМК РАН

ИЛЛЮСТРАЦИИ

к статье Л. Ю. Савинской

«Собрание живописи Московского дома князей Юсуповых.
1800–1840 годы: галерея и/или хранилище»

Ил. 1. Стефано Торелли. Венера и умирающий Адонис
Между 1762 и 1784 гг. Музей-заповедник «Архангельское»

Ил. 2. Пьер-Жак Волер. **Прогулка в гроте**
Конец XVIII в. Музей-заповедник «Архангельское»

Ил. 3. Пьетро Ротари
Поселянка
под деревом
Середина XVIII в.
Музей-заповедник
«Архангельское»

Ил. 4. Паоло Пагани. **Смерть Софонисбы**
Рубеж XVII и XVIII вв. Музей-заповедник «Архангельское»

Ил. 5. Джованни Паоло Панини. **Внутренний вид церкви Сан Джованни
ин Латерано в Риме.** Около 1750 г. ГМИИ им. А. С. Пушкина

Ил. 6. Франсуа Буше. **Геркулес и Омфала**
Между 1732 и 1734 гг. ГМИИ им. А. С. Пушкина

Ил. 7. Гербранд Янс ван ден Экхаут
Приглашение на ночлег жителем города Гивы Левита и его наложницы
1658 г. ГМИИ им. А. С. Пушкина

ИЛЛЮСТРАЦИИ

к статье С. Д. Алексева

«Об атрибуции некоторых портретов членов семьи Юсуповых
и портретов из собрания Юсуповых»

Ил. 1. Антонио Давид
Портрет неизвестной в образе Дианы
Конец 1710-х – начало 1720-х гг.
Музей-заповедник «Архангельское»

Ил. 2. Л. С. Миропольский
Портрет герцогини Евдокии Борисовны Бирон,
урожденной княжны Юсуповой
1770-е гг. Государственный Русский музей

Ил. 3. Л. С. Миропольский
Портрет Ивана Николаевича Римского-Корсакова
1780-е гг. Музей-заповедник «Архангельское»

Ил. 4. Йозеф Хикель
Портрет папы римского Пия VI
Вторая половина 1780-х гг. Музей-заповедник «Архангельское»

Ил. 5. Йенс Юль
Портрет неизвестной в белом платье и в красной шали
1800-е гг. Музей-заповедник «Архангельское»

Ил. 6. Д. И. Антонелли
**Портрет Прасковьи Павловны Юсуповой
в белом платье и красном тюрбане**
1821 г. Чувашский Государственный художественный музей

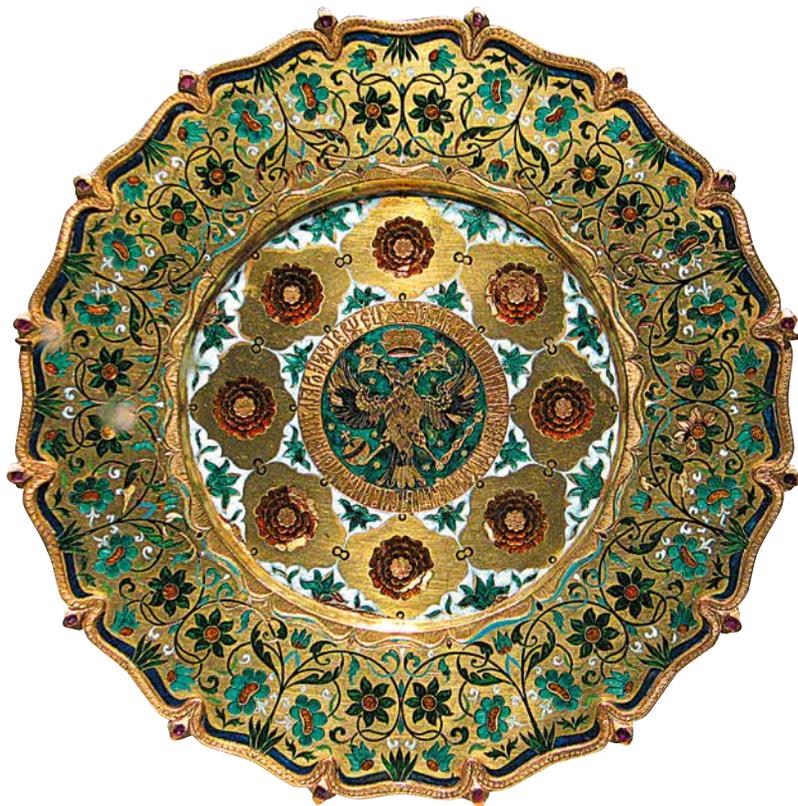
ИЛЛЮСТРАЦИИ

к статье Ю. Р. Савельева

Московские палаты Юсуповых в переписке князя Ф. Ф. Юсупова-младшего
и княгини З. Н. Юсуповой с архитектором Н. В. Султановым

Ил. 1. Н. В. Султанов. Тарелка для дворца князей Юсуповых в Москве:
«Московского, что в Огородниках, дома князей Юсуповых»
1892 г. Частное собрание

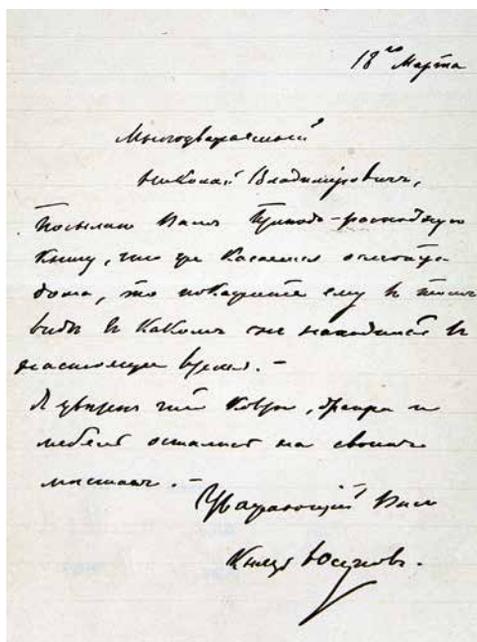

Ил. 2. Тарелка. Москва. 1667
Мастерские Московского Кремля,
мастера Леонтий Константинов и Иван Юрьев
Музеи Московского Кремля
Принадлежала царю Алексею Михайловичу.

Ил. 3. Федор Викентьевич
Веркмейстер,
московский антиквар
Из кн.: Из записной книжки
А. П. Бахрушина. М., 1916.

Ил. 4. Н. В. Султанов. Столовые приборы для московского дворца князей Юсуповых. Архив ИИМК РАН

Ил. 5. Письмо князя Ф. Ф. Юсупова архитектору Н. В. Султанову 18 марта [1893?] Архив ИИМК РАН

Ил. 6. Н. В. Султанов. Столовая командира лейб-гвардии Кавалергардского полка князя Ф. Ф. Юсупова. Фото начала XX в. Музей-заповедник «Архангельское»

Ил. 7. Бронислав Казимирович Правдзик, профессор Института гражданских инженеров императора Николая I
Фото начала 1890-х гг.
СПбГАСУ

Ил. 8. Князь Ф. Ф. Юсупов в окружении старших офицеров на фоне барельефа с символикой Кавалергардского полка. Санкт-Петербург (фрагмент)
После 1904 г.
Фото из архива автора

Научное издание

Архангельское. Материалы и исследования
Выпуск 6
Дворец Юсуповых в Москве

Редакционно-издательский сектор
Государственного музея-заповедника
«Архангельское»

Заведующая сектором – Н. П. Зимарина

Редактор – Н. П. Зимарина

Дизайн – А. В. Досаев

Цветокоррекция, ретушь – А. В. Досаев

Верстка – А. В. Досаев, А. В. Лазарев

ISBN 978-5-905966-35-8

9 785905 968358

143420, г.о. Красногорск, пос. Архангельское,
Государственный музей-заповедник
«Архангельское»

